

Кристен Эшли «Неудержимый мужчина»
Серия «Мужчина мечты#2»

Переведено для группы **Life Style ПЕРЕВОДЫ КНИГ**

Переводчик Мария Максимова (до 3 главы), Костина Светлана

Любое копирование текста без ссылки на группу ЗАПРЕЩЕНО! Перевод осуществлен исключительно в личных целях, не для коммерческого использования. Автор перевода не несет ответственности за распространение материалов третьими лицами.

Она готова к необдуманным поступкам...

Когда Тесса О’Хара заполняла витрину своей кондитерской, звякнул колокольчик, и она увидела мужчину своей мечты. Через тридцать секунд он пригласил ее выпить пива. Но после четырех месяцев свиданий она узнает, что он сотрудник Управления по борьбе с наркотиками, работающий под прикрытием, и расследует ее возможную причастность к наркобизнесу бывшего мужа. Для Тессы это значит, что между ними все кончено.

Но Брок не согласен. Он предан своей работе, но он влюбился в красивую женщину, такую же сладкую, как ее кексы, и сделает все возможное, чтобы вернуть ее. Между Тессой и Броком стоят их бывшие, один из которых наркобарон, полный решимости получить то,

что хочет. Когда Тесса угрожает опасность, сможет ли Брок нарушить правила, по которым жил, и отпустить свою необузданную сторону, чтобы защитить любимую женщину?

*Книга содержит реальные сексуальные сцены и нецензурные выражения,
предназначена для 18+*

Пролог

— О Боже, — выдохнула я, кончая. Мой мозг отключился, каждый дюйм тела напрягся, и меня охватило наслаждение, которого я не испытывала никогда раньше.

Когда меня отпустило, я медленно открыла глаза и увидела, что он все еще двигается надо мной, во мне. Боже, как же он хорош. Прекрасен. И дарит мне такие ощущения. Потрясающие.

Его великолепные серебристо-серые глаза не отрывались от моих, пылающий пристальный взгляд прожигал насквозь. Никогда до этого он не смотрел на меня так. Ни разу за четыре месяца, что мы были вместе.

И чувствуя жар его взгляда, я знала, что он означает. Знала, что этот мужчина, этот фантастический, поразительный, неудержимый мужчина принадлежит мне.

Мне.

Я знала это сердцем.

— Джейк, — прошептала я, еще крепче обнимая его, запустив пальцы одной руки в его густые, темные, непослушные волосы. При звуке своего имени он закрыл глаза, но сделал это так, словно ему больно.

Эм... что?

Он уткнулся лицом мне в шею и задвигался быстрее, резче. Его тяжелое дыхание опаляло мою чувствительную кожу, и мои мысли вернулись к его телу. Я провела ладонями по его спине и сильнее обхватила его ногами, сжимая его член в себе.

— Черт, Тесса, — прорычал он мне в шею, потом застонал и, продолжая двигаться, кончил. Я крепко держалась за него.

Он навалился на меня.

Я обняла его еще крепче.

Затем он вышел из меня и перекатился на спину. Глядя в потолок, он поднял руки, прижал ладони ко лбу и закрыл глаза.

Не к добру.

— Джейк? — тихо окликнула я.

— Что? — проворчал он совсем не тихо, не открывая глаз и не убирая рук.

Ладно, что происходит?

Неожиданно я почувствовала себя беззащитной и слишком открытой. Всего несколько секунд назад мне казалось, что я наконец нашла мужчину своей мечты, он здесь, в моей кровати, во мне, но сейчас радость от этой мысли испарилась. Я быстро отодвинулась и, схватив покрывало в ногах кровати, натянула его на свое голое тело.

— Все в порядке? — прошептала я.

— Ни хрена, — ответил он, и я замерла.

Он опустил руки и повернулся ко мне, взгляд его больше не был пристальным и пылающим.

Он был смущенным и... Я недоверчиво уставилась на него...

...полным сожаления.

О нет. О Боже. О черт. О нет.

Я натянула покрывало повыше, думая о том, что Марта оказалась права.

Проклятье. Она оказалась права.

Он опустил взгляд на мою руку, прижимающую одеяло к груди, и его глаза превратились в жидкую ртуть. Его лицо смягчилось, он повернулся ко мне и протянул руку, но тут зазвонил его телефон.

Его рука замерла, и он раздраженно буркнул:

— Твою мать.

Потом он откатился и потянулся за своими джинсами. Я пялилась на очертания его спины, блестящую от пота кожу, рельефные мышцы и думала, что это не для меня. Не для меня. Все это не для меня.

Я знала.

Я всегда это знала.

С того мгновения четыре месяца назад, когда его серебристые глаза встретились с моими. Он окинул взглядом ту часть моего тела, что можно было увидеть из-за витрины, а когда его глаза снова встретились с моими, улыбнулся, медленно и сексуально. И я поняла. Он не для меня.

Для меня не существовало мужчины мечты.

Но он был так красив, что я все равно решилась.

— Да? — спросил он в телефон, и я почувствовала, как изменилось его настроение, царапая мою кожу, словно наждачная бумага.

За четыре месяца, что мы были вместе, Джейк не скрывал свой характер. Никогда. Даже в начале. Если он злился, вы знали, что он злится. Если он был счастлив, вы точно знали, что он счастлив. Если он был игривым, раздраженным, расстроенным, веселым, рассеянным, довольным — любым, вы это знали, вы это чувствовали, как будто он управлял атмосферой в комнате.

И кто бы сейчас ни был на другом конце телефонной линии, он разозлил Джейка.

— Дай мне час, — сказал он в трубку, помолчал и продолжил: — Нет, чувак, говорю тебе, мне нужен час. — Снова молчание. — Твою мать, да ты изdevаешься. — Молчание. — Сейчас нельзя. — Очень недолгое молчание. — Говорю тебе, сейчас никак.

Он сел на край кровати, согнув спину и уперев локти в колени, и, прижимая телефон к уху, прорычал:

— Хорошо, мудила, но запомни, если облажаешься или обманешь ее, отвечать будешь передо мной.

Он захлопнул телефон и наклонился, чтобы взять джинсы, а потом объявил противоположной стене:

— Детка, мне надо идти.

Я закрыла глаза.

Ладно. Ладно.

Когда Джейк был не в настроении, вы это знали. А когда Джейку надо было идти, он уходил.

В этом не было ничего необычного.

Ладно, итак, мы встречались четыре месяца и сегодня в первый раз занялись любовью.

Конечно, это может показаться необычным, учитывая, что он настоящий мужчина, неудержаный мужчина, но он всегда был нежен со мной, очень нежен. Как будто

чувствовал, что мне нужно действовать не спеша. И мне действительно было нужно, видит Бог. Так что я не придавала этому значения.

Конечно, мы занимались петтингом, много. Очень много, и это было хорошо. Лучше всего. И он доводил меня до оргазма рукой, однако никогда не позволял мне трогать его таким образом, утверждая, что ему нравится смотреть и что он хочет быть внутри меня, когда я заставлю его кончить в первый раз. Я могла кончить только от этих слов. Но он никогда не был внутри меня. В сущности, и я никогда полностью не раздевалась при нем, до этого момента.

Поэтому любая девушка после всего времени, проведенного с неудержимым мужчиной, не похожим ни на одного мужчину, с которыми она была раньше, с неудержимым мужчиной, который смирял своего зверя, чтобы быть с ней нежным, ожидала бы, что после большого события он задержится.

Но не Джейк.

Я знала это про него.

Но дело было в другом.

И я тоже это знала.

— Тесс, — мягко окликнул он, и я открыла глаза.

Я была без очков и видела его несколько нечетко, но все равно знала, что он невероятно красив. Его образ выжжен у меня в мозгу, так что я знала, что никогда его не забуду.

— Да? — ответила я, глядя на него, теперь полностью одетого. Он уперся рукой в кровать и наклонился ко мне.

Я замерла, а он подвинулся ближе и стал четче.

— Надень очки, дорогая, — прошептал он. Я, должно быть, прищурилась, чтобы сфокусироваться на нем.

Я также знала, что Джейк ничего не упускает.

Я заставила себя отмереть и, по-прежнему прижимая к себе одеяло, перекатилась на бок, схватила с прикроватной тумбочки очки и нацепила их. Потом я перекатилась обратно к нему.

Теперь я видела его четко. Его глаза больше не были смущенными и сожалеющими. Они все еще были похожи на ртуть, но смотрели ласково. Когда он так смотрел на меня, я воображала, что он считает меня милой. По крайней мере я надеялась на это.

Ему нравилось, что я ношу очки. Он прямо мне это сказал. Сказал, что у него никогда не было женщины в очках. Сказал, что это как будто встречаться с милой и сексуальной школьной учительницей.

Я никогда в жизни не чувствовала себя сексуальной. До Джейка.

— Поговорим позже, ладно? — тихо сказал он.

— Да, — ответила я. От его взгляда, его тона и его слов в сердце зародилась надежда

— Тесс, мы обязательно поговорим позже. Хорошо?

Я моргнула.

— Хорошо.

— Детка, пообещай мне.

Я уставилась на него, не уверенная, зачем ему это нужно. Я не играла с ним в игры, вовсе нет, несмотря на то, что Марта неоднократно говорила мне, что я должна. Попробовать воду. Проверить его. Не быть слишком доступной. Не показывать, насколько сильно он мне нравится.

Но я была слишком старой для этого дерьяма, и у меня никогда не было мужчины похожего на Джейка. Ни за что на свете я не хотела бы испортить все дурацкими играми.

Поэтому теперь я не понимала, к чему он ведет и зачем ему мое обещание.

Но все-таки он попросил, и я пообещала бы ему все, что бы он ни попросил. Что угодно. Даже в самом начале.

— Обещаю, — прошептала я.

Он кивнул.

— Ты спиши голая?

По коже побежали мурашки, хотя я и не очень-то поняла отчего. Ощущение не было ни приятным, ни плохим.

— Нет, — ответила я.

— Не начинай сегодня, — приказал он.

Я уставилась на него и увидела, что он всматривается в мое лицо.

Потом он наклонился, положил ладонь мне на затылок, притянул к себе и поцеловал, крепко и влажно.

Он отпустил мои губы, но позволил мне отстраниться только на дюйм, удерживая лежавшей на затылке рукой.

— Мы поговорим позже, — прошептал он, глядя мне в глаза.

Потом его рука пропала, потому что пропал он.

Ушел.

Я услышала, как хлопнула входная дверь.

Потом я рухнула обратно на кровать и уставилась в потолок.

Никто не сказал бы, что Джейк Нокс не сложный человек. Он сложный. И хотя я знала его, все равно ничего не понимала.

Вся эта сцена была безумной.

Опять же, Джейк — с его мотоботинками, мотоциклом, стареньkim пикапом, старыми футболками, которые слишком хорошо на нем сидели, потертymi джинсами, которые сидели еще лучше, с его непослушными темно-каштановыми волосами, серебристо-серыми глазами, которые рассказывали миллион историй, не выдавая ничего, его способностью пить пиво, глотать шоты, есть с аппетитом, выть на луну и целоваться так, будто он знает, что это последний миг для каждого существа на земле, и собирается взять от него все, — был неуправляемым.

Отношения с Джейком похожи на поездку, которую я однажды совершила на механическом быке. Вы даже предположить не можете, в какую сторону качнется эта штука. Все, что вы можете, — это держаться как можно крепче и наслаждаться поездкой столько, сколько получится.

Так что мне нужно успокоиться.

Все будет в порядке.

Все будет в порядке.

Я встала, надела трусики и ночнушку, вернулась в кровать и выключила свет.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы заснуть, даже после очень, очень приятного оргазма, который подарил мне Джейк и который я долго-долго ждала, и после того, как он ушел, поцеловав меня, как будто это последний миг на земле, и дав понять, что у нас есть будущее, потому что мы поговорим.

Проснулась я, когда мою входную дверь вышибли и в мой дом вломилась толпа мужчин в бронежилетах. Несколько минут спустя меня доставили в полицейский участок для допроса.

Глава 1

Чертовски хорошая актриса

Дверь в комнату для допросов открылась, и внутрь вошел мужчина в слаксах, рубашке с галстуком и плохо сидящей спортивной куртке. Он держал в руках бумажную папку и пристально смотрел на меня.

Он положил папку на стол, за которым я сидела, и сел напротив меня.

Я не сводила с него глаз и, как я делала с тех пор, как меня привели в эту комнату, (мне казалось, что это случилось много часов назад, хотя на самом деле я не знала, сколько прошло времени), старалась не смотреть на зеркало, за которым — я видела достаточно полицейских сериалов по телевизору — находилась записывающая аппаратура и, возможно, полицейские.

— Миссис Хеллер, — сказал мужчина, и мое сердце пропустило удар при звуке этого имени.

— Мисс О'Хара, — поправила я.

Мужчина не отводил от меня взгляд.

— Простите, мэм? — спросил он, но я знала, что он не извинялся.

— Меня зовут мисс О'Хара, — ответила я, и он кивнул, все еще глядя мне в глаза, и я также не отвела свои.

— Вы были миссис Хеллер, — заявил он. — Я прав?

— Да. Вы правы.

— Десять лет, — продолжил он.

Я не ответила, только немного подняла подбородок, гадая, какого черта тут происходит.

— Замужем за Дэмианом Хеллером, правильно?

Упс. Уверена, это не к добру.

— Да, я была замужем за Дэмианом Хеллером, — подтвердила я и поинтересовалась: — В чем дело?

— Забавно, — тихо сказал мужчина.

Я не видела ничего забавного, включая его странное «забавно».

— Забавно? — переспросила я.

— Забавно, что вы не спросили об этом первым, — сообщил он. — Обычно люди с самого начала хотят знать, почему сидят в этой комнате.

Я уставилась на него.

— Ну, поскольку выяснилось, что вы даже не знаете моего имени, я решила, что важнее прояснить это, прежде чем мы начнем выяснять, что же здесь происходит.

В его глазах промелькнуло раздражение, а губы сжались.

Козел.

— Итак, — настаивала я, — вы не против рассказать мне, почему я здесь?

— Нам нужно кое-что узнать.

Я подняла брови:

— А именно?

— Скажите, вы в последнее время общались со своим мужем? — спросил он.

Будь оно проклято. Дэмиан. Боже!

Мой бывший муж. Заноза в заднице. Неужели я никогда не избавлюсь от него?

— Да, я недавно общалась со своим мужем.

— И что вы обсуждали?

— Мы не обсуждали ничего, кроме моих неоднократных просьб перестать связываться со мной.

Мужчина напротив изучал меня. Потом спросил:

— Это было по телефону или вы встречались?

— По телефону, — сказала я.

— Вы не встречались? — уточнил он.

— Нет.

Он открыл папку, лежавшую перед ним, и мой взгляд упал на нее. Потом он перевернул несколько листов и наконец достал несколько черно-белых фото размером восемь на десять, развернул их и подтолкнул ко мне.

На фотографиях мы с Дэмианом обедали.

Ладно. Это нехорошо. Зачем людям фотографировать, как мы с Дэмианом обедаем?

И во-вторых это нехорошо, потому что мне действительно нужно запретить себе надевать этот топ. Он совсем мне не идет, даже на черно-белом фото.

— Не хотите пересмотреть свой последний ответ? — спросил мужчина, и я посмотрела на него.

— Нет.

Он поднял брови и слегка повернулся к зеркалу.

Да. За нами наблюдают.

Проклятье.

— Миссис Хеллер... — начал он, но я его перебила.

— Сэр, меня зовут мисс О'Хара. А вообще-то, просто Тесс, поскольку никто не называет меня мисс О'Хара. И я объясню эти фото и свой ответ, — заявила я и продолжила, прежде чем он успел заговорить. — Вы спросили, общалась ли я в последнее время со своим мужем. Да, несколько раз, поскольку он часто мне звонит. Иногда я беру трубку и прошу его перестать мне звонить. Иногда не беру. Но это редко. Я была замужем за Дэмианом десять лет, ему не нравится, когда его игнорируют, и он не очень-то понимает намеки. Он лучше воспринимает прямое общение, хотя подобные попытки занимают много времени, поскольку он не слишком быстро воспринимает, если это общение несет что-то, чего он не желает слышать. Я надеялась, что если буду повторять достаточно долго, то он со временем оставит меня в покое. Эти фото... — Я показала на фотографии на столе и опустила руку обратно на колено. — ...были сделаны, когда я обедала с Дэмианом как минимум полгода назад. В моем понимании это не недавно. Если ваше понимание недавнего отличается от моего, то прошу прощения, что не дала ответ, который вы ожидали, но тем не менее я ответила честно.

— Вы можете рассказать, о чем говорили во время этого не недавнего обеда? — тут же спросил мужчина.

— Вы можете сказать, почему я здесь?

— Я предпочитаю задавать вопросы, мисс О'Хара.

Я пристально посмотрела на него и вздохнула:

— Дэмиан хотел обсудить примирение.

— Он хочет, чтобы вы вернулись, — заявил мужчина.

— Именно это и означает примирение, — сообщила я, и он снова сжал губы.

— Полагаю, поскольку вы просили его не звонить, что вы отклонили возможность примирения, — заметил он.

— Вы правильно полагаете.

— И это все? Это все, о чем вы говорили?

— Нет. Он спросил про нашу собаку, которую я забрала после развода и которая к тому времени умерла. Я сказала ему, что пес умер. В остальном да. Пожалуй. Это все, о чем мы говорили.

— Пожалуй?

— Сэр, это было полгода назад, и я не виделась с ним больше четырех лет. То, что он связался со мной, вообще стало неожиданностью, и не из приятных. Причина, по которой он хотел встретиться, тоже была неожиданной и определенно не приятной. Простите, что я не записывала все, о чем мы разговаривали, но причина встречи засела у меня в мозгу, вытеснив все остальное.

— Вы не видели его больше четырех лет, — заметил мужчина.

— Да, именно так я и сказала, — подтвердила я.

— Тогда, если вы не хотите возвращаться к нему, то почему согласились на обед?

Я медленно втянула воздух и заявила:

— Я забыла.

Он уставился на меня, а затем повторил мои слова с вопросительной интонацией:

— Вы забыли?

Я кивнула.

— Я забыла, каким может быть Дэмиан. Когда он связался со мной, сказал, что хочет пообедать и одновременно сказал, что его отец нездоров, я забыла, что Дэмиан, ну... — Я махнула рукой. — Дэмиан. Или, может, не забыла, может, просто заблокировала, учитывая, что все эти годы пыталась заблокировать все, что связано с Дэмианом. Но я знаю, что они с отцом близки, я была близка с его отцом, хотя и не виделась с ним больше четырех лет. Поэтому я рассстроилась из-за его болезни и захотела узнать, что случилось, Дэмиан отказался рассказывать мне по телефону, так что я встретилась с ним. Тогда я и выяснила, что с его отцом все в порядке, а Дэмиан просто использовал это, чтобы выманить меня на обед.

Мужчина снова пристально уставился на меня, вероятно, переваривая новость, что мой бывший муж оказался таким козлом, а затем сменил тактику.

— Это же вы подали на развод.

Они наводили обо мне справки.

Господи Боже. Они наводили обо мне справки.

Что происходит?

— Да, — подтвердила я. Что бы ни случилось, честность — лучшая политика, так что я решила придерживаться ее.

— Супружеская неверность?

Я кивнула и добавила вслух:

— Да.

— Многократная, — сообщил мужчина.

— Вы явно читали судебные документы, так что знаете, что тоже да. Но да, я готова подтвердить, что Дэмиан не раз изменял мне.

— Да, мисс О'Хара, я читал судебные документы, и сам факт того, что эти документы существуют, и то, в каком количестве они существуют, свидетельствует о том, что ваше решение не было взаимным. Ваш муж был против развода. Дело дошло до суда.

— Да, он был против.

— Он не хотел, чтобы ваш брак расторгли.

— Да, не хотел.

— Но его расторгли.

Я вздохнула:

— Да, расторгли.

— И вы ушли, не взяв ничего, кроме денег на оплату судебных расходов, я правильно понял?

И тут мне стало страшно. То есть стало страшно помимо того, что я и так уже была напугана, не говоря уже об ужасе, который пережила, когда ко мне домой вломились, кажется, три отряда межведомственного спецназа (потому что у некоторых на бронежилетах было написано «Полиция», у некоторых «ФБР», а у некоторых «УБН»), вытащили меня из постели и притащили на допрос в полицейский участок. (*УБН — Управление по борьбе с наркотиками. — прим. пер.*)

Так что моя бравада испарилась, и я шепотом попросила:

— Пожалуйста, скажите мне, что происходит?

Он не сказал мне, что происходит, а вместо этого поинтересовался:

— Вы когда-нибудь жалели об этом, мисс О'Хара?

— О чем? — спросила я.

— Что не взяли у мужа ничего, кроме денег на судебные расходы. Вы когда-нибудь жалели об этом?

Я покачала головой:

— Нет, я... Нет. Не жалела. Я хотела начать с чистого листа. Хотела...

— Почему?

Я моргнула:

— Что?

— Почему вы хотели начать с чистого листа? Десять лет совместной жизни, многочисленные изменения, он зарабатывал сотни тысяч, вы жили очень хорошо. Вы могли обобрать его дочиста. Но вы забрали собаку и уехали. Вы не считали, что он вам должен? Не считали, что имеете право получить часть того, что нажили вместе?

Я снова покачала головой.

— Нет, я хотела просто... уйти, — ответила я. — Что-то... что-то случилось с Дэмианом?

Мужчина не ответил на мой вопрос. Вместо этого он заметил:

— Десять лет — долгое время. Слишком многое вложено в жизнь, в брак, в дом, чтобы просто уйти с одной лишь собакой. Со стороны выглядит странно, что вы ничего не потребовали. Свадебный сервис. Столовый гарнитур. Вы даже машину не взяли.

— Машины покупал Дэмиан, — тихо сказала я.

— А вы не хотели иметь с ним ничего общего, — отметил он. — Ничего, что напоминало бы вам о нем. Я прав?

Я кивнула, глядываясь в его лицо, стараясь прочесть что-нибудь, но он ничего не выдавал.

— Большинство женщин поступили бы по-другому. Большинство женщин, учитывая, какие деньги он зарабатывал, образ жизни, к которому они привыкли, они бы поступили совсем иначе, — подметил он.

— Я не такая, как большинство женщин.

— Да, похоже, вы определенно не такая. Оставили все, забрали только собаку. Сдается мне, вы не столько ушли от него, сколько сбежали. Мисс О'Хара, вы сбежали от своего мужа? Мне показалось, будто на грудь легла плита весом в сотню фунтов.

— Нет, — выдавила я, соврав впервые с того момента, как он вошел, и его глаза тут же впились в мое лицо.

Он знал, что я лгу.

— Наш человек фотографировал вас во время обеда. Он прошел не слишком хорошо. Мы это знаем. Вы не закончили обед, мисс О'Хара. Вы быстро ушли и выглядели взволнованной. Торопились. Словно убегали. Во время обеда он сказал вам что-то, отчего вам захотелось убежать?

— Я не убежала, — возразила я, и это стало второй ложью, я действительно убежала. — Я просто... когда он признался, что соврал насчет своего отца, и сказал, что хочет помириться, а я знала, что не хочу этого, то я сочла, что нет причин оставаться.

Мужчина откинулся на спинку стула и взмахнул рукой.

— Десять лет вместе, он вам изменял, это нелегко, но вы были женаты, прожили с ним десять лет. Время прошло. Время лечит раны. Нехорошо, что он солгал насчет своего отца, но он приложил усилия, чтобы заполучить вас. Вы не могли поболтать за салатом? Поговорить о старых временах?

— Пожалуйста, скажите мне, в чем дело, — тихо взмолилась я.

— Я хочу понять, почему вы ушли от мужа и почему так быстро ушли с того обеда.

— Я уже рассказала вам, также, как и судебные документы. Он изменял мне, и я не захотела остаться на обед, когда узнала причину, — напомнила я.

Мужчина наклонился ко мне и мягко сказал:

— Я вам не верю.

О Боже.

С Дэмианом что-то случилось.

— С Дэмианом что-то случилось, — прошептала я, и он улыбнулся.

Мне не понравилась эта улыбка, в основном потому, что она была не из тех улыбок, которые нравятся.

— С чего вы это взяли?

Я всплеснула руками и потеряла еще немного самообладания.

— Не знаю. Может потому, что мы говорим о нем в комнате для допросов посреди ночи?

— Вы знаете кого-нибудь, кто хотел бы причинить вред Дэмиану Хеллеру?

— Нет, — честно ответила я.

— Уверены?

Я кивнула:

— Да, я уверена.

— Никого? — настаивал мужчина.

Я покачала головой:

— Никого.

— Мисс О'Хара, почему вы хотели начать с чистого листа?

— Мой муж изменял...

— Почему вы хотели начать с чистого листа?

— Как я уже говорила, он мне...

Мужчина стукнул ладонью по столу, и я, взвинченная и напуганная, вздрогнула всем телом от резкого движения и громкого звука.

— Почему вы хотели начать с чистого листа? — раздраженно отрезал он.

— Потому что он меня изнасиловал! — выкрикнула я.

Они просто вырвались, эти пять слов, они просто вырвались из моего рта.

Впервые я сказала их кому-то вслух.

Мужчина отшатнулся на своем стуле, моргая, а я услышала снаружи громкий грохот и резко повернула голову к стене.

Я уставилась на свое бледное отражение в зеркале. Сердце колотилось часто-часто, а грудь высоко вздымалась от тяжелого дыхания.

А я все смотрела и смотрела на свое бледное лицо в зеркале.

Боже, я много лет не смотрелась в зеркало по-настоящему. По-настоящему. Много лет.

Неужели я так выгляжу?

— Мисс О'Хара, — окликнул мужчина другим голосом, тихим, необычно мягким, но я продолжала смотреть на свое отражение в зеркале, ошарашенная тем, что увидела.

— Тесс, — прошептал мужчина, и я перевела взгляд на него. — Ваш муж вас изнасиловал? — мягко спросил он.

— Я знаю, звучит смешно, — прошептала я. — Он был моим мужем, но это случилось. — Я посмотрела ему в глаза и продолжила шепотом. — Это случилось.

— Это не смешно, — прошептал он ответ. — Ни капельки не смешно.

Я смотрела ему в глаза и молчала.

— Вы сбежали, — произнес он.

— Да, — прошептала я.

Я сбежала. Да, черт возьми, я сбежала.

— Он бил вас до этого?

Я кивнула.

— Он изменился. Что-то случилось. — Я помолчала и повторила: — Он изменился.

— Что случилось?

Я покачала головой.

— Не знаю. Я пыталась поговорить... мы... мы ругались. И он... — Я помолчала. — И вдруг...

Раньше такого не случалось, но вдруг, когда мы ругались, он стал давать волю рукам, так что я перестала пытаться поговорить.

— Он не хотел развода.

— Дэмиану не нравится упускать то, что он считает своим.

Мужчина внимательно рассматривал меня, теперь его взгляд был таким же мягким, как и голос.

Потом он тихо сказал:

— Но он оставил вас в покое на четыре с половиной года.

— Да, он оставил меня в покое, — прошептала я.

— А потом захотел, чтобы вы вернулись.

— Да.

— Он объяснил, почему пришел к вам после стольких лет?

Я покачала головой, но ответила.

— Он сказал, что... Он сказал... — Я набрала воздуха в грудь и сказала: — Он сказал, что любит меня, скучает по мне, что он все испортил и хочет все исправить.

— И после того обеда он постоянно звонит вам, стараясь это сделать.

— Да.

Он слегка склонил голову набок.

— И после того, что он с вами сделал, вы отвечали на его звонки? И согласились обедать с ним?

— Как вас зовут? — неожиданно спросила я. Мне нужно было знать, потому что я рассказала ему то, что никогда никому не рассказывала.

— Извините. Агент Калхаун.

— Так вот, агент Калхаун, ответ на ваш вопрос — да. Я отвечала на его звонки и согласилась пообедать с ним. Дэмиан такой, какой есть, и мне известно, какой он. Я не хотела, чтобы он заявился ко мне домой. Я не хотела, чтобы он посыпал подарки и цветы. Я не хотела, чтобы он появлялся рядом со мной.

Все время, пока шел развод, он думал, что я вернусь. Он сам сказал мне, и он работал над этим. Только когда я довела это до конца, он оставил меня в покое. Что бы это ни было, чего бы он ни хотел от меня, нужно просто переждать, пока он не осознает, что я не собираюсь возвращаться, и тогда он оставит меня в покое. Так что я терпела.

Калхаун снова внимательно посмотрел на меня и заметил:

— Вам потребовалось много мужества.

— Агент Калхаун, он изнасиловал меня, ударил меня, но не убил. Пока я дышу, я могу сопротивляться, а я, к счастью, дышу.

В этот момент он прошептал:

— Вы не такая, как большинство женщин.

— Такая, — прошептала я в ответ. — Я такая же, как все женщины. Вы видите одно, но внутри есть кое-что другое, что я не позволю видеть вам или ему, это кошмар, который он оставил мне. Но это мой кошмар. Никто до него не доберется. Все, что получаете вы и получает он, — это видимость. Чему быстро и хорошо учишься, когда с тобой случается нечто подобное, так это быть чертовски хорошей актрисой. У тебя не остается выбора, потому что, когда такой мужчина делает с тобой такое, ты теряешь выбор. Единственный выбор — какую роль ты собираешься играть. Я выбрала свою роль, и это... это, агент Калхаун, то, что вы видите.

Он втянул воздух, но не ответил.

Тогда я спросила:

— А теперь вы скажете мне, что происходит?

Глядя мне в глаза, он наконец-то ответил:

— Сегодня ночью мы накрыли всю организацию вашего мужа. Он крупнейший продавец наркотиков в Денвере и имеет прямой канал из Колумбии.

Я моргнула.

А потом выдохнула:

— Что?

— Насколько мы смогли проследить, он многие годы был мелким дилером для богатых клиентов, в основном своих коллег, а затем десять лет назад начал играть всерьез и постепенно поднялся на самый верх.

Я уставилась на него, открыв рот.

Он продолжал говорить:

— Ваше имя указано наряду с его в совместных оффшорных счетах. Их четыре на общую сумму семьдесят пять миллионов американских долларов.

— О Боже, — прошептала я.

— Во время обеда вы попались нам на глаза, и мы отслеживали его звонки. Мы знали, что в последние полгода вы регулярно разговаривали с ним по телефону, однако не знали, о чем именно. И нам было известно, что ваше имя указано в его счетах.

Однако нам была неизвестна степень вашего участия в его деятельности. Поскольку расторжение вашего брака и развод примерно совпали по времени с его шагами по повышению своих позиций в деле, мы подумали, что вам тогда стало известно, чем он занимается. Но мы не знали, почему вы с ним возобновили общение.

— Я не участвую в его деятельности, — прошептала я.

Агент Калхаун сунул руку во внутренний карман куртки, вытащил сложенный втрое лист бумаги и положил его на стол.

— Ордер на обыск. Мы обыскиваем ваш дом, машину, торговое помещение и компьютер. Мы также возьмем у вас образец почерка, потому что кто-то подделал вашу подпись, чтобы открыть эти офшорные счета, и сделали это примерно полгода назад.

Я продолжала смотреть на него, потом закрыла глаза и отвернулась, меня трясло.

Дэмиан.

Доказательства свидетельствовали о том, что на самом деле я никогда не избавлюсь от него.

— Я не... Не могу... — Я сделала глубокий вдох, повернулась обратно к агенту Калхауну и сказала: — Я не верю.

— Если вы говорите правду, наши поиски это подтвердят, однако я вынужден просить вас остаться здесь до их завершения. Это может занять некоторое время, мисс О'Хара, — сказал он, вставая. — Принести вам кофе, пока вы ждете?

Мне пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть на него. Я была слишком потрясена тем, что узнала, чтобы ответить.

— Тесс, — тихо напомнил он. — Кофе?

Я продолжала смотреть на него, потом резко качнула головой и, глядя в стол, пробормотала:

— Да, спасибо.

— Кто-нибудь скоро принесет вам кофе, — сказал он моей макушке.

— Спасибо, — сказала я столу.

Я не смотрела на него, но чувствовала его присутствие несколько долгих секунд. Затем я услышала, как он прошел к двери, потом дверь закрылась, и я осталась одна в пустой комнате, если не считать стол, стулья, зеркало и любого, кто находился за ним.

Я не шевелилась и продолжала плятиться на стол.

И к счастью, единственная слеза, которую я не смогла удержать, скатилась по той щеке, которую не было видно из-за зеркала.

Глава 2

Выход на лестницу

Я так и сидела, уставившись на стол, даже после того, как мне принесли кофе и попросили написать свою подпись на пустом листе бумаги. Я это сделала, выпила кофе и продолжила плятиться в стол.

Но в мыслях, даже несмотря на все происходящее, я видела только свое бледное лицо в зеркале.

Боже, неужели это и правда я?

Открылась дверь, и я подняла голову, там стоял агент Калхаун.

— Мисс О'Хара, вы можете идти, — тихо сказал он. — Боюсь, нам придется поработать с вашими компьютерами немного дольше, и мы вынуждены просить вас не покидать город на случай, если возникнут уточняющие вопросы, но сейчас вы можете идти домой.

Секунду я смотрела на него, потом встала и, схватив сумочку, которую мне разрешили принести с собой, подошла к нему. Он не отодвинулся, так что я остановилась в двух шагах от него.

— Мы свяжемся с вами, когда закончим с компьютерами, и договоримся о времени возврата. Это займет один-два дня, не больше, — все так же тихо проговорил Калхаун, и я кивнула. — Хотите, я вызову вам такси, или у вас есть подруга, которая может вас забрать? Ни за что на свете я не стану звонить подругам. Не в этом случае. Не тогда, когда дело касается Дэмиана. Иначе начнутся вопросы, на которые надо будет отвечать, и придется врать.

Ни за что.

— Я вызову такси. Благодарю, агент Калхаун.

Он не сдвинулся с места, поэтому и я тоже.

— Знаю, Тесс, это была долгая ночь, но, если вы подождете двадцать минут, я смогу отвезти вас домой.

Я внимательно посмотрела на него и впервые увидела по-настоящему. Немного седины в черных волосах, совсем чуть-чуть. Высокий. Широкоплечий. С намеком на живот. Приятные морщинки вокруг глаз, говорящие о том, что ему либо нужно чаще носить солнцезащитные очки, либо он много смеется. Старше меня лет на пять, но может и больше, и тогда он хорошо это скрывает, или меньше, тогда он не заботится о себе. Обручальное кольцо отсутствует.

Вот мужчина для меня. Такой мужчина примет бледную женщину в зеркале и будет заботиться о ней.

Не Джейк Нокс.

Совсем не Джейк Нокс.

Агент Калхаун приличный мужчина, скорее всего, хороший человек, возможно, безопасный мужчина, а самое главное — мне нужен мужчина, с которым я чувствовала бы себя в безопасности.

Не хотелось бы казаться стервой, но он не мужчина мечты.

Однажды я уже облажалась, потянувшись к мужчине, который ослепил меня своей харизмой, если не внешним видом.

Но если это меня чему и научило, так это тому, что мне нужно научиться осторожности, чтобы не пострадать.

В груди свернулось что-то противное, оно извивалось, словно готовилось к броску, и у меня было достаточно опыта с этой ядовитой змеей, чтобы знать, что я этого не хочу. Я знала.

Но это все равно случится. Это я тоже знала.

— Я буду в порядке, — мягко сказала я.

Калхаун склонил голову набок, и в его глазах что-то промелькнуло: возможно, разочарование или обеспокоенность.

— Уверены? — спросил он, и я кивнула.

Он открыл дверь шире и отошел с дороги.

Я вышла в коридор и полезла в сумочку за телефоном. К счастью для жителей Денвера, у компаний такси легко запоминающиеся номера, которые они лепят на бока машин.

Я никогда не вызывала такси.

До этого времени.

На ходу я набрала один из номеров и приложила телефон к уху, глядя на лифты прямо перед собой. Из коридора я вышла в шумное многолюдное помещение, полное телефонных звонков, щелканья клавиш и приглушенных разговоров.

Я рассеянно осмотрела комнату, услышала ответ оператора, и, резко остановившись, моргнула.

Через окно кабинета я увидела знакомую спину.

Я знала спину этого мужчины.

Проклятье, я знала эту старую футбольку и навсегда запомнила этот клевый зад в потертых джинсах. Я прижималась к этой спине, сидя на мотоцикле. Этой самой ночью мои руки гладили эту спину и эту задницу, после того как я сняла эту футболку, а он снял эти джинсы. И я запускала пальцы в эти темные спутанные волосы и этой ночью, и бесконечное число раз за последние четыре месяца.

Мужчина повернулся к двери, но я увидела не его лицо.

Нет.

Я увидела блестящий значок у него на ремне.

«— Ты спиши голая? — Нет. — Не начинай сегодня».

О. Мой. Бог.

Он вышел из кабинета, и я подняла взгляд со значка на его лицо. И поскольку тварь у меня в животе разворачивалась, росла, раздувалась, заполняя грудь, заползая мне в горло, я не заметила выражения его лица и того, как резко его настроение заполнило помещение, словно пощечина.

Я ведь знала, что мужчина вроде Джейка Нокса никогда не станет иметь дел с бледной женщиной вроде меня.

Если только это не его работа.

Он заметил меня и застыл на месте.

Я стояла как вкопанная, но, как только наши глаза встретились, сорвалась с места.

Подбежав к лифтам, я нажала кнопку вызова, одновременно оглядываясь по сторонам.

И я нашла то, что искала.

Выход.

Лестница.

Я рванула к двери, открыла ее и побежала вниз.

Сначала я слышала только эхо своих каблуков, но затем уловила его шаги.

Один пролет, поворот, я побежала быстрее. Два этажа. Осталось три пролета.

— Тесс, — услышала я его голос и побежала быстрее.

Еще один пролет и поворот.

— Черт побери, Тесс, — выпалил он, но я не останавливалась.

Еще один пролет и поворот.

Его шаги приближались.

Еще один пролет, последний. Я сбежала по ступеням, взялась за ручку двери и почти открыла ее, когда мое запястье сжало железной хваткой и дернуло прочь. Меня оттянули от двери и прижали спиной к стене. Высокое стройное тело Джейка поймало меня в ловушку.

Глядя в сторону, я прошептала:

— Отпусти меня.

— Ты обещала, что мы поговорим, — прорычал он.

Я покачала головой, все так же избегая смотреть на него.

— Отпусти меня, — потребовала я.

Его голос смягчился, и вторая рука легла мне на шею.

— Тесс, детка, ты обе...

Я резко взглянула ему в глаза, и то, что он в них увидел, заставило его замолчать и поморщиться.

— Пусти... меня... — прошипела я.

Он отпустил меня и шагнул назад.

Я тут же подошла к двери и распахнула ее.

Стоя в дверном проеме, я повернулась к нему. Он смотрел на меня, на лице невозможно было ничего прочитать, разве что мощная челюсть была сжата, словно гранит.

— Тебя хотя бы зовут Джейком? — тихо спросила я.

Его серебристо-серые глаза — не расплавленные, как ртуть, не ласковые, а сверкающие и твердые — уставились в мои.

Я затаила дыхание, пока он наконец не покачал головой.

Тогда, не говоря ни слова и не оглядываясь, я вышла за дверь.

Глава 3 Кентукки

Три месяца спустя...

Я была на кухне, когда услышала стук в дверь.

Я бросила взгляд на микроволновку.

Вот блин.

Марта пришла раньше. Марта никогда не приходит раньше. Собственно, я сказала ей быть в три, потому что на самом деле мне было нужно, чтобы она пришла в половину четвертого. Марта стабильно опаздывает на пятнадцать минут, но в среднем может задержаться на полчаса (я знаю Марту достаточно давно, и она опаздывает так часто, что действительно можно вычислить среднее арифметическое, что я и сделала), поэтому не редко вбегает, запыхавшись и с кучей оправданий за опоздание на сорок пять минут или час.

Без десяти три, и торт еще не готов.

Проклятье.

Это может означать одно из двух: или проблемы с мужчиной, или нечего надеть.

Обе причины не предвещали ничего хорошего, потому что обе означали, что Марта будет более возбужденной, чем обычно. А обычное возбужденное состояние Марты, читай постоянный водоворот ее сумасшедшей жизни без тормозов, и так непросто выносить.

Черт.

— Солнце, я по локоть в глазури! — крикнула я в сторону входной двери, снова склонившись с кондитерским мешком в руках над тортом. — Заходи, открыто! — закончила я, продолжая украшать каждую третью воздушную звездочку из белого сливочного крема точкой бледно-желтой глазури.

Дверь открылась, а я повернула торт, чтобы добраться до следующих звездочек.

Стоя около острова в своей кухне, склонившись к торту, я почувствовала, что Марта вошла и остановилась в дверях.

— Я немного опаздываю, — сказала я торту. — Возьми себе газировку или что-нибудь. А вообще, принеси мне тоже. Вишневую. С дробленым льдом, — приказала я, ставя точки на звезды сверху торта, затем двигаясь вниз к основанию.

Марта не сдвинулась с места.

Я подняла глаза и уже было открыла рот, но слова и дыхание застряли в горле. Сложив руки на широкой груди и скрестив обутые в мотоботинки ноги, на дверной косяк опирался Джейк Нокс.

Не проронив ни слова и не шевелясь, я разглядывала его.

Выцветшая черная футболка с облезшей надписью «Чарли Дэниелс Бэнд» над таким же облезшим американским флагом как надо обтягивала его торс, за воротник цеплялись зеркальные очки. Джинсы такие поношенные, что приобрели свой собственный особенный оттенок голубого, с потертостями вокруг карманов и восхитительными потертостями в паху, отлично сидели на его стройных бедрах и длинных ногах.

Непокорные темные волосы примерно на дюйм длиннее, чем я помнила, так что теперь они завивались на шее и вокруг ушей. Щеки под острыми скулами, сильный подбородок и жилистую шею покрывала, по моему опыту, по меньшей мере трехдневная щетина.

Серебристо-серые глаза смотрели прямо на меня.

Черт.

Я выпрямилась, держа в руках кондитерский мешок, и уставилась на него.

Он уставился на меня.

У него получалось лучше.

Так что я моргнула и только собралась сказать или сделать что-нибудь, может быть даже закричать, как он меня опередил:

— Теперь ты готова поговорить?

Я снова моргнула и прошептала:

— Что?

— Поговорить, Тесс, — пророкотал он своим глубоким голосом. — Ты обещала, что мы поговорим. Я хочу знать, готова ли ты сделать это сейчас.

Я уронила руки с кондитерским мешком на столешницу и продолжила таращиться на него.

— Ты совсем с ума сошел?

Он пропустил мой вопрос мимо ушей и сказал:

— Меня зовут Брок Лукас.

Я закрыла глаза и опустила голову, переваривая. Этим вопросом я задавалась, лежа без сна по ночам. Имя, которое скрывалось от меня, когда я влюбилась в самозванца.

— Тесс, детка, посмотри на меня, — прорычал он.

Я открыла глаза и подняла голову, почувствовав, как спину пронзил стальной стержень.

Потом я, прищурившись, посмотрела на его суровое лицо, и наэлектризованное ощущение его настроения в комнате наконец проникло сквозь окутавший меня кокон удивления и заискрило на моей коже.

— О боже, — прошептала я. — Ты сердишься на меня?

— Нет, — отрезал он. — Я сердился на тебя. Поскольку, когда я трахал свою женщину в чертов первый раз, она дала мне обещание, когда моя сперма была еще внутри нее, но не прошло и нескольких часов, как она его нарушила. Теперь я здесь, потому что на твоей лужайке красуется знак «Продается», я вхожу и вижу тебя такой, так что должен сказать, детка, я не сержусь. Я чертовски зол.

Он?..

Он?..

Он только что сказал то, что я думаю?

— Прости? — снова прошептала я, но этот шепот был другим.

Он не стал повторять, а вместо этого спросил:

— Где твои очки?

— Что?

— Твои очки, Тесс. Где, на хрен, твои очки? Ты никогда не украшала торт без чертовых очков.

— Я купила линзы, — огрызнулась я.

Он поднял лицо к потолку и выдал:

— Господи Иисусе.

А потом стиснул зубы.

Какого черта мы говорим о моих очках?

Мне плевать. Да. Плевать.

Мне нужно только одно.

— Выметайся, — приказала я.

Он опустил голову и посмотрел мне в глаза:

— Нет.

Мои брови поползли вверх.

— Нет?

— Да, Тесс, нет.

— Точно. Ты сошел с ума.

Он опять проигнорировал меня и спросил:

— Что на тебе надето?

— Что на мне надето?

— Да, детка, что на тебе надето?

Я опустила глаза на свою футболку и джинсы, затем посмотрела обратно на него.

— Футболка и джинсы... — Я помедлила, затем выплюнула: — Брок.

— Никто не зовет меня Брок, меня зовут Слим.

Я моргнула, и что-то в его фразе заставило меня свернуть с текущей темы.

— Что? — выдохнула я.

Он оттолкнулся от дверной коробки и заговорил:

— Никто не зовет меня Брок. Мама, папа, брат, сестры, друзья с самого детства звали меня Слим (от англ. slim — худой, тонкий. Прим. пер.).

— Ты не худой, — сказала я. Хотя он был стройным, худым я его не назвала бы.

— Да, не худой, и в детстве тоже не был, раз уж я при рождении весил больше четырех с половиной килограмм. Это шутка, потому что я был крупным ребенком. Такая у меня чокнутая семейка.

Ого. Он весил больше четырех с половиной килограмм? Это же огромный ребенок.

Он был высоким, как минимум метр восемьдесят пять, может метр восемьдесят семь. И мускулистым. И совсем не худым — его тело состояло из поджарых твердых мышц, которые безусловно были накачены, но не сказать, чтобы огромными.

Поскольку дети не рождаются мускулистыми, я подумала, что он был не крупным ребенком, а длинным.

Тут до меня дошло, что он обошел остров и приближается ко мне, и я перестала думать о его весе в детстве и его теперешнем размере и начала отступать, одновременно вернувшись к текущему разговору.

— Я хочу, чтобы ты ушел, — твердо заявила я.

— Ага, я понял, — ответил он, продолжая подходить, и я уперлась в боковую столешницу.

— Но знаешь что, Тесс? Я не уйду.

И вдруг он оказался прямо передо мной. Так близко, что я ощущала его тепло. Мне пришлось запрокинуть голову, чтобы смотреть на него, потому что я была босиком и рост мой составлял не метр восемьдесят пять или восемьдесят семь, а всего метр шестьдесят семь.

— Пожалуйста, уходи, — заявила я уже не так твердо.

Он наклонился вперед и уперся ладонями в столешницу по обе стороны от меня, и я подняла руки (все еще с кондитерским мешком) между нами.

Он снова проигнорировал меня.

— Ты не позвонила.

Я уставилась в его сердитые глаза.

— Я не позвонила?

В ответ он уставился на меня своими сердитыми глазами.

— Да, детка, ты не позвонила.

— Я не позвонила, — прошептала я. Мое сердце, и так уже быстро бившееся, заколотилось еще быстрее.

— Три месяца, — объявил он, но больше ничего не сказал.

Я продолжала смотреть в его мерцающие серебристые глаза и тут потеряла свое всегда хорошее расположение духа.

— Ты свихнулся? — взвизгнула я.

— Тесс...

— Пошел ты! — закричала я и отпихнула его обеими руками, тонкая струйка бледно-желтой глазури брызнула на пол рядом с нами и на его футболку с Чарли Дэниелсом. Потом я обнаружила, что кондитерский мешок больше не у меня в руках. Брок развернулся и бросил его на остров рядом с тортом, потом повернулся обратно ко мне. Тогда я положила ладони на твердую стену его груди, толкнула и опять крикнула: — Пошел ты!

Он отшатнулся на несколько дюймов, потом придинулся обратно, наклонился к моему лицу и прорычал:

— Да послушай же меня!

— Нет! — заорала я. — Ни за что. Ни за что. Ты меня использовал.

— Это моя работа, — выдавил он.

— Думаешь, мне не все равно?

— Может, если ты, на хрен, успокоишься и послушаешь минуту, то поймешь, почему я считаю, что тебе не должно быть все равно.

— Уверяю тебя, Брок Лукас, ты не скажешь ничего, что заставило бы меня понять, почему мне не должно быть все равно, — сообщила я.

— Твой бывший, Тесс, этого ублюдка надо было взять. Этот ублюдок очень опасен.

Мое тело застыло, и, глядя ему в глаза, я дрожащим голосом произнесла:

— Я в курсе, Брок. Я в курсе.

И с восторженным вниманием смотрела, как его глаза моментально расплывались в ртуть.

Он убрал руки со столешницы и положил ладони на основание моей шеи, зарывшись

пальцами в волосы. Потом наклонился, так что его лицо оказалось в паре сантиметров от моего и прошептал прерывистое, мучительное:

— Детка.

И одно это слово пронзило меня, словно зазубренный нож.

О боже.

Он знает.

Конечно, он знает.

Конечно.

Конечно, конечно, конечно.

Та штука у меня в животе развернулась, раздуваясь, заползая в горло, и на этот раз ее наполнял не парализующий яд страха или отчаяния. Это было кое-что другое.

Паника.

Я попыталась вырваться, но Брок держал крепко. По-прежнему держа одну руку на моей шее, он обнял меня другой рукой, сдвинул вдоль столешницы и зажал в углу.

Оказавшись без путей к отступлению, я напряглась, уперлась ладонями ему в грудь и, не отрывая глаз от его горла, прошептала:

— Отпусти меня и убирайся.

— Никто не знает, что с тобой случилось, да? — мягко спросил он.

— Отпусти меня и убирайся.

— Ты не рассказала никому из своих подруг.

Пристально глядя на его горло, я потребовала:

— Брок, отпусти меня и убирайся.

— Загнала это дермо поглубже, — пробормотал он.

Я посмотрела ему в глаза и проскрипела:

— Отпусти меня и убирайся.

Он крепче сжал руку у меня за спиной, а большим пальцем другой руки погладил мою скулу.

— Я был первым, кого ты подпустила к себе, да, детка?

О боже.

— Отпусти меня и убирайся, — проскулила я.

— Тесс, — прошептал он.

Я молчала.

— Тебе нужно выпустить это дермо, — посоветовал он, и я перевела взгляд на его ухо. —

Смотри на меня, — приказал он, и я перевела взгляд обратно, но продолжала молчать.

Он смотрел мне в глаза.

— Я пытался сдерживаться, Тесс, — тихо сказал он. — Хотел подождать, когда дермо с Хеллером закончится, с тебя снимут подозрения и мы сможем двигаться дальше. Но твои чертовы очки и это до чертиков милое выражение лица каждый раз, когда я тебя целовал, как будто ты только что пережила чудо, блин. — Рука, державшая мою голову, напряглась.

— Блин, детка, ты меня доконала, и я не смог удержаться. — Он провел большим пальцем по моей скуле, его взгляд из ласкового стал обжигающим, а голос глубоким, когда он произнес, словно разговаривая сам с собой: — Это выражение лица становится в сто раз круче, когда ты кончаешь.

— Пожалуйста, отпусти меня и убирайся, — прошептала я.

Он покачал головой.

— Это работа, и это дерымовая часть работы, но скажу тебе, Тесс, если бы я знал, что он тебя изнасиловал, я бы ни за что не обманывал тебя. Ни за что, Тесс. — Он заговорил тише и наклонился к моему лицу. — Поверь, детка. Я не стал бы тебя обманывать, если бы знал.

— Но ты обманул, — тихо сказала я.

Он чуть сильнее сжал пальцы в моих волосах.

— Я не знал.

— Но все равно обманул. — Я отклонилась назад и отвела голову. — Я тебя не обманывала. Я никогда не играла с тобой в игры. Ты же обманывал меня с самого начала и до конца. Его рука на моей голове снова напряглась, а глаза сверкнули.

— Неправда, Тесс, и ты, черт возьми, это знаешь.

— Ты прав, Брок. В том, что сказал до этого. Ты первый, кого я подпустила к себе, и когда я это сделала, я даже имени твоего не знала.

— Этого урода нужно было арестовать, — прорычал он.

— Да, нужно, но меня не греет мысль, что первый мужчина, которому я доверила свое время и внимание после очень-очень плохого брака, был со мной только затем, чтобы расследовать мои возможные криминальные связи с моим определенно криминальным бывшим мужем.

— Сначала так и было, да, и продлилось примерно час. Ты не можешь стоять и говорить мне в глаза, что не знаешь, в какую гребанную секунду все изменилось, потому что если так, то ты чертова лгунья.

Он не ошибся. Я знала. Я знала точную секунду. Об этом я тоже думала, лежа по ночам в кровати.

Поэтому я не ответила.

А он продолжил:

— У меня было задание, и мы хотели сработать чисто. Я знал, что тебя не арестуют, но я также знал, что им нужна уверенность, так что я обеспечил им эту уверенность до того, как тебя забрали и ты их добила.

— То есть ты хочешь сказать, что сделал то, что сделал, чтобы защитить меня?

— Нет, я хочу сказать, что делал свою работу, ты не была замешана, тебя не нужно было защищать. И я хочу сказать, что четыре гребанных месяца любил свою работу намного больше.

Это лишило меня дыхания. До такой степени, что я не могла говорить.

У Брука такой проблемы не было.

— Ты не знала моего имени, Тесс, но все это время я был твоим, и ты это знаешь.

Мой взгляд вернулся на его горло.

— Детка, смотри на меня, — прорычал он, и подняла глаза на него.

— Зачем ты здесь? — тихо спросила я.

Он вздохнул и нетерпеливо спросил:

— Честно?

— Что ты хочешь от этого разговора? — давила я.

Он покачал головой, но его глаза весело блеснули, и я почувствовала, как колючее мерцание его напряжения покинуло комнату, сменившись ласковым гудением юмора.

— Как думаешь, часто я разговариваю с женщинами, зажав их в углу, обнимая, когда моя любимая футболка вся заляпана глазурью?

О боже.

Нужно как-то вернуться от сексуального и веселого Броука к тому, чтобы он исчез из моей жизни, так что я сделала все возможное.

— Не знаю. Как выяснилось, я не слишком хорошо тебя знаю.

Глядя мне в глаза, он ответил:

— Что ж, поведаю тебе немного больше: ответ на этот вопрос — нет. Если стерва устраивает мне сцену, орет в лицо и пачкает глазурью мою футболку с Чарли Дэниелсом и эта стерва не ты, я ухожу.

— Мне не нравится, когда меня называют стервой, — огрызнулась я.

Он наклонился еще ближе, и я увидела, что его глаза на полную сияют весельем.

— А сейчас, дорогая, ты упираешься, просто чтобы поупираться, и мы оба это знаем.

Черт. Он прав.

Я посмотрела ему в глаза и попробовала другую тактику.

— Я сейчас не могу. Мне нужно закончить украшать торт, переодеть футболку, потому что теперь я вся в глазури, и успеть на бэби-шауэр, — сообщила я ему, и уголки его губ приподнялись. Рука в моих волосах опустилась вниз и легла мне на спину, так что теперь он обнимал меня обеими руками.

Черт, я скучала по этому. Он мог быть нежным, очень. В хорошем настроении, это было лучшее, что могло случиться. И он любил обниматься, много. Он обнимал меня, обнимал крепко, обнимал легко, обнимал меня, когда смеялся, обнимал, когда смеялась я, обнимал меня, когда целовал, и обнимал просто так.

И я скучала по этому.

Черт.

— Когда ты будешь дома? — спросил он.

— Поздно.

— Поздно — это во сколько? — настаивал он.

— Поздно — это поздно, — юлила я.

Он обнял меня крепче и низко произнес:

— Тесс.

Блин.

— Я не знаю. Поздно. Семь-восемь.

— Я вернусь в девять, — заявил он.

Черт.

— Почему бы нам не встретиться где-нибудь и попить кофе? — предложила я.

— Может потому, что я не дурак?

Черт!

Я не собиралась приходить, и он это знал.

— А сейчас ты расскажешь мне, почему продаешь дом.

— Мне нужны перемены.

— Да. — Он стиснул меня в объятиях. — Я вижу. Ты сбросила пять килограммов, которые на твоей попе и груди смотрелись лучше. Ты в футболке и джинсах, а не в своих шикарных шмотках и на каблуках. Ты сняла очки и купила контактные линзы. Единственное, что мне нравится, детка, это волосы. Выглядят лучше длиннее и светлее.

Ему понравилась моя прическа.

Я постаралась не поддаваться трепету, вызванному этими словами, но в итоге всего лишь притворилась, будто не чувствуя трепета, вызванного этими словами.

— Брок, я серьезно, можем мы поговорить об этом позже?

— Куда ты переезжаешь? — спросил он, дав понять, что нет, мы не можем поговорить об этом позже.

— Я еще не решила, — соврала я, и пульсация его юмора и хорошего настроения сошла на нет, а глаза сузились.

— Господи, Тесс, неужели три месяца, что ты провела, зализывая свои чертовы раны, перечеркнули четыре месяца, что мы провели вместе, так что ты не помнишь, что тебе меня не обмануть?

Я тоже прищурилась и сообщила ему:

— Это круто.

— Нет. Не круто — это то, что тебе понадобилось три гребаных месяца, чтобы зализать свои раны, и заставить меня приползти сюда, но об этом мы поговорим вечером.

Мое тело застыло.

— Если ты за этим собираешься прийти, то не утруждайся.

— Ладно, нет, — низко пророкотал он. — Вижу, это дермо всколыхнуло в тебе любовь пререкаться, детка. Моя Тесс была милой с той минуты, как я ее увидел, и до той минуты, как я поцеловал ее на ночь. Я знаю: то, что произошло, было тяжело, и повлияло на тебя, так что я готов пережить это вместе с тобой. Но ты должна понять сейчас: когда мы это преодолеем, ты не станешь раз за разом тащить нас назад, повторяя все до мельчайших подробностей. Мы преодолели препятствие — мы двигаемся дальше. Мы решили, что я заеду сегодня в девять, мы выясним то, что должны были выяснить три месяца назад, и посмотрим, что имеем. Но сейчас ты расскажешь мне, куда переезжаешь.

— Мы ничего не решили, Брок. Ты сказал, что приедешь. Я хочу встретиться за кофе.

— Не выдумывай, Тесс. Ты не придешь на кофе.

— Видишь! — воскликнула я. — Ты не догадываешься, что, может быть, я пытаюсь переехать по многим причинам, в том числе подальше от Джейка Нокса дробь Брука Лукаса?

Зря, ой как зря я это сказала.

Он крепко обнял меня одной рукой, а другой прошелся вверх по спине и обхватил ладонью мой затылок, а сам наклонился, вжав меня в столешницу и приблизив свое лицо к моему.

— Я наблюдал, — прорычал он. — Калхаун обещал, что будет с тобой осторожен, и я следил за ним, потому что пообещал: если он тебя обидит, я порву ему гребаную глотку, и хотел удостовериться, что не задержусь, если он облажается.

Мое тело застыло, только губы приоткрылись и округлились глаза.

А Брок продолжал:

— У него не получилось. Он надавил, и ты сломалась. И того, что ты сказала, когда сломалась, детка, я не знал. И Калхаун не знал. Никто не знал. Но вот что я скажу: те четыре слова, что ты сказала, я не забуду никогда. Эти гребаные четыре слова так глубоко впечатались в меня, что их оттуда никогда не вырезать. Парням пришлось выволакивать меня, чтобы я не набросился на него или не попытался прорваться к тебе. Потом ты ушла, и я понимал, что тебе это было нужно, несмотря на то, что меня разозлило, что ты ушла и нарушила свое обещание. Но тебе это было нужно. Потом ты избегала меня, и теперь я вижу, что все это время ты потратила на то, чтобы построить стену, но мне плевать.

Той ночью я узнал, что мою женщину изнасиловали, и три гребанных месяца жил с этим. И меня достало жить с этим и, лежа без сна, думать, как ты там. С меня хватит, Тесс. Так что сегодня в девять вечера я вернусь, и мы поговорим, а потом посмотрим, где мы есть. Ты свободна от Хеллера, ты ничего не знаешь, ты не являешься частью расследования, мы

свободны и можем попробовать, но сейчас... сейчас, дорогая, ты расскажешь мне, почему у тебя на лужайке чертова табличка «Продается», когда ты говорила мне, что так сильно любишь этот дом, что не против жить в нем до самой смерти.

— Грохот, — прошептала я, и Брок моргнул.

— Что?

— Когда... агент Калхаун... когда я... — Я облизала губы. — Грохот рядом с допросной. Это был ты.

— Да, детка, это я швырнул стул в стену.

Это он швырнул стул в стену.

Это был он.

Это был он.

Это он швырнул стул в стену.

Я закрыла глаза и уткнулась лицом в его футболку, расслабившись в его объятиях.

Брок швырнул стул в стену, когда услышал, что меня изнасиловали.

Это знание омыло меня, словно теплый поток чистой воды, унесший с собой годы грязи.

О боже.

— Тесс, — окликнул Брок, стиснув меня одной рукой и напрягая пальцы другой.

Я открыла глаза и увидела футболку.

— Это правда твоя любимая футболка? — прошептала я в ткань.

На краткий миг я почувствовала, как его тело замерло, а потом его небритость зацепила мои волосы, когда он провел подбородком вдоль моего виска и прошептал мне на ухо:

— Да.

— Она старая и потрепанная, — сообщила я ему.

— Совершенно верно, — сообщил он мне.

Я снова закрыла глаза. А потом улыбнулась. Потом улыбка на моих губах растаяла, я открыла глаза и откинула голову назад и посмотрела в его серебристые глаза.

— Хочешь, по дороге домой я заеду в магазин и куплю пива? — мягко спросила я, и настроение в комнате снова изменилось. Оно стало густым и жарким, чувственным и нежным.

Мое любимое настроение. Однозначно.

Черт, по этому я тоже скучала.

— Да, детка, — мягко ответил он.

— Хорошо, — прошептала я.

Он закрыл глаза, потом открыл их, наклонился ко мне и поцеловал меня, сначала легко и нежно, а потом крепко и жарко, чувственно и сладко.

Пальцы у меня на ногах поджались, и на руках тоже, впившись прямо в его потрепанную футболку на спине.

Ладно, ладно. Серьезно.

По этому я скучала больше всего.

Он поднял голову и убрал волосы с моей шеи, поднял большим пальцем мой подбородок и заставил меня смотреть на него.

— Куда ты переезжаешь, дорогая?

— В Кентукки.

Он медленно моргнул.

— В Кентукки?

Я пожала плечами.

Он расплылся в улыбке и тихо сказал:

— Ладно, детка, об этом мы тоже поговорим позже.

— Ладно, — тихо ответила я.

Его глаза прошлись по моему лицу, потом он провел большим пальцем по моей скуле, по губам, наклонился и коротко коснулся губами места, где только что был его большой палец.

— До скорого, детка, — прошептал он, отстранившись.

— До скорого, Слим.

Это подарило мне потрясающую открытую белозубую улыбку.

Пальцы на ногах снова поджались.

И он ушел.

Глава 4

Предан своей работе

— Этот торт такой красивый, что стыдно его резать! — запротестовала Ада прямо перед тем, как закопаться в огромном торте, который я приготовила для ее бэби-шауэр.

Я улыбнулась вежливой улыбкой, множество женщин взволнованно захихикали вокруг меня при мысли о том, что смогут получить свой бесплатный кусок торта от Тессы О'Хара. Не хвастаюсь или что-то типа того, но о моих тортах и кексах писалось в местных газетах, они выглядели так же хорошо, какими были на вкус, и моя пекарня была заполнена с открытия до закрытия, с десяти до семи, семь дней в неделю. Это был домашний желтый торт с ванильной глазурью и сливочным кремом. Простой, но своеобразный козырь. Даже я знала, что их ждет отличное угощение.

Потом хиханьки да хаханьки изменились, пока все наблюдали, как Ада отрезала ничтожно маленькие кусочки и клала их на бумажные тарелки с большим голубым мишкой Тедди по середине.

Такие дела.

В этом была вся Ада.

Она сообщила мне сколько собирается прийти, поэтому я сделала четырнадцати дюймовый, четырехслойный торт, чтобы хватило всем по-хорошему, толстому куску. Но сейчас Ада отрезала ничтожно маленькие кусочки от половины торта, потому что вторую половину она отложила для себя и Вика.

Я вздохнула, гадая, какого черта я тут вообще делаю с тех пор, как три года назад Ада встретила Вика, ей было тридцать шесть лет, и ее биологические часы тикали так громко, что военные ПВО могли запросто их отследить, она сразу же всю себя направила на выполнение священного задания — сделать его своим женихом, потом мужем, а теперь отцом ее будущего ребенка, Ада практически выписалась из моей жизни. Она позвонила мне, чтобы я сделала торт на ее помолвку, затем на девичник, на свадьбу и теперь. Она заплатила мне только за два торта, попросив (глупость с моей стороны, дала ей) скидку на оба. Я встречалась с ней только в подобных случаях, и каждый раз должна была прийти с подарком. Не считая этого, Ада занималась ваянием скульптур (со стамеской и молотком, если придется) Вик был идеальным пригородным мужем, планировал свадьбы, обеспечивал дом, украшал дом и решал вопрос с ребенком. У нее не было времени быть настоящей подругой, за исключением тех случаев, когда она созывала всех нас отпраздновать значимые события своей жизни, и мы покупали ей подарки.

Я точно не могла вспомнить прислала ли она мне рождественскую открытку в прошлом году.

У меня было свое важное событие, которое следовало обдумать, и мне не нужно было находиться здесь.

Ладно, может это не было важным событием, этапом в моей жизни. Но что бы это ни было, это была большая, огромная попахивающая зловонно проблема, потому что ни в коем случае сцена с Броком «Слимом» Лукасом на моей кухне была не большой, огромной попахивающей сделкой.

Я знала это.

Я начала подумывать, как и когда я могла бы улизнуть отсюда, раздавая тарелки с кусочками торта и детские синие пластиковые вилки к ним, но когда я протянула бумажную тарелку одной женщине, сидящей рядом со мной, она раздраженно пробормотала: «Твою ж мать!»

И это меня удивило, поэтому я посмотрела на нее, она смотрела на свой почти прозрачный кусок торта, и я была права, она была раздражена.

Я не знала ее, встретила только сегодня. Ее звали Эльвира с кожей цвета мокко, с подстриженными стильно светлыми волосами с длинной челкой, сказочным оранжевым топом, который открывал еще более сказочную ложбинку на груди, облегающей юбке, которая демонстрировала у этой детки задницу, и она была бы ниже меня, если бы на ней не было четырех дюймовых, убийственных, босоножек на шпильках. Она пришла на вечеринку со штатом красавиц, которых я встречала мимоходом у Ады на важных событиях «Поздравляйте меня», со сногсшибательной блондинкой по имени Гвен, высокой, изящной, выглядевшей гламурной моделью блондинкой по имени Трейси и такой же модельной внешности высокой, стройной афроамериканкой по имени Камилла.

Но Эльвиру я ни разу не видела.

— Откуда ты знаешь Аду? — Спросила я, и ее глаза обратились ко мне.

— Не знаю эту сучку и не хочу ее знать, которая ставит тарелки с не обжаренным арахисом без меда и соли, только гребанный арахис с *банными шкурками и кукурузные чипсы для вечеринки, а потом предлагает кусочек торта. Дерьмо. Что? Чекнутая, — ответила она, и я уставилась на нее главным образом потому, что ее ответ был просто сумасшедшим. Честным, но сумасшедшим.

И я спросила:

— Ты пришла без приглашения на бэби-шауэр?

— Нет. Притащила меня сюда Каланча, — она кивнула головой в сторону высокой, изящной, модельного вида Трейси. — Она не хотела идти сюда одна. Гвен и Кэм вовсе не хотели идти. Теперь я понимаю почему. У Трейси золотое сердце, и она не может никому отказать, даже когда люди ходят по ней на высоких каблуках. Она уговорила нас пойти на это событие, пообещав скидки для сотрудников в своем магазине. Она работает продавцом в магазине.

— Хм-мм, — пробормотала я, думая, что это сработает. Было время у меня в жизни, когда я посетила очень плохую вечеринку по поводу рождения ребенка, в обмен на скидки для сотрудников в «Нейман». Но это время закончилось. Как я часто делала на протяжении многих лет, начиная примерно с шести лет, я вступила в новый этап своей жизни. И этап заключался в том, что Кристиан Лабутен был не главным фактором, Харли Дэвидсон занял его место.

И пока я размышляла об этом, она внезапно объявила:

— Покончим с этим дерьмом. Давайте выпьем по коктейлю.

И прежде, чем я успела открыть рот, она подскочила к стойке, забрала свою огромную сумку, в которой что-то звякнуло и булькнуло, водрузила ее на плечо, схватила меня за руку и потащила с дивана.

Затем она громко заявила:

— Перекур! — и все глаза в комнате обратились на нас, некоторые с потрясением, в наши дни можно легко выкурить косяк, никто и глазом не моргнет, но, если вы решили выкурить сигарету, будьте готовы, что вас публично могут забить камнями до смерти. Но судя по всему большинство глаз завидовали, и скорее всего не потому, что они хотели покурить, а скорее всего потому, что они, как и я и Эльвира, хотели сбежать.

— Перекур? — Спросила Ада, скривившись от отвращения.

— Да, задняя веранда в порядке? — Спросила Эльвира, но не стала дожидаться ответа. Она поволокла меня к раздвижным стеклянным дверям в глубине идеального загородного дома Ады, кивнув подбородком своему отряду.

У меня не было выбора, кроме как следовать за ней, но мне все же удалось встретиться глазами с Мартой, двигаясь на выход; своим взглядом приглашая ее поднять задницу и последовать за нами. Я знала Марту с пятого класса. Я переехала в Денвер, чтобы быть рядом с Мартой. До свадьбы с Дэмианом я жила с Мартой. После ухода Дэмиена, я снова жила с Мартой. Поэтому Марта правильно прочитала мой взгляд-приглашение и подняла свою задницу.

— Лед, — услышала я приказ Эльвиры, Трейси кивнула и поднялась, когда Эльвира вытаскивала меня за дверь.

Затем она отпустила мою руку и, покачивая бедрами, подошла к превосходной газонной сложенной мебели на веранде, засунув мой кусочек торта в рот за один раз (хотя он был таким маленьким, что это было не сложно). Затем она опустила тарелку на стол, стащила с плеча свою массивную сумку, в которой снова что-то звякнуло и булькнуло, я наблюдала с нескрываемым удивлением, как она начала выуживать ингредиенты для «Космо» (включая шейкер из нержавеющей стали) из своей сумки, пока Марта, Гвен, Камилла и я сгрудились вокруг стола.

— О боже, я убью Трейси. Мне не нравилась Ада даже раньше, когда эта сучка переспала с Виком. Но эта вечеринка настолько плоха, если бы бывшие военнопленные принимали в ней участие, они вспоминали бы с ностальгией те дни, когда из последних сил засовывали в себя свое дермо, — пробормотала Камилла.

— Вы видели жертву? — Спросила Гвен Камиллу, покачав головой, продолжила: — От него осталась только тень его прежнего. Он привык жить и дышать «Бронкос», Наггетс», «Рокис» и его винтажным «Чеви Шевроле». Теперь он носит рубашки с пуговицами вместо майки с Элвеем и водит минивэн, а Ада еще даже не родила этого ребенка. (*«Бронкос», Наггетс», «Рокис» — профессиональные команды Денвера, штат Колорадо американского футбола. Джон Элвей (родился в 1960 году) — профессиональный игрок в американский футбол, выступавший на позиции квотербека. В настоящее время работает генеральным менеджером и исполнительным вице-президентом по футбольным операциям клуба Национальной футбольной лиги «Денвер Бронкос». — прим. пер.*)

— Бедный Вик, — пробормотала Марта.

— Бедный Вик, моя задница, — заявила Эльвира, наливая водку в шейкер. — Нужно быть мужиком и заботиться о своей женщины. — Ее глаза резанули по Камилле и Гвен, и она провозгласила: — Вы, сучки, знаете, о чем я говорю.

Обе «сучки» кивнули, и я заинтересовалась, потому что они явно знали, о чем она говорила, а я не знала и мне захотелось узнать больше, но прежде чем я успела спросить, услышала звук открывающихся раздвижных стеклянных дверей. Я обернулась, увидев, как они закрываются и великолепную, гламурную Трейси, несущую два больших стакана, наполненных льдом с горкой, словно она была на подиуме, а не на идеальной веранде позади дома.

— Хорошо, должна сказать, я рада, что мы вышли сюда, потому что хочу знать, что за хрень с тобой происходит. — Я слышала, как спросила Марта, и перевела взгляд на нее, она смотрела на меня.

Скорее всего, это было не очень хорошо.

Марта была ростом с Эльвиру, то есть пять футов и четыре дюйма. Сейчас она была выше меня, потому что на мне были шлепанцы на черной основе с блестящими серебряными ремнями, а на ней шпильки с шестидюймовыми каблуками и двухдюймовой платформой. Она была пухленькой, но в самый раз, с выющими темно-каштановыми волосами, потрясающе смотревшиеся с ее бледной кожей и ярко-синими глазами. Она настолько хорошо меня знала, чем кто-либо еще в этом мире (или, по крайней мере, то, что я разрешала ей знать о себе). Она всегда опаздывала, всегда волновалась, ее жизнь всегда была наполнена драмой, но я любила ее, и она любила меня, всегда и навсегда, несмотря ни на что. Я прошла через многое вместе с ней, через все это, и всего этого было много, пока мы катались на ее убийственных волнах, держа ее за руку все время, и она была благодарна мне и у нее не было проблем, лишний раз мне об этом сообщить.

Хотя она могла быть очень нежной, проницательной и рассудительной, это совсем не означало, если она хотела что-то сказать, и даже если другой человек будет чувствовать себя от этого некомфортно, она все равно скажет.

И у меня почему-то было ощущение, что она готова мне что-то сказать.

Поэтому приняв вполне невинный вид, я спросила:

— Что?

— Что?! — переспросила она, не купившись на мой поддельный невинный взгляд ни на секунду, я поняла это, когда ее брови взлетели, и она продолжила: — Девочка, я вошла к тебе домой, а у тебя было лицо... лицо... — она покачала головой. — Я даже не могу сказать, что с лицом, но выражение все такое же. — И как будто я не знала, что такое лицо, она подняла палец и ткнула им в мою сторону, потом опустила руку. — Единственное я знаю, что три месяца ты была адом на колесах, никто не мог угнаться за тобой, а теперь ты выглядишь задумчивой, как будто находишься в своих грезах.

Черт.

Мне действительно стоило помнить, даже несмотря на то, что Марта переживала свою вечную драму, это совсем не означало, что она не обращала внимания на других.

— Я не знаю, о чём ты говоришь, — соврала я.

— Конечно, знаешь, — заявила Эльвира, бросая лед в шейкер.

— Э-э... — пробормотала я Эльвире, немного удивившись, так как познакомилась с ней всего лишь меньше часа назад, она точно ничего не могла обо мне знать, особенно об этом.

— У меня есть дар, — сообщила мне Эльвира, отвечая на мой незаданный вопрос. — Я умею читать лица людей. — Она закрутила крышку на шейкере и начала трясти. — Ты точно знаешь, о чём говорит твоя подруга.

Вот дермо.

Я почувствовала на себе глаза всех присутствующих, но Марта продолжила:

— Хорошо, Тесс, я тогда отступила, потому что ты же знаешь мне не нравился этот Джейк, но выражение на твоем лице сейчас... я устала отступать.

Вот дермо.

В этот момент Марта окинула взглядом подиум красивых женщин вокруг стола и поделилась:

— Она переспала с этим парнем... горячим, и когда я говорю горячим, именно такого я имею в виду, — она облизала палец, резанула им по воздуху, издав шипящий звук, и продолжила: — обжигающе горячим. Но это плохие новости.

Можно было с уверенностью сказать, что я не хотела говорить об этом вообще, но с еще большей уверенностью сказать, что я не хотела говорить об этом, выпивая втихушку «Космо» на Аденой идеальной задней веранде с кучей женщин, которых я толком не знала, буквально только познакомилась на очень плохой вечеринке бэби-шауэр, где я не хотела присутствовать, а хотела оказаться дома, подготовиться к девяти часам, когда должен приехать Брок, и мы поговорим.

Поэтому я начала:

— Марта...

— Нет, девочка, — отрезала Марта, остановив меня поднятой ладонью перед моим лицом, на что Эльвира пробормотала:

— О, черт, это серьезно. Она протягивает руку помощи.

Марта продолжила, опустив руку и оглядываясь на стайку красавиц.

— У этого парня было все: походка, голос, волосы, задница, парень, я бы продала свою душу, чтобы просто провести пальцами по его предплечьям, — она подалась вперед и зашептала: — У него появляются вены на руках и предплечьях, чертовски вкусные.

О боже.

Совершенно не обращала внимания.

— Ммм, я слушаю тебя, — пробормотали Эльвира и Трейси в унисон, их глаза восхищенно смотрели на Марту, как и на лицо Гвен, но Камилла смотрела на меня.

Марта продолжила:

— Он приглашал ее к себе в квартиру? Нет. Она знала, где он работает? Нет. Она познакомилась с его друзьями? Нет. С семьей? Неа. Всегда он ошивался у нее или в каком-нибудь баре. Никогда не приглашал хорошо поесть. Никогда не покупал ей шмотки и не выводил мою девочку в город. Он познакомился с ее друзьями. Он появился в ее пекарне. Она только знает, что он одинокий волк, живущий за счет наследства своей семьи, и, насколько я могу судить, он не щедрый. Если он звонил, она отвечала. Если она не могла подойти к телефону, он оставлял сообщение, она сразу же перезванивала. Он хотел встретиться, она спрашивала, где и в какое время и была там.

— О, Боже мой, — пробормотала Гвен, явно разочарованная, что я подвела нашу сторону.

— Ты имеешь полное право, так сказать. О, Боже мой, — согласилась Марта. — Она слушала меня, когда я сказала ей играть круто? Нет. Она слушала меня, когда я говорила, что за четыре месяца ты должна заглянуть в записную книжку своего мужчины, и, по крайней мере, познакомиться хотя бы с одним его другом? Нет. Я все понимаю. Она была влюблена в этого чувака. Черт, Мелиssa Этеридж тоже бы запала на этого чувака. Он ходячий, говорящий, дышащий тип чувака, в которого вы... бы... влюбились. Но девушка должна вести себя спокойно и не выходить за рамки. (Мелиssa Этеридж — американская рок-певица, обладательница премий «Оскар» и «Грэмми», борец за права сексуальных меньшинств. – прим. пер.)

Я попыталась снова:

— Марта...

Она перевела на меня светлые голубые глаза.

— Неа, Тесс. Ты выложилась вся, я знаю, что за последние три месяца не было ни разговоров, ни встреч, Джейк Нокс внезапно исчез с лица земли. — Она наклонилась ко мне. — Я знаю.

Затем она выпрямилась.

— Все закончилось. Потому что смываешься отсюда, зацикленная, словно одержимая. — Она повернулась к девочкам. — Вдруг после двадцати пяти лет моих разговоров с ней на эту тему, я впервые достучалась до нее.

Вдруг она стала заниматься кикбоксингом три дня в неделю. Вдруг рассматривает другое место, чтобы открыть новую пекарню и расширить свой бизнес, в то же время выставила свой дом на продажу, который любит, и подумывает переехать в Кентукки. Вдруг она отправилась к новому стилисту, потратила триста долбаных долларов на новый стиль. Внезапно она перестала ходить по магазинам «Нордстрем», а побирает среди стеллажей «Байкерс Бейбис Р Ас». Мы все знаем, что когда серьезный сексуальный парень бросает девушку, у нее есть два варианта. Она садится на насест своей задницей в ближайшем «ЛаМаре», неуклонно пробираясь через все меню, пока не наберет пятьдесят фунтов и не откажется от мужчин, потом найдет себе пивного пузатого неудачника, который готов поклоняться земле, по которой она ходила. Или она изменяет свой образ, пиная коробки к новому пути своей задницы, бросается в работу, это означает, что она живет и дышит тем моментом, когда снова увидит его и сможет сказать: «Посмотри, от чего ты отказался, мудак». — Глаза Марты вернулись ко мне. — И это то, чем ты занимаешься. Я этим не занималась.

Или, не совсем занималась этим.

— Мар..., — начала я снова, но меня опять перебили.

— Но сегодня, я вижу по твоим глазам. Что-то случилось, и мне кажется, что этот парень вернулся. Ты снова в своих мыслях, живешь мечтой, что он окажется тем, кем ты хочешь его видеть, когда все вокруг говорит, что он... не...

— Говори, как есть, сестра, — приказала Эльвира.

— Не хочу показаться невежливой, но..., — я осмотрела девчачью банду. — Я, действительно, не знаю вас всех и, возможно,...

Эльвира отрезала:

— Неа, ты не знаешь нас, в этом есть чертова правда, но я скажу тебе, то, что я услышала от твоей подруги, сейчас — время интервенции, и у нас у всех есть сиськи и задница, кроме Камиллы, у нее только задница, но ей повезло, Бог хорошо наградил ее этим, мы клуб по интересам и в любое время участники могут оказаться в ситуации, где нужна интервенция, это наш долг подтолкнуть, даже если мы не знаем тебя, сестра, — заявила Эльвира, просканировав собравшихся за столом, она спросила: — Я права?

Я смотрела на Эльвиру, безрадостно признавая то, что она говорила, было полным безумием, но также казалось правильным, как и большинство, что имело отношение к женщинам. Также, как и ее замечание по поводу Камиллы, которая светилась сверху, но компенсировала щедрой частью ниже поясницы.

— Ты права, Эльвира, — вмешалась Трейси.

— Я думаю... — начала Камилла, но Эльвира перебила ее.

— Выкладывай, — приказала она мне. — Этот Джейк вернулся?

— Вроде как, — я даже не поняла, что сама произнесла эти слова, только увидела, как брови Эльвиры взлетели вверх страшным образом.

— Вроде как? Как мальчик может вернуться?

— Эм... — пробормотала я, избегая взгляда Марты, так как она тоже была права, я же ничего не рассказывала, что произошло с Броком, Дэмианом и межведомственной оперативной группой, которая собралась, чтобы провести операцию совместно с отделом по борьбе с наркотиками с моим бывшим мужем, и я поняла, что именно рассказ и должен как-то объединять подруг.

Эльвира протянула мне шейкер для коктейля через стол, предлагая.

— Отсоси немного, подруга, и давай вперед.

И я обнаружила, что моя рука тянется к шейкеру. Затем, как сказала несколько пугающая Эльвира, я взяла его и отсосала.

Она сделала хороший «Космо».

Я передала его Трейси, которая стояла рядом со мной, чтобы она тоже могла принять участие, а затем вздохнула и начала:

— Ладно, хорошо, видишь ли, я не говорила тебе... — я повернулась к Марте, — потому что я... Ну... все было запутано.

— О боже, — снова пробормотала Гвен.

— Продолжай рассказывать, — тихо сказала Марта, ее глаза были устремлены на мое лицо, а тело напряглось, я поняла, что она нервничает.

Черт.

— Его зовут не Джейк Нокс. А Брок Лукас, — прошептала я и почувствовала странное напряжение, исходящее из-за стола, но так как Марта моргнула, глядя на меня, и стала еще больше нервничать, я поспешила продолжить: — Он был... хорошим, вот. Дэмиан — наркобарон, и он позвонил мне девять месяцев назад, солгав, что его отец болен. Мы встретились за обедом, он сказал, что хочет помириться.

Я замолчала, потому что Марта очень громко закричала:

— Что?!

Я положила руку ей на руку и быстро заговорила:

— Дорогая, это было... ничего страшного.

— Этот придурок позвонил тебе, Тесс, это не ничего страшного, — огрызнулась она, сверкая ярко-синими глазами.

Она была права. Она не знала то, что у меня произошло с ним, но он ей никогда не нравился. С самого начала она сказала, что он — дурная кровь. Когда она примеряла платья подружки невесты, она сказала мне, что выполняет свой долг передо мной в знак протesta. Она всегда ненавидела Дэмиана.

Вот почему я никогда ей не рассказывала, что он ударил меня и изнасиловал. Она потеряла бы контроль, я хочу, чтобы она дышала свежим воздухом, а не отбывала срок за непредумышленное убийство.

— Ты права, — согласилась я.

— Чертовски верно, — ответила она.

Я втянула поглубже воздух.

— Это же очевидно, я сказала ему, что не заинтересована в его предложении. Но ты же знаешь Дэмиана.

Она покачала головой, а затем пояснила компашке девиц за столом.

— Мудак никогда не сдается. Вонзает в тебя свои ядовитые клыки и не отпускает, пока не введет весь свой яд.

— О, леди, похоже у тебя отсутствует хороший радар, когда дело доходит до выбора мужчин, — пробормотала Эльвира.

— Нет, ее радар не очень хорош. Ее радар не работает. Вернее, я бы сказала, что он вообще сломался, — согласилась Марта, и я задалась вопросом, что возможно союз Эльвиры и Марты был не очень уж хорошим. Денвер был относительно мирным городком. Я никогда не слышала о беспорядках или осадах, или воинствующем захвате земель и зданий, но глядя на них двоих, я поняла, что они могут запросто поднять и сплотить женское население городского района Денвера в митинг протesta против засранцев-мудаков.

— Продолжай, девочка, — тихо подсказала Камилла, и я оглянулась и увидела добрые глаза Гвен и Трейси.

Я кивнула и продолжила:

— Дальше только хуже.

— О, Боже, — прошептала Гвен.

— Черт, — пробормотала Марта.

— Ты молчишь, — тихо вставила Эльвира.

Я продолжила:

— Как я уже сказала, Дамиан — наркобарон, который находится в тюрьме, вернее был. Сейчас он вышел под залог в ожидании суда.

Марта уставилась на меня. Она знала об этом. Все знали. Об этом писали в газетах. Она как-то завела разговор о нем, я сказала ей, что его нет в моей жизни, поэтому мне все равно, она больше не спрашивала.

Я продолжила:

— Но поскольку он связывался со мной и продолжал связываться со мной, группа, занимающаяся расследованием, решила, что, я возможно тоже причастна к его делам.

— О, Боже, — прошептала Гвен.

— Черт, — пробормотала Марта.

— Ты опять остановилась, — вставила Эльвира.

Я продолжила:

— Итак, они... ну, они послали одного человека под прикрытием, чтобы он сблизился со мной, и тот, кого они послали, был Джейк слэш Брок.

— Святое дермо! — воскликнула Марта.

— Милая, успокойся, — прошептала я, напрягшись всем телом, она наклонилась к столу, выхватила шейкер из рук Камиллы, и сделала большой глоток, словно это был обычный Кул-Айд, прежде чем опустить руку на стол, резанув меня своим взглядом.

Я приняла это как сигнал, чтобы продолжить:

— Ну, эм... на самом деле. Они сделали зачистку, я была в этом замешана. Они обыскали мой дом, машину, пекарню, проверили мои компьютеры, мои финансы, доставили меня в участок, чтобы поговорить, а затем я узнала, кто он такой, мы поговорили, и я ушла.

Потом я замолчала, это означало, что теперь заговорила Марта.

— Должна тебе сказать, Тесс, я знала, что Дэмиен — дермовая кровь. Когда я прочитала все дермо о нем в газете, меня это не удивило.

Я удерживала ее взгляд, в котором читалось «Я же говорила».

Я не была разочарована.

— И должна тебе сказать, я знала, что что-то не так с этим Джейком слэшем Броком, кто бы он ни был, черт возьми.

Я поджала губы.

— И должна тебе сказать, я не могу поверить, что ты не поделились всем этим дерьямом со мной.

Я прикусила губу.

— Теперь, я хочу узнать, как он вернулся?

Я отпустила свою губу, у меня появилась кривая усмешка. Марта прищурилась.

Я же решила, раз уж столько всего скрывала от нее, хотя не должна была, будет правильным ответить:

— Он зашел сегодня объясниться, — тихо произнесла я.

— Да? И что же он сказал?

— Хм... Ну, он был... ну...

У меня кончились все слова.

— О, Боже, — прошептала Гвен.

Я снова заговорила, Марта смотрела на меня таким взглядом, словно ее голова вот-вот готова взорваться.

— Он хочет поговорить и посмотреть, где мы находимся.

— Где вы? — прошептала Марта, я пожала плечами, понимая, что это не лучшее мое выступление. — Хорошо, и где вы? — спросила она.

— Он придет сегодня вечером в девять, — сообщил я ей, и она закатила глаза к небу.

— О, боже, — сказали Гвен и Камилла в унисон.

Я еще раз вздохнула.

Марта опустила на меня глаза.

— Не делай этого, — тихо сказала она.

— Марта...

Она отрицательно покачала головой.

— Я тебе говорю, Тесс. Не делай этого.

— Я...

Она схватила меня за руку.

— Послушай меня, просто серьезно послушай, открой хоть раз уши и послушай. Это плохая новость. Плохая. Ладно, значит, он не в полной заднице, придурок, плохая новость, как я думала. Он коп, мать твою, мудак, который играл с тобой. То, что он на стороне закона, хотя я думала, что он совсем не на стороне закона не означает, что он тебе подходит.

— Мар...

Она сжала мне руку и покачала головой.

— Послушай меня, Тесс, — прошипела она. — Я не понимаю, почему ты живешь жизнью, уткнувшись головой в песок, но я люблю тебя, ладно, хорошо ты такая — какая есть. Но поскольку ты прячешь голову в песок, моя работа — присматривать за тобой, и прямо сейчас, я присматриваю за тобой. Ты прекрасна. Ты такая добрая, черт возьми, дорогая, слишком добрая. Я люблю тебя. Все в тебе это любят. Тебе сорок три года, у тебя был ужасных брак с королем всех мудаков, который, наконец, окончательно доказал, что он действительно король всех мудаков, а ты все еще так наивна и безгрешна, и это мило. Да. Поверь мне. Парни тоже так думают. Но твоя наивность делает тебя приманкой для игроков, тебе удавалось держаться подальше от них, потому что жизнь отпугивала

гребаных жужжащих мудаков от тебя, а сейчас ты решила совершить прыжок с тем, кто тебе не подходит.

Он не подходит для любой женщины. Любая женщина, которая не зарывает свою голову в песок, взглянув на него поймет, что с ним весело поиграть, а затем пойти своей дорогой. Но не ты. Ты начинаешь мечтать о белых заборах и экстравагантном торте на день рождения, пока мы не умрем в один день. Он начал все это дерымо с тобой, это его марка, и я знаю, почему он вернулся, потому что ты наивная и невинная, и он думает, что это мило. Но он пережует тебя, Тесс, перемолет и выплюнет. Он уже это чуть не сделал, моя милая девочка, ты должна вытащить свою голову из песка и увидеть его таким, какой он есть на самом деле, и понять, что он сделает это снова.

— Мм-мм, — пробормотала Эльвира, и я повернула к ней голову.

И сказала, хотя знала, что для этой группы девчонок, буду звучать глупо:

— Вы не знаете его.

— Э-э... извини, но мы знаем, — тихо сказала Гвен, и я удивленно посмотрела на нее.

— Вы знаете? — Спросила я.

— Ну да. Это было недавно, но... — она посмотрела на Эльвиру, а потом на меня. — Он был... мой мужчина в определенном бизнесе, и была ситуация, когда я оказалась втянута, и Лукас также оказался в этой ситуации. Тогда он тоже был под прикрытием, и... — она сделала паузу, глубоко вздохнув, тихо закончила: — Прости, Тесс, он тоже был с девушкой во время той операции. Ее звали Дарла, она была шлюхой, настоящей ужасной шлюхой, за которой тянулся ворох больших проблем, но он делал вид, что с ней, хотя фактически и был с ней, чтобы поймать плохого парня. Это круто, что он так предан своей работе, но Брок Лукас, как известно всем, слишком серьезно *предан своей работе*.

Я смотрела на нее, понимая, что она говорит.

Я точно понимала все, что она сказала.

И штука, зажатая в животе, снова начала разворачиваться, шипеть, показывая клыки, готовясь нанести удар.

Черт.

Мне необходимо было выбраться отсюда, взять себя в руки, прежде чем она задушит меня или, что еще хуже, отравит.

— Мне надо идти, — прошептала я, отходя от стола.

Рука Марты по-прежнему лежала на моей.

— Нет, дорогая.

Я осторожно освободилась от ее руки и сделала еще один шаг назад, чувствуя все их нежные взгляды на себе.

— Я должна идти, — повторила я.

— Не думаю, что это хорошая идея, милая, — мягко сказала Эльвира.

Я посмотрела на Марту и прошептала:

— Я позвоню тебе позже.

— Тесс, милая..., — начала она в ответ, но я повернулась и побежала к двери.

Потом я поймала Аду, сказала, что у меня болит голова.

Потом я схватила сумочку и направилась к машине.

Я надеялась, что Эльвира, Гвен, Камилла или Трейси подбросят Марту ко мне, чтобы она смогла забрать свою машину.

Потом я тупо, по-дурацки сглутила зашла в магазин и купила по дороге домой упаковку пива «Буд» в бутылках, которое предпочитал Брок.

Глава 5

Свет теплого, солнечного дня

Я смотрела на себя в зеркало в ванной комнате.

Я делала это много раз. С тех пор, как я вернулась из полицейского участка, увидев себя там в одностороннем зеркале, я постоянно смотрела на себя в зеркало. Разглядывая себя в первый раз... нет... на самом деле, изучая себя впервые за всю свою жизнь.

Марта была в чем-то права, но в основном она ошибалась.

Последние три месяца были не связаны с созданием новой Тессы О'Хара, если бы Джейк слэш Брок снова ее увидел, подумал бы: «Вот дермо, я облажался с ней».

Речь шла, чтобы выяснить, кто я такая.

Нет, даже это не то.

Скорее всего, почему я стала такой.

На следующий день после того, как меня допросил член межведомственной оперативной рабочей группы по поводу преступных деяний моего бывшего мужа, я посмотрела в зеркало, осмотрела себя и поняла, что понятия не имею, кто я такая, понятия не имею, куда иду, и понятия не имею, кем хочу быть.

Единственное, что я знала точно, глядя в зеркало в тот день и все дни с того дня — не хочу быть собой.

Так я примеряла новую себя по размеру.

И со всеми этими исследованиями я понимала, что делаю это бессознательно уже какое-то время, дрейфуя по жизни, как сказала Марта, с головой в песке, по пути апатично примеряя новую себя. Но я не обращала на это ни капли внимания, поэтому в отличие от других женщин, которым было к тридцати и после тридцати, я не нашла себя, не нашла то, что мне подходит.

Мне нравилось украшать торты. Мне нравилось, что людям они нравились, потому что были красивыми и любили их есть. Я очень гордилась своей пекарней, как она выглядела, какой соблазнительной она была внутри, фактически я могла делать то, что любила и нормально зарабатывать этим.

Но это было все, что я успела сделать.

По пути я сошла с рельсов, и после трехмесячного осмотра в зеркале своего лица, волос, тела и души я поняла, все началось с того момента, как я встретила Дэмиана.

Он не был усладой для глаз, да и горячим тоже.

Он был харизматичен.

Он мог запросто стать лидером культа фанатиков, лишенных гражданских прав, которым необходимо было уцепиться за сильную и убедительную личность, чтобы им не приходилось участвовать в борьбе, принимая ежедневные решения и сталкиваясь с их последствиями, как хорошими, так и плохими, они с удовольствием бы пошли бы за ним. Я точно это знала, потому что так произошло со мной.

Тогда он был молодым с драйвом биржевым брокером, но уже успешным, которому маячило большое будущее. Он засосал меня своей харизмой и личностью, хорошей машиной, прекрасной одеждой и соответствующим образом жизни. Но именно я держала голову в песке, не замечая, что у него очень короткий запал, взрывной характер, и его драйв был нездоровым. У него должна была быть самая хорошая машина, дом, одежда, и ему

необходимо было доказывать свое мужское это различными способами со мной, трахая других женщин и побеждая других мужчин.

И быстро по моей коже начало ползать это, собравшись в животе, сжавшись, скручиваясь в узел, который так и остался там, отравляя меня все это время, я все равно держала свою голову в песке и игнорировала, пока все не дошло до точки, он выстрелил в ответ заключительным аргументом, а потом изнасиловал ночью, когда я сказала, что не в настроении спорить с ним, и это малосущественное мое замечание почему-то обострило ситуацию, он внезапно слетел с катушек и взял то, что хотел.

Так все случилось.

И это было именно тогда.

А это было сейчас.

Я правильно вернулась туда, откуда все началось? Начиная с того, глаза закрыты, голова зарыта в песке, вечная надежда притягивает магнитом, человек настроения, одержимый, готовый засосать меня в свой чарующий, но разлаженный водоворот вместе с собой, не переживая, что я могла пораниться, пока крутилась в его персональном торнадо?

И на этой мысли я услышала стук в переднюю дверь.

Идеальное совпадение.

Я еще раз медленно окинула себя в зеркале. Затем, с глупой надеждой или верной интуицией по любому, проявляя осторожность, неуверенная и нерешительная, мои ноги понесли меня к входной двери.

Я встала на цыпочки и выглянула в маленькое квадратное окошко, увидев Брука, стоящего и смотрящего на улицу. Я открыла дверь и увидела, куда он смотрел.

Марта и Эльвира стояли рядом с машиной Марты, и даже в свете тусклого денверского уличного фонаря, я видела взгляд Марты, бросающего кинжалы в Брука, Эльвира подвезла ее, и я поняла, что они специально приехали к этому часу.

Ну, с другой стороны, было приятно знать, что мою подругу подвезли.

— Привет, — прошептала я, и его голова повернулась в мою сторону.

Его губы дернулись, прежде чем он заметил:

— Я так понимаю, ты пополнила ваш отряд.

— Э-э..., — пробормотала я, его губы дернулись в ухмылке; он опустил руку мне на живот и подтолкнул меня внутрь, войдя в дом.

— Эй, девчонки! — Окликнула я, чтобы не казаться невежливой.

— Не делай глупостей! — крикнула Марта в ответ, явно не чувствуя необходимости быть вежливой, ее слова могли означать только одно, Брук уверенно закрыл дверь.

Ну, думаю, разговору пришел конец.

Я подняла на него глаза. Он все еще улыбался.

Черт.

— Ты принесла пиво? — спросил он, я кивнула.

Он оставил меня у двери и прошел через гостиную на кухню вглубь дома.

Я подошла к окну и увидела, Марта и Эльвира о чем-то совещались. Хорошей новостью было то, что если был какой-нибудь способ купить взрывчатку и запалы в интернете, то их не успели бы доставить за такой короткий срок. Другой хорошей новостью было то, если у вас нет контактов в преступном мире или с наемниками или тому подобное, такое снаряжение нельзя купить в открытую. Я точно знала, что у Марты таких контактов нет. Эльвира — большой знак вопроса. Плохая новость была в том, что у Марты так много

драмы было в ее жизни, что она была способна многое придумать, я решила, что Эльвира тоже на многое способна. И мне показалось, что хорошо это не кончится.

— Детка, хочешь пива? — Крикнул Брок из кухни, я прокричала в ответ:

— Нет, — продолжая свое наблюдение за ужасным заговором на улице.

По-видимому, я стояла достаточно долго приклеенная к окну, Брок открыл пробку у холодной бутылки и вернулся ко мне, потому что внезапно мои жалюзи закрылись.

Я моргнула на закрытые жалюзи. Потом повернулась к нему как раз в то время, когда он наклонялся ко мне.

Он схватил меня за руку и потянул к дивану.

Сел.

Потом он сделал то, что делал всегда. Он подтянул меня к себе на колени, чтобы я оказалась верхом на нем.

Брок любил так вести разговоры, и не могу сказать, что ненавидела это. На самом деле, мне нравилось. Я была близко к нему, и это было хорошо, я чувствовала некую связь, должна признаться, было удобно.

И как я уже сказала, он был сентиментальным. Мне казалось, что это немного странно, в хорошем смысле, что такой жесткий, грубый, неудержимый мужчина так любит близость и так часто обнимается. Я думала, что это многое о нем говорит, и это было хорошей чертой. Теперь я не была так уверена.

Он затянулся пивом, его серебряные глаза не отрывались от моего лица.

Когда он опустил руку, обе оказались на моих бедрах, но одна была с бутылкой открытого пива, медленно и успокаивающе он двинул по моему бедру вниз к ногам и обратно (он делал что-то такое, или я делала что-то такое, мне все равно очень нравилось), он заметил:

— Вижу, моя милая Тесс провела время и ее голову забили полным дерьям.

Хм. Я не знала, прав он или неправ насчет этого.

— Брок, — прошептала я, но больше ничего не сказала.

Очевидно, для Брука это было вполне нормальным, он был в настроении поговорить.

— Я не понимаю многое в женщинах. Но самое главное, что они слушают деръмо друг от друга. Никто не знает, что происходит между женщиной и ее мужчиной, кроме самой этой женщины. Они знают только то, что произошло с их собственными мужчинами. Но то описание, которое извергает их рот, когда они болтают о своих бойфрендах, даже когда то, что они говорят, не имеет бл*дь ничего общего с существующей ситуацией.

— Я не уверена, что это правда, — ответила я. — Марта — моя самая близкая подруга, и я знаю, что в душе она желает мне только добра.

— Она знала тебя, когда ты выходила замуж за Хеллера? — спросил он, я кивнула. — Если бы она желала тебе только добра, детка, она бы остановила тебя, когда ты шла к алтарю.

— Она сделала все возможное, — поделилась я, а затем продолжила: — Она сказала, что будет подружкой невесты в знак протеста. Она всегда ненавидела Дэмиана.

— Как она относится ко мне? — он задал вопрос, на который я знала, что он и так знал ответ, потому что Марта несколько раз пересекалась с ним, а она не относилась к тем подругам, которые будут притворяться, что им понравился парень их подруги, если он совсем не нравился. Она была одной из тех подруг, которая досконально рассматривала мужчину своей подруги, отдавая колкие комментарии себе под носом, которые он точно должен был услышать и набрасывались на любую возможную неудачу парня, неся ее перед собой, как маяк.

Дэмиан ненавидел ее почти так же сильно, как она ненавидела его.

И так как Брок ничего не упускал, пересекаясь с ней не один раз, в том числе и сегодня, я подумала, что он ничего не потеряет, если я промолчу.

Он понял, почему я не ответила, по-видимому, его это совсем не задело, потому что он продолжил:

— И как давно ты ее знаешь?

— С пятого класса.

— Она не носит обручального кольца.

— Она никогда не была замужем, — призналась я.

— Она твоего возраста и никогда не была замужем, явно призер, раз раздает советы про мужчин.

— Брок, — снова прошептала я, вдруг его рука исчезла, схватив меня за шею, притянув голову вниз, чтобы наши лица были близко напротив друг друга.

— Ты знаешь, что происходило между нами. Ты знаешь, что ты чувствуешь, когда я целую тебя. Ты знаешь, что ты чувствуешь, когда сидишь со мной вот так, как сейчас. Ты знаешь, что ты чувствуешь, когда наблюдаешь, как я двигаюсь внутри тебя после того, как заставил тебя кончить. И ты знаешь, что ты чувствовала на своей гребаной кухне шесть чертовых часов назад. Она не знает ничего из этого дерьяма.

— Я не очень хороша в выборе мужчин, — сказала я, сразу же пожалев.

Правда, сожалела, что у меня нет возможности засунуть свои слова обратно в рот, его рука сжалась на моей шее, взгляд стал жестким и блестящим, и крайнее напряжение от его гнева начало пощелкивать в комнате.

— Я не Хеллер, — прорычал он.

— Я знаю, — прошептала я, положив руки ему на грудь.

Его глаза впились в мои, его глаза были расплавленными, не в хорошем смысле.

— Хорошо, — мягко произнесла я. — Ты не Дэмиен, но сейчас, должна признаться, ты меня пугаешь.

— Да? — выстрелил он в ответ. — Ты всего лишь сравнила меня с человеком, который годами снабжал Денвер дерьюмом, который поимел жизни многих людей и жизни многих превратил в полное дерьюмо в свою очередь, и который также поднял руку и изнасиловал мою женщину. Прости, что пугаю тебя, детка, но ты должна понять, что от всего этого я не испытываю особого счастья.

Боже, годами никто не знал, что тогда случилось со мной, а сейчас...

Теперь это было прямо у меня перед носом, и именно Брок продолжал мне тыкать этим в лицо.

Я закрыла глаза и отвернула голову в сторону.

Брок продолжил:

— Я знаю, почему ты не смотришь на меня, Тесс, но это дерьюмо случилось с тобой. Ты должна признать это, и, чтобы это дерьюмо работало между нами, один из людей, с которым ты можешь поговорить об этом — это я, — заявил он, я открыла глаза и повернулась к нему.

— Итак, ты сотрудник полиции и местный мудрец Денвера, еще и знаешь, как пережить изнасилование? Сейчас я узнаю о тебе еще и это? — С сарказмом спросила я, больше не чувствуя себя не колеблющейся, не осторожной и неуверенной, а полностью разозлившейся.

— Да, это произошло с моей сестрой и подругой, их двоих изнасиловали, им было плохо с этим дерьюмо, оно всегда останется, но только она решила довериться кому-то еще и поговорить об этом, поэтому думаю, что я знаю, о чем говорю, — выстрелил он в ответ, я

моргнула от шока, хотя неприятной, но почему-то важной информацией, просеивающейся через меня.

Потом я прошептала:

— Прости?

Он не стал повторяться. Вместо этого заговорил дальше:

— Моя сестра получила помошь, она рассказывала об изнасиловании, с которым столкнулась, она справилась. Сейчас она замужем и у нее трое детей. Ее жизнь — это грабаный беспорядок, но ее беспорядок — это виноградное желе, размазанное по обивке автомобиля. Моя бывшая девушка не обратилась за помощью, она боялась говорить об этом, хоронила глубоко в себе, и спустила свою жизнь прямиком в унитаз. Он забрал у нее то, что забрал, но, детка, раз она не сопротивлялась, она добровольно отдала ему все остальное.

О, боже.

— Брок...

Он перебил меня:

— Прямо сейчас, детка, я хочу разобраться в этом с тобой. Мне нравилось то, что у нас было, я, бл*дь, скучал по тому, что у нас было, я хочу вернуть, и хочу знать, каково это, когда между нами не стоит моя работа. Именно поэтому я здесь. Ты тоже этого хочешь, мы должны об этом поговорить. Потому что я — в твоей постели, ты — в моей, я в твоей жизни, ты в моей, этого ублюдка там не будет. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я понимала, о чем он говорил.

И мне также нравилось, что он хотел разобраться с этим со мной, со всем, что было между нами, и что он скучал по мне, когда меня не было рядом. Мне очень понравилось целая куча, потому что три месяца я чувствовала то же самое.

— Я живу дальше, — заверила я его, и вот так просто щелк, и рассерженные искры испарились в воздухе, и появился милый, устойчивый гул его юмора.

— Хорошо, моя милая, сексуальная, абсолютно наивная Тесс со своими очками и густыми чертовыми волосами, и великолепными, мать твою, буферами, способная испечь торт, за который большинство мужчин готовы продать свои шары и которые смотрят на тебя, как будто он, мать твою, последний парень на Земле, шесть лет не бывавший на чертовом свидании, половина парней в твоей пекарне, скорее всего, приходят только, чтобы посмотреть на тебя, но у тебя даже не возникает идей на этот счет, потому что Тесс живет дальше. Я понял. Однозначно. Понятно же, мы в порядке.

Ладно, было многое всего, что мне в нем нравилось.

Много.

Но кое-что из того, что он сказал мне не понравилось.

Совсем.

Поэтому я огрызнулась:

— Я не наивная, — и он вернул свою руку мне на шею, которая только напряглась, чтобы приблизить мою голову.

— Тесс, дорогая, из всех мужчин, которые приходят в твою пекарню или заговаривают с тобой, последний, на кого ты должна обратить внимание, когда он улыбается и спрашивает: «Не хочешь ли пива?», ты ни за что не должна была соглашаться.

— Это ты, — твердо сказала я ему.

Он усмехнулся.

— Знаю. Я единственный везунчик, потому что ты абсолютно наивна.

Я чувствовала себя противоречиво — тепло и излишне сентиментальные чувства внутри от его раннее, типа комплиментов Брука, и одновременно полностью раздраженной и абсолютно разозлившейся окончательно, поэтому толкнула его в грудь руками, объявила:

— Я решила, что хочу пива. Пусти меня.

Он проигнорировал мое настроение, я поняла это, когда его рука с бутылкой пива обернулась вокруг моей спины, и он придинул меня еще ближе.

— Мне также повезло, что у моей девушки было страстное желание посумасбродничать, — пробормотал он, его глаза «живое серебро» опустились на мой рот.

Мм. Я знала, что это означает.

Я также знала, что в течение трех месяцев действительно скучала по занятиям с ним петтингом.

И, наконец, я поняла, что в этот момент не готова начать.

— Брок, — прошипела я и снова его толкнула.

Он проигнорировал мои толчки, подняв глаза к моим, прошептал:

— Я не могу дать никаких обещаний, куда все приведет, но что я могу сделать, это предоставить себя, сохранять тебя в безопасности, пока ты будешь и дальше сумасбродничать, а я буду рвать задницу, чтобы сделать все, чтобы тебе никогда не было плохо.

Его тихие слова заставили меня перестать толкаться, они вызвали во мне поток тепла, теплый фонтан, пока я плялилась на него.

Брок продолжал говорить:

— Это все, что я могу дать, детка, но я также скажу тебе, единственное, я возьму то, что ты готова отдать, но тебе нужно отдать мне то, что этот мудак оставил в тебе, чтобы тебе больше не приходилось носить это бремя.

Боже.

Господи.

Хорошо, может он знал кое-что о женщинах, которых изнасиловали.

Я почувствовала легкость во всем теле в его руках, но все же честно призналась:

— Не думаю, что смогу тебе это отдать.

— Сможешь, Тесс, — мягко ответил он. — Он порезал тебя глубоко, и этот своего рода порез оставил уродливый шрам, но моя девочка не дрейфовала наивно без мужчины в течение шести лет, потому что у нее был этот шрам. Я не понял, почему ты ничего мне не рассказала, когда мы были вместе, но я понял это сейчас. Моя девочка держала все в себе, потому что он оставил что-то уродливое в тебе, и ты должна от этого избавиться, Тесс. Ты должна отпустить это, чтобы увидеть меня таким, каков я есть на самом деле, и какой я с тобой. Ты должна отпустить, когда позволяешь мне находиться в тебе, детка, — его рука сжала мою шею, — когда я говорю так, я имею в виду, что ты впускаешь меня в себя, единственное, что чувствуешь меня внутри себя и единственное, что ты видишь — меня, и мне нравится там, где я нахожусь.

— Я уже впустила тебя, — прошептал я напоминая, заметив тень в его глазах, прежде чем он ответил:

— Да, дорогая, но после того, как ты кончила, ты посмотрела на меня, как будто я был единственным парнем во всем гребаном мире, а потом назвала меня Джейком.

— Я думала, что это тоже твое имя, — защищаясь произнесла я, и его рука у меня на шее сжалась сильнее.

— Я знаю, но, когда я нахожусь внутри тебя, хочу услышать, как ты произносишь *мое* имя. Это было между нами тогда, ради меня. А теперь этого больше нет. Я хочу четко прояснить тебе, что может быть между нами. Можешь так сделать?

И изо рта у меня внезапно вылетели слова:

— Кто такая Дарла?

И его настолько сильное теплое отношение исчезло в одно мгновение, вернулось статическое электричество.

— Какого хера? — тихо спросил он.

— Кто такая Дарла? — Повторила я.

Его глаза сузились, подбородок превратился в камень, прежде чем он рявкнул:

— Кто рассказал тебе о Дарле?

Я уставилась на него и решила, что увиденное мне не понравилось.

Затем прошептала:

— Ну.., — и снова начала толкаться.

Для меня это хорошим не кончилось главным образом потому, что он убрал свою руку с меня, чтобы наклонить нас обоих в сторону и поставить бутылку пива на столик, потом крутанул меня кругом, и я оказалась, лежа на спине на диване, а он был не только на мне, но его бедра улеглись между моими ногами.

Наша поза совсем не способствовала продолжению беседы о будущем наших отношений, когда он ошеломлял меня своей сексуальностью, страстью и искренней честностью, эта поза была намного хуже.

— Я спрошу еще раз, Тесс, — прорычал он. — Кто рассказал тебе о Дарле? Эльвира?

— Эм... — пробормотала я, его глаза сузились, и я быстро выпалила: — Она была на вечеринке со своими подругами, и одна из них была по имени Гвен. Гвен сказала мне.

Он приподнял голову, смотря поверх моей головы, зарычав:

— Черт.

— Брок, — я вздрогнула, и его глаза резанули по мне.

— Дарла, это не ты... — выдавил он.

— Но...

— Нет, Тесс, это не ты. Я говорил тебе раньше, что мне нравилась моя работа в течение четырех месяцев, это значит, что мне нравилось быть с тобой. Скажем так, мне не все нравилось в моей работе, но это был единственный план, который я мог осуществить тогда с ней.

— Ты горячая штучка, — мягко сказала я.

— Что? — резко выпалил он.

— Ты горячая штучка, — повторила я. — Я знаю. Я даже могу представить, как тебя отправляют, когда...

— Неaaaa, — он покачал головой, прижимая свое тело к моему, и электричество щелкнуло и заискрилось по комнате. — Я не местная проститутка УБН с членом, — прорычал он.

— Роль, которую я играл с Дарлой, был моим выбором, долгой работой, жертвой, которую я решил принести жизни, которой жил под прикрытием, и из которой должен был выбраться. Она затягивала меня вниз.

Она душила меня. Это дермо, люди, с которыми мне приходилось проводить время, я не мог вздохнуть чистый воздух, жить приличной жизнью, общаться с хорошими людьми, меня затягивало все глубже вниз. Я должен был сыграть на «статую Свободы», и я сделал это. И, бл*дь, я пошел на эту жертву, и все пошло не так, Тесс, я вынужден был наблюдать,

как эти идиоты хватают хорошего человека и почти убивают его. Ты же была совсем другой. Моим заданием с тобой было легкое прикрытие. Сблизиться. Разнюхать все вокруг. Они изучали твои финансы, пекарню, прочти не подозревая тебя, не думая, что ты участвовала в его операциях, скорее даже ты была случайным свидетелем, но он общался с тобой и твое имя было в его счетах, они хотели убедиться в этом. Я взялся за это задание, примерно через час с тобой я понял, что ты чиста, а также я понял, где хотел бы оказаться после окончания расследования. И когда я взялся за эту работу, ты была светом теплого, солнечного дня, Тесс. Дарла была мертвой холодной, темной гребаной ночью. — Его лицо приблизилось, голос стал низким, и он закончил: — Было приятно снова почувствовать солнце.

Я смотрела в его сверкающие глаза.

Затем мои губы прошептали:

— Твоя работа довольно напряженная, Слим.

Он в упор смотрел мне в глаза. Затем искры исчезли, разлилось тепло, он перекатился на бок, прислонился к спинке дивана, потянув меня за собой, его руки крепко обняли меня, ноги переплелись с моими.

— Да, детка, так и есть. И это трахает тебе мозги. Вот почему, когда я встретил женщину, чей дом всегда пахнет тортом в духовке, которая крепко держится за меня, прижимая свои сиськи к моей спине, когда мы мчимся на байке, которая смотрит на меня так, будто я могу заставить остальной мир растаять для нее и останусь только я, я понял, что хочу удержать эту женщину.

И от чувств, от теплоты, брызнувшей из меня, я выпалила:

— Это в моем животе.

И увидела, как он медленно моргнул, прежде чем спросить:

— Что?

— Напряженная, ядовитая змея свернулась калачиком. Он может становиться очень маленькой, такой маленькой, что я забываю о ней. Но когда она раскручивается, увеличивается и становится такой большой, что заполняет меня, пробирается в горло, глубоко в горло, Брок, иногда я думаю, что она меня задушит, когда она начинает раскручиваться, я всегда ужасно боюсь ее удара.

Одна из его рук скользнула по моим волосам, вокруг глаз появились лучики, потом он прошептал:

— Это он оставил в тебе?

— Да, — прошептала я в ответ.

Он вздернул подбородок вверх, его пальцы просеивали мои волосы, затем он наклонил свою голову к моему горлу.

И когда он снова заговорил, его голос был густым, тягучим, я поняла, что это значит, тягууучим, я знала, что это означает для меня, я придвигнулась к его длинному, худому телу, он спросил:

— Ты собираешься работать над этим дерьямом?

— Я..., — его рука напряглась у меня в волосах, а мои пальцы сжались на его футболке, потом я прошептала:

— Да.

— Ты разрешишь мне помочь?

Я закрыла глаза.

И шепотом повторила:

— Да.

Его руки сжались, придвигая меня, я напряглась.

— Ты боишься, детка? — Спросил он.

Я не стала повторять свое «да», просто кивнула.

Его руки сжались, а голос стал еще гуще, я почувствовала, как его шея согнулась, а губы сказали мне:

— Не надо. Пугающая, как п*здец и дикая, это просто, обычная неудержимая тварь. Ты только что прицепилась к другой неудержимой твари, Тесс, и я клянусь, детка, клянусь, — его руки сжались, и он закончил: — Я покажу тебе, что это хорошее, безопасное место.

Я глубоко вздохнула, потому что поверила ему.

Затем прошептала:

— Хорошо.

Брок ничего не ответил. Он просто крепко меня обнимал. Он держал меня так долго. Достаточно долго, чтобы я расслабилась в его объятиях. Достаточно долго, чтобы мои пальцы расправились, а затем опустились расправленные на его теплую, твердую грудь. Достаточно долго, чтобы я поняла, что «Космо» на задней веранде действительно плохом бэби-шауэр с девушками, которые переживали за меня до глубины души и хотели лучшего, не пролили даже малую толику света на то, что у меня происходило на этом диване в этот момент. Единственный, кто знал, что происходит, это была я и Брок.

И после того, как прошло достаточно долго, он толкнулся вверх, схватил свое пиво, прислонился спиной к дивану, головой к моим подушкам, приподняв их на подлокотник, я в основном расположилась на его теле, его бутылка с пивом стояла у него на груди, и когда я подняла голову, чтобы взглянуть на него, увидела его «жидкого серебра» глаза, наблюдающие за мной.

Затем он пробормотал:

— Хорошо, детка, теперь расскажи мне о Кентукки.

Я прикусила губу.

Брок усмехнулся.

Я перестала прикусывать губу и улыбнулась в ответ.

Потом прошептала:

— Я должна снять линзы и надеть очки.

Его взгляд потепел, губы расплылись в улыбке, рука ослабла, и он тихо произнес в ответ:

— Хорошо, дорогая, я буду здесь.

Это заставило меня снова улыбнуться.

Потом я вскочила, чтобы снять линзы и надеть очки.

6.

Недостаток аннулирован

— Черт, — пробормотала я, открыв глаза и увидев перед собой грудь Брука в футболке. Мы спорили на диване и очевидно заснули, потому что раннее утреннее солнце светило через жалюзи.

Я поняла, что было утро, потому что услышала, как Фиона Эппл пела *Fast as You Can* из моей спальни, а это был рингтон моего будильника.

— Черт, — пробормотала я, перемещаясь и собираясь подняться, выбинаясь из-под его колена и руки на подушке, когда внезапно сильные руки схватили меня, и мое расслабленное тело столкнулось с твердым телом Брука, его рука скользнула мне в волосы, и он приблизил мою голову к себе.

Поцеловал долго, сладко, глубоко и влажно.

Мои пальцы свернулись, в животе разлилась теплота, тело расплавилось от него, одна из моих рук скользнула по его шее в волосы, другая обвилась вокруг спины.

Когда он прервал поцелуй, я приподняла голову на дюйм, лениво открыв глаза, и услышала, как Фиона Эппл стала петь громче (но мне было все равно).

— Ты отключилась до того, как мы приступили к веселью, детка, — сказал мне Брук глубоким, сексуальным, сонным, хриплым голосом.

— Правда? — Спросила я.

— Да, — я наблюдала, как его губы растянулись в улыбке, — прямо посреди разговора ты просто провалилась.

Дерьмо.

Неудобно как-то.

Я уставилась в его сексуальные, сонные глаза и прикусила губу.

Брук опустил взгляд на мой рот.

Затем я оказалась на спине на диване, Брук надо мной, он поцеловал меня снова, уже дольше, слаще, глубже, влажнее, и еще чертовски стал действовать руками... много.

Мм. Так приятно просыпаться.

Фиона перестала петь *Fast as You Can* и перешла к *Get Gone* на моем непреклонном замысловатом будильнике, туда можно подгрузить MP3, и он начнет будить вас мягкой, приятной музыкой, которая нравится, но чем дольше его игнорировать, тем громче становится музыка.

И мы позволяли звучать моему будильнику в течение длительного времени, темп Фионы в *Get Gone* сменился от сладкого и мелодичного к обозленному и возбужденному, заполняя дом, что даже фантастические поцелуи Брука не смогли его заглушить.

И очевидно я тоже не могла заглушить эту музыку от Брука, потому что он отлепил свои губы от моих, и проворчал:

— Черт, детка, прости, но я должен выключить это дерьмо.

— Фиона Эппл — не дерьмо, — ответила я, он стрельнул в меня взглядом и прошмыгнул в мою спальню.

Я смотрела на его задницу, пока он двигался, думая, что было бы не хорошо, если его взгляд означал, что ему не нравится Фиона, потому что я люблю Фиону. Я не слушала ее двадцать четыре на семь, но у нее было много эфирного времени в доме Тесс О'Хара.

Нет, это было не совсем так. Я думала о Бруке и Фионе Эппл, но в основном я думала о том, как здорово его задница выглядела в выцветших джинсах.

Как только я перестала думать об этом (примерно, когда он исчез в спальне), я огляделась вокруг в поисках своих очков, заметив их на столике сбоку от дивана, Брук видно снял их и положил туда, я схватила и напялила на нос, встала и отправилась на кухню.

Я стояла у раковины, наполняя кофейник водой, когда он вошел в кухню.

Мне потребовались усилия, чтобы не выронить стеклянный кофейник в свою керамическую раковину, когда увидела обжигающего горячего в помятой одежде, как всегда сексуального, с взъерошенными волосами, теперь еще более сексуальными, непослушными

(из-за сна и моих рук, пробегающих по ним), со слипающимися глазами, Брука Лукаса фланирующего в мою кухню.

Ого!

Я никогда не просыпалась с Бруком, но смотреть на него утром было почти так же хорошо, как один из его поцелуев.

Почти.

Я выключила воду и перешла к кофеварке, решив скрыть свою реакцию, спросив:

— Тебе не нравится Фиона Эппл?

Его ответ был:

— Это помешает нашим отношениям?

Я открыла верхнюю крышку кофеварки, вылила воду и повернулась к нему, наблюдая, как он собирается открыть холодильник.

И сказала:

— Я буду считать, что это «нет».

Он стоял, обхватив дверную ручку холодильника, и его глаза смотрели на меня.

— Детка, я слушаю «Криденс», «Иглс», Сантану, Стиви Рэя, Воана, Трогуда, деръмо вроде этого и почти всех стран, если не поют цыпочки. Похож я на человека, которому нравится Фиона Эппл?

— Нет, — ответила я. — Ты похож на человека, который остро нуждается в ускоренном курсе за три десятилетия по музыке. Ребята вернулись из Вьетнама, Брок, последуй за мной в новое тысячелетие.

Он ухмыльнулся и пробормотал:

— Умничаешь, — прежде чем открыл дверь холодильника и засунул в него голову.

Я почувствовала теплый жар в животе из-за его усмешки и одного вида, как его голова застряла в моем холодильнике, когда услышала звонок своего мобильного.

Я засунула кофейник под кофеварку и двинулась к сумочке на кухонном столе, задаваясь вопросом, кто может мне звонить в такой час и зачем. Вытащив свой телефон, посмотрела на экран и увидела, что это Марта.

Черт.

Я нажала кнопку на экране, принимая вызов и приложила трубку к уху.

— Привет, дорогая, — поздоровалась я. — В чем дело?

— Его грязный, ржавый, побитый, отчаянно нуждающийся в продаже грузовик все еще находится перед твоим домом, вот что случилось, — приветствовала Марта, и я перевела взгляд с кухонной дверной рамы к переднему окну, которое все еще было закрыто жалюзи.

И спросила:

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что я проехала мимо тебя по дороге на работу, чтобы проверить и посмотреть, насколько сумасшедшей, глупой ты стала с обжигающе горячим парнем, и я обнаружила, что ты превзошла все ожидания, став совсем сумасшедшей, глупой с обжигающе горячим парнем.

— Марта! — Сорвалась я.

— Я ошибаюсь, или его грузовик не завелся прошлой ночью, и он отбыл домой? — спросила она.

Мои глаза перешли на микроволновку, затем на кухонную столешницу.

— Я не верю тебе. Это ты из нас сумасшедшая. Во-первых, ты не ездишь на работу в час и во-вторых, мой дом в тридцати минутах от твоего пути на работу.

— Я выполняю миссию, желая остановить тебя от совершения еще одной очень плохой ошибки, — ответила она.

Я слышала, как захлопнулась дверца холодильника, но мне даже не нужно было слышать, как она захлопнулась, чтобы вспомнить, что Брок был здесь же на кухне и слышал каждое слово.

— Я не могу сейчас говорить об этом, — сказала я ей. — Приходи вечером в пекарню после работы. Мы съедим по кексику и поболтаем.

— Девушка, я одинока, а моя лучшая подруга только что сбросила десять фунтов и сделала прическу за триста долларов. Я ни за что не съем ни один из твоих кексов, потому что съесть один, значит съесть четыре, и мне не нужны эти кексы на моей жирной заднице, когда я с тобой пойду на поиски сексуального парня. Никто и раньше особо на меня не заглядывался, когда я шла с тобой, с твоей великолепной грудью и твоим взглядом, сообщающим всем желающим: «Разве не мило, весь мир похож на Диснейленд!» Я съем твои кексы, которые никогда не осядут на моей заднице, когда стану невидимой.

— Это неправда, — сказала я ей.

— Что именно? — выстрелила она в ответ.

— Все, — мгновенно ответила я.

— Девочка, очнись... проснись.

Я вздохнула. Потом мои глаза передвинулись к Броку, я увидела его бедра напротив столешницы, открытую бутыль молока в руке, и я точно знала, что тосковала по нему, пьющему прямо из бутылки.

Недостаток.

Он ухмыльнулся мне, и я почувствовала сладкий гул в воздухе, заметив, как искрятся смехом его глаза, поняла, что он улыбается, пытаясь не рассмеяться.

Ладно, аннулируем этот недостаток. Он мог пить прямо из бутылки молоко и все, что хотел, пока от него у меня на кухне создалась отличная атмосфера, пока он ухмылялся мне, а я все утро смотрела на обжигающее горячего парня.

— Алло! — крикнула Марта мне в ухо, и я оторвала глаза от Бруса.

— Я здесь, — произнесла я.

— О боже, он там морочит тебе голову, — пробормотала она.

В этом она не ошибалась.

Пришло время для серьезных отношений.

— Марта, правда, дорогая, нам нужно поговорить.

— Дерьмо. — Все еще бормотала она.

— Это важно, — прошептала я и почувствовала, как веселая атмосфера Бруса меняется, наполняя кухню теплом.

Марта услышала мой тон, осознала и сразу же сдалась.

— Хорошо, но мы не будем встречаться в пекарне за кексиками. Ты приходишь, а я готовлю салат.

Я моргнула, глядя на столешницу.

— Ты готовишь салат?!

— Я собираюсь приготовить салат.

— Дорогая, последний раз, когда я ужинала у тебя дома, ты жарила сельдерей.

Тепло в комнате зависло, но гул вернулся, и он исходил от корчившегося от смеха Бруса.

Я зыркнула на него, но он проигнорировал мой намек, продолжая смеяться, вернее ржать, покачивая головой.

— Слышу, ему это кажется смешным, — раздраженно заметила Марта.

Я отвернулась от Брука и заявила:

— Марта, детка, ты жарила сельдерей. Любому это покажется смешным.

— Я опытный шеф-повар, — ответила она.

Это было правдой. Но она не была такой уж успешной.

Я снова вздохнула.

Затем предложила:

— Как насчет того, чтобы ты пришла ко мне, и я сделаю салаты.

— А этот обжигающе горячий парень тоже будет?

— Его зовут Брок, — прошептала я.

— А этот обжигающе горячий парень Брок тоже будет, который тебе не подходит? — внесла она поправки.

— Я не знаю, — честно ответила я. — Но, должна сказать, не стоит затягивать, и он знает, о чем я хочу с тобой поговорить, так что, если он будет, тебе придется иметь дело с ним. Если его не будет, тогда не будет. А?

Тишина.

Затем.

— Так это не связано с ним?

— Нет. Это связано с тем, что я должна была уже давно тебе сказать, но не сказала, и мне нужно..., — мои глаза скользнули к Броку, и я увидела, что он внимательно смотрит на меня, направляясь ко мне. Он добрался до меня. Его рука обвилась вокруг моего живота, он ударился грудью о мою спину, я почувствовала его тепло, его голова уткнулась мне в шею. Только тогда я продолжила: — Мне нужно избавиться от этого, так что пришло время тебе рассказать.

С места в карьер она прошептала свое предположение:

— Дэмиан.

Вот когда я поняла, что она уже знала, или может, на самом деле, не знала, но чувствовала глубокие личные проблемы, стоящие у меня на повестке дня, но она отступила, давая мне возможность разобраться с ними, а когда я настояла и, наконец, избавилась от моего бывшего мужа, не погружаясь в глубины отчаяния, она выдала мне это.

— Да, — прошептала я в ответ.

Рука Брука сжалась вокруг меня.

Я закрыла глаза.

— Хорошо, детка, я буду в семь часов.

— Марта? — Позвала я.

— Да, Тесс, — ответила она.

— Люблю тебя, дорогая.

— Я тоже тебя люблю, детка.

— Но, ты продолжаешь следить за мной, твоя любовь убивает, — предупредила я, поддразнивая ее.

— Неважно, — пробормотала она, зная, что я ее поддразниваю, потом она отключилась.

Я провела по экрану, закончив вызов, и положила телефон на столешницу. Брок развернул меня к себе, мы стояли лицом к лицу, и обе его руки были вокруг меня.

— Не самая моя большая поклонница, — пробормотал он, но он даже не казался расстроенным.

— Если ты хочешь зависать со мной, возможно тебе следует провести некую работу в этом направлении, — предположила я.

— Точно, — ответил он, — нет, детка. Я скажу тебе, нравлюсь ли я ей или не нравлюсь, мне пох*й.

Хм. Еще один недостаток.

— Она моя лучшая подруга, — напомнила я ему.

— Если это так, она увидит, что будет хорошо для тебя, и она разберется со своим дерьмом. Если она не такая женщина, она не будет с этим разбираться. Вместо этого она будет видеть только мистификацию и не поймет, что мужчины не хотят королевы драмы, требующую к себе повышенного внимания, так как они управляют курсом, и пока она не уберет это дерньмо из своей жизни, будет одинокой. В отличие от ее подруги, которая видит, что ее мужчина пьет молоко из бутылки, но скорее всего маловероятно, она будет отучивать его от этой привычки, если учесть, что ему сорок пять лет, и пьет так молоко с тех самых пор, как был ребенком, и его женщина не реагирует и не зацикливается об этом ни на секунду, вместо того, чтобы начать говниться, что по существу ничего не даст, только пустая трата сил, оставив в обоих случаях ощущение вылитых помой.

Ну, должна признать, все это было интересно, проницательно и по-взрослому.

Пока.

— Раз мы затронули эту тему, несколько негигиенично пить из бутылки молоко.

— Детка, сегодня утром я десять минут держал язык у тебя во рту. Чем это отличается?

Я наклонила голову в сторону, раздумывая над его замечанием.

Затем поделилась:

— Твоя точка зрения заслуживает внимания.

Он расхохотался и уткнулся лицом мне в шею, когда он закончил хохотать, поцеловал меня.

Было приятно, в хорошем смысле.

Он постоянно так делал.

И мне этого не хватало.

Затем он поднял голову, его глаза остановились на мне.

— Ты не против, если я запрыгну в душ перед тем, как уйти?

Брок голый в моем душе и все восхитительные видения, которые только можно себе представить, прорвались на свободу через мои мысли, сорвав резьбу.

Ух...

Агаа!

— Конечно, — ответила я.

Его губы приподнялись с одной стороны, и мне это тоже понравилось.

Затем его полуулыбка исчезла, он сжал руки и спросил:

— Ты хочешь, чтобы я пришел к салату?

— Ты хочешь прийти к салату? — Переспросила я.

— Я хочу, чтобы ты мне сказала, чего хочешь ты, — ответил он.

Я об этом тоже подумала.

Затем я нерешительно произнесла:

— Наверное, нет.

— Хорошо, — пробормотал он.

— Дело не в том, что я... — поспешила добавить, но он остановил меня, сжав руку, и наклонился к моему лицу ближе.

— Детка, все в порядке. Я покажусь сегодня примерно в то же время, что вчера. Хорошо?

Я кивнула.

— Завтра, никаких планов с твоими девочками. Завтра моя ночь, — заявил он.

Мой живот стал теплым и фонтанирующим, и я снова кивнула.

Он усмехнулся и снова пробормотал:

— Точно.

Затем опустил голову, прикоснулся губами к моим, тихо прошептав:

— Душ.

Острота ощущений заскользила по моему позвоночнику.

Брок отпустил меня и вышел из кухни.

Я уставилась на кофеварку и улыбнулась, когда услышала, как в ванной зажурчала вода.

Потом приготовила кофе.

* * *

Полтора часа спустя я сидела в машине и смотрела в сторону своей пекарни, держа телефон в руке, раздумывая. Я никогда не играла в игры с Броком. Никогда. Даже с самого начала.

Я взглянула на него, и мне очень понравилось то, что я увидела, и в ту минуту, когда он проявил ко мне интерес, я проявила свой и никогда не отклонялась с этого пути.

Я поступила так, потому что, коль скоро я увидела и все время смотрела сцену «Моя большая греческая свадьба», когда Ян попросил Тулу, и она сразу же ответила «Да», не играя, без уловок, демонстрируя свою открытость, она была не только интересна для него, но идея провести с ним время возбуждали ее, я подумала, что это было самое милое, что я когда-либо видела.

И еще я поступила так, потому что была собой.

Я сидела в машине с телефоном в руке и думала о том, что сказал Брок, было правильным. Он и я занимались ерундой и в течение трех месяцев, и эта ерунда была в моей голове.

Но семь месяцев назад, когда он привез меня домой после нашего первого свидания, поцеловав меня в своем пикапе и этот поцелуй длился полчаса (это не шутка) он, наконец, оторвал свой рот от моего, зарылся лицом мне в шею и проворчал: «Черт», своими сильными руками, обвитыми вокруг меня, я поняла, что у нас по-настоящему, началось все хорошо и собирается стать еще лучше.

Как Тула и Ян знали, что все у них будет хорошо в «Моя большая греческая свадьба».

Именно об этом вчера говорил Брок на моей кухне. Именно это он имел в виду, когда сказал, что я пойму в ту же секунду, когда перестану быть той, чье дело он расследует, и стану быть той, кто может что-то значить для него.

И я поняла, и это было именно в ту секунду, когда я поняла.

И вчера вечером он доказал то, что я чувствовала в ту секунду, не было между нами ложью.

И игра в разные игры не вызвала бы во мне такие чувства.

И игры не решили бы саму проблему.

Я решила разобраться с этим, будучи только той, кем я была с ним.

Поэтому я коснулась экрана на своем телефоне, зашла в избранное, и подушечкой пальца нажала на «Слим» (понятно же, я изменила имя).

Потом я приставила телефон к уху.

Раздалось два гудка, прежде чем я услышала:

— Да, детка.

— Привет, — ответила я.

— Все нормально? — Спросил он.

— Эм... мне нужно тебе кое-что сказать, — произнесла я ему.

Наступила пауза.

— Я слушаю, Тесс.

Я прикусила губу.

Потом поделилась:

— Меня, на самом деле, не волнует, что ты пьешь из бутылки молоко не потому, что возможно это спорная нелепая причина, которая не нравится женщинам, когда мужчина пьет из бутылки молоко. А потому что мне все равно, что ты будешь делать — ты мне просто нравишься на моей кухне.

Мои слова были встречены молчанием.

Я задержала дыхание.

Наступила тишина.

Тогда я подумала, может мне не стоило раскрывать всей правды.

Затем я услышала, как Брок спросил:

— Спорно нелепая?

Напряжение в моей груди ушло, и я почувствовала, что мои губы расплываются в улыбке, а глаза закрылись.

Затем я открыла их и произнесла:

— Я гарантирую, когда ты пьешь из бутылки молоко — это не так уж плохо.

Мы же не рассматривали другие варианты, скажем, если ешь печенье или торт и запиваешь из бутылки молоком. Это отвратительно. Никто не захочет потом использовать эту бутылку, на горлышке которой могут остаться крошки торта или печенья, даже несмотря на то, что торт и печенье были вкусными. Здесь мы вступает в сумеречную зону.

Привлекательный, низкий смешок раздался у меня в ухе, через который я услышала:

— Детка.

— Просто говорю, — сказала я.

— Принято, — ответил Брок.

— Хорошо, мне нужно печь торты.

— Хорошо, дорогая, и я понял намек, твоя подруга избегает твоих кексов, но твой мужчина не такой, если ты принесешь их домой сегодня вечером, они не останутся недооцененными.

— Ты будешь пить молоко из стакана, когда будешь их есть?

Прозвучал еще один привлекательный низкий смешок, и я услышала:

— Посмотрим, как все пойдет.

— Точно, — прошептала я.

— Иди печь торты.

— Хорошо, увидимся, дорогой.

— До скорого, детка.

Потом я отключилась.

И улыбнулась

Затем вышла из машины, зашла в пекарню и начала печь торты.

Я стояла у входной двери выжиная.

Когда же это произойдет. Марта, наконец, перестала запихивать свое тело на водительское кресло, подняв глаза на открывавшуюся крышу автомобиля, к крутым подъему в конце моего двора, в четырех шагах от меня и моей парадной арочной двери.

Она прижала пальцы к губам, протянула их в мою сторону, отправляя мне поцелуй.

У меня запершило в горло, но я послала ей в ответ воздушный поцелуй одними губами.

Она сложила свое миниатюрное тело за рулевым колесом, завела машину и укатила.

Я смотрела ей вслед, пока не потеряла из виду ее стоп-сигналы, но все равно продолжая смотреть в темноту.

Моя лучшая подруга Марта Шокли не очень хорошо восприняла новость, что мой бывший муж ударил меня и изнасиловал, несмотря на то, что это произошло более шести лет назад. Она злилась *не на меня*, она была ужасно подавлена *из-за меня*. И после таких новостей, она мгновенно рассыпалась на кусочки. Она с ненавистью отнеслась к тому, что произошло со мной, и наблюдая, как она переживала бремя этой информации, я вспомнила почему не рассказывала ей.

Затем она обняла меня и заставила пообещать никогда, и я имею в виду, на самом деле, никогда, больше не скрывать ничего подобного.

— Всегда ты была рядом со мной в трудную минуту, Тесс, я не могу смириться с мыслью, что я не была с тобой в такую минуту, — прошептала она. — Я устала отступать, надеясь, что ты сама разберешься со своими мыслями, дорогая. Ты должна позволить мне быть рядом с тобой и с этого момента, я чувствую тоже что-то неправильное происходит, и я сделаю все, чтобы ты позволила мне быть рядом.

Я прижала ее к себе и пообещала.

Серьезно, а что еще я могла сделать?

Разумеется, салат не очень хорошая еда под исповедь, поэтому Марта съела четыре дюжины кексов, которые я принесла домой для Броку.

И не смотря на новость, Марта не сменила свое амплуа, когда появился Брок, продолжая смотреть на него ястребом, выжиная, что он каким-то образом облажается, и она смогла бы тут же наброситься на него, постоянно прищуриваясь, следя за ним, я даже побоялась, что она заработает себе мигрень.

Брок был тем, кем он всегда был (даже когда я называла его Джейком). Он был Броком.

И поняв, что он не собирается облажаться при первых же трудностях и разоблачить скрываемого в себе мудака, Марта, наконец, сдалась и ушла.

Что подводило меня к настоящему моменту.

Я закрыла дверь, заперла и повернулась к гостиной.

Мне повезло. Четыре года назад, после того, как пекарня прижилась в городе и жизнь стала налаживаться, становясь не такой уж страшной, я отправилась на охоту за домом, и второй дом, который я осматривала, был этот.

Пара, которая купила его, потратила годы, чтобы довести до ума и перестроить так, как они хотели. Муж получил повышение и его перевели, буквально за несколько недель до того, как были сделаны последние штрихи с последней любовью (и кучей денег), когда они установили новую кухню.

Они были опустошены тем, что им придется съехать.

Я же была в восторге (хотя мне их жаль чисто по-человечески).

Были переделаны все полы в темное дерево. Стены были перекрашены. Ванные комнаты обновлены и просто сказочные. Подвал был переоборудован в огромную гостиную, где у

меня стоял телевизор. Внизу была дамская комната, прачечная и комната для гостей, в которой была своя ванная. Котел был заменен. Крыша перекрыта. Двор благоустроен. И был установлен испарительный охладитель.

А кухня была, словно сделанная для меня. Кухня была феноменальной. Обилие белых настенных шкафов, все с стеклянным фасадом, с орнаментом ручной работой в углах и местах, которые были трудно заполнить. Синевато-серого цвета полы. Потрясающая черно-белая плитка на кухонной зоне. Огромный кухонный островок посередине. Блестящие мраморные столешницы. Оборудование из нержавеющей стали ресторанныго качества, включая узкий, но изысканный винный холодильник. Инкрустированный держатель для поваренной книги. Встроенная микроволновая печь и двойная духовка, один вентилятор. Мечта пекаря.

Моя мечта.

Пятьдесят тысяч долларов сверх бюджета, но я купила, потому что решила, что это того стоит.

С тех пор, несмотря на то, что первый год был тяжелым, я ни разу не пожалела об этом. И проходя через переднюю гостиную, от которой отходили две спальни и ванная, к двойной двери на кухню, я думала то же самое.

И когда я попала на кухню и увидела Брука, привалившегося бедром в потертых джинсах к ребру стойки, впивающегося зубами в кекс, наполовину состоящего из огромного серебряного завитка в бледно-лиловой глазури, посыпанного синим красителем, с засахаренным конфетти, скрывающегося за его полными губами, я приняла мгновенное решение, что мне необходимо порыться в моих документах, найти дату, когда я поставила свою подпись над пунктирной линией, отчего этот дом стал моим домом и начать праздновать этот день огромной, шумной вечеринкой каждый гребаный год.

— Она уехала, — сказала я ему, остановившись на другой стороне островка и положив руки на столешницу.

Я не могла оторвать глаз, наблюдая, как он слизывал глазурь со своих губ, проглотив, а затем спросил:

— Сколько времени ей нужно, чтобы добраться до дома?

— Двадцать минут, — ответила я.

Он не отрываясь смотрел мне в глаза, тихо сказав:

— Тебе нужно позвонить ей через двадцать пять минут, детка.

Я продолжала удерживать его взгляд, теплый фонтан ударили внизу моего живота, понимая, что он считал настроение Марты и понял, что она была очень расстроена, он хотел, чтобы я проверила ее.

— Хорошо, — прошептала я.

Он изучал выражение моего лица, я не отворачивалась.

Затем все еще тихо спросил:

— Как ты?

— Рассказывать об этом было не весело, — призналась я.

— Могу догадаться, Тесс, — сказал он мне все также тихо.

Я кивнула и глубоко вздохнула. А затем добавила:

— Я рада, что сделала это, жаль, что не рассказала ей все раньше, но сейчас рада, что она все знает, и также рада, что мне больше не придется снова ей все рассказывать. Пока это все, что я смогла сделать.

— Верно, — прошептал он.

Затем он засунул остаток кекса в рот. Я смотрела, как он прожевал и глотал.

А потом он спросил:

— Тебя не будет бесить прямо сейчас, если я задам вопрос, тебе не интересно, пришел ли я сюда вчера, потому что скучал по Тесс или потому что скучал по ее кексам?

Я ухмыльнулась ему.

И ответила:

— Нет, потому что я и есть мои кексы.

И меня так поразила эта мысль, вот оказывается кем я была. Для всех я могла быть в футболках, джинсах, шлепанцах или юбках-карандаш, замысловатых дизайнерских блузках и босоножках на высоком каблуке или в чем-то еще, я могла быть в чем угодно. Но внутри я была создана вся из огромных завитков, напоминающих пики гор, нежной цветной глазури, присыпанной конфетти, съедобной волшебной присыпкой на вершине богатого, влажного торта.

И когда я это полностью осознала, почувствовала распространившееся тепло по телу и некую сентиментальность.

— Иди сюда, детка, — пробормотал он, я ощутила, как комната наполнилась эмоциями, глядя на выражение его лица, я не стала медлить, обогнула кухонный остров и направилась к нему.

Я подошла близко, он обнял меня и прижал к себе. Потом опустил голову и поцеловал сладким, вкусным, длинным, глубоким кексным поцелуем.

Когда он закончил, прижавшись ко рту, я прошептала:

— Ты очень вкусный.

На что он ответил:

— Я знаю.

Я улыбнулась, прижавшись к его губам, и он ответил тем же.

Затем приподнял на дюйм голову, сжал меня в руках и мягко сказал:

— Я хочу провести у тебя ночь.

Живот ухнулся, я почувствовала судорогу между ног.

Ответила:

— Хорошо.

Его веки отяжелели, руки сжались сильнее, мои руки обвились вокруг него, он наклонил голову и поцеловал меня снова, на этот раз дольше, глубже, сладче и еще более вкуснее.

Так мы и стояли какое-то время. Достаточно долгое, я запустила пальцы в его волосы. Достаточно долгое, Брок приподнял одной рукой мою футболку, а другой крепко сжал мою задницу. Достаточно долгое, мои соски набухли и между ног стало мокро. Достаточно долгое, я подумала, что спальня слишком далеко, и порадовалась, что кухонный пол был вымыт, потому что я хотела, чтобы он взял меня здесь, на полу.

Но, к сожалению, не достаточно долгое время, потому что мы все еще целовались, стоя на кухне, не голые и не полуодетые, не находясь в точке невозврата, когда раздался стук во входную дверь.

Голова Брука поднялась с низким, коротким, разъяренном рыком, взгляд устремился к входной двери поверх моей головы. Я моргнула от такого нежелательного поворота событий и повернула голову к входной двери.

Время было около десяти. Слишком поздно для незваного гостя. Если только незваным гостем не была Марта, которая что-то забыла, а Марта была именно той девушкой, которая

постоянно что-то забывала, где бы она не находилась, например, кошелек, кредитку и другие похожие вещи.

Еще один стук пришелся в дверь, и я почувствовала, как руки Брука сжалась, отчего его пальцы приятно впились мне в задницу. Это было так приятно, так великолепно, что я забыла о том, что кто-то стоит за дверью и повернула голову, чтобы посмотреть на Брука. О мой Бог.

Он все еще был возбужден.

И скажем так, выражение его лица было милым.

— Запомни эту мысль и, черт возьми, что бы ты не делала, сохрани этот взгляд, — прорычал он, прежде чем отпустить меня, я пошатнулась, но сумела устоять на ногах, повернувшись за ним.

Я сделала несколько шагов до кухонного островка и положила руки на поверхность, он открыл входную дверь.

Я посмотрела вниз.

На углу моего кухонного островка стоял белый, керамический подиум с подставками для торта со стеклянным колпаком.

Широкие линии. Простой и элегантный. Он стоил целое состояние, но мне было все равно. Я пекла торты. Мне нужны были сказочные подставки для тортов. На этот момент моей жизни у меня их было семь (в моем доме, в пекарне у меня было на тонну больше). Все они были фантастическими, большинство из них дорогие. Они занимали главное место на острове в зависимости от моего настроения.

На одной сейчас лежало шесть кексов с огромными завитками глазури, сверкающей съедобной волшебной присыпкой и синим конфетти. Два в мягко-зеленой глазури, два в бледно-розовой, два в голубой.

Это означало, что Брук съел кекс, пока я прощалась с Мартой, прежде чем я добралась до кухни, он ел уже второй.

Я почувствовала, как мое лицо смягчилось, вспомнив, как скучала на этому. У него было великолепное тело, своего рода такое тело, которому можно позавидовать в любом возрасте, особенно в сорок пять, над которым он усердно трудился. Он не был выборочным в еде, любил пиво или бурбон. Он проживал свою жизнь, явно не лишая себя удовольствий. Но он все равно заботился о себе. Я звонила ему не один раз, когда он отвечал из спортзала или говорил, что только вернулся с пробежки, я знала, что это правда.

Но у него была слабость к моим кексам. Моим пирожным и тортам. И моим печенькам. На самом деле, ко всему, что выходило из моей духовки, он напрямую заявлял, что они ему по вкусу, он пристрастился к ним больше всего на свете, и я заметила, что они ему нравятся, хотя он не осыпал меня витиеватыми комплиментами. Он просто поглощал все с радостью. И в тот момент я поняла, что мне нравится.

При этой мысли я услышала, как Брук огрызнулся у двери:

— Ты, должно быть, издеваешься надо мной, — отчего я вздернула голову вверх.

— Кто ты такой?

От звука знакомого голоса, задавшего вопрос, мои руки сами собой скользнули по прилавку, крепко взявшись в край, грудь сжалась так сильно, будто меня раздавили.

Дэмиан.

— Не имеет значения, кто я такой. Важно то, что тебя здесь не должно быть. Тебя здесь не должно быть никогда. Ты никогда не должен подходить к этому, мать твою, дому, мать

твою, пекарне Тесс или самой Тесс. Если я увижу или услышу, что ты не делаешь этого, клянусь, х*й с тобой, Богом, я разберусь с тобой, и ты не захочешь, чтобы я это сделал.

Брок все еще рычал, злобно огрызался, я чувствовала его настроение через всю гостиную, во всей кухне. Его раздражение наполняло дом, помимо его искр злости, было грубым и шершавым, забивая мне кожу.

— Прошу прощения, пожалуйста. — Произнес Дэмиан.

О нет. Боже. О нет.

Дэмиан был, по крайней мере, на три дюйма ниже Брука. Дэмиан был на двадцать фунтов легче, если не больше. Дэмиан был худой, в смысле тощий и не мускулистый, не объемный. Он был в форме, но в нем не было той силы, как у Брука. В физической драке Брок легко бы его уложил.

Но Дэмиану на все было наплевать. Дэмиан большую часть времени мочился в угол. Дэмиан не любил, когда ему угрожали, поэтому хорошо угрозу не воспримет.

Ни за что.

Я начала передвигаться по островку, пытаясь их как-то остановить, глядя на спину Брука, он загораживал собой дверь, стоя между ней и дверным косяком, за его широкой спиной Дэмиан не мог меня увидеть.

Тем не менее, он поднял руку позади себя, как будто у него были глаза на затылке, как только я начала двигаться к ним, и гаркнул:

— Тесс, не двигайся.

Я остановилась в конце острова.

— Если Тесс там, я хотел бы поговорить с ней, — попросил Дэмиан, негромко.

— Ты не слышал меня десять, мать твою, секунд назад? — Спросил Брок.

— Кто ты такой? — потребовал Дэмиан.

— Ты не слышал меня десять, мать твою, секунд назад, — делая вывод, произнес Брок.

— Хорошо, я вежливо попрошу. Пожалуйста, отойдите, чтобы я мог поговорить с Тесс, — попросил Дэмиан.

На это Брок заявил:

— Через пять секунд я закрываю дверь. Если через шестьдесят секунд ты не залезаешь в свой «Эскалайдер» и не уберёшься отсюда, я звоню копам. Без шуток, без задержек. Понятно? — Затем, как он и обещал, Брок сделал шаг от двери, закрыл ее перед Дэмианом и запер на ключ.

Я стояла все там же, в конце кухонного островка.

Брок подошел к окну и сильно дернул за шнур жалюзи, открыв.

Затем он встал перед окном, скрестив руки на груди и расставив ноги на ширину плеч.

Я облизала губы.

Брок и пальцем не пошевелил.

Я поднесла руку к столешнице, чтобы ухватиться за нее.

Брок даже не шелохнулся.

Я сосчитала до десяти. Потом до двадцати.

Брок подался в сторону, дернул за шнур, и жалюзи с грохотом закрылись.

Затем он повернулся и направился через гостиную в мою сторону, засунув руку в задний карман. В руке он держал телефон, когда остановился в шаге от меня.

Я затаила дыхание, увидев выражение его лица вблизи.

— Дорогой... — прошептала я и тут же замолчала, как только он резко поднял руку.

Я напряглась от его взмаха рукой, но тихо, как шепотом и невероятно нежно его кончики пальцев скользнули по моей щеке, потом погрузились в мои волосы, он обхватил меня за затылок, и потянул поближе к себе.

Я потянулась, потому что у меня не было выбора и потому что мне хотелось. Как только приблизилась, положила руки ему на пресс.

— Настроение испорчено, милая, — пробормотал он. — Мне нужно сделать несколько звонков. Если ты устала, иди готовься ко сну, если нет, позвони своей подруге. Я буду через минуту, и мы будем спать. Да?

— Он уехал? — Спросила я.

— Да.

Я сглотнула.

Его рука сжалась, а я наблюдала, как поблескивают его глаза.

Затем он спросил:

— Он не остановится, не так ли?

Я отрицательно покачала головой.

Отчего он поджал губы.

И мягко произнес:

— Дай мне минутку сделать несколько звонков, детка.

Я кивнула. Его рука еще раз сжалась, а затем он просеял мои волосы сквозь пальцы.

И я отправилась в спальню.

Ладно, можно с уверенностью сказать, что я не хихикала от волнения девять месяцев назад, когда мой жестокий бывший муж, изнасиловавший меня, связался со мной впервые за четыре года, полностью разрушив иллюзию, которую я лелеяла, что была в безопасности от него. И можно с уверенностью сказать, что я долго размышляла, стоит ли с ним идти на ланч.

Но мне нравился его отец.

Дональд Хеллер был хорошим человеком, он честно обожал меня, но это быстро закончилось, потому что, чтобыстереть Дэмиана из своей жизни, мне пришлось разорвать отношения со всем, кто имел какое-либо отношение к Дэмиану, включая и его отца. Дональд пытался поддерживать со мной контакт, но я не стала поощрять его к этому, и он вскоре перестал пытаться. И новость, что он был незддоров, ранила мое сердце, вызвав чувство вины, как Дэмиан и предполагал, побудила меня пойти с ним на ланч.

Это было ошибкой, за которую я поплатилась немногим, как выяснилось. Но этот факт поселил тревогу в моей душе, я опять позволила Дэмиану разыграть себя.

Я ушла от него на следующий день после изнасилования. Я жила с Мартой со своей собакой, потребовалось полтора года, чтобы, наконец, получить развод, только потом я переехала в свою собственную квартиру. И за эти полтора года Дэмиан не предпринял ни единой попытки, чтобы «вернуть меня».

Я не смогу продержаться еще полтора года.

К сожалению, в данном случае для меня было не главным, чтобы найти идеальную ночнушку для первой ночи, которую я собиралась провести с Броком Лукасом. Мы спали вместе дважды, оба раза я засыпала с ним на диване во время просмотра фильма. Нет, вычеркните это, три раза, добавим прошлую ночь.

Но за исключением прошлой ночи, он всегда уходил до того, как я просыпалась, и мы никогда не спали вместе в постели.

Это было знаменательное событие, к которому я должна была морально и, что более важно, стильно подготовиться, но в этот момент моя голова была забита другим.

Я перебирала свой ящик с ночнушками дрожащими руками, к счастью, ко мне вернулась моя неотъемлемая женская сила, пальцы дотронулись до, как сладкая вата, розовой с фиолетово-багряным оттенком, в маленькую дырочку ночнушке с завышенной талией, тонкими бретельками и крошечной оборкой внизу и на лифе. Симпатичная, девчачья, удобная, для любой одинокой ночи, но она оставляла много открытого тела, ноги и намекала, хотя не на мекала, а явно открывала ложбинку между грудью, в общем эта ночнушка могла дать понять, что прилагала усилия для своего мужчины.

Возбуждающе превосходная.

Я схватила ночнушку и очки, отправилась в ванную комнату и начала подготовку к ночи, вымыла лицо, почистила зубы зубной щеткой и зубной нитью, затем переоделась, напялила очки и вышла.

И как только вышла, услышала низкий гул Брока.

Он сказал:

— Никакого деръма, Калхаун.

Я сжала губы при упоминании этого имени, поспешила в спальню, бросила одежду в корзину для грязного белья, а затем поспешно выскочила в коридор.

Я знала, что он хотел защитить меня, но мне было сорок три года. У меня была неприятная ситуация. Но эта ситуация отличалась от предыдущей. Теперь люди всё знали. Люди переживали за меня. Люди прикрывали меня, и они были готовы прикрыть меня, действуя как щит.

Но пришло время вытащить голову из песка.

Каким-то образом мне удалось выжить. Мне кажется, это чистая случайность, произошедшая только потому, что я слишком долго оставляла свою голову в песке с мужем, который с самого начала мне не подходил, и я знала об этом, просто ничего не предпринимала.

Я решила наладить свою жизнь и покончить с этим деръмом.

Поэтому я остановилась в дверях кухни, прислонившись к косяку, глядя на Брока Лукаса, который сжал кулак на талии и смотрел на меня.

Потом он сделал кое-что прекрасное.

Он продолжил свой разговор, полностью доверяя мне и той возрождающейся силе внутри меня.

— Вы звоните прокурору и говорите ему, чтобы он сообщил адвокатам этого мудака, что если он не прекратит преследование Тесс, его лодка с юридическими проблемами станет деръмом. Он уже подделал ее гребаную подпись на банковских документах. И у нас уже есть записанные показания и записи телефонных разговоров, которые доказывают, что шесть месяцев он снова лез к ней. И, когда окружной прокурор поговорит с его командой юристов, он должен использовать слова «преследование», «домогательства», «нападение и сексуальное насилие».

Я чувствовала, как вздымается моя грудь, зная, что от внимания Брока это не укрылось, но он продолжал говорить:

— Срок давности на это не распространяется. Ни за что на х*й Тесса О'Хара, которая управляет пекарней и распыляет гребаные конфетти на свои торты, не будет давать показания, описывать тот кошмар, и он не сядет, мне пох*й, что у нас нет физических доказательств. Она заставит присяжных есть из ее рук. Его адвокаты об этом узнают.

Сейчас я до сих пор чувствую запах одеколона этого парня, Калхун, она выдвигает обвинения. Все закончится для нее сегодня. Сделай чертов звонок.

Он слушал около двух секунд, затем хмыкнул:

— Да, — и закрыл телефон.

Я подождала, пока он засунет его обратно в карман, прежде чем тихо спросила:

— Ты в порядке?

— Нет, — резко ответил он. — Впервые за три месяца я засунул язык своей женщины в рот и положил руку ей на задницу. Мне нравится твоя задница. В течение трех месяцев я много времени мечтал о том, как положу руку тебе на задницу. Я совсем не думал о том, что положив руку тебе на задницу, кто-то постучит в твою переднюю дверь, и этот кто-то — твой *баный слизняк-бывший.

Ну вот, пожалуйста.

— С тобой все в порядке? — Спросил он.

— Кентукки становится все более привлекательным.

Он уставился на меня.

Потом усмехнулся.

Затем его глаза оглядели меня полностью и вернулись к лицу, он сказал:

— Отличная ночнушка, детка.

— Спасибо, — ответила я, наклоняя голову в сторону, затем чтобы сменить создавшуюся атмосферу в доме, и видимо, нарушая все правила девчачьей игры, меня бы выгнали из сестер, я поделилась: — Если бы я знала, что ты останешься на ночь, я бы выкроила время, чтобы съездить в торговый центр, купить шелковую сексуальную ночнушку, которая бы больше соответствовала этому случаю, — при этом, я всплеснула руками, потом опустила руки и продолжила: — Хотя эту я тщательно выбирала, поэтому когда ты увидел меня в ней, ты подумал, что я каждую ночь так одеваюсь в постель, но это не так. Но так как я не знала о твоих планах, а мне следовало что-то предпринять, поэтому вот, что получилось. — Для этого я провела рукой по ночнушке, цвета сахарной ваты.

— Я думаю, учитывая крайние обстоятельства, ты все сделала правильно, — отметил он.

— Я рада, — сказала я с улыбкой.

— Так что же ты надеваешь в постель каждую ночь? — Спросил он.

— Ну..., — я подумала об этом, затем закончила: — Различные версии похожей на эту. Хотя предупреждаю тебя, чтобы ты не надеялся, у некоторых нет оборок.

На этот раз он рассмеялся, направляясь ко мне. Он перестал смеяться примерно в полметра от меня.

Затем, опустив голову, тихо сказал:

— Позвони своей подруге, сладкая, а потом давай спать, хорошо?

Я кивнула, но спросила:

— Я чувствую, что наши предыдущее мероприятие переносится на более поздний срок.

Он поднял руку и обвил вокруг моей шеи, опустив свое лицо близко ко мне.

— Отстойно, но да. — Его рука сжалась на моей шеи, он продолжил: — Ты права, это повод, но более важно, что этот придурок, появился здесь и все испортил. Когда снова случится такой повод между нами, будем только ты и я без призрака этого парня, который все испортил.

Мне понравилось. Мне понравилось, что он хотел дать. Нравилось осознавать, что наша связь была такой же важной для него, как и для меня. И мне нравилось, что он хотел сделать ее особенной.

Мне так понравилось, что я сжала пальцы вокруг его запястья на моей шее, поднялась на цыпочки и прикоснулась губами к его губам.

Качнувшись назад, я прошептала:

— Хорошо. Я позвоню Марте и встречусь с тобой в постели.

На дюйм он подался вперед, коснувшись лбом моего лба, потом отстранился назад и опустил руку. Я отпустила его запястье, он обошел меня, направившись в сторону спальни. Я подошла к сумочке и вытянула телефон. Позвонила Марте. Она была дома. И была очень расстроена, но она только что открыла бутылку красного вина, в попытке взять себя в руки или, на крайний случай, уснуть. Мы болтали, пока ее голос перестал дрожать, я распрошталась.

Пошла в спальню, где обнаружила Брука «Слим» Лукаса с голой грудью в своей кровати, прикрытым одеялом до талии, трущего руками лицо.

Руки исчезли с лица, как только я появилась в комнате не раньше, я вспомнила последний раз, когда он был в моей постели, прижимая ладони ко лбу, его жест был настолько противоречивым, и выражение лица было еще одним доказательством этого, когда он повернулся ко мне.

Отчего дурное предчувствие стало корчась скручиваться в животе.

Он повернулся на бок и приподнялся на согнутой в локте руке, спрашивая:

— Детка, ты собираешься спать стоя или ляжешь в постель?

Я направилась к кровати, откинула одеяло и опустилась со скрещенными ногами. Затем сняла очки, положила их на тумбочку, схватила баночку с увлажняющим кремом и начала мазать лицо.

Увлажнив лицо, я набралась смелости спросить:

— Когда я вошла, о чем ты думал?

К моему удивлению, он без колебаний ответил:

— Я думал, Калхун руководил расследованием по делу Хеллера. Калхун хороший человек. Преданный. Он и многие ребята потратили три года на подготовку этой операции. Они сделали двенадцать арестов при налете, и десять из этих двенадцати — главные игроки в бизнесе Хеллера. Это задержание было существенным. Спланировано и с режиссировано с точностью, человеко-часы за ним стоят неисчислимые. Ни одно дело не даст стопроцентной гарантии, но то, что у них есть на всех этих парней можно сказать наверняка — им светит срок, я никогда такого не видел. И я думал, что если этот мудак еще будет донимать тебя, сегодня вечером, стоя прямо перед твоей входной дверью в десять вечера, когда я смотрел в его х*ровое лицо, видя, что у него есть яйца, у меня было непреодолимое желание пох*реть все это.

Я внимательно наблюдала за ним, пока он говорил.

А когда замолчал, спросила:

— Желание?

Брок моргнул, глядя на меня.

И переспросил:

— Какое желание?

— Да, какое желание?

Он в упор смотрел на меня три секунды, затем наклонился, выхватил баночку с увлажняющим кремом из моей руки, еще подался вперед, бросив или кинув баночку на мою тумбочку, потом с силой обнял меня за живот и бедра, затащив в кровать, уложив на себя. Как только он меня уложил на себя, крепко обняв, тихо сказал:

— Я не типичный парень, Тесс.

Это я уже поняла.

— Хорошо, — прошептала я.

— Я старший, у меня две сестры, брат и мама, и все мы прошли через развод. Папа приличный парень, но это не значит, что он не доставал мать. Доставал. Много. Слишком много. Я пришел с ним к шаткому соглашению, он слишком часто изменял, потребовалось некоторое время разобраться с его дерзостью, и как не крути по существу я был именно мужчиной в семье. Все началось, когда мне было семь лет. И я решил быть не похожим на своего отца. Тот мужчина, каким я стал впиталось в мою кровь и плоть с семи лет.

Я не совсем понимала то, о чем он говорил, но мне нравилось то, о чем он говорит, кроме того, мне очень нравилось лежать, прижавшись к нему в постели, когда он обнимал меня, рассказывая историю своей жизни.

— Дальше, — прошептала я, когда он выдержал паузу.

— Я хочу сказать, что не трахаюсь с женщиной, которая для меня что-то значит. И когда я говорю это, именно это я и имею в виду, что не трахаюсь с женщиной, которая что-то для меня значит.

О, мой Бог.

Я все поняла.

— Ты хотел двинуть Дэмиану? — так же тихо спросила я.

— Двинуть? Да. Чтобы он чувствовал боль каждый гребаный день до конца своей х*евой жизни. Он никогда не забыл бы меня. А значит он никогда не забудет урок, который я ему преподам. И тогда он перестал бы донимать тебя, потому что был бы занят единственным вопросом — никогда с тобой не встречаться, думать о том, чтобы даже близко к тебе не подойти и не взглянуть.

И прежде чем я подумала вжаться в него своим телом, мое тело само еще ближе прижалось к нему. Но если бы мое тело поинтересовалось у моих мозгов в данном случае, мои мозги даже не стали бы спорить с ним.

Я провела рукой по его твердой груди, пробравшись к шее, положив нос на щетинистый подбородок.

И глядя ему в глаза, я призналась:

— У меня нет слов.

Его рука еще больше сжалась вокруг меня, голова приподнялась с подушки, приблизившись ко мне, и он прошептал:

— Тесс, я изучил тебя. Ты единственная женщина, которой не нужно выражать свои чувства словами. Все, что ты делаешь, уже выражает твои чувства, которые чистая правда. Твоя рука на мне, детка, сообщила мне об этом.

Он впился в мои глаза, я затаила дыхание, потом он сказал, что ему это нравится, сильно, безумно сильно.

Я кивнула. Черты его лица смягчились. Он опустил меня, губами опустившись на мой рот.

Отодвинувшись, он прошептал:

— Выключи свой свет, дорогая.

Я снова кивнула, перекатилась на свою сторону, выключила прикроватный ночник, потом свернулась калачиком на боку, натянула одеяло до плеч, положила руки под щеку и произнесла:

— Спокойной ночи, дорогой.

Прошло всего полсекунды, меня передвинули через всю кровать, задница прижалась к его бедрам, его колено раздвинуло мои ноги и водрузилось между ними, его грудь прижалась к моей спине, его рука с силой обхватила меня за живот, а голова зарылась в мои волосы.

И только тогда он пробормотал:

— Спокойной ночи, Тесс.

Брок Лукас обнимался.

Я заснула улыбаясь.

8.

Дикая штучка

Мягкий голос Фиона Эппл, исполняющий «*I Know*», заставил открыть меня глаза раннему утреннему свету. Я слушала ее контральто, фортепиано, мягкие басы и медленный нежный ритм барабана в течение нескольких долгих секунд, потом громкость начала увеличиваться. Я приподнялась, протянула руку и нажала кнопку, которая блокировала громкость, как обычно делала, чтобы слушать мою любимую певицу по утрам.

И я собиралась уже сбросить одеяло, но мое тело проехало по кровати и ударилось о что-то очень, очень твердое и очень, очень горячее.

О, боже.

Как я могла забыть?

Брок.

Он лежал здесь, его твердое, горячее тело прижималось к моей спине, сильные руки обнимали меня, а его губы я чувствовала на своей шее.

— Дорогой, — прошептала я, его губы прошлились вверх, и я почувствовала, как его зубы коснулись мочки моего уха.

По всему телу у меня прошлась дрожь.

Затем шероховатый, сонный, низкий голос произнес:

— Доброе, детка.

О, Господи.

Его губы скользнули по моему уху, рука по моему животу, я задержала дыхание до тех пор, пока его рука не остановилась. Я выдохнула, затем снова задержала дыхание, как только костяшки его пальцев начали поглаживать оборку снизу на ночнушке, и по набухшей груди. О, Бог мой.

Я прижалась спиной к нему, он вжался в меня, его язык коснулся кожи у меня за ухом, а его большой палец провел прямо под моим соском.

При этом дрожь прошла по всему телу.

— Брок, — вздохнула я.

— Если у тебя нет раннего утреннего экстренного торта, который нужно срочно испечь, сладкая, — прорычал он мне на ухо, — наше предыдущее мероприятие возобновляется прямо сейчас.

— Белый дом собирается мне дать кучу заказов, заранее оповещаю, — на выдохе пошутила я.

— Черт побери, фантастика, — промурлыкал Брок, развернув меня к себе лицом, запустив руку в мои волосы, нежно повернув и потянув назад голову, но ему не нужно было этого делать. Я обвила его рукой, и сама запрокинула голову назад, чтобы он мог меня поцеловать.

И он поцеловал.

Брок не врал по поводу того, что сказал мне на кухне, когда вернулся. Первый раз он занялся со мной любовью не запланировано. И это не было соблазнением. Все началось как обычно, мы просто дурачились, но до того раза он всегда держал все под контролем. Обычно он зацикливался полностью на мне, изучая и помогая мне кончить. Но что-то случилось, и сколько я не думала об этом, до того дня я понятия не имела, что это было, но что бы это ни было, он потерял свой контроль, поднял меня с дивана, отнес в спальню, и все закрутилось.

И тот день отличался от всех предыдущих.

Потому что Брок не планировал этого. Брок не защищал меня от саморазоблачения, отдавая слишком много мужчине, чье имя я не знала. У Брука не было причин контролировать ситуацию, его реакцию или мою.

Он и не контролировал.

И что важнее, после той ночи, когда он потерял контроль, сейчас ему не нужно было заботиться о своем контроле при прикосновении наших языков, лежа в моей постели в слабом, раннем утреннем свете.

И было даже лучше, чем в другие разы, дело было не в том, что он исследовал меня и помог мне кончить. Дело касалось нас, мы просто изучали друг друга.

И впервые, я как умела, не стесняясь отвечала взаимностью.

Так, черт побери, и делала.

Было необузданно, бурно, энергично, много крутились, действовали на ощупь, языки, зубы, пальцы, стоны и вздохи, всхлипы, шепот, он брал, я брала, он давал, и я давала.

И когда я давала, присела между его согнутых в коленях ног, наклонившись к его лицу, запустив язык глубоко в рот, он молниеносно подхватил меня подмышки, подтянул вверх между своих ног и перевернул на спину. Я обхватила руками его за плечи, раздвинула ноги, его бедра опустились к моей промежности.

На секунду его глаза встретились с моими, и он вошел глубоко.

Я выгнула шею, руки дернулись, я подтянула колени вверх, крепко сжав по бокам его бедра.

— Тесс, рот, — прорычал он, я выпрямила голову, его губы оказались на моих, его язык у меня во рту, пока он глубоко двигался во мне, Боже, так глубоко, жестко, Боже, так жестко и сладко, Боже, невероятно сладко.

Темп увеличивался, быстрее, интенсивнее, становился более возбуждающим, было невероятно хорошо.

И прежде чем ощущение окончательно захлестнуло меня, я оторвала свой рот от него, зарывшись лицом ему в шею, застонав:

— Брок.

— О да, детка, бл*дь, да, — хмыкнул он, входя глубоко, я вдохнула и сильно кончила.

Затем я пришла в себя, уронила голову на подушки, получив возможность наблюдать за выражением его лица, пока я чувствовала, как он движется внутри, ясно видя, как день, Броку Лукасу нравилось находится там, где он находился сейчас.

Сильно.

Очень сильно нравилось.

Он обнял меня за талию, продолжая вбиваться, перенеся вес тела на свободную согнутую руку, я обхватила его ногами, приподнимая бедра навстречу, отчего из глубины его груди раздался рык. Он ни разу не оторвал от меня взгляда, я крепко обняла его за плечи, другую руку прижала к его лицу, большим пальцем провела по щеке, затем по губам.

Он уткнулся лицом мне в шею, застонав:

— Тесс, — и, войдя в меня до основания, он издал еще один стон, кончив.

Я передвинула руку с его лица на волосы, подалась вперед, уткнувшись лицом ему в шею, прижавшись губами к его разгоряченной коже, почувствовав щекотание от завитков его длинных волос.

Закрыла глаза и отдалась всем трем чувствам, вдыхая запах его кожи, ощущая его полностью вокруг и внутри себя, слушая его прерывистое дыхание.

Две секунды он прижал меня своим весом, потом обхватил обеими руками, каким-то немыслимым образом поднялся на колени вместе со мной, все еще находясь внутри, перевернулся, упав на бедро, затем перекатился на спину, и я оказалась сверху.

Приятно.

— Приятно, — прошептала я ему в шею и услышала в ответ глубокий, милый смешок, потом его голова двинулась по подушке, я почувствовала его губы на своих волосах, он поцеловал меня.

О Боже мой.

Это тоже было приятно.

Одну руку он положил мне на поясницу, другая скользила вверх по моему позвоночнику, чтобы покрутить пальцами мои локоны, я подняла голову, взглянув на него.

Он наклонил подбородок, его яркие глаза нашли мои, он улыбался, насытившись, удовлетворившись, довольный и сладкий, знойный, теплый гул его настроения напитал воздух и опустился, как блаженство, мне на кожу, когда он пробормотал:

— Дикая штучка.

Я моргнула.

Затем спросила:

— Извини?

— Детка, бл*дь, — его рука сжалась вокруг меня, — ты оседлала меня.

Я снова моргнула.

Почувствовав, как сжалась.

Черт.

Я всегда была ведомой, а не лидером в постели. Осторожной, вдумчивой, держа уши и глаза широко открытыми, чтобы точно понять, что нравилось моему партнеру, когда я что-то делала, чтобы могла продолжать делать это дальше или подметить что-то, чтобы повторить. Я не теряла контроль над собой. Я просто не разрешала себе этого.

И в результате два раза, когда я занималась сексом с Броком, были двумя лучшими моментами в моей жизни. Фактически, без особых усилий от моего партнера (как правило, они сдавались), я редко достигала оргазма во время секса, и любая другая часть моего тела также редко испытывала праздник.

Но, только что, я не контролировала каждое свое движение и не сосредоточила все свое внимание. Я была в какой-то зоне и действовала чисто инстинктивно. Моим разумом управляла тело, чувства и потребности, контролировать мои мысли должна была голова, ушедшая в отставку.

Полностью.

Вот черт.

Я начала приподниматься, рука Брука опустилась мне на затылок, потом скользнула ниже, захватив волосы, намотав на пальцы и успокоившись на спине, другая ладонь была теплой у меня на шее под ухом, а большой палец был на лице у линии волос.

Положив свою руку, он прошептал:

— Эй. — Я смотрела мимо него на подушку у его головы, и снова попыталась приподняться, но его рука напряглась, и он повторил:

— Тесс, эй. — Я утихомирилась, но продолжала смотреть на подушку, он сжал руку вокруг моей спины, близко притянув к себе и зарычал:

— Глаза, детка.

Я скользнула взглядом к нему.

Он заглядывал в мои глаза глубоко, словно в душу.

Затем его рука, на моей шее надавила и приблизила к нему мою голову, он прошептал:

— Какого черта, детка?

— Я..., — начала, но тень появилась в его глазах и осталась там, он перебил меня:

— Господи, я сделал тебе больно?

Я слегка качнула головой, сказав:

— Нет, это просто...

Замолчала, потому что не знала, что это такое.

Его большой палец заскользил по моей щеке, и он нежно подсказал:

— Просто скажи, что это?

— Не знаю, что... — прошептала я.

Он не отрывал от меня взгляда и ничего не говорил.

Потом я осознала, что произношу слова:

— Я потеряла контроль.

Он медленно моргнул.

Спросил:

— Разве это плохо?

— Я не знаю, — начала я, пристально всматриваясь в выражение его лица, затем прошептала: — А?

Он уставился на меня, широко открытыми глазами с нескрываемым недоверием. Потом быстро, словно вспышка, обе его руки крепко сжали меня, он уронил голову обратно на подушки и расхохотался. Примерно через две секунды смеха он перевернул нас обоих, выйдя из меня, но устроился всем своим весом сверху, расположив бедра между моими ногами, и его смех щекотал мне шею, куда он зарылся лицом.

— Брок, — прохрипела, — я... не могу..., — он поднял голову и посмотрел мне в глаза, улыбаясь огромной улыбкой, положив согнутую в локте руку на кровать, лишив меня своего веса, другой рукой обхватив за шею прямо под подбородком.

— Дыши, — произнес он.

Его большой палец погладил мой подбородок, он продолжал улыбаться, но молчал.

— Эм... Я думаю, мне нужно встать и...

— Да, детка, ты можешь встать через секунду, — перебил он меня. — Но сначала, давай кое-что проясним, ладно?

Я внимательно смотрела ему в глаза, прикусив губу.

Он посмотрел на мои губы и сжал свои, в глазах по-прежнему были смешинки.

Затем он перестал сжимать губы, сказав:

— Я намерен потратить много времени на то, чем мы занимались, добавив различные варианты, позы, разные места локации, и я подойду к этому творчески.

О мой Бог.

Я почувствовала, как мое лоно полностью согласилось с его словами.

Он продолжил:

— Ты вообще, — он приблизил лицо, его губы и глаза все еще улыбались, — всегда должна блокировать свой контроль, пока мы наслаждаемся друг другом, я кое-что знаю об этом. И это означает, что я буду делать разные вещи.

О Господи.

— Брок..., — прошептала я, но остановилась, когда он опять приблизил свое лицо ко мне.

— Детка, секс был чертовски *феноменальным*. Ты ничего не делала, ничего, чтобы мне не понравилось, и в большей степени, бл*дь, я наслаждался. Запомни, милая, мне нравится дикий, а ты... была... дикой, и мне нравилась каждая гребаная минута. Не знаю, чему тебя научили другие мужчины в твоей постели, но что бы это ни было, это был полный п*здец. Убери эту тень из своих глаз, Тесс, потому что, детка, ты была чертовски естественна.

Его слова вызвали теплый фонтан, ввергнувшийся в мои внутренности, я провела рукой по его шее, потом запустила в его волосы, подняла голову, притянув его к себе, наклонившись поцеловала, мокро, надеюсь, сладко, он навалился на меня своим весом, опять обвив руками, снова перевернул меня наверх себя и ответил на поцелуй, мокро, глубоко и явно сладко.

Он прервал поцелуй, но его губы остались напротив моих, он прошептал:

— Совершенно естественная.

Я улыбнулась ему в глаза и прижалась ко рту.

Брок тоже улыбнулся в ответ.

Затем он пробормотал:

— Душ, — я задрожала от его слов на нем.

Он почувствовал это, и я в увеличенном виде увидела его лениво расплывающуюся улыбку.

Он вытащил нас обоих из постели, перенеся в ванную, а затем в душ.

Потом я сделала ему кофе и тосты, поцеловалась с ним на пороге дома в поле зрения просыпающихся соседей, обнимая его за плечи, вжавшись в него всем телом, наши языки запутались, он обхватил меня одной рукой, в другой держа кофе в дорожной кружке и половину несъеденного тоста.

Затем он поднял голову, посмотрел мне в глаза и прошептал:

— Я напишу тебе адрес своего дома. Мы проведем ночь. Я приготовлю ужин.

— Хорошо, — прошептала я в ответ. — Но я приготовлю десерт.

Его губы дернулись, прежде чем он согласился:

— Ты уловила суть, сладкая. А теперь отпусти меня, пока я не сделал то, за что нас обоих арестуют, не бросил тебя на лужайку и не устроил шоу твоим соседям.

И я отпустила.

Он тихо усмехнулся, развернулся и побежал к пикапу, одновременно откусывая тост.

Потом я смотрела, как он отъезжает, и мне было насытить, прилично нужно ли мне себя вести или нет, вошла в дом и захлопнула дверь. Я стояла у окна и смотрела, пока его грузовик не скрылся из виду.

Только тогда я отошла от окна.

Включила музыку не Фиону Эппл.

Я была разносторонним меломаном, исключительно руководствуясь своими фантазиями и предпочтениями. Поэтому *The Devil Went Down to Georgia* и *In America* были огигильтными супер хитами с CD Чарли Дэниела.

И я слушала эти песни, пока готовилась к новому дню.

Это был не полный список моего концерта, но я подпевала *The Devil Went Down to Georgia* и *In America*, и никто не мог мне сказать, что *The South's Gonna Do It Again* было дерзмом. Одевшись и готовая отправиться печь торты, я села в свою машину, думая, что это было лучшее утро в моей жизни...

Чертовой...

Жизни.

9.

Ужин у Брука

Я сидела в машине и смотрела на многоквартирный дом, всматриваясь в номера на дверях, выискивая шестнадцатый номер.

Квартиры Брука.

И очень старалась не судить о состоянии его квартиры в этом доме, если можно так выразиться.

Дом находился сбоку от Линкольн, вверх по Спиер и перпендикулярно трассе.

И перед двухэтажным, очень длинным домом было маленькое асфальтированное место для стоянки — восемь квартир на первом этаже и столько же на втором. Двери выходили на пешеходную дорожку. Лестницы были по бокам с каждой стороны, ведущие на второй этаж, железные и ржавые, выглядели даже немного страшно. И два навесных знака отбрасывали тень на стоянке, один поменьше со словом, выведенным на трафарете «Прачечная», другой побольше не слишком оправданным словом «Хранение», не понятно только где.

Летом видно кто-то явно приложил усилия по озеленению двора, однако потом отвлекся. Если в засушливом климате Денвера, вы посадили цветы нужно ухаживать за ними, в основном обильно поливать, но также им не повредит прополка сорняков. Сейчас было тепло, несмотря на середину октября, и две, наполовину отрезанные бочки, стоявшие по бокам и так узкого проезда с Линкольн к зданию, и еще такие же четыре, «украшившие» верх и низ лестничного пролета, представляли из себя буйство зеленых, здоровых сорняков, и такое же буйство завядших коричневых разрозненных, слабых петуний, которые, с отчаяньем боролись за жизнь, и их однозначно стоило избавить от страданий, и не только потому, что пришла на Скалистые горы осень.

Ну, и ладно. Он мужчина. Одинокий мужчина. Одинокий мужчина — парень из братства Харлеев с помятым пикапом, Марта была права, его грузовик давно нужно было продать, и должен он был его продать лет десять назад. Тут нечему было удивляться, честно говоря, я

бы больше обеспокоилась, если бы у него был идеальный дом в пригороде, который выглядел так, словно состоял на заметке у прокурора.

Это было бы очень плохо.

Я повернулась, чтобы взять ночной кейс, сумочку и белый пакет с нежно-голубой эмблемой с изображением колибри и цветка гибискуса вокруг слов – «Торты Тессы».

Раздался звонок телефона.

Вероятно, это был Брок, почему-то подумала я, не знаю. Он сказал быть у него в шесть вечера, и, хотя я перенесла свое занятие по кик-боксингу, и по дороге заехала в торговый центр, пекарню я покинула рано, чтобы подготовиться дома. Помощницы, работающие на меня, были хорошими, выставляли товары и торты на полки и витрины, которых на складе было в большом количестве, поэтому у меня не возникало проблем, если мне нужно было уйти пораньше, я уходила, когда хотела и делала это довольно-таки часто.

Я не опоздала. Вообще-то, приехала даже пораньше.

Возможно, у него изменились планы. За четыре месяца, что мы встречались, такое происходило не часто. Не регулярно, я хочу сказать, Брок обычно не отменял встреч со мной, если ему все же приходилось менять планы, обычно он приходил позднее или уходил рано, но он редко отменял наши встречи.

На самом деле, раздумывая на эту тему, я не могу вспомнить, чтобы такое было.

Поэтому я с любопытством вытащила телефон и увидела на экране звонок от «неизвестного абонента».

Я коснулась экрана, почувствовав, как нахмурилась, приложив трубку к уху и сказав:

— Алло.

— Привет, сучка. Это Эльвира.

Я моргнула, впившись взглядом в приборную панель.

А потом произнесла:

— Ух,... привет.

— И тебе еще раз привет. Послушай, твоя подружка дала мне твой номер телефона, потому что я позвонила ей, когда мы с Гвен во время моего ланча сидели в «Черри Крик», и увидели тебя в отделе нижнего белья в Нордстром.

— О-о, — ответила я. — Хорошо.

— И? — спросила она, я почувствовала, что мои брови снова соединились, потому что она замолчала.

— И? — Переспросила я.

— Что происходит?

— А что происходит?

— Да, что происходит? Ты выпила «Космо» с нами в Степфордском пригородном доме, мы говорили о твоем плохом новом парне, и я не думала, что через два дня увижу тебя в отделе нижнего белья Нордстром, — заявила она, объявив: — Сейчас телефонная интервенция.

— Телефонная интервенция?!

— Да, телефонная. Видишь ли, я работаю на Хоука Дельгадо, мужчина Гвен — Хоук, поэтому кстати мне разрешено пользоваться продолжительными перерывами на ланч в секции нижнего белья Нордстром по кредитной карте компании. Но Гвен выпытала у Хоука информацию о твоем плохом парне, и я тоже, надо сказать, и мы совместно подумали. Хоук... ну, сказал, что твой мальчик — плохая новость, не то, чтобы мы этого еще не знали. Но утверждение Хоука, учитывая, что он Ястреб, подтверждает это.

Пропади оно все пропадом.

Только я могла столкнуться с любопытной, совершенно некстати сущей свой нос в чужие дела, слегка пугающей чернокожей женщиной на ужасном празднике бэби-шоуэр, и только Марта могла дать ей свой номер телефона, а потом, соответственно, и мой.

— Эльвира, я... Ну, спасибо за... хочу сказать, я ведь не очень хорошо тебя знаю, но спасибо, что приглядываешь за мной, но это совсем ненужно. Все хорошо.

— Это ты так говоришь, но, на самом деле, все плохо. Мы решили собраться у Гвен на «космо». Трейси и Кэм, и Марта. Сегодня вечером. В восемь часов. Не беспокойся о еде, я накрою стол.

— Я не могу прийти сегодня, потому что ужинаю с Броком.

Установилось молчание, затем она пробормотала:

— О боже!

Я посмотрела через лобовое стекло на верхний этаж и увидела шестнадцатую квартиру в конце, рядом с высокими, густыми соснами, которые закрывали бы дневной свет, если у него окна выходили на торец дома.

Потом я слегка вздохнула.

Затем опять перевела взгляд на приборную панель и прошептала:

— Я ушла от мужа на следующий день после того, как он меня изнасиловал. — Я слышала, как Эльвира тяжело задышала. — После восьми лет брака, последние два года он меня бил, не регулярно, но, когда он все же поднимал на меня руку, то основательно. Все это вскрылось во время допроса в участке, и Брок все это слышал через стекло. Когда он услышал, что меня изнасиловали, он бросил стул. Я слышала грохот. Он бросил стул, и его пришлось сдерживать, иначе он готов был прервать мой допрос.

Эльвира продолжала молчать.

А я продолжала говорить:

— Его сестру тоже изнасиловали, как и его подругу. Его отец изменял матери, и ему пришлось в семь лет стать мужчиной в доме. И если женщина для него что-то значит, он начинает заботиться о ней. Он мне так сказал, и я верю ему. Я, действительно, что-то значу для него. Я не знаю, что вы слышали и кто такой Хоук, но я знаю, кто для меня Брок. Я хотела бы прийти на «Космо» с тобой и девочками. Но я не буду слушать вас, когда вы начнете ругать Брука, потому что он тоже для меня что-то значит, и только мы знаем, что происходит между нами и всем остальным дерзом. Эльвира, все остальное не столько важно.

Она по-прежнему молчала.

А я по-прежнему продолжала:

— Дорогая, ты третий человек за шесть лет, кому я призналась. Марта только вчера узнала. Брок слышал мои слова на допросе, и, к сожалению, у него есть опыт в подобных вещах, и он понял, что все глубоко похоронила это в себе, и он сказал отпустить, и он поможет мне двигаться дальше. Это тот мужчина, которому ты не доверяешь. Он прикрывает мою спину, прикрывает меня и заботится обо мне. Поверь мне.

— Хорошо, девочка, — прошептала она.

— Еще раз спасибо за то, что ты крутая. В любое другое время с любым другим парнем, если бы такое происходило, я была бы признательна. Но сейчас все выглядит не так, как кажется, а совсем по-другому.

— Ладно, — тихо сказала она.

— Хорошо, — прошептала я.

— Мы не хотели..., — начала она, но я быстро ее прервала:

— Я знаю, что не хотели, дорогая.

— Я ничего им не скажу, ты же знаешь, — заверила она меня, и я закрыла глаза.

Затем я открыла их и сказала:

— Ты не должна сохранять этот секрет. Я хранила его слишком долго. Я не сделала ничего такого, чтобы мне было стыдно, поэтому не вижу причин не рассказывать.

— Все равно, подруга, ты сама им расскажешь, когда сочтешь нужным.

Ладно, может она и была любопытной, и совала свой нос в чужие дела, а также немного пугающей, но она была еще и очень милой.

— Хорошо, — ответила я.

— На «Космо» у Гвен.

— Звучит неплохо.

— В другой раз.

— Да.

Затем она немного помолчала, и тихо произнесла:

— Он бросил стул?!

Я улыбнулась приборной панели, но улыбка предназначалась Эльвире. Медленно откинувшись назад, я ответила:

— Да, он бросил стул.

— Мне кажется, Хоук этого не знал, — заметила она.

— Ну, может, тебе стоит ему рассказать.

— Готова поспорить на новые туфли, которые хочу. У меня есть кое-что для Хоука. Я никогда не знала «кое-что», чего не знал Ястреб.

Я тихо рассмеялась.

А потом Эльвира сказала:

— Повеселись со своим горячим парнем.

Я снова улыбнулась, опять улыбка, предназначалась ей, хотя она и не могла ее увидеть. И ответила:

— Обязательно.

— Увидимся, подруга.

— Увидимся, Эльвира.

Я отодвинула телефон от уха и нажала «конец вызова». Потом бросила телефон в сумочку, собрала вещи, заперла машину и даже не испугалась шатких ступенек по лестнице на второй этаж.

Я стояла перед шестнадцатой квартирой, постучала.

Буквально через две секунды дверь открыла высокая, потрясающая, фигуристая, темноволосая, с серебристыми глазами женщина с раскрасневшимся лицом, во взгляде которой читалось желание кого-нибудь убить.

Я инстинктивно сделала шаг назад.

Она повернулась лицом к квартире и прокричала:

— Дилан! Если ты еще раз сделаешь такое со своим братом, когда мы вернемся домой, ты не обойдешься лишь стоянием в углу! Я не знаю, каким будет наказание, но могу сказать, что тебе... *не... понравится!*

Я молниеносно потянулась за телефоном, чтобы еще раз перечитать смс-ку, которую мне отправил Брок со своим адресом, чтобы точно удостовериться, что я не перепутала номер квартиры (и, пока я перечитывала его смс-ку с адресом), женщина повернулась ко мне, сладко улыбнулась и произнесла:

— Привет, ты должно быть Тесс.

Я моргнула.

Она продолжила:

— Я Лаура, сестра Слимса.

Все мое тело замерло на месте, я испугалась резкого приступа начала эпилепсии, когда из глубины квартиры услышала грохочущий голос Брука:

— Господи, Лаура, что, за мать вашу?

Лаура (по-видимому, сестра Брука!) повернулась опять лицом к квартире, огрызнувшись:

— Слим, мы стараемся не выражаться при детях.

— Отлично, ты можешь в своем доме или в младшей лиге или где-то еще там, бл*дь, не выражаться, но твои хулиганы систематически превращают мою квартиру в полный хаос. И он подошел к двери, его сестра ухмыльнулась, отойдя, он протянул свою длинную руку, его пальцы сомкнулись на моем запястье и втянули меня в квартиру, потом он обнял меня за талию, прижавшись вплотную и, я даже не успела сообразить, как его губы были на моих губах, он целовался горячо, сладко и глубоко, но коротко и мокро.

— Крутой дядюшка Слим! — крикнул детский голос.

— Да! Крутой! — в дело вмешался еще один.

— Мне нравятся ее туфли, — заметил другой детский голос, явно женского пола и явно с хорошим вкусом.

Брук поднял голову, и у меня возникло три мысли. Первая, даже при аудитории, состоящей из членов его семьи, некоторые из них были детского возраста, он целовался. Во-вторых, я случайно попала на встречу с семьей Брука, и была к этому не готова. И в-третьих, я была рада, что сменила шлепанцы на сексуальные босоножки, а также очень хорошие джинсы и непростую дизайнерскую блузку.

И прежде чем я успела прийти в себя после поцелуя и собраться с мыслями, Брук лишил меня сумочки и сумки на плече (он просто свалил их на пол), а белый пакет, наполненный моей знаменитой выпечкой (он опустил на журнальный столик), проводя меня вглубь квартиры, одной рукой обнимая за плечи, прижав к своему боку, решив познакомить с присутствующими.

— Детка, это моя сестра Лаура, ее хулиганы Грейди и Дилан, моя принцесса Элли и моя мама Ферн. А это Тесс.

Его мама Ферн?

Он целовал меня с языком на глазах у своей матери Ферн?

Я мельком оглядывала комнату, многое впитывая, настолько многое впитывала, что мой мозг не мог так быстро все обработать, поэтому голова начала отключаться, и мне потребовались усилия, чтобы не впасть в ступор.

Во-первых, Лаура, великолепная сестра Брука, стояла у закрытой входной двери и улыбалась, как ненормальная.

Во-вторых, двое черноволосых мальчишек сидели на полу, оба в футбольной форме (без подплечников), и видно совсем недавно они успели уже где-то изваляться в грязи, по их виду, можно было предположить, что занимались этим занятием, валянием в грязи, по крайней мере, часов пять, их остановили в середине борьбы друг с другом и также у них двоих были почти одинаковые усы от Кул-Эйд.

В-третьих, прелестная, не такая темноволосая девчушка в платье принцессы, с поддельным атласным верхом и пышной юбкой из тюли, сидела на диване, с вытянутыми ногами перед собой в пластиковых туфлях на высоких каблуках, которыми постукивала, подпрыгивая,

пока игриво лизала тающее эскимо, изо всех сил стараясь, чтобы оно так быстро не капало, о чем свидетельствовали фиолетовые капли на поддельном атласном топе платья.

В-четвертых, пожилая женщина с густыми седыми волосами, голубыми глазами и взглядом, который кричал: «Бабушка!» стояла в дверях и улыбалась мне, тоже как ненормальная.

И, наконец, мебель в квартире Брука на первый взгляд, была примерно в двух семидесят пять шагах от общего ощущения его жилого комплекса. Но помещение выглядело чистым, я не имею ввиду аккуратным, и когда я говорю «не аккуратным» имею ввиду, что его квартира отражала, что Брук был одиноким мужчиной с Харлеем и побитым пикапом, и Марта была права, ему стоило продать его около десяти лет назад.

— Привет, — произнесла я.

— Мы удивили вас, мы знаем. Мы возвращались с тренировки в юношеской футбольной лиге и подумали зайти, — сказала Ферн, проходя дальше в комнату, я перевела взгляд на тарелку в ее руках. — Мы заезжали в KFC, потому что детям нужно было поесть. Мы не знали, что Слим ждет гостей.

— Эм... хорошо, — сказала я, а затем глупо добавила: — Круто.

Она подошла ко мне и протянула руку. Я ответила на ее рукопожатие, ее пальцы сомкнулись вокруг моих, она положила другую руку сверху. И как только она так сделала, посмотрела мне в глаза, внимательно всматриваясь, как мать, отчего мне, мягко говоря, стало не по себе, учитывая тот факт — я была уверена, что ее голубые глаза прочитали все в моей душе, все мои тайны, она узнала, что я соврала своей матери, когда мне было десять, сказав, что я не пыталась побрить ноги (когда все говорило, что это ложь), и что я позволила Джимми Мориарти добраться до второй базы на балу в десятом классе.

Затем она перестала меня изучать, отпустила мою руку, отступила назад и, к счастью, не объявила на всю комнату, что я шлюха, которая лгала своей матери.

— Они уже уходят, — заявил Брук, на что принцесса Элли тут закричала:

— Нет, не собираемся! Мы будем смотреть «Рапунцель»! (*«Рапунцель: Запутанная история»* (англ. *Tangled*) — американский полнометражный анимационный фильм режиссёров Натана Грено и Байона Ховарда, снятый по мотивам сказки братьев Гrimm «Рапунцель», в 2010 году. Премьера фильма состоялась 24 ноября (в России 25 ноября) 2010 года. Рапунцель является 10-й по счёту диснеевской принцессой. Это 50-й полнометражный анимационный фильм студии Walt Disney Pictures, на сегодняшний день являющийся самым дорогим фильмом подобного вида: его бюджет составил 260 млн \$. — прим. пер.)

На что Дилан (или Грейди, я так и не поняла, кто из них, кто), закричали в ответ:

— Мы не будем смотреть «Рапунцель»! В эти выходные мы пять раз смотрели «Рапунцель». — Он повернул голову к Лауре и заныл: «Маааам! Меня тошнит от «Рапунцель»!

— А я не устала от «Рапунцель», фильм потрясающий, — опять глупо пробормотала я, хотя даже этого не поняла.

— Вот видишь! — воскликнула Элли, указывая на меня своим эскимо, от которого отлетел массивный кусок фиолетового льда, плюхнувшись на ворсистый (да, ворсистый) ковер в шаге от мотоциклетных ботинок Брука. — Подруга дяди Сlimа тоже хочет посмотреть «Рапунцель»!

Я точно этого не говорила, но опять же, скорее всего ей было пять лет, а в пять лет девочки слышали то, что хотели слышать. На самом деле, многие в пятьдесят пять лет слышат только то, что хотят слышать.

Ферн бросилась с кухонным полотенцем ко льду на ковре, а Лаура заругалась:

— Элли! По осторожнее с этим эскимо.

— Мы должны посмотреть «Рапунцель»! Правда?! Так ведь? — Дилан (или Грэйди) заныли.

— Дилан, хватит. Мы не будем ничего смотреть. Мы едем домой и моемся перед сном.

— Я не хочу ложиться спать! — Дилан и Элли закричали в унисон.

В этот момент входная дверь открылась, и высокий пожилой человек с темными волосами с сединой, с пивным животиком, серебристо-серыми глазами, медленно вошел с криком:

— Господи Иисус Христос! Что за суматоха?

— Дедушка! — закричали Элли и Дилан, Элли поспешила эскимо в сторону, которое приземлилось с хлюпающим звуком на диван Брука, пытаясь слезть с дивана и наперегонки с Диланом рвануть к этому пожилому джентльмену, чтобы обнять его за ноги. Но они со всего маха налетели на него, ему пришлось от их силы отступить на два шага, прежде чем они вцепились ему в ноги. К счастью, никакой катастрофы не последовало, он удержался на своих двоих.

Я приросла к полу, глядя на мужчину, немного морщинистого, но его красивая внешность определенно заявляла, что он отец Брука, потом почувствовала, как словно от удара атмосфера в комнате поменялась и услышала, как Брок пробормотал себе под нос:

— Черт.

Впервые изменение атмосферы в комнате исходило не от Брука. Когда я повернула голову в ту сторону, откуда почувствовала изменение настроения, увидела Ферн.

— Скажи мне, что его здесь нет, — прошипела она.

Ой-ой.

— Мама, — начал Брок.

— Слим, скажи мне... его... здесь... нет, — повторила она с напряженными мини-паузами и ужасным угрожающим акцентом.

Рука Брука сжалась вокруг меня, я ошеломленно повернула в его сторону голову, поймав его взгляд, и он немедленно сообщил мне:

— Вот почему меня никогда не бывает в этом чертовом доме.

Ну, это ответ на один вопрос. Если Брок редко бывал дома, то ему не нужна потрясающая цветочная площадка перед домом.

— Привет, Лаура, милая, привет, Слим, привет Грэйди, — поздоровался с улыбкой отец Брука.

— Привет, дедушка, — ответил Грэйди.

— Привет, папа, — нерешительно, напряженно сказала Лаура.

Взгляд отца Брука осторожно перешел к бабушке, и он пробормотал:

— Привет, Ферн.

— Коб, — выплюнула она, явно решив не прыгать и не выцарапывать ему глаза, поскольку этот шрам останется у ее внуков на всю жизнь, но я видела, что ее самообладание висит на волоске.

Затем отец Брука перевел взгляд на меня, наклонив голову в сторону, его глаза вспыхнули, пока он переводил взгляд между мной и сыном примерно семь раз, потом сказал:

— Э-э... привет, дамочка.

— Папа, это Тесс, — представил Брок.

— Она девушка дяди Слима! — закричала Элли, вцепившись в брюки Коба Лукаса, выгнув спину под немыслимым углом, улыбаясь чумазым ртом от виноградного эскимо огромному дедушке.

Он посмотрел на нее, положив свою большую руку ей на голову и тихо спросил:

— Она девушка, Элли?!

— Ага! — закричала Элли. — У нее красивые туфли, и она будет смотреть со мной сейчас «Рапунцель»!

Глаза Коба вернулись ко мне с любопытством, даже пытаясь что-то отыскать, но взглянув на Ферн, он нерешительно пробормотал:

— Фантастика, дорогая.

И тут Ферн твердо спросила:

— По какой причине ты находишься здесь, Коб?

— Ну, вообще-то, — его глаза перешли от Ферн к Броку, потом ко мне и обратно, — есть причина.

— Готова поспорить, что, конечно, есть, — с сарказмом пробормотала она.

Я увидела, что Лаура пристально смотрит на Брука, поэтому решила принять меры.

Выскользнула из-под его руки, осторожно забрала кухонное полотенце из рук бабушки. Затем подошла к дивану, подхватив остатки эскимо, и взяла пакет с печеньем с журнального столика, объявила:

— Хорошо, дети, в этой сумке печенье, которое я испекла в своей пекарне для вашего дяди. Тот, кто доберется до кухни и вымоет руки и рот, получит печенье. Кто со мной?

Дилан и Элли моментально бросили своего дедушку и помчались на кухню, Элли мешали пластмассовые щелкающие туфли на высоком каблуке для маленьких девочек, она дважды чуть не потеряла их по дороге.

Грейди поднялся на ноги, посмотрев на мой пакет, потом на мать, явно взвешивая печенье и с напряжением взрослых, неудивительно, но печенье выиграло, поэтому он отправился за братом и сестрой. Я последовала за ними, не оглядываясь, но Ферн, очевидно, просто закрыла дверь позади меня.

И я стала доставать девять десятков сникердудл (любимое Брука) и еще три других, но прежде всего нужно, чтобы усталые дети привели себя в порядок. (*Печенье сникердудл (Традиционное Рождественское печенье "Snickerdoodle" является одним из любимых в Америке, в основном его делают с корицей, обваливая его в смеси сахара с корицей, но бывают и другие варианты, например, с изюмом и орехами. – прим. перев.*)

Когда они умылись, уселись за потертый, деревянный кухонный стол Брука, поедая печенье, запивая молоком из стаканов, в которые я налила, Грейди был старшим (мне так показалось, Элли около четырех или пяти, Дилану около шести или семи, а Грейди около восьми или девяти) сообщил мне:

— Бабушка не самая большая фанатка дедушки.

Хм. Как мне на это реагировать?

— Ну, иногда между взрослыми может все быть не просто, — с грустью ответила я.

Грейди решил выдать мне поток информации;

— Папа тоже не самый большой его поклонник. Папа говорит, что он подонок.

Я сжала губы, чтобы не захихикать, а затем сказала:

— Подонок не очень хорошее слово, но, тем не менее, ваш отец имеет право высказывать свое мнение.

Грейди продолжил:

— Дядя Слим терпит его, мне кажется, из-за мамы и тети Джилл, потому что он им нравится, но дядя Леви тоже думает, что он подонок. Я слышал, как он разговаривал с дядей Слимом, и дядя Слим сказал дяде Леви по спокойнее относиться к дедушке, потому что

тетя Джилл от этого расстраивается, но дядя Леви сказал, что дедушка никогда не оплачивал ведомости на ребенка, имея кучу подруг, кроме бабушки, поэтому дядя Леви ничего ему не должен также, как и тетя Джилл.

Видимо, Грейди впитывал все, о чем говорили взрослые, и неправильно понял только одно. Я решила, что ведомости на ребенка были алиментами, и сделала вывод, что иметь отца, который не платил алименты и заводил интрижки на стороне, было совсем не хорошо.

— Мне нравится дедушка! — к разговору подключилась Элли.

— Конечно, дорогая, — ответила я, улыбаясь ей со своего места, прислонившись к столешнице.

— Я терплю его, как дядя Слим, — объявил Грейди.

— Грейди будет таким же, как дядя Слим, когда вырастет, — поделился Дилан, щеголяя молочными усами.

Грейди не стал оспаривать эту информацию. Вместо этого он гордо заявил:

— Он играл на первой базе, и я играю на первой базе. Он был полузащитником, и я — полузащитник. Его работа пугает, так говорит мама, но он все равно ее делает, чтобы детям вроде меня ничего не угрожало, я тоже буду так делать. Когда я вырасту, я буду делать все, чтобы детям ничего не угрожало.

Я снова почувствовала внутри тепло и излишнюю сентиментальность.

— Это фантастическая цель, Грейди, — тихо произнесла я.

— А у вас есть дети? — спросил Дилан.

— Нет, дорогой, у меня нет детей.

— Это хорошо. Когда ты выйдешь замуж за дядю Сlima, сможешь стать мамой для Рекса и Джоуи, — выдал Грейди, и я моргнула.

— Прости, дорогой, для кого?

— Рекс и Джоуи — дети дяди Сlima, наши двоюродные братья, — заявил Грейди, мое тело стало неподвижным, включая и сердце, легкие, теплота и сентиментальность внутри испарились, а Грейди продолжил:

— Тетя Оливия была замужем за дядей Сlimом, мама, папа, бабушка, дедушка, тетя Джилл, дядя Фриц и дядя Леви не самые большие ее фанаты. Мне не разрешают говорить слово, каким называет ее мама. Папа тоже. Дядя Леви сказал, что если увидит ее еще раз, то сломает ей шею.

Я пялилась на парня.

— Она воротит нос, — добавила Элли, нахмурившись и изобразив гримасу на лице, которая ясно говорила, что она также относится к тете Олевии, как и все остальные.

— Она никогда не приносит сникердудлов на вечеринки семьи, — продолжил Дилан, сделав большой глоток молока, потом задумчиво продолжил: — или что-то еще.

— Она не задумывается о печенье. Ей некогда думать о печенье. Мама говорит, что она заботится только о том, чтобы хорошо выглядеть, поэтому все время красит ногти. — авторитетно заявил Грейди Дилану.

— У нее красивые ногти, — сказала Элли, повернув в мою сторону голову. — Мне нравится ее лак для ногтей, хотя она красит только красным. Ей стоит попробовать розовый.

Хотя я еще не успела осознать все услышанное, Грэди не останавливался:

— Она привозит Рекса и Джоуи на семейные встречи каждый год, и задерживается с нами, мама говорит, что она остается с семьей, хотя уже больше не является частью семьи, просто чтобы показать свои модные наряды и корчиться из себя незнамо кого. Я не могу сказать, почему она это делает, как объяснил дядя Леви, потому что большинство слов плохие.

Похоже дядя Леви любил также выражаться, как и его брат.

И так у Брука Лукаса была бывшая жена и двое сыновей. Бывшая жена воротила от всех нос, с постоянным маникюром и двумя сыновьями.

Об этом я ничего не знала. Как правило, такие вещи сообщают. И я не знала в данный момент, как мне реагировать.

Справедливости ради скажу, что знала Брука, как Брука три дня.

Всего лишь.

— Могу я стать твоей цветочницей, когда ты будешь выходить замуж за дядю Слима? — Спросила Элли.

Только я сама — мое тело, легкие и сердце успокоились, переворив ворох информации, но после ее вопроса опять напряглись, причем сильно.

Черт! Как я должна ответить на ее вопрос?

Я решила быть честной.

— В данный момент мы просто встречаемся, Элли, но я буду держать тебя в курсе, если отношения станут серьезными, — пообещала я, она хихикнула.

Затем она заявила:

— Хорошо, но я хочу, чтобы мое платье было розовым.

— Я буду иметь это в виду, — сказала я, и она улыбнулась мне.

У нее тоже появились молочные усы.

Я улыбнулась ей в ответ.

Дверь распахнулась, и в кухню хлынула семья Брука, первой шла Лаура, в конце Фейн, а между ними Брук. Он направился прямиком ко мне, внимательно разглядывая выражение моего лица, я опустила глаза. Фейн тут же стала собирать стаканы со стола. А Лаура занялась детьми.

— Ладно, детки, — начала Лаура, схватив кухонное полотенце с крючка, — вытрите молочные усы и посмотрите не оставили ли свои вещи в гостиной дяди Слима. Мы уходим через пять минут. Марш!

Грейди схватил полотенце, вытер все лицо, бросив его в сторону матери и выбежал из кухни. Дилан последовал его примеру. Элли поскакала к матери, словно у нее было уйма времени, чтобы деликатно решить вопрос, вытерла полотенцем лицо, в основном размазывая молоко, а не вытирая, затем поскакала дальше.

— Извини, что испортила тебе свидание, Тесс, — сказала Лаура, возвращая полотенце на крючок.

— Мы проезжали мимо, увидели грузовик и байк Слима, что бывает не часто, и решили заскочить. Мы сейчас уже уходим, ты даже не успеешь оглянуться.

— Без проблем, — ответила я ей с улыбкой, чувствуя, как Брук бедром прислонился к стойке, полностью сосредоточившись на мне, но я не отводила взгляд от его сестры за столом.

Лаура улыбнулась в ответ и сказала:

— Мне придется привезти детей в твою пекарню. Они будут в восторге. Я была у тебя в пекарне пару раз, но без детей, купить кое-что. Элли постоянно говорит о твоих розовых кексах.

— Предупреди меня заранее, я подготовлюсь к беспорядку, — пошутила я, и ее улыбка стала шире, Брук приблизился, и когда я говорю приблизился, имею в виду, что его рука обвилась вокруг моей грудной клетки, он наполовину развернул меня, теперь я прислонялась одним бедром к прилавку, а другой частью тела была прижата к нему.

Лаура перевела взгляд на его руку, в ее глазах появилась теплота, затем она осмотрела мое выражение лица и снова усмехнулась, как ненормальная.

В этот момент Ферн опять изменила настроение в комнате, громко спросив:

— Слим, я надеюсь, что это происходит не часто?

Я повернула голову к ней, она стояла у раковины, ополаскивая стаканы, загружая их в небольшую посудомоечную машину, которая по внешнему виду, хотя я не уверена, напоминала первый выпуск посудомоек, и сейчас мать Брука закрывала ее дверцу.

— Мама, мы поговорим об этом позже, — сказал Брок предупреждающим тоном.

Она повернулась и наклонила голову, посматривая на сына.

— Это часто происходит?

— Разве я не сказал, что мы поговорим об этом позже? — Спросил Брок.

— Ответь на вопрос, Слим, — произнесла она, и он вздохнул.

— Если ты имеешь в виду *его*? Не часто. Но он заходит. Если ты имеешь в виду, просит ли он денег? Нет. Больше не просит, — ответил он.

— Больше не просит? — Переспросила Ферн, и Брок снова вздохнул.

— Он увидел мой грузовик и байк у дома, как и ты, мама, — тихо сказал он. — Он старик, у которого осталось не так много друзей, которым он не трахал мозги. Он заходит. Мы выпиваем пиво и смотрим игру. Это случается не часто, но случается.

Она уставилась на него. Затем тихо произнесла:

— Я помню время, когда ты даже не смотрел в его сторону.

— Да, но я уже повзрослел. Он мой отец. Мне не нравится, что он так одинок. Что я могу сказать? — Тихо ответил Брок.

Ферн изучала выражение лица сына. Потом посмотрела на меня и поняла, что сейчас не время и не место, вздохнув.

И сказав:

— Извините меня, Тесс. Ты должно быть думаешь, что мы все чокнутые.

— Мои родители развелись, Ферн, когда мне было девять, и мама ненавидела отца до конца его смерти, даже когда она собралась пойти на его похороны, чтобы плюнуть на его могилу. К счастью, на следующий день она заболела гриппом и была прикована к постели целую неделю, а то бы она точно сделала то, что хотела, — сказала я ей, Ферн уставилась на меня, рука Брука сжалась вокруг моих ребер, а я закончила: — Я это сказала для того, что прекрасно вас понимаю.

Ее глаза потеплели, губы расслабились. Она кивнула.

Затем прошептала:

— Спасибо, милая.

— Мама! Дилан тянет меня за пуловер! — крикнул из гостиной Грейди.

— Пора уходить, — пробормотала Лаура, и я перевела на нее взгляд. — Увидимся позже, Тесс?

— Да, Лаура, было приятно познакомиться.

— Ага, и мне тоже, — ответила она, выбегая с кухни.

Брок осторожно подтолкнул меня вперед, оторвавшись от моей спины, подошел к матери, наклонился, чтобы она поцеловала его в щеку.

— Хорошо провели время, дорогой. — Услышала я ее шепот.

— Точно, — пробормотал он, и она отошла, посмотрев на меня.

— Хорошего вечера, Тесс. Приятно было с тобой познакомиться.

— С вами тоже, Ферн, — ответила я.

Она пошла на выход, Брок схватил меня за руку и последовал за ней, потянув за собой. Мы вошли в гостиную, оторвавшись друг от друга, потому что дети одновременно прощались со мной, и атаковали ноги Брука, обнимая (он позволил атаковать себя своим племянникам, но племяннице поднял на руки, крепко ее обняв, поцеловав, потом подул ей на шею, она захихикала с детским самозабвением, и наблюдая за ними, я боролась с теплой волнной сентиментальности), потом столпотворение закончилось, я стояла посреди видавшей виды гостиной Брука, когда он закрыл входную дверь.

Запер ее на три замка (ручку, засов, цепь) и повернулся ко мне.

— Твоя мама хотела плюнуть на могилу отца? — спросил он, приподнимая брови.

— Развод был тяжелым, хотя твоя родня явно имеет больше шансов в этом вопросе, мои обходили друг друга на милую, а то и больше.

Он ухмыльнулся мне.

Я наклонила голову в сторону и спросила:

— Значит Рекс и Джоуи?

Его ухмылка превратилась в улыбку во все лицо, затем он совершил движение и прежде чем я поняла, даже после того, как все произошло, я до конца все же не понимала, каким образом оказалась лежащей на спине на диване с Бруком, возвышающимся на мне. Единственное, что я поняла, что уже была на диване.

— Рекс и Джоуи, — сказал он, удерживая мой взгляд, в котором читалось веселье, его руки двигались по мне, не способствуя расслаблению или общению. — Мои парни. Я был женат на их матери пять самых несчастных лет своей жизни. Потом я развелся после пяти самых жалких лет своей жизни. Два года назад она снова вышла замуж, теперь занимается тем, что делает жизнь своего нового мужа несчастной, к счастью для меня, она переключилась на него. Рексу десять, Джоуи двенадцать. Они хорошие парни, я забираю их каждые выходные, две недели летом и всякий раз, когда Оливия посещает спа довольно часто, если учесть насколько ее новый муж-жертва загружен, и меня это вполне устраивает, потому что яучаствую в жизни своих детей, видно мои гены оказались доминирующими, они не являются занозой в заднице, как их мать.

— Я так понимаю из твоих слов, что вы не мирно разошлись, но остались друзьями, — отметила я, и веселье в его глазах распространилось по всей комнате, а также по его телу, которое стало сотрясаться от сдерживаемого смеха.

— Да, детка, прости, что не объяснил более ясно.

— Значит, твой брак с ней был самыми несчастными пятью годами в жизни?

— Да, и, хотя мое существование без нее она сделала скучным в финансовом плане, но не несчастным по жизни.

— Тогда почему ты женился на ней?

Он слегка наклонил голову в сторону, приняв более серьезное выражение лица.

Потом ответил:

— Потому что существовала одна Оливия, с которой я встречался, влюбился и попросил выйти за меня замуж. А потом появилась Оливия в медовый месяц. Как день и ночь. Тьма и свет. Я не шучу, дорогая, такое впечатление, что это была совсем другая женщина. Это был настоящий удар.

Я уставилась на него, шокированная и заинтригованная его словами.

— Правда? — Спросила я.

— Да, — ответил он.

— Но это... — я замешкалась, — страшно.

— Ты будешь мне об этом рассказывать, — с чувством произнес он, а я подумала об Аде и Вике, как Ада предстала перед Викой такой, какой он хотел ее видеть, а как только поимела кольцо на пальце, показала ему настоящую Аду, сделав его несчастной жертвой, в качестве которой и хотела его иметь.

— Почему так поступают женщины? — Спросила я.

— Поскольку у меня есть член, я надеялся, что ты мне ответишь на этот вопрос, — ответил он.

— Я понятия не имею, — произнесла я, и его веселье вернулось через улыбку, а тело опять задрожало от беззвучного смеха.

Он спросил:

— Тебе намекнуть?

— Намекнуть на что? — Спросила я.

Его руки перестали по мне блуждать, и он взял свободной рукой мое лицо с одной стороны. И прошептал:

— С Тессой О'Хара, получишь только то, что видишь. Никакой херни. Никаких заигрываний. Никаких масок. Никакой лжи. Ничего. Она, такая, какая есть. Мне сорок пять лет, детка, должен тебе сказать, я так устал от этого напускного дерьяма, ты не поверишь. И встретив женщину, которая понятия не имеет, как начать заигрывания, было для меня чертовски освежающе.

Ой.

В этот момент по какой-то совершенно не понятной причине я вдруг выпалила:

— Элли заказала розовое платье на нашу свадьбу девочки-цветочницы.

Брок уставился на меня. Потом рассмеялся, зарывшись лицом мне в шею.

Затем, все еще продолжая прижиматься к моей шее, он перекатился на спину, я оказалась сверху, он посмотрел на меня, смех затих, он запустил свои руки в мои волосы и собрал их на затылке.

И пока он пытался побороть свой смех, его добрые, расплавленное серебро глаза смотрели в мои, он тихо сказал:

— Я об этом. Моя милая Тесс понятия не имеет, что такое заигрывания. Никакой херни. Никаких игр. Никаких масок. Чистая правда, никакой лжи.

— Брок, — прошептала я.

— Спасибо, что забрала детей, тогда мы смогли разобраться с мамой и папой.

— Пожалуйста, — мягко ответила я, и он притянул мое лицо к себе, прикоснувшись к губам, а затем отодвинул на дюйм, после чего я сообщила: — Просто имей ввиду. Грейди слышит все ваши разговоры, может не специально, и он помнит все слово в слово, что вы говорите.

У него перехватило дыхание. Затем он честно признался:

— У нас семейные разногласия. Лаура и моя старшая сестра Джилл хотят, чтобы отец вернулся в лоно семьи. Мой младший брат Леви, муж Лауры — Остин, партнер Джилл Фриц и, понятно же, моя мама не согласны. Остин, потому что он готов Лауру оберегать и защищать от чего угодно. Он познакомился с ней через два года после ее изнасилования, она тогда все еще не пришла в себя, но она понравилась ему, он стал возиться с ней, как с ребенком и до сих пор так, к ней относится. Он хороший человек, семьянин, сильно любит ее. Ему не нравится эта история с отцом, и ему не нравилось, когда отец приходил к ним за деньгами. Фриц против, потому что Фриц любит свои деньги, он упорно работает, чтобы умножить свое состояние, и любой, кто начинает просить у него деньги, априори, ему не

нравится. Леви против, потому что мой брат ни хрена не работал, ему не хватает терпения, он быстро выходит из себя и переходит к крайностям. Всякое деръмо лезет ему в голову. Разговоров ведется очень много. Грейди умный ребенок, он, видно, переживает, любит свою маму, и то, что он слышит, его смущает. — Он замолчал, а потом произнес: — Я поговорю с Лаурой.

— Почему такое происходит? — Поинтересовалась я. — Я хочу сказать, что вы все взрослые люди. Разве не могут те, кто хочет принять твоего отца в свои ряды, принять его к себе, а те, кто не...?

Брок перебил меня:

— У папы рак, Тесс.

Я напряглась, лежа на нем сверху, прошептала:

— О Боже.

— Да, — прошептал он в ответ. — Второй раз. Рак вернулся. В первый раз он легко справился с ним. На этот раз врачи говорят, что болезнь ведет себя более агрессивно. Отец хочет загладить свою вину, хочет вернуться в семью, хочет прощения от нас, если он умрет. А среди семьи есть те, кто сомневается в его мотивах и сроке сколько ему осталось. Но есть и те, которые видят, как отец стареет, болеет, он не только доставал нас, но и многих других людей, поэтому сейчас остался один, а он не привык быть один, ему нужно общение, семья, но даже если бы он не был одинок, все равно это не хорошо, особенно, если болен. Поэтому у нас появились разногласия в семье из-за всего этого деръма, которое некоторое время никто не трогал, но сейчас эмоции зашкаливают.

Я обхватила его за шею и прошептала:

— Прости, дорогой.

— И ты меня. Полный отстой.

— Да, так и есть, — согласилась я шепотом, и увидела его напряженные глаза на себе.

Затем он тихо спросил:

— Отчего умер твой отец?

— Гепатит С, — ответила я. — Никто не знает, как он заразился им, но, когда он был моложе работал на скорой помощи, возможно, подцепил на одном из вызовов. Он сидел в нем целую жизнь, прежде чем его выявили. Он почти уже умирал, когда ему пересадили донорскую печень, но эта инфекция поразила и ее, но он прожил целых двенадцать лет после пересадки печени.

— А твоя мама ненавидела его, потому что...?

— Мама ненавидела его за то, что он влюбился в свою партнершу на неотложке, они поженились ровно через две недели после развода. Мама чувствовала себя униженной, и я понимаю ее. Но он искренне любил Донну. Я имею в виду, он просто обожал ее, хотя это выглядело ужасно, что он встретил ее после того, как женился на маме. Мама не стерва и не сумасшедшая, она не оказалась его второй половинкой, а Донна оказалась. Он всю свою жизнь испытывал вину и ясно говорил это маме, но она не простила его. Мама не вышла второй раз замуж, к сожалению, для нее папа был ее второй половинкой, и она искренне его любила, обожала, поэтому ее сердце разбилось, так и не зажило.

— Заставляет задуматься, почему мы совершим подобное деръмо, — пробормотал он, и я вынуждена была признать, что была согласна с ним в этом вопросе.

Хотя, четыре месяца и три дня, я не во всем с ним соглашалась.

— Почему твой брат хочет сломать шею твоей бывшей жене? — Спросила я, он покачал головой, но улыбнулся.

— Потому что он любит меня, а она сделала меня несчастным на десять лет. Пока мы росли вчетвером были очень близки, и иногда, честное слово, Тесс, иногда мне кажется, что единственное, чего хочет Леви в своей жизни — увидеть меня, Джилл и Лауру счастливыми. Он не женат, никогда не был женат, посвятил свою жизнь карьере в летней Лиге по софтболу, сезонным билетам на «Бронкос», переводит все отношения в горизонтальную плоскость и занимается семьей. Мы все называем его нянькой, его телефон стоит первым для экстренной ситуации в школах детей, он не способен застолбить за собой последнее место за обеденным столом в доме матери в День Благодарения, и он таскает свою задницу, посещая каждый дом на Рождество.

— Я не знаю, хорошо это или попахивает немногого безумием, — осторожно призналась я.

— Я тоже, детка, и не ты одна. Я понимаю, что он сопротивляется. Были времена, когда я задавался вопросом, стану ли отцом и позволю ли хорошей женщине войти, черт побери, в мою семью, потому что никто из нас не понимает, почему он так, мать твою, себя ведет, и как мужчина, я смотрю на своего сына, который произошел из моего семени, и задаюсь вопросом, много ли во мне дерьяма. Но опять же, каждый должен жить своей жизнью, и, если зверь живет внутри тебя, должны быть яйца, по крайней мере, попытаться приручить его. Но зверь не живет внутри него.

Это не означает, что я не подумывал гульнуть от Олевии, которая была болью в моей заднице, но во мне такого дерьяма не оказалось. Но когда наша жизнь стала совсем невыносимой, я больше не мог ее переносить, у меня был выбор — остаться со всем этим бардаком на всю свою жизнь, воспитывая сыновей, и мне казалось это правильным, хотя на самом деле, не так, или уйти из этого бедлама, показав им, что важно быть мужчиной и найти свое счастье. Я сделал выбор за себя и за них. Леви не понимает, что жизнь так или иначе всегда будет заносить тебя в угол, от этого убежать нельзя. Он продолжает жить той жизнью, которая для нас закончилась уже много лет назад. Мы уже не живем с мамой и не делаем уроки за кухонным столом. Вся наша семья изменилась, та жизнь в прошлом, ему нужно создать свою собственную жизнь и свою собственную семью.

— Ты говорил ему об этом?

— Заставить моего брата выслушать — все равно, что убедить его простить Олевию или отца. Такого просто не может быть.

— Моя сестра живет в Австралии, а мама — во Флориде, — сказала я, он усмехнулся и отпустил мои волосы, обвив руками меня.

— Наконец, две эти вещи, говорят о моей Тессе, что это удача.

Я расслабилась на его теле и произнесла:

— Я скучаю по ним каждый день.

Его глаза переместились на мое лицо, он пробормотал:

— Да.

— День Благодарения выглядит отстой. Я либо еду во Флориду иправляю с мамой, это нормально, но совершенно не напоминает празднование с детьми, которые громко задают вопрос — какую девушку наш развратный брат собирается привести на ужин? Или мама уезжает в Австралию, и мне нужно найти самой подругу, готовую пригласить меня на халявный ужин. Это еще хуже.

На коже вокруг его глаз появились маленькие морщинки, и он пробормотал:

— Моя бедная Тесс.

Я подвинула на полдюйма поближе голову, пальцы сжались на его шее на секунду, а потом тихо сказала:

— Мне кажется, что со стороны мои слова звучат ужасно, но, на самом деле, все не так. Все эти встречи основаны на любви, своей истории и верности, поэтому этот праздник красивый, потому что любая альтернатива не будет иметь ничего общего с семьей, где бы ты не был?

Брок не ответил. Вместо этого он в течение долгих секунд смотрел на меня, потом его рука скользнула в мои волосы, он перекатился, я снова лежала на спине, а он — на мне, и его рот захватил мой, он совершил жесткий, глубокий, влажный поцелуй, перехвативший у меня дыхание.

Когда он поднял голову, я попыталась вернуть контроль над своим дыханием и некоторыми частями тела, он спросил:

— Ты голодна, детка?

— Да, — выдохнула я, это было правдой, я, действительно, проголодалась, но была бы счастлив поесть позже, на следующий день во время ланча.

Брок улыбнулся и при виде улыбки на его красивом лице, его твердом теле, вытянувшимся на мне и моих губ (и других местах, кроме губ) все еще покалывающих от его поцелуя, я снова потеряла контроль над некоторыми областями тела.

Поэтому, чтобы отвлечься от него и от того, как он влиял на некоторые части моего тела, я выпалила:

— Мне кажется, что на спине блузки останется сок от эскимо.

— Я оплачу химчистку.

— Хорошо. Но я надеру этому соку задницу ручной стиркой.

Он снова улыбнулся.

Затем спросил:

— Сникердудлс?

Судя по его глазам, он понял, что я заметила, что это любимое его печенье.

Поэтому пожала плечами и сказала:

— Первый раз, когда я их сделала, ты съел семь и тебе больше всего понравились с корицей. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что они тебе очень понравились.

Он покачал головой, все еще улыбаясь, пробормотав:

— Никаких заигрываний, никакого вранья, никакого деръма.

Что я могу сказать? Это правда.

Поэтому я промолчала.

Он прошептал:

— Давай тебя накормим.

Потом он удивил меня, схватив за руку, подняв с дивана, а затем потащил на кухню.

Потом он накормил меня.

Затем съел три печеньки.

Потом отвел меня в постель.

* * *

Боже. О, Боже.

— Черт, Тесс, — зарычал Брок, я уже была не в состоянии восседать на нем, поэтому упала на кровать рядом с ним, после того, как жестко скакала, опускаясь на всю длину его члена, пока его пальцы одной руки сжимали мое бедро, а большой палец другой продолжал надавливать и кружить вокруг клитора.

Ошеломленные глаза сосредоточились на нем, так как между ногами била дрожь, поднимаясь по бедрам, согревая живот, скользя вверх к набухшей груди, пыткой шелковой ткани отзывающейся в моих сосках, даже череп покалывало.

Я скакала на его члене, двигая бедрами, пройдясь пальцами по его лицу, заскользив по его горлу, затем вниз к гладкой, прочной стене его груди, не отводя глаз от его возбужденных, похожих на ртуть, глаз, прошептав:

— Боже, дорогой, ты так чертовски прекрасен.

От моих слов, он с такой силой подался бедрами вперед, что я чуть не взлетела, потом тут же приподнялся, обхватив меня руками, и повалил на спину. Его бедра молотили по моим, большой палец все еще был у меня на клиторе, он захватил мой рот в жгучем горячем поцелуе и не отпускал, даже когда я бубнила, предупреждая о быстром приближении оргазма, ему в рот. Он все равно не отпускал, несмотря на то, что я была его, словно в конвульсиях, рукой по спине, другой же ухватила за волосы, мои ноги молотили по кровати, бедра приподнимались, я взорвалась резким криком на его язык.

И во время моего оргазма, большой палец Брока исчез, он поднял мои ноги, положив их себе на бедра, навалившись на меня своим весом, затем схватил меня за задницу, и приподнял мои бедра вверх, углубляя свои удары. Его рот, наконец, отпустил мой, кряхтя, и каждый им издаваемый звук, пульсацией отзывался в моем естестве, и ниспадающая волна оргазма, к моему удивлению, начала набирать новую силу.

— Брок. — С придоханием, произнесла я, с удивлением от удовольствия второго оргазма, накатывающего на меня. Ногти впились в его спину, голова стала запрокидываться назад, но он обхватил меня за бедро и намотал на кулак волосы, удерживая мою голову в одном положении, чтобы мог за мной наблюдать.

Волна снова отступила, как только его толчки сбились с ритма, но он увеличил силу толчков, входя глубоко, я наблюдала за ним — он запрокинул голову назад и закричал от освобождения.

Как только он замолчал и восстановил ритм толчков, они стали более медленными, более нежными, я приподняла голову и прижалась губами к его горлу.

Он позволил мне поцеловать его, но уронив голову обратно на кровать, он тут же зарылся лицом мне в шею, все еще медленно скользя вперед и назад, бродя рукой по шелку очнушки сбоку.

Я крепко обнимала его, рука скользила по его густым волосам, пока наш пульс замедлялся, дыхание выравнивалось, и, наконец, он перестал гладить очнушку, только находясь внутри меня.

Затем, прижавшись к моей коже, аккуратно потянув материал с одной стороны, он сказал:
— Для спанья ты должна переодеться в обычную очнушку.

Я тихо рассмеялась и перестала гладить волосы, обхватив его за плечи.

После ужина и сникердудлов он повел меня в свою спальню, мы дурачились на его кровати, потом валяли дурака частично уже без одежды, но серьезно мы стали ласкать друг друга, оказавшись полностью раздетыми. Он не торопился, я делала все, что хотела и только в конце, когда лежали, прижавшись телами и с трудом дыша, и уже не было нашептываний на ухо, потому что все стало диким и быстрым.

Это, конечно, был совершенно притянутый за уши план, который я придумала во время занятий по кик-боксингу, но, несмотря ни на что, после того как мы насладились любовью, я отправилась в его ванную, чтобы снять свои линзы и подготовиться ко сну, и надеть короткую, насыщенного цвета лаванды очнушки с разрезами по бокам, с красивым

черным кружевом на подоле и черными кружевными трусиками, весь комплект стоил целое состояние, потому что он был из чистого шелка и кружево было высшего качества.

В очках и в этой ночнушке, я подумала, таким образом пошутить, вошла в спальню Брука, который глядя на меня, совершенно не думал, что моя ночнушка была смешной. Я поняла это по его глазам, его лицо потемнело, атмосфера в комнате стала настолько возбужденной, будто давила мне на кожу, как только я приблизилась к его кровати, он рванул вперед. Бросившись ко мне, обхватив меня за талию, дернув меня на кровать, снял очки, бросил их, совершенно не задумываясь на тумбочку, и мы начали все сначала. На этот раз с самого начала и до конца секс был диким и импульсивным, без ленивых ласк и нежных исследований, был горячим, жестким и совершенно неуправляемым.

Я ответила на его вопрос:

— На самом деле, она удобная.

Он приподнял голову и посмотрел на меня.

— Хорошо, потому что мне нравится.

Я улыбнулась и прошептала:

— Я это уже поняла.

Он улыбнулся в ответ, наклонив голову, его рот теперь мог коснуться моего, затем он скользнул губами по щеке, затем медленно, лениво и сладко опустился к шее.

Его бедра слегка двинулись, пока он аккуратно вытаскивал свой член, я поймала себя, как едва выдохнула, пока он проделывал это, не желая признавать его потерю, обхватила его руками, повернув к нему голову.

И прошептала ему на ухо:

— Мне нужно сходить привести себя в порядок.

Он приподнял голову, его довольные взгляд уперся мне в глаза, и прошептал в ответ:

— Хорошо, детка.

Затем он опять наклонил голову к моему горлу, его губы прошлились по коже, и он перекатился с меня.

Я передвинулась в другую сторону, встала с кровати, схватила трусики и направилась в его ванную.

Хорошей новостью было то, что его ванная была чистой, хотя не помешало бы заменить полотенца, которые похоже он купил в том же году, что и пикап, и свою мебель. Не говоря уже о том, что ванную похоже тоже установили еще до того, как стали повторять «Семейка Брэди». (*«Семейка Брэйди» — американский комедийный телесериал, который транслировался на канале ABC с 26 сентября 1969 по 8 марта 1974 года. Роберт Рид, Флоренс Хендerson и Энн Б. Дейвис сыграли главные роли в шоу, которое рассказывало о многодетном овдовевшем отце, который женится на вдове с тремя детьми. — прим. пер.*)

Тем не менее, здесь не было ужасно, и мне не стоило на этом зацикливаться.

Я проделала обычную процедуру, надела трусики и наклонилась к зеркалу, чтобы посмотреть на себя.

Волосы были в беспорядке, лицо покраснело, губы опухли, соски все еще выпирали сквозь шелковую ткань, я осматривала себя и в первые за всю свою жизнь подумала, разглядывая свое отражение, что немного стала лучше.

Потом ухмыльнулась, выключила свет и пошла обратно в спальню.

Брок перегнулся через кровать и выключил свет на моей половине. Когда я залезла на кровать, он повернулся в свою сторону и выключил свет.

Потом он протянул ко мне руку, взял за руки, прижал меня к своей груди, переплел свои длинные ноги с моими, отклонил меня немного, погрузив руку в мои волосы, притянул поближе к себе, и прислонил мое лицо к груди.

Я прислонилась щекой к его груди и обняла его за талию.

— Спасибо за ужин, — прошептала я ему в грудь.

— Лучшая часть ужина был десерт, — прошептал он в ответ, и я улыбнулась.

Потом вздохнула.

И сказала:

— Мне понравилась твоя семья.

Его пальцы напряглись в моих волосах, потом он пробормотал:

— Хорошо.

Именно тогда, оставаясь верной себе, единственным способом, который мне был знаком, я заявила:

— Просто к твоему сведению, я начну с того, что это не акт вторжения психованной женщины в твою личную жизнь, а спасательная операция, я куплю тебе новые полотенца и... новые тарелки в качестве приоритетной миссии.

Он улыбался, спросив:

— Спасательная операция?!

— Кто-то должен избавить их от страданий.

Послышался короткий, глубокий смешок, который я не только слышала, но и чувствовала всем телом.

— Дорогая, у меня есть моя бывшая, которая обчистила меня семь лет назад, и работа, благодаря которой я редко бываю дома, если учесть, что я работал под прикрытием над заданием, которое длилось полтора года. Год я не виделся с семьей, даже со своими детьми, и у меня двое мальчишек в том возрасте, когда они выдают свое дерзко о чем угодно, главное, чтобы работал телевизор и была еда в холодильнике и, учитывая, что они парни, скорее всего останутся в таком возрасте, когда будут выдавать свое дерзко о чем угодно, но главное, чтобы работал телевизор и была еда. Полотенца не стоят в приоритете также, как и тарелки тоже не в приоритете.

Я запрокинула голову назад, взглянув на его покрытый щетиной подбородок в темноте комнаты.

— Ты не виделся со своим детьми и семьей год?

Он наклонил голову ко мне, и я почувствовала его взгляд на своем лице.

— Я не думал, что это займет столько времени, но это была еще одна, огромная причина, почему я хотел выиграть «Статую Свободы» с Дарлой.

— О, — прошептала я, теперь многое из того, что он говорил, определенно имело смысл, конечно, все, что он говорил имело смысл, но теперь мне казалось во всем было больше смысла, поэтому спросила:

— А такое часто происходит?

— Мне приходилось работать под прикрытием и раньше, не часто, но я согласился на последнее задание, потому что моя жизнь с Олевией была невыносимой.

Должна признать, это тоже имело свой смысл.

— Ей не нравилась твоя работа?

— Олевии нравится внимание, и, если она не получает внимание к себе, она хочет, чтобы что-то, мать твою, другое компенсировало внимание к ней, например деньги, много, намного больше, чем я получал. Она также не очень любит заниматься детьми, поэтому

основная тяжесть воспитания двух сыновей — не ее любимое занятие, она рассматривает это как времяпрепровождение, и я не шучу. Таким образом, она не собиралась крутиться, как белка в колесе, из-за того, что у нее не было мужчины, готового вокруг нее ходить на задних лапках, поэтому выставляла другие условия, считала их вполне оправданными, за отказ потакать ее прихотям.

О, боже. Со стороны все выглядело не очень хорошо. Особенно часть, что Оливия не очень любила заниматься детьми.

— Но твоя работа, ведь очень важна, — прошептала я.

— Ага, — согласился он.

— И опасна, — добавила я, и его рука сжалась вокруг меня.

— Ага, — повторил он.

Я опять прижалась щекой к его груди, анализируя тот факт, его работала подразумевала, что он может исчезнуть в любой момент, и задалась вопросом, буду ли я походить на Олевию, не слишком счастливая, что буду делать, когда это произойдет, по опыту зная, что буду скучать по нему, если он уйдет.

— Аренда этого места истекает в следующем месяце, я уже смотрю жилье, — объявил он, вытаскивая меня из мыслей, отчего я опять задрала на него голову.

— Что прости?

— Я немного спалился здесь, последнее задание перед концертом Хеллер, меня видел кое-кто из жильцов дома, я не хотел, чтобы кто-то здесь понял, где я работаю, но теперь они знают. Это рушит то, что я делаю в подразделении по борьбе с наркотиками, мне светит там только бумажная работа, но поскольку я полевой человек, бумажная работа меня просто убьет, я перешел в Департамент полиции Денвера, прошел собеседование, меня взяли, и я ушел из УБН три недели назад. Я начинаю через неделю в отделе убийств. Это дает мне большую стабильность, хотя и риск, но, если какой-то урод проследует за мной домой, а дом будет находиться в приличном месте, они не будут задавать мне вопросы. Итак, я ищу новое жилье.

Я моргнула, переваривая новую информацию, но с трудом.

Поэтому единственное слово, которое смогла сказать, было:

— Правда?

Он снова улыбнулся в темноте, отвечая:

— Да. Но это совсем не значит, что после стольких лет жизни в криминальном мире Денвера, я выхожу на постоянное стабильное место, просто криминальный мир будет теперь под контролем, не будет частью моей жизни, и я смогу спокойно дышать двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю, но что действительно во всем это плохо, то что моя женщина готова со всех ног убежать в Кентукки.

— В настоящее время я пересматриваю свои планы, наверное, не буду переезжать в Кентукки, — сказала я, получила сжатие его руки и хихиканье, а затем он прикоснулся губами к моему лбу, потом положил голову на подушку.

Затем он сказал:

— Завтра, прежде чем ты решишь избавить мои полотенца от страданий, есть одно для тебя дело — позвонить своему агенту по недвижимости и снять этот гребаный знак со своей лужайки перед домом.

— Хорошо, — согласилась я мгновенно и получила еще одно сжатие его руки и хихиканье, но, увы, не получила поцелуя в лоб.

Я снова прижалась щекой к его широкой груди, раздумывая над своей глупой мыслью, но мне было приятно об этом думать — Элли будет выглядеть мило в розовом платье девушки-цветочницы.

— Сладкая? — сонным голосом окликнул он.

— Мм?

Его рука скользнула с моей головы к шее, а затем прошлась по шелковой ночнушке на спине.

— У тебя есть еще такие ночные рубашки?

— Э-э, нет... я должна продать сто пятьдесят кексов, чтобы купить себе одну.

— Господи, — тихо произнес он.

— Она того стоит, — пробормотала я в ответ.

— Чертовски верно подмечено, — сонно согласился он.

Я хихикнула.

Его рука скользила вниз, потом обняла за талию и успокоилась на бедре, он прижал меня ближе к своему горячему, твердому телу.

И прошептал:

— Спи, детка.

— Хорошо, дорогой. Спокойной ночи.

— Спокойной, Тесс.

Я втянула носом воздух, а затем выдохнула. Крепко прижалась щекой и всем телом к Броку. Мое тело расслабилось, и я заснула.

10.

Ты испек торт?

Прошел месяц...

— Э-э... разве мы не собираемся просто его съесть? — спросил Джоуи, и я посмотрела на сахарный узор с кремом из сливочного сыра, с глазурью морковного торта с корицей, который украшала для него и его брата, сидящих за барной стойкой.

Апгрейд: прошедший месяц был насыщенным.

Во-первых, Брок сделал два шага.

Первый — он ушел из УБН и перешел работать в полицию.

Второй — он переехал из зашарпанной, наводящей страх, определенно сохраняющего вашу жизнь на волоске, поднимаясь по внешней лестнице в его квартиру в совершенно не страшную арендованную квартиру, в которую не нужно было подниматься по внешней лестнице. Квартира находилась в небольшом, хорошо благоустроенном, тихом, L-образном доме. Единственным недостатком — два парковочных пространства, и весь дом из двенадцати квартир имел только три парковочных места для посетителей, находящиеся за поворотом L-образного здания от места Брока. Таким образом, если к нему приезжала семья, что случалось теперь несколько часто, потому что он был доступен, и его семья была дружной и до сих пор находилась в тисках эмоциональных терзаний, парковка становилась настоящей проблемой.

Все остальное было потрясающим. Огороженный внутренний дворик, настоящий природный солярий, таким образом, если солнце сияло (а в Денвере солнце сияло часто), раз и вы открывали деревянные выходя, выходя на солнце, несмотря на то, что сейчас был

ноябрь. Внутри перед входной дверью была большая гостиная с камином и двухъярусный склоненный потолок. Наверх вела короткая лестница и справа открывалась огромная спальня с ванной. Там стояла новая большая двуспальная кровать с новыми простынями и одеялом.

Кровать купил Брок, простыни и одеяло выбрала я без Брука, он категорически отказался ходить со мной по магазинам, выбирать простыни, кровать купил первую, которая попалась ему на глаза, к счастью, она оказалась хорошей. Поэтому я обратилась к Эльвире, Гвен и Марте, первые две отказались, сославшись на неотложные дела, последняя пошла со мной по магазинам, всем своим видом выражая протест, она все еще хотела вывести на чистую воду мудака-Брука, которого, по ее мнению, он скрывал в себе.

В его квартире рядом с лестницей наверх, была и лестница вниз, которая приводила вас к двери на другой лестничный пролет, и вы спускались в подвал с прачечной. Нижний этаж над подвалом имел две комнаты поменьше, разделенные ванной. И была еще одна короткая лестница, всего в пять ступенек, выводящая вас на кухню на возвышении с ограждением, отделяющим гостиную и небольшую столовую, затем бар, который разделял компактную, но современную и относительно роскошную (для аренды) кухню.

Как я и говорила Бруку, я купила новые полотенца для ванны и для кухни, и когда он переехал, я положила наборы полотенец в ванну мальчиков.

Как я и предполагала, его семья была еще более настойчивой, любопытной и навязчивой даже больше, чем Эльвира, как-то без его ведома, благодаря ключам от его квартиры, которые он дал своей матери Ферн, Лаура и другая сестра Брука — Джилл вывезли его убогую жалкую мебель в неизвестном направлении, которое не смог даже определить агент из отдела по борьбе с наркотиками (а он пытался), и заполнили квартиру большой, фантастической, мужской, удобной секционной мебелью, появился новый квадратный журнальный столик, красивый вертикальный комод, телевизор с плоским экраном, стереосистема, DVD-плеер, PS3 (для мальчиков) и DVD, полки с компакт-дисками и книги, новые столовые приборы.

О, и три новых торшера и подставки под кружки, а также салфетки и необычный, но красивый кованый толстый подсвечник (с аромасвещами, с запахом океана) на обеденном столе в гостиной.

К сожалению, они не успели закончить расставлять новый декор в квартире Брука, и к еще большему сожалению, я находилась вместе с ними, когда он вернулся домой, и достаточно было всего лишь одного его взгляда на новую квартиру, атмосфера в комнате стала, как наждачная бумага, потому что он растерял все свое спокойствие.

Также, к сожалению, все члены семьи Лукасов, даже женщины, обладали чертой характера — моментально считывать настроение, витавшее в комнате, и эти три женщины знали Брука с самого рождения (за исключением Лауры, которая была на пять лет моложе его), поэтому не боялись смены его настроения, и противостояли ему всей стеной.

Началась громкая, долгая, заставшая врасплох, интригующая, немного напрягающая словесная перебранка.

Я понимала, что Брук в первую очередь был мужчиной во всем, и его пространство было его пространством, его дермо было его дермом, и он был не рад вторжению трех женщин, решившихся позаботиться о сорокапятилетнем мужчине.

И я за всех этим наблюдала, держа рот на замке, зависая на кухне, пока они кричали (хотя его новая мебель была просто потрясающей), я была согласна с Бруком, что они перешли все границы.

Словесная перепалка продолжалась, я имею ввиду долго, и у меня появилось такое чувство, что они ругались уже не из-за новой мебели и нежелательного вторжения в его квартиру, а из-за более глубоких проблем, которые были у них в семье. Дошло до того, что я опасалась слов, которых не стоило произносить, но в такой ситуации, они могли выйти наружу, поэтому мне пришлось выйти за пределы моего статуса новой подруги Брука, а значит и человека, который не должен впутываться и вмешиваться в их разборки именно в тот момент, когда Ферн применила большое (возможно, для эмоциональной манипуляции) оружие, я проходила это уже со своей матерью, потому что в целом все матери привыкли так делать.

— У нас огромные проблемы, Слим, если мы не научились ничему из того, что происходит сейчас с Кобом! — закричала она, и я с отчаянием наблюдала, как дернулся торс Брука, словно его ударили, и каменный взгляд застыл на его лице. — Жизнь чертовски коротка. Слишком коротка. Я на год моложе твоего отца, и у меня нет иллюзий насчет того, что я следующая. И я решила, что мои дети будут наслаждаться мной и тем, что я могу им дать, пока я жива. Джилл и Лаура купили не много вещей, большая часть от меня. И это означает, что ты не получишь большое наследство, но ты не рассчитывал на него по любому. А также это означает, что я увижу, как мои внуки будут отдыхать на хорошей мебели в приличном месте, да, я знаю, что ты считаешь это не столь важным, но я все равно это сделаю. Я хочу это сделать для тебя и сделаю.

Она замолчала, воцарилась тишина, а потом она продолжила, но более тихо, однако то, что она сказала дальше оказалось еще большим ударом.

— Моя девочка пережила настоящий ужас, — сказала она, и все мое тело напряглось, Брук посмотрел на сестру, потом на меня, потом опять на мать, которая продолжала: — Я знаю, что ты сделал все возможное, даже больше, и я знаю, что мы задолжали тебе гораздо больше, потому что ты сделал все, чтобы этот человек заплатил за то, что он совершил с моей девочкой. Я видела, как она пострадала, я видела, как это съедало тебя, тебя и других детей. Но ты единственный, кто смог как-то помочь ей, и ты не успокоился, пока она не стала жить нормальной жизнью. Я видела насколько ты выдохся, приводя сестру в чувство от ужаса, который она пережила, и, если она хочет отблагодарить тебя за это, а также я хочу выразить тебе свою благодарность, Слим, ты, черт возьми, позволишь нам это сделать и будешь при этом держать свой рот на замке.

Эти слова, к сожалению, оказали на меня такое сильное влияние, как и на всех в гостиной. Я попыталась взять себя в руки, но мне не удалось, ноги сами собой побежали из кухни, вниз по короткой лестнице в пять ступенек, дрожащие губы пробормотали: «Извините», я не останавливаясь помчалась вверх по другой лестнице, через спальню Брука в его ванную комнату, закрыла дверь, прижалась спиной к стене и сползла вниз, опустив лицо в колени, разрыдавшись.

Позже я узнала, что Брук не рассказал своей семье, почему я ушла от мужа и подала на развод. И учитывая мою драматическую реакцию, Брук оказался буквально после наносекунды со мной в ванной комнате, когда моя задница шлепнулась на пол, его мама с сестрами так раз волновалась, что не ушли, пока Брук не успокоив меня и не положив на кровать, не спустился к ним, все объяснил им и попросил уйти.

К счастью, словесная перепалка на этом закончилась, хотя Брук не сдался до конца, он просто перестал говорить на эту тему.

Однако, когда он так и не смог отыскать свою старую мебель, которая исчезла в неизвестном направлении, он сдался.

Странно (а может и нет), но, когда они узнали, что я встречалась с Броком не несколько недель, как они предполагали, а довольно уже долгое время, это подняло мой статус его новой девушки, и они увидели серьезность в наших отношениях, я поделилась с ними печальными обстоятельствами своего развода, которые сильно разволновали их и, хотя не могла объяснить причины или почему, но они от всей души приняли меня в свою семью. Брок ничего не упускающий из виду, фактически ничего не пропустил, ну может самую малость (или, возможно, ничего), поэтому на мои отношения с его семьей у него не было особой реакции, кроме как естественной и обычной.

Можно с уверенностью сказать, что мне, на самом деле, нравился Брок, но несколько лет я провела одна в своем собственном мирке, выстроив защитную стену от окружающего мира и его большая, громкая, постоянно присутствующая семья меня немного пугала.

Я ничего ему не говорила об этом, предполагая, что, если нам с Броком суждено развивать наши отношения, я постепенно привыкну к ним в основном потому, что у меня не будет выбора.

Еще одна важная деталь, которая произошла за это время, я познакомилась с Рексом и Джоуи. В пятницу, когда мы с Броком снова встретились, он объявил, что его выходные пройдут с детьми, он забрал их из школы, и через три часа я встретилась с ними в пиццерии «Бо Джо».

Брок не ошибался. Его гены были явно доминирующими. Я не видела Олевию, но оба его сына были похожи на него в миниатюре. У Джоуи были голубые глаза Ферн, у Рекса был другой нос, но кроме этого, черты лица, телосложение были похожи на Брука, это казалось странным. Хотя они были другие, уникальные, но все равно, как будто он.

Брок не ошибался и в другом. Они были хорошие дети. Вежливые, мягко сказано. Внимательные. Послушные.

Может даже слишком послушные для их возраста, учитывая, что они были ненамного старше Грейди, и у них не было неугомонного младшего брата и сестры.

Я виделась с Броком каждую ночь (и соответственно каждое утро), но, когда Брок забирал своих детей, он проводил с ними время без меня. Он объяснил мне, что хотел бы медленно вводить меня в их жизнь, сразу не заставлять их проводить время с женщиной, которую они не слишком хорошо знали. Итак, после нашего первого ужина в пятницу вечером, я не видела Брука до вечера воскресенья. И в следующий раз, когда дети были у Брука, я виделась с ними также в пятницу вечером, и не видела Брука до воскресенья.

Но в следующий раз я сделала выводы по поводу примерного поведения его сыновей. Мы встретились не в пиццерии «Бо Джо», а я принесла кексы к нему домой, а Брок приготовил спагетти, мы собирались поужинать и посмотреть фильм. Я была у него дома, когда они приехали ближе к вечеру и не уходила, пока они не оказались в своих кроватях во второй спальне Брука.

Поскольку я уже встречалась с ними раньше то, как только они появились в апартаментах Брука я заметила, что они немного взвинчены, вернее, даже не немного. Нервные. Гипервнимательные. Озабоченные. Особенно, когда Рекс пролил стакан газировки на кофейный столик, он выглядел таким испуганным. Глаза стали огромными, испуганными, когда он бросил взгляд в сторону отца, лицо побледнело под моим взглядом, а все тело напряглось.

Я также увидела, как сжалась губы Брука. Не из-за того, что его сын разлил стакан с газировкой, а из-за его реакции. Он быстро изменил выражение лица и медленно стал уверять сына (который пытался выглядеть уверенным, но было видно, как он боялся), что это сущий пустяк.

И не нужно было быть детским психологом, чтобы понять почему у Рекса была такая реакция, и то, что он услышал от своего отца, даже и близко не было к тому, что он мог услышать, пролив стакан с газированкой, от своей матери.

Я никогда не встречалась с мужчиной, у которого были дети, поэтому решила подождать, может Брок захочет обсудить эту ситуацию со мной. В этом моем решении не было наигранности, просто я хотела предоставить ему право выбора. Мы только начинали узнавать друг друга, и мне совсем не стоило вмешиваться в его отношения с сыновьями и бывшей.

Но он не завел об этом разговор.

Но в эти выходные Брок решил, что все будет по-другому, он обсудил свою точку зрения со мной, спросил комфортно ли мне будет, я не могла (точно) сказать, потому что не знала, поэтому честно ответила ему, сказав, что готова предоставить ему шанс.

И в пятницу вечером он забрал своих парней, наступила суббота. И в субботу вечером я пришла к ним и сделала (по просьбе Брука, так как он тогда съел три четверти) мексиканскую запеканку тортильи (хотя поскольку она так понравилась Броку, я сделала в два раза больше в этот раз), потом последовало горячее сливочное мороженое с моим домашним горячим соусом из помадки.

А после я осталась у него на ночь.

И его сыновья поглощали мою еду с таким же удовольствием, что и их отец, для меня это был комплимент.

И было полным облегчение, когда они спокойно отреагировали, что я останусь на ночь.

Сейчас было воскресенье. В пять должна была мать забрать детей, и Брок сообщил мне, что Оливия настаивала, чтобы он возвратил ей детей накормленными и напоенными, поэтому у нас должен был состояться обильный поздний ужин, после которого я планировала подать домашний морковный торт.

Торт, который я и украшала в этот момент, хотя предназначался он только нам.

Но я обязана была его украсить, просто должна была. Каждый торт заслуживает того, чтобы быть красивым, даже если используется самое простое украшение.

И учитывая тысячи украшенных мною кондитерских изделий, мне потребовалось для украшения этого торта столько же времени, сколько требуется большинству людей, чтобы заморозить их, поэтому для меня это не составляло труда.

Поэтому на вопрос Джоуи, я улыбнулась, глядя в его голубые глаза и ответила:

— Да.

Он посмотрел на своего брата, Рекс смотрел на него, потом они оба перевели взгляд на меня.

Затем Рекс спросил:

— Ты делаешь торты, как «Король кондитеров»? (*«Король кондитеров» Cake Boss — американский телевизионный сериал, который транслируется в сети кабельного телевидения TLC. Шоу следует за работами Carlo's Bake Shop, семейного бизнеса в Хобокене, штат Нью-Джерси, которым управляют братья и сестры Бадди Валастро, Лиза Валастро, Маддалена Кастано, Грейс Фаугно и Мэри Скарроне. – прим. пер.*) Я отрицательно покачала головой и вернулась к сахарному узору, объясняя:

— Мой магазинчик маленький, мне помогают только две девушки с выпечкой и украшением, я не корчу из себя великого кондитера, не делаю каких-то супер экстравагантных тортов, а всего лишь стремлюсь сделать каждый торт, который выпекаю, красивым.

— Торты не должны быть красивыми, они должны быть вкусными, — сообщил Джоуи в тот момент, когда его отец поднимался к нам по ступенькам.

Я перевела взгляд от Брука к сыну, потом ответила:

— Для того, чтобы украсить торт, нужно положить на него побольше глазури, это значит, что торт будет с глазурью, и человек, пробующий его, съест больше глазури, согласна, что торты вкусные на вкус, но украшенные торты, декорированные большим количеством крема и глазури, на вкус еще вкуснее.

Брук положил руки на грудь Джоуи, игриво прижав его к своему торсу, пробормотав:

— Не поспоришь с этим, Джоуи.

— Нет, — согласился Джоуи, глядя на торт голубыми глазами, я поняла, что хорошо проделала свою работу, все объяснив, тем самым расширив его горизонты.

В этот момент раздался стук в дверь. Я посмотрела на Брука, он нахмурился, повернув голову в направлении входной двери, отпустил своего сына и пошел вниз. Я вернулась к сахарному узору.

— Морковный торт мой любимый, — поделился Рекс, не скрывая своего предвкушения, отчего я усмехнулась.

Я уже поняла, потому что это был любимый торт его отца. Вот почему именно этот торт я испекла сегодня, и он стоял на столешнице.

— Хорошо, — пробормотала я.

— Какого хрена? — Услышала я рычание Брука, приподняла голову, мальчики тоже вытянули шеи, чтобы увидеть кто пришел.

— Мило, — услышала я женский голос, который продолжал: — Мне нужно забрать мальчиков пораньше. Можешь собрать их вещи? Я подожду в машине.

— Еще раз, — сказал Брук.

— Мне нужно забрать мальчиков пораньше, — повторила она. — Я подожду их в машине. Скажи им, чтобы поторопились.

— Оливия, ты не заберешь их до пяти, — заявил Брук натянутым, как струна, голосом, а мой мозг отказывался верить, что на пороге квартиры Брука стояла его бывшая жена и разговаривала, как сука, хотя я подозревала, что она ею и была, судя по тому, что узнала от Брука (и Фейн, Лауры и Джилл), я напряглась, когда точно поняла, что это она, заметив насколько одеревенели мальчики, уставившиеся на дверь, сидя на барных стульях.

— Я знаю, Слим, но сегодня мне нужно забрать их пораньше, — возразила она.

— Если тебе нужно забрать их пораньше, ты заранее предупреждаешь меня об этом, мы обсуждаем этот вопрос и строим с ними планы. И ты не заявляешься к моей двери и не указываешь, чтобы я собрал их вещи.

— О, ради всего святого! — сорвалась она. — Об этом даже не стоит говорить. Почему ты раздуваешь из муhi слова? Осталось всего два часа. Пусть соберут свои вещи, я буду ждать их в машине.

— Женщина, я забираю их всего четыре дня в месяц, два часа минус — для меня это много. Ответил Брук с опасным рокотом в голосе.

— Вот видишь, ты придаешь этому слишком большое значение, — ответила она.

— Они не успели поесть, — сказал ей Брук.

— Дейд позже отвезет их поесть гамбургеры или что-нибудь еще, — ответила она.

— Нет, Дейд не отвезет. У нас есть планы на ужин. Ты вернешься через два часа или я заброшу их к тебе домой в пять или в другое время, которое ты назовешь.

— Ты можешь перенести свои планы на следующий раз. Я уже приехала и спешила изо всех сил, чтобы забрать их, и у меня нет времени припартироваться с тобой.

— Ты спешила изо всех сил, чтобы забрать мальчиков? — Спросил Брок, его опасный рокот в голосе становился все опаснее.

— Господи, Слим, просто скажи им, чтобы они собирались.

— Хорошо, ты не слышишь, что я говорю, так вот послушай — у нас есть планы. Торт уже испечен, и мальчики с нетерпением хотят съесть его. Они съедят его, и я отвезу их к тебе, или ты заедешь за ними в пять часов, когда придет их время возвращаться домой.

— Торт испечен?!

Ой-ой.

Брок не ответил на ее вопрос. Вместо этого он заявил:

— Уходи, я привезу парней в семь.

— Какой торт испечен? — спросила она. — Ты испек торт? — Недоверчиво переспросила она.

Очевидно, не Рекс, не Джоуи не рассказывали обо мне.

Я оглянулась на детей Брука и в этот же момент они медленно повернули ко мне головы.

По их глазам я увидела, что они напуганы.

О, боже.

— Оливия, Господи, постой, — прорычал Брок.

О, боже!

— Какой торт, Слим? — спросила она, поднимая голос и переходя на крик. — Какой торт? Затем наступила минута молчания, Брок пробормотал «Бл*дь», я перевела взгляд на гостиную за полсекунды до того, как внизу лестницы на кухню появилась женщина.

И один взгляд на нее, меня словно ножом полоснуло.

Она была прекрасна. Совершенна с ног до головы, если это самое лучшее определение прекрасного.

Переливающиеся, ухоженные, длинные светлые волосы. Сказочная фигура. Идеально симметричные черты лица. Интригующей формы глаза. Скулы, за которые можно умереть. Высокие и тонкие. На ней был приталенный, стильный свитер, джинсы за двести долларов, сапоги за семьсот долларов и сумочка за полторы тысячи долларов.

И у нее были необычайно красивые руки с идеальным красным маникюром.

Она выглядела так, будто сошла со страниц журнала селебрити.

И она была бывшей женой Брука.

Ее поразительные, сердитые, наполненные ненавистью глаза устремились на меня, и она требовательно спросила:

— Кто ты?

Я открыла рот, чтобы ответить, но в моем видении появился Брок, который меня опередил:

— Это Тесс, Оливия, и серьезно, это перебор, — прорычал он.

— Тесс? — спросила она, не отрывая от меня своего взгляда, а потом посмотрела на Брука,

— Тесс?!

— Может ты сделаешь мне одолжение и выйдешь на улицу продолжить свою истерику вместо того, чтобы выплескивать все перед детьми и моей женщиной.

Ой, не нужно, неправильно, совсем неправильный ответ.

Я поняла это, когда она прошипела:

— Твоей женщины?!

— Господи, Оливия, мы можем, бл*дь, выйти на улицу? — Спросил Брок.

— Нет, мы, черт побери, не можем! — Взвизгнула она.

И тут я не выдержала.

— Ладно, мальчики, — тихо сказала я, положив свой кондитерский мешок, — сделайте мне одолжение, возьмите пальто. Давай прогуляемся по кварталу.

— Не смей никуда уводить моих детей, — набросилась на меня Оливия, подняв руку, она видно хотела ударить меня по руке.

— Уводи их, Тесс, — прорычал Брок.

— Вставайте, мальчики, пойдем, — прошептала я, но они видно, словно приклеились к стульям.

— Не смей покидать этот дом с моими детьми! — крикнула Оливия.

— Давай, Тесс, — рявкнул Брок.

— Ребята, — позвала я, обходя барную стойку, — подъем. Пошли.

— У тебя будут огромные проблемы, если эта женщина выведет моих сыновей из дома, — пригрозила Оливия Броку.

— Ты ворвалась в мой дом без приглашения, у нас уже огромные проблемы, Оливия, — ответил Брок.

— Что происходит? — Услышала я, Оливия и Брок оба повернули головы к двери, я попыталась вспомнить, потому что голос смутно казался мне знакомым, но так и не смогла, пока Джоуи не прошептал:

— Дедушка.

Господи, старик Лукас все время появлялся в самое интересное время.

— Что происходит, Коб, я приехала, чтобы забрать своих детей, а Слим не отпускает их, — сообщила Оливия своему бывшему тестю, скрестив руки на груди, выставив вперед ногу.

— Ну, не ожидал, — ответил Коб, которого мы по-прежнему не видели. — Должно быть, я что-то перепутал. Мне казалось, ты забираешь мальчиков в пять, поэтому зашел повидаться с внуками. Неужели я не заметил, как пролетели два часа?

Я увидела, как Рекс кинул косой взгляд на своего брата, Джоуи слегка улыбнулся, затем они оба, наконец, спрыгнули с барных стульев и помчались вниз по лестнице.

— Привет, дедушка! — Услышала я крик Джоуи.

— Привет, дедуля! — крикнул Рекс за ним.

— Джоуи, Рекс, обнимите своего деда, — приказал Коб.

Оливия внимательно прислушивалась, мы по-прежнему их не видели. Брок нахмурившись смотрел на свои ботинки.

— Тесс испекла нам торт! — Услышала я взволнованный голос Рекса. — Морковный. Любимый мой и папин!

— И мой любимый, парень, — добавил Коб. — У кого-то день рождения?

— Нет, — ответил Джоуи. — Она делает это все время. Мы ели кексы в прошлый раз, когда навещали отца. Она зарабатывает на жизнь, выпекая торты.

— Она зарабатывает, выпекая торты, — презрительно прошептала Оливия, и я почувствовала, как выпрямила спину, но заметила, как голова Бруса дернулась, и он повернулся лицом, злобно взглянув на свою бывшую жену, отчего я, хотя взгляд относился не ко мне, вздрогнула.

— Ты бы видел, как она его украшает, дедуля, — сказал Рекс. — Она делает это так быстро, что не видно, как двигаются ее руки. Это как те люди по телевизору.

Их слова заставили меня почувствовать себя намного лучше, и когда я говорю намного лучше, имею в виду, что я гордилась собой, испытывая, настоящее самодовольство, но нацепив на лицо довольную улыбку, я уперлась взглядом в пол.

— Я должен это увидеть, — пробормотал Коб.

— Ты должен поторопиться, она почти закончила, — сказал Рекс.

— Хорошо, мы с внуками посмотрим, как Тесс будет украшать торт, а вы двое выходите на парковку и заканчиваете свой разговор, — предложил Коб. — По-моему хороший план? Я перевела взгляд с пола в гостиную, Оливия смотрела на Коба, затем перевела глаза на Брука, а затем она посмотрела на меня, стреляя кинжалами.

Потом она опять посмотрела на Брука, и на меня, сказав:

— Почему-то я не удивлена, что ты выпекаешь торты?

— Может потому, что у нее имеется настоящее женское тело, которым наслаждается настоящий мужчина, — пауза, а затем последний убийственный выстрел, — наслаждается часто, а не телом, состоящим из углов и костей, краткая новость специально для тебя, Оливия, тело, в котором нет ничего хорошего? — спросил Брук, она с ненавистью взглянула на него, и было ясно по его взгляду и настроению, которое повисло в комнате, что затыкаться он не собирался. — Тебе тоже следует посмотреть, как Тесс украшает торт, может тебе станет интересно, понаблюдать, как имеющие талант люди делают подобные вещи, что вообще не присуще тебе. — Он уже и так совершил убийственный выстрел, но этим он окончательно воткнул в нее нож. Но он все равно не закончил: — Я специально передам детям пару кусочков для тебя домой. Попробовав его, ты может поймешь, что жизнь может быть сладкой, а не горькой. А когда его попробует Дейд, то может он вспомнит, что есть женщины, которые заботятся о своем мужчине, а не тратят всю свою энергию, высасывая ему мозги.

— Слим, — мягко произнес Коб, появившись в поле моего зрения, поднимаясь по лестнице, с нежностью глядя на сына, но несмотря на его любящий взгляд, он явно давал понять Бруку, что все поняли его точку зрения и этого вполне достаточно, пришло время двигаться дальше. Когда его глаза остановились на мне, он мягко сказал:

— Привет, Тесс. Приятно тебя снова увидеть.

— Привет, — также тихо ответила я.

— Дети должны быть у меня дома в пять. — Услышала я, как Оливия прошипела Бруку.

— Я привезу их в семь, чтобы папа мог насладиться общением с ними.

Я отошла за стойку, но взглянула на гостиную, когда Коб и парни расселись у барной стойки, и в данную минуту я заметила гримасу на ее лице, и как она воротила нос, когда смотрела на Брука.

Элли была права. У нее все время была гримаса на лице, и после первоначального впечатления ее внешности, ее слов, отношения к детям, Бруку и ко мне, ненависти и злости, она показалась мне уже не такой красивой, как первоначально.

— Хорошо, — выплюнула она и гордо пошла к двери.

Я взяла кондитерский мешок и вернулась к украшению торта, прислушиваясь к звукам вокруг.

Поэтому услышала, как Брук тихо сквозь зубы произнес:

— Остынь, и подумай об этом, Оливия. Сделаешь подобное дермо еще раз, я имею в виду, что ты здесь устроила — с шоу на два часа раньше и все такое, выплескивая свое дермо перед моими детьми и моей женщиной, предупреждаю тебя, я приму меры.

— Пошел нах*й, Слим, — прошипела она в ответ.

— О, Боже! — пробормотал Брок.

Я мельком глянула на Коба, он сжал губы, подбородок напрягся, и смотрел он на столешницу.

Должно быть почувствовав мой взгляд, он поднял голову, встретившись со мной глазами, его черты разгладились, и он улыбнулся, но глаза все равно остались напряженными, сердитыми, затем он протянул руку и положил на голову Рекса, прижав его к себе.

— Это большой торт, парень, такой большой, что подумываю уговорить Тесс разрешить мне оставаться, чтобы я мог стрельнуть кусочек, — сказал Коб Рексу.

— Я не знаю, каждый собирается съесть по четвертинки, — сказал Рекс и ухмыльнулся ему. Вернулся Брок, подошел к концу стойки бара и посмотрел на сыновей.

— Вы в порядке? — спросил он.

Джоуи пожал плечами, пристально смотря на торт, поэтому я вернулась к украшению, хотя поняла, что его взгляд означал большое, толстое, волосатое «нет» на вопрос отца.

— Да, папа, — пробормотал Рекс.

— Точно, — недоверчиво прошептал Брок, но не стал уточнять. — Тесс?

— Со мной все хорошо, дорогой, — сказала я в торт, а затем спросила: — Хочешь, я принесу тебе пиво?

— Я достану, — он остановился на пути к холодильнику, — папа?

— Будет неплохо, Слим.

— Парни? — крикнул Брок, продолжая двигаться к холодильнику.

— Мы можем выпить пиво? — Спросил Джоуи.

Я посмотрела на него, он наблюдал за Броком, засунувшим голову в холодильник, и увидела, как он улыбнулся, когда отец бросил ему газировку, сказав:

— Хорошо, я выпью газировку.

— И я тоже, — вмешался Рекс.

Я вернулась к узору.

— Ничего себе, Тесс, мальчики не врали. Твои руки летают с такой скоростью, что уследить невозможно, — отметил Коб.

— Тренировка, — пробормотала я.

— Я вижу, — буркнул Коб, а потом сказал нечто такое, отчего теплый фонтанирующий поток наполнил мой живот и руки замерли на середине спринцевания. — Может быть, он мой сын, но долгое время общался с мужчинами. Женщина, которая выглядит такой красивой босиком на кухне, в футболке и очках, без макияжа, с распущенными волосами, собранными в хвост, украшающая торт, от одного вида которого твой рот наполняется слюной, прекрасна, ну, — я подняла глаза на него, и он мягко улыбнулся мне, — не знаю ни одного настоящего мужчины, а я повидал их много за свои шестьдесят восемь лет, который бы не хотел иметь такую женщину на своей кухне.

Ему не нужно было успокаивать меня после встречи с ОЛевией.

Но это все равно было приятно.

— Спасибо, Коб, — прошептала я.

— Не благодари меня за правду, милая, — прошептал он в ответ.

Брок оказался рядом со мной, прижав меня спиной к своей груди, с грохотом поставив бутылку пива на столешницу, и с улыбкой сказал:

— Па, перестань флиртовать с моей женщиной.

Отчего Рекс и Джоуи хихикнули, прикрыв рот ладонью, а Коб пробормотал:

— Я стараюсь, Слим, но очень трудно сдерживаться.

— Господи, — пробормотал Брок, и я почувствовала, как он глотнул пива.
Я вернулась к своему узору, но украшала теперь торт с улыбкой.

* * *

— Вот, держи, Коб, — произнесла я, подавая отцу Брука новую бутылку пива.
Ужин (и торт) был съеден с дедушкой (и папой), Брок поехал отвозить детей в дом Олевии и ее мужа Дейда, а я зависла с его отцом дома у Брука.
Почему Коб все еще находился у него в доме, я не могла сказать. Я же все еще была дома у Брука, потому что оставалась на ночь.

Я свернулась калачиком на диване напротив него с мятным чаем и старалась не столь открыто изучать старика, пока он смотрел на огонь в камине.

Когда тишина затянулась, мы молча потягивали наши напитки, и взгляд Коба перешел от огня в темноту комнаты, я прошептала:

— Эй, — он посмотрел на меня. — Все в порядке? — Спокойно спросила я.

Коб не стал ходить вокруг да около, а выложил свои мысли

— Когда он познакомился с ней, я испытал радость, — сказал он, и я уставилась на него. — Мы не были близки, до сих пор не близки, но я был рядом. Внешность напоминала сладкий сахар, — пробормотал он, а затем продолжил: — а вышел сахарин.

О, боже.

Он говорил об Олевии.

Его глаза становились все напряженнее, когда он мягко сказал:

— Не мое это дело, я лишился этой роли, небось ты знаешь об этом, но я скажу в любом случае, надеюсь, ты понимаешь, что я говорю тебе из лучших побуждений по отношению к моему сыну, но ты, как Оливия, ты радуешь глаз, как Оливия, ты сахар сладкий, но ты должна мне пообещать, Тесс, что где-то под глазурью, — он кивнул подбородком в мою сторону, — на вкус сладкая.

Я почувствовала, как мое сердце таяло от вопроса мужчины, который боролся с такой болезнью, болью и скорой возможной смертью, но все же хотел выяснить будет ли у его сына со мной что-то хорошее в его жизни, поэтому я прошептала:

— Я то, что вы видите перед собой, Коб, я обещаю.

Он внимательно изучал меня, кивнул и перевел взгляд на огонь.

Затем, все также глядя на огонь, он сказал:

— Джилл рассказала мне, что ты пережила.

Это был неожиданный поворот, заставивший меня вдохнуть, я закрыла глаза и отвернулась. Потом открыла, он снова заговорил, не отводя от меня глаз.

— Мои девочки близки со мной. С женщинами мне всегда было легче, чем с мужчинами, кроме Ферн, и то только лишь потому, что сорок с лишним лет я был мудаком. Я не знаю, позиции Слима, но Джилл обеспокоена, как и вся семья, и я хочу, чтобы ты узнала мое мнение на этот счет — ты всегда можешь обратиться ко мне, клянусь Божьей истиной.

— Хорошо, — прошептала я.

— Мужчина причинил тебе боль? — спросил он.

— Да, — ответила я.

Он внимательно и долго смотрел на меня, жестким взглядом, я смотрела на него с некоторым шоком и вихрем других, более сильных чувств, когда его глаза засияли.

Затем он спросил тихим, густым голосом:

— Что им овладело?

— Я не знаю, — ответила я также тихо.

— Он заплатит?

Я покачала отрицательно головой.

На это он прошептал:

— Милая.

— Есть много других разных способов пережить это, Коб, — защищаясь произнесла я.

— Ну, дорогая, придерживайся и дальше этого мнения, что ты и делаешь. Никто не осудит. Понимаешь меня?

Я кивнула.

А он выдохнул.

Затем он поделился:

— Очень хочу, чтобы мой сын Леви нашел себе такую женщину, как ты, чтобы он был таким же счастливым, как Слим с тобой, когда он смотрит на тебя, чтобы он также чувствовал, как ты заставляешь ощущать Слима, чтобы он хотел постоянно быть рядом с ней, как Слим с тобой, который не может стоять вдали от тебя, словно он все время ждет, что в комнату с рычанием ворвется лев, поэтому должен быть достаточно близко к тебе, чтобы встать между тобой и им, чтобы защитить тебя.

Я смогу умереть спокойно, зная, что у моих Лауры и Джилл есть такие мужья, могу умереть спокойно, зная, что Слим имеет такую женщину, и хотел бы я умереть также спокойно, зная, что ночью какая-то женщина будет согревать кровать Леви.

Его слова согревали мое сердце, скользнули в мою душу и заставили ту сжавшуюся, свернувшуюся ядовитую змею сжаться в животе почти до мизерных размеров, словно она исчезла.

— Может ты не умираешь, — мягко предложила я.

— Человек всегда знает когда, Тесс, — ответил он, помолчав.

— Тяжело сражаться с болезнью? — Спросила я, и он улыбнулся.

— О, милая, не волнуйся, я буду биться до последнего.

— Хорошо, — улыбнулась я в ответ.

— Надеюсь, что смогу на какое-то время дать этой дряни отпор, чтобы заключить мир с моей семьей.

— Я познакомилась с твоей семьей, Коб, и я не хочу давать тебе большую надежду, но то, что я вижу, идет к лучшему.

Он с напряжением смотрел на меня, а потом спросил:

— Слим?

Я наклонила голову в сторону.

— Ты только что поужинал с ним и его сыновьями, — напомнила я ему.

— Он впустил меня в свой дом и позволил своим сыновьям познакомиться со своим дедушкой, пока у них есть такая возможность, он всего лишь впустил. Я неправильно вел себя с Ферн, со всеми своими детьми, но Слим пострадал от меня больше всего.

— Я знаю, — прошептала я, и на его лице отразилась боль.

— Точно, — пробормотал он, глядя на огонь.

— Коб, — позвала я, и он оглянулся на меня. А потом сказала:

— Жизнь — забавная штука. Самое смешное, что иногда что-то плохое приводит к хорошему. Мне не нравится наблюдать за вашим конфликтом и, без обид, я серьезно расстроилась, узнав, какое тяжелое детство было у Брука, и Ферн тоже было не легко, и

всей твоей семьи из-за выбора, который ты сделал. Но из-за твоего выбора Брок сейчас такой, как он есть, и, если бы он не был таким, честно не знаю, была бы я здесь сейчас. И все потому, что в комнате, где есть лев, Коб, Брок встанет между этим львом и мной, а если бы он не был таким, не знаю, как бы я выжила. Ты создал тогда такую ситуацию, совсем не хорошую, и вот результат. Мы не можем что-то переиграть и исправить наши ошибки. Но в конце концов, твои действия соединили всю семью, они очень близки, сильно любят друг друга, до ярости преданы, заботятся друг о друге и о тех, кто что-то для них значит. Ты приложил к этому руку, хотя это совсем не оправдывает твоих поступков. Но я надеюсь, что это принесет некоторый мир для тебя, ты знаешь всю свою семью, которую создал, ну, они тоже пережили и выжили, даже если то, что им пришлось пережить, было совершено тобой.

— Это самая странная речь, которую я когда-либо слышал, милая, — ответил он, я только пожала плечами, а затем продолжила:

— Будь я проклята, если это неправда.

И рассмеялась.

А потом насмевавшись, сказала ему:

— К твоему сведению, ты можешь в любое время прийти ко мне в пекарню и мой дом, и если тебе что-то понадобиться сейчас или если возникнут трудности, я хочу, чтобы ты знал, ты можешь позвонить мне.

Он смотрел на меня, и его глаза снова стали яркими.

Затем он прошептал:

— Глазурь насквозь, полностью.

Я улыбнулась и также прошептала в ответ:

— Неха, в конечном итоге, немного влажный намного вкуснее. Но этот слой глазури больше похож на горный вихрь.

— Горный вихрь?!

— Ага, цвета лаванды. Или иногда розовый. А может нежно-синий или мягко-зеленый, или какой-нибудь, который я придумаю. Но всегда с конфетти и пищевой волшебной пылью. Выражение его лица моментально изменилось, и он рассмеялся.

И когда он смеялся, Брок вошел через парадную дверь.

Мы оба посмотрели на него, пока он осматривал нас, скинув свою кожаную куртку,бросив ее на спинку дивана.

— Что-то смешное? — спросил он, двигаясь вокруг дивана, пряником ко мне.

И когда он подошел ко мне, я вспомнила слова Коба:

«Нашел себе такую женщину, как ты, чтобы он был таким же счастливым, как Слим с тобой, когда он смотрит на тебя, чтобы он также чувствовал, как ты заставляешь ощущать Слина, чтобы он хотел постоянно быть рядом с ней, как Слим с тобой, который не может стоять вдали от тебя, словно он все время готов, что в комнату с рычанием ворвется лев, поэтому он и должен быть достаточно близко к тебе, чтобы встать между тобой и им, чтобы защитить тебя.»

Эта изменяющая жизнь мысль была прервана речью Коба.

— Тесс здесь описывала горный вихрь, покрытый конфетти и волшебной пылью, — сказал Коб своему сыну, когда Брок уложил свое длинное тело рядом со мной на диван, обнял меня за плечи, прижал к себе и положил ноги в ботинках на журнальный столик.

— Повтори, — попросил он, и я захихикала.

— Нечего повторять, Слим, тебе нужно было это слышать, — пробормотал Коб, и я наклонила голову назад, чтобы посмотреть на Брука.

— Хочешь пива?

— Ты или я, чтобы принести мне пиво, нужно тебе или мне встать, пройти по комнате, а на улице чертовски холодно, у меня отказалась в грузовике печка по дороге домой, а с тобой тепло, поэтому ответ на этот вопрос... нет.

— Хорошо, — пробормотала я одновременно, наклонившись вперед, поставив свою чайную чашку на подставку рядом с его ботинком, затем придвигнулась к нему поближе, обняв его за торс, обнаружив, что он действительно весь холодный, поэтому сильнее прижала к себе.

Потом я посмотрела на Коба, он задумчиво наблюдал за моими действиями, а потом выражение его лица стало напряженным.

— Слим, — начал нерешительно Коб, — я знаю, что ты меня не поблагодаришь, если я укажу тебе на очевидные вещи, но у тебя есть леди, которая печет райские торты и жарит отменную говяжью отбивную, и я не уверен, что благодарность будет подходящей, если ты будешь морозить ее задницу в своем грузовике по дороге домой.

Я почувствовала, как тело Брука напряглось, и именно в этот момент я поняла, почему Коб колебался и пытался сохранить спокойствие, и почему он спросил, какую позицию занимал его сын. Потому что напряженное тело Брука говорило мне, что он хотел, чтобы его сыновья узнали своего дедушку, он хотел мира в своей семье, ему не нравилась идея, что его большой отец одинок, но он ни в коем случае не позволит отцу влезать в его дела или подпускать его ближе к себе.

— Пап, — начал он предупреждающим тоном.

Коб перебил его мягко:

— Купи новый пикап, Слим.

Треск искр начал появляться в комнате, и я напряглась.

Коб чувствовал это, он должен был чувствовать, но поскольку времени ему оставалось мало, как он думал, поэтому следующие слова больше относились к человеку, которому уже нечего было терять.

— Тебе нужно разобраться со своей бывшей женой, — объявил он.

Тело Брука стало твердым.

— Мы не..., — начал он.

— Нет, — снова перебил его Коб. — Эта сука... а она... сука. Я слышал, как она кричала всю дорогу, направляясь к парковке. И послать моего сына нах*й перед моими внуками? — Он покачал головой, — нет. — И еще выпил пива.

— Я разберусь с этим, — прорычал Брук.

— Когда, через десять лет? — Выстрелил Коб в ответ.

Ой-ой.

Напряжение в комнате поднялось до красной линии, Брук снял ноги с журнального столика, слегка подаввшись вперед вместе со мной, сказав:

— По осторожней, папа.

— Посмотри на меня, сынок, осознай то, что ты сейчас чувствуешь, и посмотри на меня, на человека, который заставляет тебя это чувствовать, — произнес Коб, наклонившись к Бруку. — Я всю жизнь откладывал на завтра то, что должен был сделать сегодня, а ты, — он указал на сына бутылкой, — чувствовал себя еще хуже. Учись у меня, не заставляй своих сыновей чувствовать то, что чувствуешь ты сейчас, глядя на меня. Я не знаю, что

происходит в доме этой суки. Но я точно знаю, что там что-то происходит, семь лет назад у меня было двое внуков, которые чувствовали себя прекрасно в своей шкуре, а теперь они выглядят так, будто готовы в любую секунду выпрыгнуть из нее. Либо она, либо ее мужчина, за которого она вышла замуж, но что-то там происходит, и тут дело не в тебе. Ты ушел со своей работы, стал более свободным, у тебя стабильная жизнь, теперь у тебя не будет оправданий.

— Я не могу поверить, что у тебя есть яйца, чтобы сидеть на моем диване и учить меня, как мне воспитывать своих парней.

Брок опустил ноги на пол.

Коб сделал огромный глоток пива, встал, с грохотом поставил бутылку на стол и посмотрел на своего сына.

— Нет, у меня мало времени, чтобы лелеять себя надеждой, что ты не облажаешься, как я — твой стариk, и сделаешь все правильно со своей семьей.

Воздух стал колючим, царапая кожу, Коб перевел на меня взгляд.

— Хороший ужин, Тесс, прекрасный торт. Польщен, что ты поговорила со мной, дорогая, клянусь своей душой. — При этих словах тело Брука стало каменным, Коб перевел взгляд на него. — Я не сержусь, когда ты злишься на меня, потому что я этого заслуживаю, но, Слим, как только ты перестанешь злиться, то поймешь, что я прав. Ты можешь мне ничего не говорить, просто разберись со своим деръмом. — Затем он поднял вверх подбородок, направившись к входной двери, пробормотав: — Я сам найду дорогу.

И ушел.

Я неподвижная и молчаливая сидела на диване возле разъяренного Брука, ничего не предпринимая, потому что не хотела опрокинуть чашу весов его ярости.

Мне следовало отодвинуться.

— Польщен, что ты поговорила с ним о чем?

Я отстринилась, передвинув руку, откинула голову назад и посмотрела на него.

— Что?

— Польщен, что ты поговорила с ним о чем?

— Мы... ну..., — неуверенно начала я, слишком осторожно.

— Выкладывай уже, Тесс. О чем ты говорила с Отцом Года?

О, боже.

Все становилось серьезнее, семье Лукас нужно разобраться со своими проблемами в самое ближайшее время.

— Он переживал, что я могу оказаться похожа на ОЛевину, что я не настоящая с тобой, а та, какую бы ты хотел видеть, — как можно мягче ответила я, Брок упал на диван.

Поднял обе руки к лицу и потер, выплюнув:

— Господи Иисусе!

— Я не обиделась, — сказала я, он опустил руки, резанув по мне взглядом.

— Ну, детка, это хорошо, но...

— Брок...

— И это все?

— Э...

— Тесс, давай уже выкладывай, — прорычал он.

— Он знает, что со мной произошло, — прошептала я.

Брок нахмурился, мне стало не по себе, а затем зарычал:

— Бл*дь, мать твою, бл*дь, — он вскочил, схватил бутылку пива своего отца со стола и бросил через всю комнату, она разлетелась об стену, пиво фонтаном залило все вокруг, и он выдохнул: — Черт!

Во время его действий я заползла обратно в угол дивана, прижала ноги к груди, обхватив их руками. Я наблюдала за ним, он стоял, качая головой, схватив себя за волосы, проводя руками по волосам до шеи, его руки остановились, он все еще продолжал качать головой. Затем он опустил руки и повернулся ко мне.

— Кто? — потребовал он ответа.

— Что кто? — Спокойно переспросила я.

— Кто из сестер? Джилл или Лаура?

— Брок, я не против, — осторожно ответила я ему.

— Мать твою, — выстрелил он в ответ, и мне ничего не оставалось, как признать, что он был прав. — Этот человек не должен был узнать, что с тобой произошло.

— Но твоя семья знает, — пояснила я.

— Именно, — отрезал он, — а этот человек — не семья.

— Брок, — прошептала я, — он твой отец.

— Да, что ты? — с сарказмом спросил он, и я решила, что сейчас мне самое время заткнуться.

Не смотря на ярость, Брок понял, что я решила отстраниться от него, поэтому выбрал новую цель, вытащил свой телефон из заднего кармана и нажал несколько кнопок, приложив к уху. И начал расхаживать по комнате.

Затем произнес:

— Привет, Джилл, это я, — подняв голову, — я чертовски зол.

О, боже.

Он догадался сам.

Продолжая ходить.

— Почему? Я скажу тебе, почему. Потому что Тесс не рассказывала своей гребаной лучшей подруге, что ее изнасиловали, мать твою, шесть лет. Марта узнала об этом месяц назад. Ее мать и сестра не знают до сих пор, но знает, знаешь кто? Наш отец.

Он остановился, чтобы послушать, но ненадолго, потом продолжил:

— Не притворяйся, что ты думаешь, что представляешь, каково это дермо на самом деле. Лаура точно знает. Вот почему Лаура, бл*дь, ничего не сказала. Ты не имела права, выплескивать, мать твою, это дермо отцу. Я уехал, чтобы отвезти своих парней домой, оставил Тесс с отцом, а он, бл*дь, решил поговорить с ней на эту тему. Она находилась у меня дома с мужчиной, которого едва, черт побери, знала, а поскольку он корчит из себя отца, то почему-то решил, что его роль — поговорить с моей, бл*дь, женщиной об изнасиловании.

Последовала еще одна недолгая пауза.

Затем.

— В порядке ли она? А как, ты, бл*дь, думаешь? Она свернулась клубочком в углу проклятого дивана, который купила мама, потому что я был настолько чертовски зол из-за того, что моя, мать твою, ненормальная сестра все рассказала отцу, и как только узнал бросил проклятую его бутылку пива об стену. И причина, по которой я так чертовски зол, Джилл, в том, что она должна ощущать себя со мной в полной безопасности. А моя чертова сестра решила сыграть по своим правилам и где, стоило, черт возьми, мне

исчезнуть на полчаса, в моем доме, когда она сидела на моем чертовом диване, Тесс должна понять, что в моем доме ей ничего не угрожает.

Хорошо, но после слов Брока, я почувствовала себя более спокойной, несмотря на его неуправляемое, дикое, раздраженное поведение.

Наступила еще одна короткая пауза.

Затем.

— Джилл, похоже у тебя был другой отец, нежели у меня. У тебя и у Лауры был другой отец, чем у нас с Леви. Годами я освобождался от этого дерьяма, еще до того, как он заболел. Но ты должна вытащить свою голову из задницы, женщина. Ни один человек, даже отец, не заслуживает умереть в одиночестве и быть брошенным сыном. Но это все, что тебе нужно понять, и ты должна показать мне, пока я прикрываю твою спину, что ты прикрываешь мою, и я, черт побери, совершенно официально заявляю тебе об этом прямо сейчас. Ты прикрываешь меня, прикрываешь Тесс, и ты можешь думать, что хочешь, но я предполагаю, что ты поймешь все правильно. Все понятно?

О, Боже.

Он говорил именно о том, о чем я подумала?

— Господи, — отрезал Брок. — Эм... ага. Проснись, Джилл, она познакомилась с моими парнями. За семь лет ни одна женщина, с которой я был, не знакомилась с моими сыновьями, или, если на то пошло, даже с тобой?

Боже.

Он говорил именно о том.

Я снова ощутила фонтанирующий поток тепла в животе.

— Нет, — твердо заявил он. — Тесс, конечно, скажет тебе, что с ней все в порядке, потому что Тесс милая, и она не хочет, чтобы ты переживала, так что нет. Ты не будешь говорить с ней на эту тему. Ты слушаешь, что я тебе говорю, то дерымо, что ты сделала, было неправильным. И ты знаешь, — он понизил голос, — знаешь, Джилл, и наблюдая за Остином, я пришел к выводу, что должен контролировать это всю жизнь. Этот призрак скрывается в тени ее, как у Лауры, и я знаю с чем имею дело, и я также знаю, что моя семья тоже знает с чем имеет дело. Это последний раз, когда мы говорим на эту тему, но прежде чем закончим, я должен знать. Ты согласна?

Всю жизнь?

— Верно, — тихо сказал он. Затем, — Прости тоже. Все. Мыдвигаемся дальше. Скажи своим дочерям, что их дядя не пропал с лица земли. У них обоих есть машины, они могут приехать ко мне. Тесс сделает кексики для них. — После паузы, — точно.

Затем последовала еще одна пауза, и он тихо произнес:

— Джилл, мы крутые, разве мы не всегда крутые?

Через секунду он запрокинул голову вверх, смотря на потолок.

И я поняла, почему он смотрел в потолок, потом опустил голову на свои ботинки и с нежностью в голосе сказал:

— Детка, перестань плакать.

О, боже.

Я сжала губы.

А Брок опять произнес:

— Ты облажалась, я позвонил тебе, ты выслушала, все поняла, мы классные, дорогая, перестань плакать.

И впервые в жизни поймала себя на мысли — рада, что у меня нет брата, и в то же время загрустила из-за того, что у меня нет брата.

И еще я подумала, что самое время позвонить своей сестре по скайпу.

Брок сказал:

— Хорошо. Я тоже. — Пауза, — Мать твою, точно. Я передам ей. — Еще одна пауза, — я тоже, дорогая. Увидимся.

Потом он отключился и посмотрел на меня.

Объявил:

— Видишь ли, поскольку у меня теперь есть женщина, у меня есть поручение для ужина в честь Дня благодарения, так как я парень, то избегал всех поручений в течение семи лет, потому что моя мать и сестры ненавидели мою жену, и никогда не давали ей поручений, считая слишком большой для нее честью. Но сейчас по-видимому, ты будешь отвечать за десерт, и когда я говорю отвечать, имею в виду десерт на шестнадцать человек.

Мое «хорошо» прозвучало приглушенно, потому что я старалась изо всех сил не рассмеяться.

Брок не смеялся. Он бросил свой телефон на кофейный столик. Тот громко стукнулся, но он даже не взглянул на него, не отводя от меня глаз.

Я поняла почему, когда он сказал:

— Я могу сильно разозлиться, и когда я впадаю в ярость, я научился выпускать пар, бросая или швыряя что-нибудь. Я пытался сдерживать свое дермо, но на мне это очень плохо сказывалось. Поэтому я позволил себе выпускать пар. Но ты, Тесс, независимо от того рядом находишься со мной или нет, и насколько я впадаю в бешенство, ты никогда не должна меня бояться, тебе ничего не угрожает. Я могу выплескивать свое дермо, но никогда не причиню тебе боль. Я клянусь. Ни один порядочный мужчина не поднимет руки на женщину или ребенка в гневе. Я не совсем обычный мужчина, но я точно знаю, что порядочный человек.

— Я знаю, — прошептала я.

— Если ты знаешь, тогда почему забилась в угол дивана? — спросил он.

— Потому что ты меня напугал, — ответила я.

Он внимательно изучал выражение моего лица. Потом вздохнул.

Затем тихо, сказал:

— В будущем, сладкая, я сделаю все возможное, чтобы ты поверила мне.

Я уставилась на него.

За семь лет ни одна женщина, с которой я был, не знакомилась с моими сыновьями, или, если на то пошло, даже с тобой?

Я должен контролировать это всю жизнь.

В будущем, сладкая, я сделаю все возможное, чтобы ты поверила мне.

Он хотел попытаться измениться... ради меня.

Он познакомил своих сыновей... со мной.

Он собирался идти со мной рядом, и собирался помочь мне сражаться с моими призраками всю жизнь.

От этих мыслей я обнаружила, как мои губы прошептали:

— Я тебе нравлюсь.

Его голова дернулась, и он спросил:

— Что?

Я не стала повторять. Вместо этого сказала:

— Я не хочу, чтобы ты менялся из-за меня.

— Тесс, — начал он, но я покачала головой, села прямее, остановив его:

— Я могу взять с собой одеяло, чтобы не замерзнуть в твоем грузовике, и я могу справиться и пережить, когда ты так злишься и бросаешь бутылку пива. Но я не хочу, чтобы ты менялась из-за меня.

Он опустил голову, изучая свои ботинки, я наблюдала за ним и увидела, как он медленно прикрыл глаза.

— Знаешь, — произнесла я, глядя на его макушку, и он поднял на меня глаза, — ты пришел на мою кухню месяц назад, и я не хотела иметь с тобой ничего общего. Но когда ты сказал, что бросил стул, услышав, что со мной случилось, я поняла чисто интуитивно, хотя я никогда не встречала такого мужчину, что ты никогда не позволишь никому причинить мне вред. И где бы я это не почувствовала настолько глубоко и так реально, после почти десятилетия ни одного дня, не ощущая себя в безопасности, в тот момент на моей кухне я, наконец, это поняла. Так что теперь, — указав на диван, — я здесь. И, если ты будешь бросать бутылку пива или даже две о стену, или ругаться и кричать на весь дом, я это переживу.

Его взгляд долго удерживал мой, а потом длинные ноги привели его ко мне менее чем за секунду. Меня сорвали с дивана, он лег на диван и положил меня сверху.

В этот раз «Слим» Лукас целовал меня сильнее, чем когда-либо, слаще, чем когда-либо, но, к сожалению, не дольше.

Когда он отпустил мои губы, я приподняла голову, чтобы отдохнуться и посмотреть в его добрые, блестящие серебряные глаза, бродившие по моему лицу.

Затем я, переводя дыхание, спросила:

— Итак, этот десерт в честь Дня благодарения традиционный, как тыквенный, яблочный и ореховый торт, или я могу подойти к этому творчески?

Он перестал ощупывать мое лицо, переместив свой взгляд к моим глазам. Потом усмехнулся.

И произнес:

— Делай, что хочешь, черт побери, они съедят все, что угодно.

— Тогда оба варианта, — задумчиво пробормотала я, и почувствовала, как тело Брука начало сотрясаться от смеха.

Затем Брук все еще сотрясался от смеха, но уже на мне, потому что он перевернул меня на спину, перекатившись.

Мои очки исчезли с носа, переместившись на кофейный столик, и я почувствовала смех Брука у себя во рту, когда он поцеловал меня.

Потом я почувствовала еще много другого от Брука, но ничего из этого «много» не имело ничего общего со смехом.

11. День Благодарения

Прошло полторы недели...

— Ты хочешь сказать, сладкая, что десерт для семнадцати человек превратился в семь пирогов и два торта? — Спросил Брук.

Я заметила, как Рекс посмотрел на Джоуи, пока мы все стояли у открытого багажника моей машины, и Брок осторожно раздавал сумки с коробками тортов и многоуровневыми держателями для пирогов своим сыновьям. Джоуи поймал взгляд Рекса, и они оба явно сдерживались от смеха.

Я ответила Броу:

— Я все посчитала.

Брок отошел от багажника с последними сумками и захлопнул его.

Затем он посмотрел на меня и сказал:

— Ты все посчитала.

— Да, — ответила я, держа в руках букет цветов, упаковку пива из шести бутылок Бад и сумку, в которой была пачка взбитых сливок «Кул Уип», также баллончик со взбитыми сливками, картонные кругляшки под пироги, которые не нужно было взбивать и галлон деликатесного ванильного мороженого.

Брок продолжал стоять на месте и смотрел на меня.

Поэтому я спросила:

— Что?

— На сколько порций ты собираешься разрезать пирог? — спросил он в ответ.

— Дело не в этом, — ответила я ему.

— А в чем? — опять спросил он.

— Ну, это День Благодарения, и люди с нетерпением ждут этого дня, и все с нетерпением ждут чего-то особенного в этот день. Скажем, ты с нетерпением ждешь кусочек тыквенного пирога, а я сделала только один тыквенный пирог, и одного тыквенного пирога не хватит на всех семнадцать человек... хотя маловероятно, но может так случиться, что все семнадцать человек захотят кусочек тыквенного пирога.

И если ты достаточно быстро не возмешь свой кусок, то тебе его может не хватить. Представляешь, как ты расстроишься. Поэтому я сделала два тыквенных пирога, два пекановых и два яблочных пирога, традиционные пироги для Дня благодарения, таким образом, каждый будет уверен, что получит то, чего он ждет.

Рекс и Джоуи продолжали подавлять смех, однако у них не очень хорошо получалось, так как я слышала их прыски.

Брок продолжал смотреть на меня, но теперь он смотрел так, будто думал, что я немного сумасшедшая.

Я продолжила:

— Но на всякий случай, если кто-то захочет отойти от традиций, я сделала кленовой пирог на пахте, не традиционный, но он осенний, так что подходит к случаю, но могут быть и те, кто захочет чего-то другого, но на вкус традиционное, поэтому я сделала тыквенный чизкейк и для тех, кто захотел бы съесть кусочек торта, я сделала пользующийся большим спросом шоколадный со взбитыми сливками и глазурью.

Брок продолжал смотреть на меня, теперь он смотрел так, будто у него не было никаких сомнений в том, что я сумасшедшая.

— Боже, Тесс, сколько времени ты все это делала? — спросил Джоуи, и я перевела взгляд на него.

— Дорогой, у меня же есть пекарня. Я зарабатываю этим на жизнь. Даже на своей кухне дома я все это сделала примерно за три часа.

Это была не правда. Это заняло у меня больше пяти часов.

— Потрясающе, — пробормотал Рекс. — Она как супергерой по выпечке тортов.

— И выпечки пирогов, — добавил Джоуи.

Я улыбнулась мальчикам, затем оглянулась на Брука и предложила:

— Может, нам стоит войти в дом?

— Да, надеюсь, мы с моими парнями не заработаем себе грыжу, — пробормотал Брок, оба его сына проиграли битву со смехом, громко рассмеявшись, а затем, не отрывая глаз от парней, он кивнул подбородком в сторону дома своей матери, и они двинулись вперед. Я шагала рядом с Бруком вслед за ними, услышав, как он сказал себе под нос:

— Только я мог найти женщину, которая называет пироги «осенними».

— Ну, а как бы ты описал кленовый пирог с пахтой? — Спросила я.

— Детка, у меня никогда не было кленового пирога, но, чтобы описать любой пирог достаточно только трех прилагательных — плохой, хороший и чертовски отличный.

— Тогда хорошо, что ты работаешь в полиции, а не критиком по еде, — пробормотала я.

— Да, это хорошо, — пробормотал он в ответ, и я услышала улыбку в его голосе.

Я обратила внимание, что Рекс, впереди всех двигаясь к бабушкиному дому, осторожнонес сумку в одной руке с шоколадным тортом в коробке, в другой — чизкейк, держа подальше от ног, чтобы не задевать и не пихать. Затем я переместила взгляд на Джоуи, который тоже нес две сумки, с двумя аккуратно сложенными пирогами в многоуровневых держателях, и он также осторожно держал подальше руки от своего тела. Затем я посмотрела на руки Брука, у него была одна сумка с тремя тщательно упакованными пирогами и еще одна сумка с двумя бутылками вина и двумя литрами газировки.

И тогда я подумала, что может переборщила.

— Может я переборщила, — пробормотала я, когда мы приблизились к входной двери.

— Детка, по моим расчетам, только пирогов пятьдесят шесть кусков для семнадцати человек. Это больше, чем три куска пирога для каждого. И это даже не учитывая торт. Я думаю, что слово «может» следует исключить из твоего предложения, несмотря на то, что сегодня День Благодарения, мы все впадем от этого в пищевую кому примерно через три часа.

Видя, что ни у кого не было свободных рук, и они относились к мною испеченным пирогам с первостепенной важностью, Джоуи и Рекс не могли постучать в дверь, поэтому Джоуи начал кричать:

— Бабушка! Открывай!

И тут меня осенило, что Брок явно не ошибся.

Затем я обнаружила, как прошептала:

— Я не хотела все испортить.

На что я услышала, как Брок тихо сказал:

— Эй, — и я перестала наблюдать за кричащим Джоуи (к нему теперь присоединился Рекс) и посмотрела на Брука. Его глаза переместились на мое лицо, а затем устремились к моим глазам, он наклонился, прикоснулся своими губами к моим, отодвинулся на дюйм и прошептал:

— Что мне с тобой делать?

— Съешь побольше пирогов, чтобы все это не выглядело смешным, что многое осталось? — Пробормотала я в ответ, и он улыбнулся.

— Слово скаута, дорогая, я сделаю все возможное, чтобы прикрыть тебя.

Я ответила на его улыбку и прошептала:

— Спасибо.

Дверь открылась, на пороге стояла Джилл.

Ее волосы были серебристого цвета, несмотря на то, что она была всего лишь на полтора года старше Брука, но она оставила их как есть.

У нее были такие же глаза, как у мамы, ростом она пошла в обоих родителей (как и все ее братья и сестра), у нее не было форм, как у Лоры, но у нее было крепкое тело. Она жила со своим партнером Фрицем двадцать лет, они не расписывались, у них было две дочери по имени Кэти и Келли, соответственно, в возрасте восемнадцать и шестнадцать лет.

Я встречалась с Джилл три раза, когда она приходила с Лорой и/или Фейт в мою пекарню, но я ни разу не видела Фрица, Кэти или Келли, и, к слову, Остина, мужа Лоры и Леви, брата Брука, которые могли стать моим новым дополнением к постоянно расширяющейся социальной сети Лукасов.

Другими словами, несмотря на то, что я знала некоторых членов их семьи, я не знала всех, поэтому я немного, даже больше, чем немного нервничала, особенно с моим переизбыtkом десерта.

— Эй, ребята, добро пожаловать в сумасшедший дом, — поздоровалась она, открыв по шире дверь и удерживая ее, пока Джоуи и Рекс осторожно заходили боком, здороваясь с тетей, а затем исчезая в глубине дома.

Джилл посмотрела на брата.

Затем она тихо спросила:

— Как ты уговорил злую ведьму Скалистых гор отказаться от своего потомства ради семейного праздника?

— Я не уговаривал. Тесс предусмотрела для меня отвлекающий маневр на переднем плане, когда я вошел в дом через окно в подвале, и мы с мальчиками сбежали через заднюю дверь. Она до сих пор не знает, что они ушли.

Говорил Брук, пока мы оба проскальзывали мимо нее в дом, но я улыбалась, потому что мой мужчина шутил.

Джилл закрыла дверь и посмотрела на меня, бормоча:

— Я надеюсь.

И Брук наконец-то сказал правду.

— Сегодня моя очередь быть с детьми, Джилл.

— Предыдущая версия была лучше, — ответила Джилл, проводя нас на кухню, и как только мы попали туда, я поняла, что это был настоящий сумасшедший дом.

Ферн жила в домике с двумя спальнями и подвалом на окраине Вашингтон парка. Другими словами, она жила в моем районе, но я жила недалеко от «Рейвер бара и гриля», поэтому я как бы формально жила в этом районе, а Фейн как бы бесспорно обитала в нем.

Брук сказал, что он, брат и сестра выросли не в этом доме, а в гораздо большем в высокогорных районах. Дом, где он вырос, был домом Коба, который ему достался от его родителей, и он оставил свою семью, т.е. их, в том доме, когда его жена Ферн работала санитаркой и зарабатывала мало денег. И он ушел от своей жены из Монтаны, вся ее семья по сей день живет в Монтане, ничем не помогая в финансовом плане ей воспитывать детей и оплачивать счета, у нее не было здесь близких родственников, которые могли бы ей здесь помочь.

И Броку с Джилл в очень молодом возрасте пришлось быстро повзрослеть, взяв на себя обязанности по дому, поскольку Ферн пришлось взять дополнительные смены, а также вечерами учиться на рентгенолога. А потом Ферн стала посещать занятия по радиологии, чтобы зарабатывать больше денег и иметь возможность сохранить крышу над головой себе и своему потомству, а также покупать еду на стол для детей, включая двух растущих

сильных и высоких мальчишек. И Ферн работала полный рабочий день в больнице, что означало — Брок с Джилл продолжали выполнять свои обязанности по дому, но Брок, будучи старшим мальчиком в семье, взвалил на себя еще и обязанности главы семьи.

Однако, как только дети выросли и покинули дом, Брок мне сказал, Ферн выставила их большой дом с четырьмя спальнями на продажу «через две секунды после того, как нога Лауры покинула порог дома» (слова Брука).

К счастью для Ферн, она прожила не один десяток лет в этом старом доме, и бум недвижимости, перепланировки в их старом районе означал, что на продаже она заработала приличные деньги. Вот почему она приобрела этот уютный, комфортный, легкий в обслуживании домик, несмотря на то, что он был маленьким, но выглядел и ощущался, как настоящий бабушкин дом.

И большая кухня, заполненная семьей Лукасов в День Благодарения, звала криками приветствия, стоило нам только войти внутрь, все ринулись к нам.

И я должна сказать, что, увидев заполненную кухню народом, мне это понравилось.

В течение примерно десяти минут мы приветствовали друг друга.

Лаура подалась вперед и, поцеловав брата в щеку и крепко обняв меня, забрала у меня цветы, пиво и сумку и унеслась прочь, Джилл забрала сумки у Брука.

Дилан и Элли (уже в другом платье принцессы, на этот раз розовом, в туфельках мэри джейн с блесками, в короне, украшающей ее темные локоны, я поняла, что День Благодарения для нее был большим событием, поэтому королевский головной убор был важным аксессуаром), оба завизжали, ухватившись за ноги Брука, а Грейди обхватил его со стороны спины, сделав это круто, приветствуя своего потрясающего дядю. Я заметила, как большая рука Брука сжала шею Дилана, он поднял Элли на руки, поцеловав ее в шею, и на этот раз пощекотал ей бока, отчего помещение заполнилось ее девчачьим тоненьким смехом.

После того, как он закончил, она повернулась ко мне.

— Мы будем смотреть «Рапунцель», тетя Тесс? — спросила она.

Я получила титул «тетя Тесс» в пекарне, когда Лаура привела ко мне детей во второй раз. Мне тоже он очень понравился.

— Конечно, дорогая, может быть, после еды.

— Ура! — вскрикнула она, подняв руки вверх, и Брок улыбнулся ей.

— Отлично,... «Рапунцель», — пробормотал Дилан.

— Я буду смотреть футбол, — заявил Грейди.

— И я тоже, — поддержал эту идею Рекс.

— И все в День Благодарения смотрят футбол, а не мультики, — сказал Джоуи Элли.

— Мальчики могут смотреть футбол в подвале, а девочки — в моей спальне, — заявила Ферн, вытаскивая мой шоколадный торт из коробки. — Теперь, все дети выходят. Пойдите поиграйте в Wii. Поиграйте в футбол во дворе. Идите поиграйте во что-нибудь, просто идите поиграйте.

Хм. Казалось, готовка на семнадцать человек поднимала Фейн настроение.

Джоуи, Рекс, Грейди и Дилан выбежали, крича:

— Футбол! — Брок опустил растерянную Элли на ноги. Она задумчиво посмотрела на дверь, через которую исчезли мальчики, как бы раздумывая над дилеммой, явно желая поиграть в игры принцессы, хотя не знала, как убедить в этом своих братьев и двоюродных братьев — мужчин. Затем бойко она выбежала за ними, и я понадеялась, что они не повредят ее корону во время игры в футбол.

— Привет, дядя Слим, — услышала я, подняла глаза вверх и увидела очень красивую, темноволосую, с выюшимися волосами девушку, одетую так, как будто она прибыла на костюмированную вечеринку хиппи 60-х годов (без банданы и причудливых солнцезащитных очков, но остальное... все было именно таким).

— Жива? — поддразнил Брок, обнимая ее за спину, я провела взглядом по кухне.

Я не всех знала присутствующих, кроме Эльвиры, которая стояла у раковины, чистя картошку, с таким видом, будто онаправляла День Благодарения в доме мамы Брука каждый год с тех пор, как родилась.

Да, я сказала именно Эльвира.

Хотя это я «пригласила» ее (в кавычках, потому что она напросилась сама), вот почему она оказалась здесь, хотя я до конца не понимала, почему она напросилась. «Космо» с ней и девочками мы пили уже дважды, и она не стеснялась писать мне смс-ки или звонить, делясь своими мыслями (часто), но я до сих пор не очень хорошо ее знала. Но то, что я знала, в настоящий момент она поругалась со своей сестрой, они не разговаривали, потому что она ненавидела (со страстью) новую «уродливую» подружку своего брата и, мудро (я бы сказала, чтобы избежать скандала, ее родители выбрали День Благодарения для отдыха на Гавайях). Поэтому Эльвира призадумалась, где бы ей провести обед в честь Дня Благодарения, и, хотя у нее было много друзей, она почему-то вцепилась в меня.

У меня было такое подозрение, что Эльвира как бы под этим предлогом решила последить за мной по просьбе Марты, но я знала, каково встречать День Благодарения в одиночестве, при любой возможности стараешься этого как-то избежать, поэтому я позволила ей разыграть свои карты, спросив разрешения у Ферн, которая сказала, что она чувствует себя намного лучше, если Эльвира придет.

Брок не чувствовал себя от этого особо лучше и вербально не проявлял своего негативного отношения (просто в какой-то раз он посмотрел на меня так, будто я была немного не в себе), но он не сказал ни слова.

Также в комнате находился высокий блондин с голубыми глазами, который улыбался мне, как ненормальный (наверное, это Остин), коренастый мужчина с проседью коротко подстриженный, немного кудрявыми волосами (я тоже правильно угадала, был Фриц), высокая, темноволосая девушка, которая в конце ноября была почему-то в коротких шортиках и тонкой струящейся футболке, из которой виднелся лифчик (возможно потому, что она была такой молодой, она была великолепна, у нее были длинные ноги, и я бы, если бы имела такие ноги, точно козыряла бы ими), скорее всего она была Келли (младшая дочь Джилл и Фрица), а девушка, обнимающая Брука, должно быть была Кэти. Наконец, я перевела взгляд на потрясающе красивого мужчину, высокий, худощавый, сильный, подтянутый телом, густыми, темными волосами, но, как ни странно, поскольку больше ни у кого не было таких карих глаз, должно быть был Леви, на его руке висела заметно нервничая молодая женщина блондинка (точно могу сказать ей было около двадцати) со сказочной фигурой, короткой, неровными прядями стрижкой, которая очень шла ее красивым чертам лица и тщательно подобранныму наряду, видно, что она хотела произвести впечатление, а не показаться, что выжимала последние из Леви.

Джилл познакомила меня с Фрицем, когда Келли занялась обниманием со своим дядей (а также получила от него в конце «бессследно исчезни», его слова). Лаура познакомила меня с Остином, который тепло улыбнулся мне, одновременно сжимая руку. Эльвира пробормотала:

— Йо, сука, — мне, все хихикнули, хотя они только что познакомились с ней.

Затем Леви вышел вперед со своей девушкой, я наблюдала за ним, пока он приближался к нам.

О, боже.

Достаточно сказать, что, взглянув на него, я поняла, он доверял мне еще гораздо меньше, чем Коб.

Он хлопнул брата по спине, пожал ему руку, поцеловал меня в щеку, отступил назад и представил свою девушку как Ленор, а потом сказал:

— Тесс, я много слышал о тебе.

— Не удивлена, — ответила я.

— Ты много слышал, и это заставляет меня задуматься, почему мы так часто не видели тебя, — сказал Брок, и глаза Леви перешли на брата.

— Был занят, — пробормотал он.

— Видно, не слишком занят, что так много слышал о Тесс, — заметил Брок, Леви решил проигнорировать его замечание, опять переведя на меня взгляд.

— Быстро сблизилась со Слимом, — отметил он.

— Леви, — предупредила Ферн.

— О, боже, — сказала Эльвира вполголоса картофелине, которую чистила.

— Не совсем, — прогрохотал Брок, Леви оглянулся на брата.

— Да, я тоже это слышал.

Я напряглась рядом с Броком, Брок почувствовал мое напряжение, и его рука тут же обвилась вокруг моих плеч.

— Сегодня День Благодарения, со мной мои сыновья, рядом моя семья, и у меня есть моя женщина. Чего я не хочу, так это злиться, — ответил Брок низким голосом, Леви не отводил от него глаз.

Противостояние, думаю, было бы совсем не хорошо. Леви открыто подвергал сомнению мнение своего брата, может исключительно из-за заботы о нем, таким образом, он хотел его защитить, но Брок относился к тем людям, которые точно этого не оценят. Брок открыто продемонстрировал, что он намерен защищать меня и ему совершенно не нужно лобовых столкновений после десяти минут, как мы прибыли на День Благодарения, Леви следовало отступить, иначе ничем хорошим это не закончиться.

Пришло мне время как-то разрулить ситуацию, пока никто не пострадал, и я посмотрела на Ленор, которая с беспокойством и озадаченностью смотрела на Леви.

Я взяла ее за руку, а потом сказала:

— Ленор, мне очень нравятся твои сапоги.

Она дернулась, посмотрела на меня. Затем прошептала:

— Э-э... спасибо. Я была... — ее глаза переключились на Леви, потом на меня, — мне тоже нравятся твои. И, на самом деле, красивый свитер.

— У меня подруга работает продавцом в магазине, — сказала я ей, теперь я ходила в магазин с Эльвирай, Гвен, Трейси и Кэм. У Трейси была очень существенная скидка. Мой свитер стоил бешеных денег, но, как знали все девочки, мне нужен был идеальный свитер для обеда в честь Дня Благодарения с Броком и его семьей, такой же, как ночнушка, и я потратилась. И, к сожалению, это была не единственная вещь, которую я купила.

Мне, действительно, нужно продавать больше кексов.

— Скидка работника магазина, — пробормотала Эльвира своей картошке.

Ленор бросила еще один пытливый взгляд на Леви, потом перевела глаза на меня:

— Круто.

Я изучала выражение ее лица и меня вдруг осенило. Ей очень нравился Леви. Он находился со своей семьей, и почти не обращал на нее внимания. Но для нее это событие было важным. Для нее встреча с его семьей была важной, хотя бы потому, что она предполагала, что это хороший шаг с его стороны для их будущего, но судя по тому, как Леви вел себя с ней, это было не так. Она тоже это заметила и поэтому, по понятным причинам, пребывала в некоем замешательстве. И судя по тому, как Леви поведет себя с ней в не слишком отдаленном будущем, скорее всего она будет горевать.

Я оглянулась на Леви, он открыл рот, чтобы что-то сказать, но Ферн опередила его:

— Мужчины, вы крутитесь под ногами, помогать вы не намерены, и, если бы и попытались, все испортили. Идите, посмотрите где-нибудь телевизор. Возьмите сырные шарики и крекеры. Тарелку с орехами. Чипсы и соус к ним.

Эльвира оглянулась на меня через плечо, а затем головой кивнула на кухонный стол, который был заставлен мисками и тарелками, наполненными всякой закуской перед Днем Благодарения, своим количеством могла бы запросто нанести ущерб обеду Дня Благодарения. Затем она одобрительно посмотрела на меня, сказав, что Ферн не Ада, и этот явный большой плюс при первой же возможности, Эльвира обязательно сообщит Марте, в этом я не сомневалась.

— Тесс! Пироги прекрасны! — воскликнула Лаура, я посмотрела на нее.

Она была права. Мои пироги были великолепны. Я потратила на них столько сил. Бортик у тыквенных сделала в виде тыковок, смазав яйцом, еще проштамповала вьющуюся миниатюрную лозу, которую подвела к стеблям тыкв. На корке яблочного я вырезала яблоки. На кленовом с пахтой вырезала кленовые листья. И с пеканом я кропотливо смастерила декоративный бортик пирога — экспериментальный вариант, но он выглядел великолепно.

Не только торты заслуживали быть красивыми.

— Господи, мать твою, вспомнил, — пробормотал Леви себе под нос, глядя на открытые пироги на кухонном столе своей матери, затем кинул взгляд на Брука. — Оливия же пекла тебе кексы с корицей и орехами. Конечно, они не выглядели так хорошо и на вкус были не очень, но она же их делала.

В комнате в воздухе появилось электричество, Лаура резанула: «Леви!», Остин низко сказал: «Чувак, не круто», Фриц пробормотал себе под нос: «Господи», Эльвира тоже пробормотала: «О, Боже мой!»

Келли и Кэти прошептали в унисон: «О, Боже!», тело Брука стало твердым, как камень, Ферн резко повернулась к своему сыну.

— Скажи мне, ты не просто так это сказал, — потребовала она, и Ленор ближе придинулась к своему мужчине, который не был ее мужчиной.

— Я ошибаюсь? — спросил Леви свою мать.

— Ты ошибаешься в том, что думаешь, будто слишком взрослый, и я не смогу дать тебе пощечину, — выстрелила она в ответ.

— Выходи, — прорычал Брук, и все посмотрели на него, но Брук не спускал взгляда со своего брата.

— Ты это серьезно? — спросил Леви.

— Сейчас, — пробормотал Брук, и вот опять, буквально через десять минут после нашего прибытия, пришло время как-то успокоить накалившуюся ситуацию, поэтому я приблизилась к Бруку, сжала его руку и дернула, чтобы он обратил на меня внимание.

— Оставь, — прошептала я, и его сверкающие серебряные глаза обратились ко мне.

— Тесс...

Я отрицательно качнула головой и сжала сильнее его руку.

— Доступные варианты, есть брат, который не выплескивает своего деръма или есть брат, который выплескивает. Ты злишься сейчас, дорогой, потому что ты не можешь выплеснуть свое деръмо и тебе повезло.

Брок напряг челюсть, я посмотрела на Леви.

— Я понимаю, что твой брат облажался, и ты переживаешь из-за него, и ты осторожен. Спасибо, что ты такой.

Леви моргнул, глядя на меня.

Я отпустила Брука и подошла к Ферн, спрашивая:

— Чем мне помочь?

Ферн не ответила, она пристально смотрела на своего младшего сына, поэтому ответила Джилл:

— Ты можешь помочь мне накрыть на стол, Тесс.

Я проигнорировала семейное напряжение и последовала за Джилл накрывать на стол.

Возвращаясь обратно на кухню, я столкнулась с Фрицем, улыбнулась ему, но он неожиданно сжал мою руку, наклонив поближе голову.

И прошептал:

— Хороший ход, Тесс. Команда детей Лукасов — крепкий орешек, вот уже двадцать лет, как я с ними, за это время произвел на свет двух своих девочек, но часто они сплачиваются в единое целое, честное слово, я все еще иногда чувствую себя аутсайдером с ними. Но мы с Остином, дорогая, прикроем тебя.

И прежде, чем я успела сказать хоть слово, он сжал мою руку и направился к двери, которая, как я догадалась, вела в подвал.

Я смотрела ему в след, даже после того, как он исчез, и чувствовала себя намного лучше. Потом прошло десять минут. За эти десять минут хорошей новостью было то, что Джилл и я накрыли столы (во множественном числе, потому что были еще и раскладные столы в гостиной), мужчины исчезли, видно, пошли смотреть телевизор, Ферн поставила картофельную запеканку в духовку, Лаура и Эльвира начистили и перемыли гору картошки, и поставили ее вариться, Кэти и Келли расставила мои многочисленные десерты на стол в столовой, в настоящее время занималась моим букетом, устанавливая цветы в вазу Ферн, у Джилл и Лауры явно было много опыта по поводу девушек Леви, которых они очень быстро бросали, поэтому они очень трепетно относились к Ленор, хотя, скорее всего, они понимали, что видели ее в последний раз.

Плохая новость заключалась в том, что после десяти минут относительной тишины и гармонии, Элли влетела в дом со своим своеобразным визгом:

— Дедушка приехал!

И атмосфера в комнате моментально стала густой, все замерли. Эльвира и Ленор тоже замерли, почувствовав вибрации, хотя понятия не имели, почему вдруг радостный, восхищенный крик Элли возвестил начало Армагеддона.

Затем Эльвира пробормотала:

— О, думаю, что семейная драма еще не закончилась.

— Э-э... — начала Джилл, — Мам, мы должны были... мы с Лаурой, наверное,... должны были сказать тебе, что пригласили папу.

О, боже!

— Мы подумали, что... — начала Лаура нерешительно. — Ну,.. такую новость лучше сказать в последнюю минуту.

Я встретилась глазами с Эльвирий, руки, которой были заполнены глазками от картошки, она секунду смотрела на меня, но на последних словах Лауры ее брови взлетели буквально к волосам.

Ферн не двигалась. Словно окаменела. Ферн, видно, пятнадцать секунд назад прокручивала возможность (за всю свою жизнь она не могла предположить, что подобная мысль способна прийти ей в голову), о совершении двойного убийства, причем жертвами могли быть ее дочери.

— Дедушка приехал! Дедушка здесь! Дедушка приехал! — с порога прокричала Элли, а затем добавила: — Ура! — Затем она помчалась прочь, выкрикивая: — Дедушка здесь! — я решила, что в подвал, где сидели мужчины.

Дилан заполнял вместе в Кобом дверной проем, дергая его за руку.

— Только посмотрите! — кричал он.

— Дедушка! Разве это не здорово? Дедушка никогда не приезжал на День Благодарения!

— Привет, девочки, — осторожно произнес Коб, обращаясь к Джилл, Лауре и внучкам, а затем его глаза перешли на меня. — Привет, Тесс, дорогая. — Затем его глаза прошлись по Леноре и Эльвири по очереди, он слегка поклонился в знак приветствия.

— Привет, папа, — осторожно прошептала Джилл.

И в этот момент мы и услышали:

— Какого... бл*дь хера?

У меня глаза стали огромными, и я прошептала: «Ой!», посмотрев на Эльвиру, когда все повернулись к двери.

— Мать твою, бл*дь? — На этот раз кричал мужчина, и я поняла, что это был Леви.

— Дилан, дорогой, возьми сестру и выйди на улицу поиграй, — тут же сказала Лаура своему сбитому с толку и несколько испуганному сыну, который огромными глазами пялился в коридор. — Сейчас же, дорогой, все вы, дети, пойдите на улице. — Дилан ошеломленно смотрел на маму, она повторила: — Сейчас, детка.

Он отпустил руку деда и умчался.

Взгляд Коба скользнул по Джилл и Лауре, он тут же понял всю ситуацию, а затем повернулся в коридор.

— Итак, Леви... — начал он.

— Пошел вон отсюда, — услышали мы.

— Леви... — начала Джилл, двигаясь к двери.

— Пошел... бл*дь... вон... отсюда! — взревел Леви.

— Сын... — Коб начал снова, но Леви его перебил.

— Я тебе не сын, ты, *баный ублудок.

Коб поморщился.

О, боже.

— Леви! — воскликнула Лаура, тоже двигаясь к двери, но не успела подойти.

Леви оттолкнул отца, прошел мимо него в кухню, возглавляя своеобразное шествие мужчин, за ним следовали Остин, Фриц и Брок, но Брок остановился в дверном проеме рядом с отцом.

— Леви, остынь, пока дети не выйдут на улицу, — пробормотал он.

Леви нахмурился на брата, заметно досчитал до десяти-пятнадцати (я находилась рядом с ним), мы все услышали, как закрылась входная дверь в дом и тут началось:

Повернувшись к сестрам, он зарычал:

— Вы двое просто, мать твою, офигенные.

— По осторожней, приятель, — прорычал в ответ Фриц.

Леви отмахнулся от Фрица и заявил:

— Мать твою.

Мне показалось, что эту сцену лучше продолжать было без публики.

Я так подумала и прошептала:

— Кэти, Келли, почему бы нам с Ленор и Эльвирай не пойти и не проверить, чем занимаются дети?

— Хорошая идея, Тесс, сейчас явно семейная ситуация, — ухмыльнулся Леви.

Плохой ход.

Очень плохой ход с его стороны.

Я поняла это, когда Брок сделал два больших шага в сторону своего брата и встал с ним нос к носу, сгустившаяся атмосфера стала просто удушающей.

— Тесс ранее сумела меня уговорить меня, а теперь я вижу, что мне стоило позволять ей этого. Тебе нужно остыть или, честное слово, Леви, я поспособствую, чтобы ты пришел в себя.

— Не вешай мне лапшу, Слим, ты также, как и я, не хочешь, чтобы этот человек находился здесь, — выстрелил Леви в ответ, указав рукой на своего отца.

— Ты не знаешь, чего я хочу, — ответил Брок, и глаза Леви сузились.

— Пошел ты. Ты купился на это дермо? Довольно удобно признавать свои ошибки, когда у него рак, пожирающий его изнутри, — пренебрежительно ответил Леви.

Я сжала губы, Лаура похоже всхлипнула, Кэти тут же придвинулась поближе к Келли, а Ферн решила, что пора с этим кончать, я поняла это потому, что она сказала потом.

И произнесла она все шепотом:

— Я покончу с этим.

Брок отвел взгляд от своего рассерженного брата, отошел и повернулся к Ферн, на которую были направлены глаза всех.

Она посмотрела на Коба.

— Это мой дом, и я говорю, кому здесь рады. Сегодня День Благодарения, старики, и мне жалко, что ты не можешь знать, сможешь ли отпраздновать в следующем году. Но я рада, что ты посидишь за столом со своей семьей сегодня. Ты не много мне дал за всю жизнь, но ты смог дать мне четырех самых ценных людей в моей жизни. За это я готова согласиться, чтобы этот праздник ты отметил в кругу своей семьи.

Хорошо, ранее мне очень нравилась Ферн.

Теперь я точно поняла, что она мне очень нравится.

Потом она посмотрела на Леви, продолжив:

— Я люблю тебя, милый, но ты должен избавиться от своей ненависти, иначе она разъест все твои внутренности, как рак разъедает твоего отца. И, — ее глаза скользнули к Ленор, а затем вернулись к Леви, — добавлю, может тебе пришло время проснуться.

Я почувствовала взгляд Эльвиры и посмотрела на нее, она улыбалась мне.

Ферн не закончила.

— А сейчас нам нужно доделать обед, так что идите и смотрите свои игры, вот что я тебе скажу, — она посмотрела на Леви, — это может быть последний День Благодарения для Коба, проведенный со своей семьей, но он также может быть последним для всей семьи с ним в

День Благодарения. И мы все должны сделать все возможное, чтобы у нас осталось чертовски много хороших воспоминаний, потому что моим внукам это очень важно.

Все молчали, никто не двигался.

Ферн продолжила:

— Леви, можешь же ли ты пойти на это ради своих сестер, племянниц и племянников? Леви не ответил. Он долго смотрел на мать, потом резанул взглядом по сестрам, затем повернулся на пятках и вышел.

Ферн вздохнула.

Коб тихо произнес:

— Признателен, Ферн.

Она посмотрела на него и кивнула.

Затем она посмотрела на своих внуров и тихо сказала:

— Цветы такие красивые, девочки, поставьте их в середину обеденного стола, хорошо?

Потом она подошла к плите, проверяя картошку.

Я посмотрела на Брука и как раз вовремя, он вздернул подбородок, глядя на отца, прошел мимо него и направился в том же направлении, что и Леви. Остин и Фриц увели вниз Коба. Эльвира подошла ко мне.

— Кыш, подруга, посылаю большой, известный сигнал — что за х*рня? Семья твоего плохого парня просто замочила напрочь моего брата с его тощей, уродливой, модной шлюхой и моей сестрой с ее неспособностью вернуть то сказочное платье, которое она одолжила у меня, без красных винных пятен. Наши проблемы — всего лишь цветочки.

Я не думала, что «шлюха» может быть хорошей новостью в семье, но определенно семейные проблемы Брука были более напряженными, чем возвращение платья с винными пятнами.

— Эм... — пробормотала я. — Семья Брука работает над своими проблемами.

— Проблемами? — спросила она, откинувшись на спинку стула, потом подвинулась ко мне.

— Я уже поняла. У меня предчувствие. Это как открыть глаза и сказать: «Благодарю тебя, Тесс». Говорю тебе, подруга, это лучше, чем шоу по телевизору.

Хорошо, что хоть кто-то получал удовольствие.

— Не могу дождаться, что будет дальше, — пробормотала она, затем отошла, направляясь к множеству винных бутылок, выставленных на столешнице.

А я могу. Я готова была ждать и наблюдать, что будет дальше.

И все, что произошло дальше, Эльвира, вероятно, не была разочарована.

12. Самый крутой ход

Через полтора часа я обнаружила, что, производя расчеты для десерта, не учла детей с бездонными желудками, мужчин с высоким метаболизмом, которым не нужно было беспокоиться о том, сколько они запихивают в рот, и женщин, которые переживали один из шести дней в году, не способными позволить всему этому добру пропасть (другие дни были — Рождество, Новый год, Пасха, 4 июля и их день рождения).

Скажем так, хотя Ферн приготовила на обед много всякого вкусного, десерта после ее обеда осталось немного.

Во время ужина за большим столом, я сидела между Фрицем и Остином, которые дали всем понять, после выходки Леви, что они стали моими защитниками. Все за одного и один за всех, когда дело касалось семьи Лукасов.

Это было очень круто и, очевидно же очень ценно.

Брок сидел во главе стола, Ферн — напротив, Коб, Джилл, Кети, Лаура и Эльвира завершали нашу компанию за большим столом. Поскольку Коб сидел за общим большим столом, Леви, которого Брок каким-то образом уговорил присоединиться к семейному обеду, вместе с Ленор сидели за раскладным столом в гостиной вместе с Келли и младшими племянниками и племянницей.

Хотя было выпито изрядное количество вина и пива, напряженная атмосфера не исчезала, и единственный человек, который, казалось, совершенно не обращал внимания на царившее напряжение, была Эльвира.

Поэтому я вовлекла Эльвиру в разговор, зная по опыту, что при любой ситуации Эльвира была способна рассказывать что-то интересное, удивительное и, возможно, немного неуместное, и я обратилась непосредственно к ней в надежде разрядить обстановку.

Так и произошло.

Остин и Фриц явно решили, что Эльвира приколистка, Коб не отставал от нее в плане юмора, Джилл, Лаура и Кети вскоре присоединились к разговору и, наконец, Ферн тоже оттаяла, начав смеяться. Со своего места Брок в основном молча изучал Эльвиру, будто она была неизвестным существом, с которым он не знал, что делать, но я чувствовала, как он расслабился и был доволен тем, что его семья наслаждалась обедом, я почувствовала это, потому что его настроение разлилось по всей комнате.

Далее, последовало то, что всегда могло бы характеризовать праздник... оказалось, несмотря на то, что дядя Леви был очень вспыльчивым, он обладал изрядной долей юмора, нам было видно, что его обожает потомство его брата и сестер, судя по постоянному смеху со складных столов через проход от нашего стола, постоянного хихиканья:

— Дядя Леви! — пронзительно закричала Элли.

Поскольку десерт мы пережили без сцен, я расслабилась, к сожалению, ослабив свою бдительность.

Поэтому я совершенно не была готова почувствовать очередное напряжение и искры в комнате от Брука.

Я повернула к нему голову, его спина напряглась, лицо помрачнело, он смотрел в окно.

Потом из-за складного стола я услышала:

— Ты, бл*ть, издеваешься надо мной.

Это был Леви.

Затем все задвигались, вернее задвигались Брок и Леви, вскочив со складных стульев, остальные присутствующие стали вытягивать шеи по направлению к окну.

Когда мы увидели ту, которая привлекла столько внимания, я замерла и просто тупо стала пялиться в окно.

Но Ферн, Джилл и Лаура не замерзли.

Ферн прошипела:

— О нет, ну, уж нет.

Джилл огрызнулась:

— Я не верю этой женщине.

Лаура резанула:

— Как посмела... на День Благодарения.

Затем они вскочили с мест и последовали за Броком и Леви, Коб пошел с ними, а Фриц и Остин подскочили поближе ко мне, Фриц сказал:

— Кэти, дорогая, ты с сестрой не могла бы отвести своих двоюродных братья и сестру вниз, а?

Кэти повернулась к нему с сердитым выражением на лице, оторвавшись от окна (Кэти и Келли, как я уже заметила, как и их более молодые братья и сестра очень любили своего дядю Слима, кроме того, им уже прилично было лет, поэтому они скорее всего довольно хорошо могли помнить Оливию, и судя по их выражению лица можно было сказать, что им она не нравилась), поэтому Кэти направилась в гостиную, чтобы отвести молодое поколение вниз.

Я не двинулась с места.

Потому что по ту сторону входной двери стояла Оливия.

Какого черта?

— Э-э... кто это? — спросила Эльвира не в состоянии оторваться от окна, потому что Оливия стояла на дорожке прямо перед домом, противостоя всему семейству Лукасов.

— Бывшая жена Брука, — прошептала я.

— О, леди, — также в ответ прошептала Эльвира.

Она могла бы запросто повторить это еще раз.

Через полсекунды мы услышали крик Лоры:

— Сука! — и увидели, как она набросилась на Оливию.

Эльвира повторила шепотом:

— О, леди, — а Остин пробормотал:

— Черт побери.

Отодвинул стул рядом со мной и поднялся из-за стола, пока я не могла оторвать взгляд от Брука, останавливающего свою сестру, положив ей руку на грудь, в то время, как Коб, обхватив ее за талию, пытался оттащить назад, Оливия тем временем подняла свои необыкновенные руки к лицу и выражение ее лица оттаяло, превратившись в красивое, у нее потекли слезы, и каждая женщина в этот момент поняла, насколько магической властью обладают женские слезы над любым мужчиной, если он не был слепым, конечно.

О, боже.

— Я собираюсь... начать мыть посуду. — Услышала я шепот Ленор.

Фриц пробормотал:

— Хорошая идея, Ленор. Эльвира? Тесс, дорогая, почему бы тебе не помочь ей? Я должен выйти на улицу.

И пока Брук вел все еще всхлипывающую Оливию по дорожке, поддерживая ее за спину, мы обменялись парой фраз и пришла к выводу, что идея Ленор, в конце концов, превосходная.

Поэтому я кивнула, встала и начала помогать девушке Леви собирать тарелки со стола, в тот момент, когда Фриц вышел за дверь.

— Я прикрою тебя, сестра, буду следить за событиями, — сказала мне Эльвира, но я промолчала, собирая тарелками.

Я два раза уже сходила в столовую и сейчас была на кухне, принеся очередную порцию посуды, когда услышала возвращение семьи Лукасов, Джилл в коридоре громко произнесла:

— Я не... не верю этой суке.

— Джилл, милая,тише, — прошипел на нее Коб.

— Она та еще стерва! — Это сказала Лаура и совсем не тихо, а громко.

— Лаура,тише... Тесс. — На удивление это сказал Леви.

Я подождала несколько секунд, а затем вышла в коридор. Они все столпились у входной двери, и их глаза были обращены ко мне.

— Все нормально, — произнесла я, приближаясь. — Я уже знакома с ней. Все хорошо. И направилась в гостиную к столу, продолжая собирать посуду, но как не старалась, проходя мимо окна, я не смогла не заглянуть в него, Брок и Оливия стояли у ее серебристого Мерседеса, Оливия продолжала всхлипывать, но теперь, положив голову на грудь Брука, который держал ее в своих объятиях.

Черт.

Вот черт.

Эльвира подошла поближе ко мне, и я оторвала глаза от окна.

— Ты не хочешь вместе с Элли посмотреть мультфильм?

— Со мной все нормально, — прошептала я.

— Мне кажется, что посмотреть мультик — хорошая идея. — Произнесла Ферн, тоже встав рядом со мной. — Поднимись наверх, я пришлю Элли с DVD.

— Правда, со мной все нормально, — соврала я.

Ферн посмотрела на Эльвиру. Я собрала тарелки со стола и отправилась на кухню.

Мужчины исчезли, женщины занялись уборкой, и когда столы были уже почти пустыми, я вернулась, чтобы собрать салфетки, крошки, именно тогда вошел в дом Брок.

Он тут же посмотрел на меня, а я тут же заметила по его взгляду, что он злился, но при этом выглядел каким-то странным, озабоченным, я бы сказала.

Я видела уже раньше его в таком состоянии, воспоминания были не из приятных.

— Эй, — прошептала я, перемещаясь к нему.

— Эй, — рассеянно ответил он.

О, боже.

— Все в порядке? — Спросила я.

— Поговорим позднее, — пробормотал он. — Где мальчики?

— Внизу.

Он кивнул, перевел взгляд в коридор, поднял руку к моей шее и после короткого, рассеянного пожатия моей шеи, направился в коридор и исчез за дверью подвала.

Я продолжала смотреть на закрытую дверь подвала.

И пока я смотрела, то чувствовала себя потерянной, ни разу, даже в начале нашей встречи, когда он был Джейком и работал под прикрытием, и всякое дерьмо происходило вокруг него, он не отвлекался от меня. Все его внимание было полностью направлено на меня. Всегда.

Потом я помогла девочкам помыть посуду. Затем Эльвира стала прощаться со всеми, ее поблагодарили, и я отправилась ее провожать до машины.

— Твой плохой парень слишком горячий, — странно заявила она, стоя рядом со мной у боковой двери водителя.

— Что? — Спросила я, оторвавшись от своих мыслей и сосредоточившись на ней.

— Твой плохой парень слишком горячий, — повторила она. — Она разыграла тут целый спектакль.

— Прости? — Спросила, чувствуя, как мои брови соединяются.

— Тесс, дорогая, ее бывший плохой парень, бывший горячий парень недавно подвесил свою звезду на совершенно новую, яркую и блестящую луну. Он весь в этой молодой луне,

это видно. Он совершил обмен. Ему нравится то, что происходит сейчас. Он останется с этим. Она все поняла, скорее всего, узнала от своих сыновей. Ей вся эта история не нравится. Она разыграла здесь сцену. Похоже, у нее большие планы на него. Она может его и не особо хочет, но в то же время не хочет, чтобы какая-то другая была с ним, скорее всего, раньше она даже не предполагала, что он собирается устраивать свою жизнь, и в данный момент ей это не нравится, она испытала настоящий шок, оглянувшись вокруг вдруг поняла, что скучает по нему. Нужно отдать ей должное, ее игра была хорошей — настоящая драма со слезами при зрителях — его семьи. Но, если он подстрелит ее в задницу, он все поймет. Тебе нужно не опускать носи и высоко держать свою голову.

Я смотрела на нее, думая, правда ли, что люди совершают нечто подобное.

Потом спросила:

— Правда, что люди способны совершать такое?

— Да, — ответила Эльвира.

— У них же есть дети, — ответила я ей.

— Точно, Тесс, и голову она держит вверх и прямо сейчас для нее, какой бы ни была ее игра, двое сыновей перестали быть сыновьями ее сыновьями, а превратились в пешки.

О, Боже.

— Она не будет..., — прошептала я.

— Запомни мои слова, подруга, она сука и это слово написано вот такими буквами у нее на лбу. Она прибавит тебе хлопот, дорогая. Но, к счастью для тебя, твои подруги и его семья стоят за твоей спиной. После ее сцены вся его семья перешептывалась, они беспокоились о тебе. Не о нем, поскольку знают, что их парень все понял, они все беспокоились только о тебе, потому что они знают ее ту, какая она есть на самом деле, и они также знают, что это только пробный шар, и в данный момент она раздумывает над очередным своим ходом. Не вешай нос! Он раскусил ее игру, потому что знает, ее настоящей, поэтому будет настороже по поводу ее следующего шага. Тебе остается только плыть по течению.

Кентукки впервые за долгое время снова показалось мне хорошим местом.

Но в этот раз я собиралась упаковать не только свои вещи, но и Брука, Джоуи и Рекса, чтобы всех их забрать с собой в Кентукки.

Я попрощалась с Эльвирой, вернулась в дом и тут же была поражена молниеносным броском Элли к моим ногам, как только вошла в дверь.

— «Рапунцель»! — завизжала она, я улыбнулась ей, подальше запрятав свои мысли.

— «Рапунцель»... — согласилась я.

И очутилась в спальне Ферн, прилегла в ногах кровати, Элли в платье принцессы села передо мной.

Кэти и Келли тоже пришли и уселись на полу. Джилл и Ферн потом тоже поднялись к нам и легли позади меня на кровати. Ленор и Лаура осталась с мальчиками смотреть футбол.

«Рапунцель» по завершению перешла плавно к «Красавице и Чудовищу» — один из моих любимых фильмов, не важно был ли это мультик или нет.

Это была настоящее Благодарение смотреть свою любимую сказку, но я вырубилась на середине мультика, находясь под впечатлением событий, произошедших до обеда и после.

Я проснулась, когда услышала, как Элли громко прошептала:

— Дядя Слим, она спит.

Я моргнула, удивившись, что задремала, увидела Мулана за спиной Брука на экране, присевшего на корточки у кровати, и мои глаза открылись, его рука обвилась вокруг моей шеи.

— Пора ехать, соня, — тихо сказал он мне. — Надо отвезти мальчиков домой. Домой. К Оливии.

Я кивнула, встала с кровати, Элли быстро прижалась, я пыталась проснуться, прощаясь со всеми, затем оказалась на пассажирском сиденье собственной машины, Брок был за рулем, мальчики сидели на заднем сидении, также мы и прибыли сюда.

Они болтали о футболе.

Я уставилась в окно.

Мы въехали на подъездную дорожку элегантного большого дома в Черри Хиллс Виллидж, который явно соответствовал словам Брука, который сказал, что новый муж Оливии был при деньгах, и теперь я поняла, что он, на самом деле, был при деньгах.

— Пока, Тесс, — сказал мне Джоуи.

— Пока, милый, — ответила я Джоуи, поворачиваясь к заднему сидению.

— Пока, Тесс, спасибо за ореховый пирог, тыквенный и чизкейк, который я съел во время футбольного матча, — поделился Рекс.

Я улыбнулась ему в ответ.

— А я хотел торта, поэтому спасибо за три куска, которые съел, — сказал Джоуи, и я улыбнулась ему.

— Всегда пожалуйста, детка, — тихо ответила я. — Увидимся, ребята.

Они помахали рукой и вышли.

— Я сейчас вернусь, детка, — пробормотал Брок, подождал, пока я переведу на него глаза и кивну, он вышел и последовал за своими парнями.

Я смотрела на них.

Оливия встретила их на пороге.

Я продолжала смотреть.

Джоуи и Рекс обняли отца и исчезли внутри дома. Оливия ни разу не взглянула в мою сторону, на машину, пытаясь вовлечь Брука в разговор. Брок перевел взгляд на машину, ко мне, но не повернул головы, Оливия обхватила его за бицепс, придвигнувшись ближе, отчего он повернулся к ней голову.

Я отвернулась.

Уставилась в боковое окно, услышав, как он сел в машину, включил зажигание и поехал, а я все продолжала смотреть в боковое окно, пока мы ехали ко мне домой.

Примерно через десять секунд он обхватил меня за пальцы, положив мою руку себе на бедро и тихо поинтересовался:

— Ты в порядке?

— Просто устала, — сказала я. — Слишком много съела.

— Точно, — пробормотал он, сжимая мою руку, промолчав и не отпуская ее.

Он отвез меня домой, мы оба вышли, я открыла входную дверь, сняла пальто и повесила его в шкаф в прихожей. Брок бросил свое на диван.

И направился к холодильнику за пивом.

Я подошла к кухонному островку и посмотрела на него.

— Если ты хочешь посмотреть футбол, — сказала я, он повернулся ко мне, — давай. Я тут посижу и почитаю пока.

Он стоял у открытой дверцы холодильника и смотрел мне в глаза.

И я поняла, почему он смотрел мне в глаза.

Если он не встречался со своими сыновьями, мы проводили вместе каждую ночь и просыпались каждое утро тоже вместе.

И когда мы были вместе, мы были, действительно, вместе — смотрели вместе телевизор, кино или игру. Мы были вместе и когда ложились спать то, ложились тоже вместе.

Он не спускался вниз и не смотрел игру, пока я находилась в спальне что-то читая.

Возможно, в будущем может все изменится, но сейчас мне нравилось именно так. Мне нравилось быть с ним вместе.

Он был внимательным, неудержимым, мы обнимались или делились своими мыслями, и это было хорошо.

И тот факт, что Брок был внимательным, быстро вспыхивал, и мы обнимались, означал, что ему тоже нравилось так проводить со мной время.

И, очевидно же, что Брок не был готов, чтобы мы перешли к другому виду наших отношений, несмотря на то, что дальше произойдет между нами.

Я поняла, как только он закрыл холодильник и обошел кухонный островок. Подойдя ко мне, он схватил меня за руку, потащил в гостиную, сел на диван и притянул к себе на колени.

Как только он усадил меня себе на колени, опустив руки мне на бедра, сказал:

— Хорошо, детка, что случилось?

— Ничего, я... — начала я врать, его пальцы тут же впились мне в бедра, он прервал меня:

— У меня новая работа, новый дом, новая мебель, которую мне купила мать, и новая женщина в моей жизни. И у моей женщины имеется ублюдок бывший, который пытается нанести удар, я чувствую это нутром, поэтому должен быть готов. Отец болен, может умереть в любой момент, моя семья облажалась с ним.

Что-то происходит с моими сыновьями, и я должен выяснить что именно. И сегодня моя сучка бывшая жена объявила на День Благодарения, сообщив, что ее муж изменяет ей, хотя ее это мало заботит, но она вдруг поняла, что совершила ошибку, выйдя за него замуж. Она все говорила и говорила, как облажалась с ним и со мной, теперь четко понимая, что эти годы нас изменили, и, если учесть, что наши сыновья растут, не имея нормальной семьи, «поэтому все как следует взвесив», ее, мать твою, слова, и несмотря на праздник она вполне понятно не стала тянуть, решив мне сообщить — хочет, чтобы я вернулся в семью. При всех раскладах ты видишь, что у меня нет времени и сил разгадывать загадки. Единственное, что я хотел бы сделать сегодня вечером, это выпить пива с моей женщиной, посмотреть игру, уложить ее в постель, позволить ей сладко трахнуть себя, как она всегда меня трахает, а затем заснуть.

Я уставилась на него, он слишком много всего сказал, но все же сосредоточилась на главном.

Поэтому спросила:

— Она сказала, что хочет тебя вернуть?

— Да, можешь себе в это представить.

Я продолжала пялиться на него.

Затем заявила, на этот раз не спрашивая:

— Она сказала тебе, что хочет, чтобы ты вернулся.

Его пальцы снова вжались мне в кожу, и он ответил:

— Да.

— Она пришла в дом твоей матери в День Благодарения и сказала, что хочет, чтобы ты вернулся, — повторила я еще раз, но уже дополнив нюансами.

Брок не ответил. Он пристально всматривался в выражение моего лица.

— Я не знаю, что и сказать, — произнесла я. Конечно, в данный момент я зарывала голову в песок, люди частенько совершают всякое сумасшедшее дермо, взять моего собственного мужа, который изнасиловал меня, но это было явно каким-то помешательством.

— Нечего сказать, — ответил он.

— Ты хочешь, вернуться к ней? — Поинтересовалась я, он медленно моргнул.

Затем попросил:

— Повтори.

— Ты хочешь, чтобы она вернулась? — по-другому спросила я.

— Хочу ли я, чтобы она вернулась?

— Да, ты хочешь ее вернуть?

Его брови сомкнулись вместе, пальцы еще сильнее вжались в мои бедра, прежде чем он спросил:

— Ты совсем спятила?

— Нет, — ответила я. — Она же настоящая красавица, мать твоих детей. И ты любил ее, поэтому женился. Я видела, как ты успокаивал ее и обнимал, и видела каким ты вернулся в дом после той сцены, ты выглядел так, будто тебя раздирали противоречивые чувства. Ты был не раздражен, не злился, не расстраивался, ты был смущенным, будто не знал, как поступить. Так что нет, Брок, я не спятила.

Его губы сжались, затем он низко произнес:

— Детка, я держал ее в своих объятьях, потому что, когда мать моих сыновей плачет крокодиловыми слезами, лучшее, что можно сделать, предоставить ей возможность выплакаться, чтобы потом уйти. Именно это я и сделал. И когда мы сталкиваемся опять же, с тем, что она мать моих сыновей, такая, какая уж есть, иными словами, она та женщина, которая будет хочешь не хочешь будет приходить в мой дом, и увидев там другую женщину на моей кухне, потеряет весь свой здравый смысл, решив, что кто-то претендует на своего бывшего, кого она считала только своей игрушкой, именно поэтому она начинает прокручивать различные планы игры в своей голове на, черт побери, дворе дома моей матери в, черт побери, Дня Благодарения, что, естественно, вызывает у меня противоречивые чувства. Я в замешательстве, потому что это означает, что все по другому дерму, которое я изложил тебе ранее, мне, однозначно, необходимо, найти хорошего адвоката для того, чтобы убедиться, что мои парни не тратят все свое время на подлизывания и заискивания, не говоря о злости, которая просто струится из Оливии и, бл*дь ее мужике, который изменяет, по ее словам, их матери, если то, что она говорит вообще можно принять за правду или что-нибудь еще, и попытаться дать что-нибудь хорошее своим сыновьям за четыре дня в долбанном месяце.

И сказав все это, я спрошу тебя, что самое главное во всем этом? Ты и твой гребанный бывший? Мой отец при смерти и моя семья? Или мои сыновья в логове гадюки?

Хм. Это был хороший вопрос.

И у меня появился неприятный холодок на позвоночнике, судя по всему, я была не лучшей девушкой для своего горячего парня.

Пришло время разобраться в себе.

— Твои мальчики в логове гадюки, — ответила я ему, он снова медленно моргнул, и я пояснила:

— Дамиан когда что-нибудь сделает, тогда и разберемся. Твоя семья — взрослые люди, они тоже разберутся. Но твои сыновья бессильны в данной ситуации, и им нужна твоя помощь. Он уставился на меня, а я продолжила:

— Извини, моя реакция была эгоистичной, мне следовало раньше подумать об этом, я поработаю над собой, но я женщина, и у женщин есть нечто такое... вообщем, когда появляются бывшие их мужчин, которые выглядят намного лучше, чем они, то... — Он еще раз медленно моргнул, параллельно сжав пальцы на моих бедрах, но я была в ударе, поэтому проигнорировала его движения. — Ты просто горячий парень. Мне следовало предположить, что твоя бывшая жена должна быть красавицей, но, если честно, своей красотой она застала меня врасплох. Как я уже сказала, буду работать над этим и постараюсь преодолеть. Но, в свою защиту, хочу сказать, судя по моему опыту, не многие мужчины откажутся от такой женщины, как она, и, даже, если учесть, что у вас не получилось, но ты все же был раньше таким мужчиной, одним из них.

— Тесс ... — начал он, но я его перебила:

— И, хочу еще сказать, ты смог уговорить своего брата вернуться в дом на обед, и я знаю, что у тебя дел невпроворот, но, как только ты разберешься с некоторыми проблемами, тебе необходимо выбрать время и поговорить со своим братом. Не о твоем отце или обо мне, ему нужно самому разобраться со своим отцом, и, в конце концов, я его уломаю, так что, ты тоже зря беспокоишься обо мне, тебе не следует этого делать, а поговорить с ним о Ленор. Она влюблена в него, и она хороший человек, милая, и, если он ее не любит, ему нужно порвать с ней и сказать честно об этом, также ему нужно вытащить свою голову из задницы, потому что, если он разобьет ей сердца, то след будет длиною в Денвер, это будет не круто с его стороны.

Когда я замолчала, Брок молча пялился на меня.

Молчание затянулось, а потом он спросил:

— Ты закончила?

— Ну, — начала я, — ага.

Затем он опять спросил:

— Ты думаешь, Оливия красивее тебя?

Я нахмурилась, и повторила:

— Ну... ага.

Он снова замолчал, глядя на меня.

— Брок... — начала я, но он прервал меня.

— Господи, неужели ты этого никогда не делала?

— Чего не делала?

— Никогда не действовала в своих интересах, не играла в игры.

Я стала раздумывать над его словами. Затем ответила:

— Нет.

Он покачал головой, его губы приподнялись, руки заскользили по моим ребрам, притягивая меня к нему. Я положила руки ему на грудь, когда приблизилась, Брок обнял меня.

Затем он заговорил, и как только он тихо сказал, я почувствовала уютную атмосферу, появившуюся в комнате.

— Хорошо, сладкая, это ужасно, но мне придется тебя просветить.

Ой-ой.

Я склонила голову набок, почувствовав напряжение в теле, и осторожно спросила:

— О чем?

— Об играх, в которые привыкли играть такие женщины, как Оливия, в частности, почему она провоцирует других.

Ну, ладно. Звучит не так уж плохо. На самом деле, казалось даже интересным.

Я расслабилась и сказала:

— Хорошо.

Его губы приподнялись, и он начал:

— Такая женщина, как Оливия, заходит ко мне в дом и видит женщину на моей кухне, которая выглядит не лучше, чем она, тогда она не будет выплескивать все свое дермо на всех подряд.

Она не будет выдавать стервозных комментариев. Она вообще никак не отреагирует. Оливия будет очень довольна, что я согласился на меньшее, и засыпая, будет улыбаться, думая, что я нашел ей второсортную замену.

Я кивнула, когда он замолчал, потом он продолжил:

— Если она видит женщину, которая выглядит лучше ее, у нее волосы встают дыбом, она начинает злиться.

Именно в этот момент и начинается ее игра. Она начинает сыпать своим дермом, выдавая стервозные комментарии, и пока она едет домой не в состоянии ни о чем думать, кроме как, как бы посильнее вцепиться в тебя своими когтями. И она разыгрывает сцену, в которой я точно узнал ту самую Оливию, которая была столько времени со мной, и, кстати, именно такой она и была, той, кто сегодня стоял на лужайке перед домом моей матери, и впервые я увидел ту Оливию с тех пор, когда она в последний раз хотела что-то получить от меня. И она все это разыгрывала не потому, что хочет меня вернуть. Она все это устроила, чтобы одолеть тебя, чтобы снова засыпая, улыбаться, будучи довольной тем, что она победила, убрала тебя со своей дороги, и все еще может таким образом манипулировать мной.

Я посмотрела ему в глаза.

Затем прошептала:

— Ну, я не знаю...

Его руки сжались вокруг меня, он заговорил:

— Тесс, не ври, Оливия красивая, но она не красивее тебя. Ни черта не красивее. Думаешь, она красивее, Леви было достаточно одного взгляда на тебя..., поэтому он устроил тебе такую проверку?

Хм. Интересное мнение.

— Но... — я вздрогнула и снова уперлась ему в грудь руками.

— Детка, серьезно. Я был настолько погружен в свою работу, и с Дарлой хлебнул достаточно дерма, грязного дерма, особенно то дермо, которое она нюхала, колола или глотала, она считала, что выглядела крутой. И у меня было много подводов к тебе, я мог играть с тобой, как разрабатываемым лицом, так и с подозреваемой. Но в ту минуту, когда я увидел тебя, мне потребовалась всего лишь доля секунды, чтобы принять решение, как с тобой сне стоит себя вести, и, — он еще раз сжал свою руку, — когда я говорю, в ту же минуту, когда я увидел тебя, имею ввиду твои фотографии в деле. А когда я увидел тебя лично, детка, давай, вспоминай. Сколько я пробыл у тебя в магазине, прежде чем ты согласилась пойти со мной выпить пива?

Мне не пришлось долго вспоминать. Встреча с Броком слэш Джейком была словно выжжена в моем мозгу. Я выставляла в витрину свежие кексы, дверь открылась, прозвенел колокольчик, я подняла глаза, он посмотрел на меня. Затем он улыбнулся и направился прямиком ко мне, не обращая внимания на двух продавщиц, купил полдюжины сникердудлов и пригласил выпить пива.

Он был в моем магазине всего секунд тридцать, когда я согласилась пойти с ним на свидание.

Мне казалось, что это был самый крутой ход — без всякой фигни, дерзкий, смелый и самоуверенный.

Не говоря уже о том, что он был самым красивым мужчиной, которого я встречала.

И не прошло и пяти секунд, как я согласилась (к восторгу и удивлению девушек, стоящих за стойкой в моем магазине).

Я уставилась на него.

Потом меня осенило, и я выпалила:

— Ты считаешь, что я красивее Оливии?

— Детка, — пробормотал он, ухмыляясь, и сжал мою руку, но больше ничего не сказал.

Ой. Он считал, что я красивее Оливии.

— Кажется, мне нужно более внимательнее рассмотреть себя в зеркале, — сказала я ему, и его тело затряслось от смеха, он разжал руки, стал просеивать мои волосы сквозь пальцы, а затем притянул мою голову поближе к своему лицу.

— Как насчет того, чтобы потом рассмотреть себя в зеркале, — пробормотал он, опустив глаза на мои губы.

— Потом? — Прошептала я, понимая, что означает его взгляд, опущенный на мои губы, так было и раньше, но гул в комнате изменился, стал более теплым, интимным, и я поняла, что у него на уме.

— Да, — он поднял свой взгляд к моим глазам, затем придинул еще ближе мою голову, но наклонился в сторону, к моему уху, прошептав:

— Я съел кленовый пирог с пахтой во время обеда, кусок шоколадного торта, пока смотрел футбол, но у меня все еще есть желание попробовать что-то сладкое и любимое, я хочу попробовать прямо сейчас свою Тесс.

Я почувствовала покалывание на коже головы и еще в трех местах.

— Хорошо, — прошептала я, вытягивая руки между нами, чтобы обхватить его и прижаться к нему грудью.

Его губы скользнули по моей шее, затем вернулись, заставив меня непроизвольно передвинуть бедра у него на коленях, он вернулся к моему уху, зарычав:

— Обожаю тебя, черт побери, любить внизу, детка.

Я задрожала всем телом, потому что мне тоже это нравилось, но нравилось еще больше, когда он рычал мне эти слова на ухо.

— Брок, — прошептала я.

Его рука скользнула по моей спине, крепко обхватив, пальцы погладили легко, как перышко, одну сторону моей груди, когда он продолжил:

— Никогда за всю мою гребаную жизнь, у меня не было ни одной такой сладкой киски, Тесс, как твоя.

Я издала горловой звук и прижалась губами к его шее в том месте, где были завивались его волосы, а бедра снова качнулись на его коленях.

— Ты мокрая? — прошептал он мне в шею.

О, да. Определенно, я была мокрой.

— Да, — прошептала я.

— Хорошо, тогда ты готова.

Затем он повернул голову, прижался к моим губам, вторгся мне в рот языком и поднялся с дивана, подняв меня с собой.

Я обхватила его ногами за бедра, обняла за плечи и скользнула пальцами другой руки по его волосам, он целовал меня, пока нес в спальню.

Потом я отдала Броку что-то сладкое.

А он дал мне что-то послаще.

Затем мы оба делились своей сладостью друг с другом.

Затем он натянул футболку и джинсы, я надела ночнушку, теплые носки, порылась в его раскрытом сумке, которая теперь постоянно стояла в углу моей спальни, и натянула одну из его фланелевых рубашек. Он взял пиво, налил мне красного вина, я сняла контактные линзы и надела очки. Потом мы свернулись калачиком на моем диване в подвале и стали смотреть футбол.

Я отключилась, положив голову ему на бедро, пока его пальцы перебирали мои волосы.

Проснулась, когда он укладывал меня в постель, потом лег сам, притянул меня вплотную к себе, вжавшись в мое тело и соединив наши ноги.

Последняя мысль до того, как я заснула, была — День Благодарения, как и все в семье Брука, был, мягко говоря, интересным.

Но ночь Дня благодарения только со мной и Броком была просто потрясающей.

Лучший День Благодарения в моей жизни.

Навеки.

13.

Эррол чертовый Флинн

Он обхватил меня за спину, другую руку опустил на задницу, когда вышел, затем толкнулся внутрь, я подавила стон ему в шею, схватив его за волосы, ногтями прошлась по его спине вниз.

Он зарычал мне на ухо, моему мужчине нравились мои ногти на спине, затем опять толкнулся назад-вперед.

И еще.

И еще раз.

Я подняла голову, притянув его голову за волосы к себе, чтобы опустить свои губы на его, крепко поцеловала, он снова вошел внутрь.

Затем мои пятки впились ему в поясницу, бедра вокруг него дернулись, голова запрокинулась назад, и я запищала:

— О, Боже, дорогой, я сейчас...

Я не успела закончить, глаза сами собой закрылись, голова откинулась, он стал двигаться быстрее и сильнее, я вскрикнула, крепко прижавшись к нему, кончая.

— Глаза, — прорычал он, и мои глаза широко распахнулись, и я рассеянно уставились на него. — Мне нужно видеть твои глаза, когда я кончу, — приказал он.

— Ладно, детка, — прошептала я, не отпуская его взгляда, с силой удерживая его своими ногами и одной рукой, пока вторая бродила по его коже, вверх по спине, по ребрам, потирая жесткий сосок, затем вниз по груди, по прессу, пока не достигла мокрого места нашего соединения, я чувствовала себя настолько хорошо, когда он выходил и входил. — Боже, как прекрасно.

— Тесс, — простонал он.

Я прикоснулась губами к его губам, зажмурилась и прошептала:

— Чертовски прекрасно, детка.

Он наклонил голову, накрыл мои губы, всадив свой член, его мычание освобождения раскатилось по моему горлу.

Да. Прекрасно.

Поскольку его губы были на моих, когда он пришел в себя, начал скользить взад-вперед, нежно и сладко поцеловав, а я крепко обхватила его своими конечностями и поцеловала в ответ.

Затем он отпустил мои губы, войдя до основания, заскользив по моей щеке к уху, стиснул меня со всех сторон и прошептал на ухо, как только его бедра глубоко толкнулись вперед:
— Самая сладкая гребаная киска, которую я имел за всю жизнь.

Я задрожала в его объятиях.

Затем он вышел из меня и снял меня с туалетного столика своей ванной комнаты, куда он вошел, когда услышал, как я выключила воду после того, как почистила зубы, закрыл дверь и инспирировал операцию максимального физического контакта в единственной комнате в доме (я надеюсь), из которой его сыновья не могли услышать, как мы занимались сексом. Именно поэтому я, в конечном итоге, оказалась своей задницей, сидящей на туалетном столике, обхватив Брука руками и ногами, это был мой первый оргазм в ванной.

Он был великолепным.

Но когда он опустил меня на ноги, удивил, оставшись рядом со мной, повернулся лицом к зеркалу, затем немного подвинул вперед, отгораживая меня от столика, его руки медленно задвигались по моим ребрам, животу, спускаясь к моим бедрам. Я удивленно смотрела в зеркало и видела его скользящие руки на себе. Затем увидела свои волосы в полном беспорядке, розовые щеки, все еще затуманные глаза, его руки, продолжающие бродить по короткой шелковой ночнушке аметистового цвета (еще одна покупка в «Неймане», не такое транжирство, как первая, которую я купила в «Нордстроме», но и не дешевая), он трахал меня в ней.

И по выражению его лица, я точно могла сказать, что ему она понравилась.

На самом деле, я поняла, что она ему понравилась еще прошлой ночью по выражению его лица (и действиям), когда он увидел меня в ней.

Достаточно сказать, что мы «сломали печать», когда сыновья Брука заснули, занялись сексом в его доме. Прошлой ночью, когда мальчики заснули, было уже поздно, но Брук все равно заботился, заглушая мои стоны и крики, своим ртом, и для него я делала тоже самое, или он зарывался мне в шею.

Сегодня утром мы занимались сексом в ванной комнате.

— Сколько кексов ты продала, чтобы купить эту ночнушку, дорогая? — спросил он, и мои глаза переместились от его рук, двигающихся по моему телу, к зеркалу.

— Меньше, чем феерия, которую я устроила тебе в ту первую ночь в твоей квартире, но больше, чем шитье из сахарной ваты, — ответила я.

Он ухмыльнулся.

— Шитье из сахарной ваты?

— Ну, та, которую я надела в нашу первую ночь вместе.

— Та розовая?

Он вспомнил.

Черт побери.

Он вспомнил.

— Из сахарной ваты, — поправила я мягко.

Его ухмылка превратилась в улыбку, и почему-то эта улыбка поселилась у меня в животе.

Он думал, что я смешная. Он считал меня красивой. И когда я была с ним, он всегда придвигался поближе. Он хотел встать между мной и ревущими львами. Он хотел помочь мне бороться с моими призраками. У него имелось два фантастических сына, чокнутая, но очень его любящая семья, великолепное тело, ласковая манера общения, и он запомнил цвет моей ночной рубашки, которую я надела в нашу первую ночь вместе.

Я смотрела в его улыбающиеся, добрые, серебряные глаза в зеркале, но не улыбалась.

Я пыталась найти.

Но она исчезла.

— Все прошло, — прошептала я, его улыбка тут же испарилась, брови сошлись, а руки резко сжались вокруг меня, реагируя на мой тон.

— Что случилось, детка?

— Эта ядовитая штука у меня в животе.

Я почувствовала, как его тело тут же вжалось в мое, глаза встретились с моими в зеркале. Он развернул меня к себе и поднял на руки. Автоматически я зацепилась за него всеми конечностями, он вынес меня из ванной в спальню, а затем встав коленом на кровать, положил, моя голова оказалась на подушках, а мой мужчина сверху на мне.

Он не сказал ни слова, просто внимательно смотрел мне в лицо, и я не отворачивалась.

Пока напрягая все свои сенсорные чувства пыталась найти.

Потом пальцами коснулись его лица, его кожи, подбородка с щетиной, губ, висков, густых бровей, затем обе мои руки заскользили вниз, обвились вокруг его шеи, коснувшись его плеч, и я снова обратила к нему глаза.

— Мой неудержимый мужчина, — прошептала я. — Мой заклинатель змей.

Он закрыл глаза и уткнулся лицом мне в шею, застонал:

— Черт, Тесс.

Я повернула голову, мои губы оказались напротив его уха.

— Никакой лжи, никаких масок, никакой ерунды, никаких игр, — зашептала я. — Я люблю тебя, Брок.

Он зарычал, затем приподнял голову, руки скользнули по бокам шелковой ночной шапочки, по моим подмышкам, поднимая мои руки вверх, потом его пальцы переплелись с моими, он вжал их в подушку над моей головой.

Затем спросил:

— Моя милая, черт побери, Тесс, что мне с тобой делать?

— Я твоя, так что... все, что угодно, — ответила я.

Его пальцы сжались на моих, затем голова опустилась, и он жестко меня поцеловал, глубоко, мокро, сладко и, самое главное, чертовски-не-правдоподобно прекрасно.

Я заерзала на спине, он отпустил мои руки и позволил мне перевернуться вместе с ним, мы продолжали целоваться — я сверху, а его руки были на моей заднице.

И именно в этот, вот везение же, момент раздался громкий стук во входную дверь.

Я приподняла голову, его пальцы впились мне в задницу, когда он зарычал:

— Это, бл*дь, просто невероятно.

Он имел на это право.

Мы застыли на месте, потом стук раздался снова.

— Бл*дь, — выругался он, оставив мою задницу, запустив руку в волосы, приблизив мое лицо к себе. — Не хочу, чтобы кто бы там не был разбудил сыновей. Я скоро вернусь.

Я кивнула, он поднял голову, прикоснулся губами к моим, скатился с меня и с кровати.

Схватив джинсы с пола, он натянул их, в дверь снова постучали.

Затем он поднял с пола футболку и направился к двери спальни, дернув за ручку, с расстегнутыми джинсами.

Черт, мой мужчина был таким сексуальным.

Дверь закрылась, и я притянула к себе подушку, обняла ее и улыбнулась.

Потом я почувствовала запах его волос от подушки, волос, не одеколона, не лосьона после бритья, а самого Брука.

Моя улыбка стала шире.

Затем я скатилась с кровати, отправилась в ванную помыться, размыкаясь о предстоящих сегодняшних планах на день.

Нет, думаю, я сильно хотела осуществить все наши планы на сегодня.

Была суббота после Дня Благодарения. Брок забрал своих мальчиков вчера в три. Почему Оливия не разрешила их остаться у Брука на весь день в четверг и пятницу, учитывая, что они не должны были идти в школу, я не знала, но, спросив об этом Брука, получила от него очередной вопрос: «А, почему, черт возьми, эта сука что-то вообще делает?», я понятия не имела, как ответить на его вопрос, поэтому решила его не провоцировать.

Так как наши планы касались и сегодняшнего дня, я пришла к нему вчера вечером, подготовила ужин и осталась на ночь. Мы собирались посмотреть, как они отнесутся к тому, что я ночевала у Брука, стоит ли мне оставаться и сегодня на ночь.

И мы собирались сегодня отправиться покупать рождественские украшения и елку, а также украсить елку и дом Брука, а затем мы собирались вернуться и купить еще одну елку, и отвезти ее ко мне домой и украсить мой дом тоже.

С сыновьями Брука.

Я уже подготовила рождественские украшения.

Двойное Рождество.

Двойная радость.

Я не могла дождаться.

Я намылила мочалку и стала протирать внизу. Потом я задумчиво уставилась на мочалку.

Темно-синяя, как и простыни, которые я купила Бруку.

Я перевела взгляд на свою зубную щетку в держателе на стене. Затем в душ, где стоял мой шампунь, кондиционер и гель для ванны. Я заметила марку, которой пользуется Брок и шампунь, который я ему купила, чтобы такой же был и у меня в душе. Также в моем доме была и его зубная щетка.

Я наклонилась вперед и открыла аптечку.

Моя смывка для лица. Мой лосьон для тела. Мой увлажняющий крем. Мой раствор для контактных линз. Мой дезодорант рядом с дезодорантом Брука.

Я купила ему дезодорант, его марки и положила в аптечку у себя дома.

Все это произошло само собой, без слов, без обсуждений. Он пришел ко мне домой и обнаружил все эти вещи, затем не сказав ни слова, он принес свою одежду, принес достаточно количество одежды, чтобы продержаться какое-то время. Я пришла к нему и увидела новую зубную щетку в упаковке на туалетном столике. Утверждение. В следующий раз, когда я пришла к нему заполнила его ванную своими принадлежностями. Он не сказал ни слова. Он не сказал ни слова даже, когда я принесла большую спортивную сумку с разными своими модными вещами, и, как он сделал у меня в доме, положила ее в угол, где она и оставалась, если только я не планировала сменить в ней одежду.

Я снова улыбнулась.

Да, она исчезла. Эта штука в моем животе давно исчезла.

И этот другой вид чего-то дико непривычного был хорошим, безопасным местом.

Я закрыла аптечку, заметив трусы на полу, подхватила их и надела.

Потом вошла в спальню, думая, что Брок уже вернулся. Но его не было, может он готовил кофе. Может уже встал его сын или оба.

Поразмыслив над этой дилеммой, я подошла к тумбочке, надела очки на нос, встав у шкафа Брука, выбрала одну из его фланелевых рубашек. Мягкую, поношенную, бордовую. Я надела ее, и она скрыла меня почти всю своим размером.

Ладно, она не была халатом, но скрывала больше, чем большинство халатов, и, если я увижу одного из сыновей Брука, смогу вернуться в спальню и одеться.

Я закатала рукава и вышла на лестничную площадку.

Потом я замерла, услышав, как Брок отрезал:

— Господи, она в соседней комнате, брат.

На что я услышала в ответ шепот, но все еще громкий и сердитый:

— Итак? Тогда, черт побери, Слим, то же самое бл*дь дермо, что и с Бри.

Леви.

Но кто такая Бри?

— Оставь, — прорычал Брок.

— Клянусь Богом, ты думаешь, я так это оставил? Ты думаешь, я останусь в стороне,тихо посапывая и наблюдая, как ты снова скользишь через край, привязавшись к другой женщине с горой проблем, которые, ты уверен, что сможешь разрулить?

Я втянула воздух носом и приложила руку к стене.

— Леви...

— Нет, Слим, бл*дь, нет. Ты хочешь, чтобы я объяснил тебе? Я объясню. Бри изнасиловали, это был чокнутой парень, ты знаешь об этом, и я знаю. Это было ужасно, жестоко, бл*дь, тяжело, именно я вместе с тобой пошел навестить ее в больнице, и видел ее в каком состоянии она находилась, бл*дь, подбородок зашили, зубы выбили, глаза опухли, кости переломаны, я видел все тоже, что и ты. А потом ты решил ринуться в бой, чуть не потеряв свою работу, я бы добавил, нажал на все рычаги, какие только возможны, чтобы этот пидарас поплатился сполна. Я тогда тоже это понял. Но потом Бри нашла свой путь решить эту проблему с помощью иглы. Она решила, мать твою, рассчитаться с жизнью своим собственным способом, вколов слишком большую дозу этого яда. Что делаешь ты, когда у твоей бывшей гребанной девушки передозировка? Ты уходишь из полиции и начинаешь работать в гребаном Управлении по борьбе с наркотиками, и никто из нас тебя, мать твою, не видит. Потому что ты работаешь под прикрытием, живешь с какими-то отбросами общества, отправившись в свой собственный крестовый поход, надеясь повернуть время вспять и вернуть Бри. Ну, чувак, ты не можешь ее вернуть. Это не задница Бри постоянно маячит перед тобой, потому что она уже давно умерла. А твоя собственная. Мама, Джилл и Лаура, вместе со мной, мы все тогда потеряли сон, пока ты работал под прикрытием, постоянно задаваясь вопросом, когда последует звонок из твоего управления.

— Ну, теперь ты можешь спать спокойно, Леви, — тихо сказал Брок.

— Нет, теперь тоже нет. Потому что в твоей жизни появилась сладкая Тесс со своими гребанными тортами.

Я подвинулась ближе к стене на лестничной площадке и постаралась громко не дышать, хотя воздуха мне не хватало.

— По осторожней в выражениях, — прорычал Брок.

— Осторожней?! — Крикнул Леви. — Ты этого даже не делал для своей собственной жены, я скажу тебе, я бы тоже для этой суки не сделал ничего, но даже ради своих, мать твою, сыновей ты не оставил эту работу, но как только Тесс О'Хара с ее завораживающими глазами появилась в твоей жизни, что ты сделал? — Наступила пауза. — Нет, ничего не говори, ты скажешь очередное дермо, я тебе отвечу сам, потому что знаю, ты сказал об этом Лауре, а Лаура сказала мне, ты понял еще до того, как подошел к ней, если она согласится присутствовать в твоей жизни, ты попытаешься уйти из УБН, чтобы сконцентрироваться на ней и дать ей то, что ты не собирался давать Оливии, и ты не смог спасти Бри, если учесть, что стерва, по сути, покончила с собой, теперь ты решил спасти Тесс.

Сердце у меня заколотилось сильнее, а ноги задрожали.

Леви продолжил:

— И ты решил не только уйти из УБН, ты все это время жил в своем чертовом доме с тех пор, как задница Оливии исчезла рядом с тобой, но внезапно, — он опять замолчал, а я просто представляла, как Леви резанул рукой по воздуху. — Ты оказался в милой квартирке, потому что сладкая Тесс со своими чертовыми «Тортами Тесс» находит ее более приятной. Так что теперь ты стал детективом отдела по убийствам с квартирой среднего класса, а пять месяцев назад ты был агентом УБН с желанием умереть, но, по крайней мере, ты выполнял свои рода гребаные миссии, а сейчас все это ради нее. Черт, я смотрю на своего брата в этой чертовой кухне с новыми, мать твою, кухонными полотенцами, и я даже не знаю, кто ты теперь, потому что ради другой женщины ты готов отказаться от всего... опять, для другой такой же несчастной, преследуемой души с большой парой сисек. И именно в этот момент я побежала, меня словно кто-то толкнул в спину. Я не могла точно понять, что это было, потому что никогда ничего подобного не чувствовала. Но уже не контролировала свои действия.

Я просто бежала.

Быстро.

Я не обращала внимания на резкую ауру настроения братьев Лукас, низко рычащего что-то в ответ Брока, я бежала вниз по лестнице, потом три длинных шага, и вверх по ступенькам на кухню.

Брок посмотрел на меня, и тут же закрыл рот, Леви повернулся, поглядывая на брата.

Я проигнорировала Леви и бросилась в атаку.

— Я не верю, — зашипела я на Брока.

— Тесс...

Я покачала головой, добравшись до него, опустив обе руки ему на грудь, толкнув его с силой, он покачнулся на пятках, голова дернулась от удивления, а потом он сжал мои запястья.

Я придвинулась и, привстала на цыпочки, заглядывая ему в лицо, выпалив:

— Я же сказала тебе, что не хочу, чтобы ты менялся ради меня.

Выражение его лица тут же изменилось, став нежным, он прошептал:

— Детка...

— Нет, — я снова покачала головой, попытавшись вырвать запястья из его рук, но потерпела неудачу и сдалась.

— Мне не нужно, чтобы ты был кем-то другим, только таким, какой ты есть. Черт, когда я влюбилась в тебя, я даже не знала твоего..., — я приблизилась к его лицу, — бл*дь..., — я приблизилась чуть ли не нос к носу, — имени.

Он отпустил мои запястья, но только для того, чтобы обхватить вокруг, я опять попыталась убрать его руки, но он крепко держал, бормоча:

— Детка...

— Ни за что, Брок. Мне не нужна твоя хорошая квартира, в которую можно подняться, не рискуя жизнью по шаткой ржавой лестнице, не свернув себе шею. Разве ты не понимаешь? Я бы прошла даже сквозь огонь, если бы шла к тебе.

— Черт возьми, — выдохнул Леви, и я увидела, как Брок медленно моргнул, но я была в другой зоне, полностью в разъяренной ла-ла-ленд, и возвращаться пока не собиралась.

— Если бы у тебя была опасная работа, которая забрала бы тебя, это было бы ужасно отстойно, признаю, я бы возненавидела твою работу, потому что мне хватило трех месяцев жить без тебя. Но если бы эта работа многое значила для тебя, я бы смирилась, согласилась, потому что знала бы, что ты делаешь то, что хочешь, что умеешь, во что веришь, и ты бы, в конце концов, возвращался ко мне и мне этого было бы достаточно.

Он еще крепче меня сжал, прижав к себе, его глаза с такой нежность и добротой смотрели на меня, они напоминали жидкую ртуть, Брок прошептал:

— Детка...

— Ты можешь быть Броком, можешь быть Джейком, можешь назвать себя Эррол Чертовый Флинн, меня не волнует, потому что, в итоге, ты будешь со мной. Я знаю, очень хорошо знаю по своему опыту, знаю, что ты хороший человек и для меня это важно, чтобы, как бы ты не назывался, был именно тем, кто ты есть, а не тем, кем ты думаешь, я хочу тебя видеть.

— Тесс...

— Нет, я...

— Тесс..., — прорычал он.

— Нет, я еще не закончила...

— Тесс, — отрезал он, рукой прикрыв мой рот, придинувшись почти нос к носу ко мне, — заткнись.

Я уставилась на него.

Он не отводил от меня взгляда, мы смотрели глаза в глаза.

Потом в его глазах заплясал смех, и он спросил:

— Эррол Чертовый Флинн, да?

— Это, черт побери, не смешно, — ответила я, хотя его рука по-прежнему закрывала мне рот, поэтому мои слова получились какими-то глухими и искаженными, и он расхохотался, он убрал руку с моего рта, тут же обернув ее вокруг меня, зарылся головой мне в шею.

— Ничего смешного не вижу, Брок, — сказала я стене позади него, скользнув вверх по его спине и надавив ему на плечи, чтобы оторвать от себя (безрезультатно).

Он поднял голову, все еще посмеиваясь, усилив свою хватку вокруг меня.

Затем спросил:

— Ты можешь заткнуться на две минуты, чтобы я смог все объяснить?

— Да, но я хочу тебя предупредить — лучше не говори того, что меня может разозлить, или я отменю Рождество.

Он начал раскачиваться, глаза все еще смеялись, но он молчал, стараясь особо не проявлять своего веселья.

— Заметано, — пробормотал он, но голос звучал глухо.

— У тебя две минуты, — подсказала я.

Он ухмыльнулся и повторил:

— Точно.

Потом сказал:

— Хорошо, детка, никаких игр, никакого дерьяма, никакой лжи, ты установила правила, и я готов сыграть по твоим правилам. Я же говорил тебе, что спалился со всем этим дерьмом в УБН, мне светила только офисная работа. Я не лгал. Но я не сказал тебе, что у меня был выбор. Руководство подумывало перевести меня в Лос-Анджелес.

При этих словах все мое тело тут же напряглось, а его руки еще сильнее сжались на мне.

— Но все мои родные живут в Денвере, мои дети тоже живут в Денвере, и, да, ты тоже живешь в Денвере, мои сыновья с каждым годом становятся старше, поэтому я принял решение. Бросить все, оставить всех здесь и моих сыновей или уйти работать в полицию, у моих родных будет меньше шансов найти мое мертвое тело в переулке, или остаться здесь, заботиться о моих детях и попытаться что-то создать с тобой. Никакой лжи, ты же знаешь, ты многое значила для меня, когда я обдумывал варианты, так что да, ты тоже приложила руку к моему решению. Но я принял это решение не для того, чтобы измениться и перекроить себя под кого-то другого. Я сделал это, потому что пришло время.

Ну, тогда ладно.

— Ну что ж, — прошептала я, и он снова усмехнулся.

Затем сказал:

— Я снял ту квартиру, потому что Оливия работала неполный рабочий день администратором в медицинском учреждении, пока мы были женаты, она была вообще не очень хороша по части работы, поэтому заставила своего адвоката-бульдога выжать из меня все. Я не слишком то сильно сопротивлялся, потому что дети из-за нас оказались в этом дерьме, и не хотел, чтобы мои сыновья попали в эпицентр грязной войны между своими родителями. Я не сопротивлялся, потому что, в конечном счете, ей нужны были деньги, чтобы заботиться о детях. Я жил в той сраной дыре, но главное, что они там не жили. За это время я успел подняться на ноги, и два года назад она вышла замуж за парня, за которого хотела. Но у меня не было ни времени, ни необходимости переезжать из той квартиры, она была хорошим прикрытием. Но не имея работы под прикрытием и зашкаливавшей от ненависти Оливии, необходимость там жить отпала. Место, явно не лучшее для меня, для моей женщины и для моих сыновей, честное слово, детка, мне оно тоже не нравилось. Я воспользовался шансом и съехал. Конец истории.

Хм.

Может, я слишком остро отреагировала.

Но я не стала об этом говорить вслух, просто смотрела ему в глаза.

Его руки еще раз сжались вокруг меня, а губы дернулись.

Он понял, что я слишком остро отреагировала.

Вот черт.

Затем он спросил:

— Я как раз хотел попросить тебя завтра сходить со мной и ребятами посмотреть новый пикап. В этой машине печка не работает, шины тоже нужно менять, зима уже почти на носу, и деньги, потраченные на реставрацию этого грузовика, будут все равно выброшены на ветер. Ты очередной раз будешь биться в припадке, если я куплю новый грузовик?

— Я не билась в припадке, черт побери, — стала отрицать я.

Он наклонил ко мне голову.

— Детка, ты влетела сюда и толкнула меня в грудь, словно сошла с ума. Мне пришлось закрыть тебе рот рукой, чтобы ты заткнулась. Если это не дерьмовый припадок, я не знаю тогда, что это.

О боже. Я так сделала, толкнула его.

Не хорошо как-то получилось.

— Я... — я сглотнула. — Было не круто, Брок. Не знаю, что на меня нашло. Я не должна была тебя толкать.

Он снова начал раскачиваться, покачал головой, как будто не знал, что со мной делать, но, к счастью, он качал головой, зная, что я чертовски милая, и он точно знал, что собирался со мной сделать.

— Дорогая, — сказал он тихо, — я люблю твоё тело, такое мягкое, фигуристое, ты не сможешь меня сдвинуть с места, даже во время одного адского дерзкого припадка, и ты это знаешь. Ты толкнула меня не потому, чтобы как-то ударить, а потому что знала, что не сможешь сдвинуть. Ты разозлилась и хотела привлечь к себе мое внимание. В этом вся разница.

— Все равно было как-то нехорошо, — прошептала я.

— Ты привыкла так поступать, я согласен. Ты часто так делаешь?

Я задумалась. Потом сказала:

— Э-э... насколько я могу вспомнить, то нет.

Он снова расхохотался.

Я посмотрела на него, все еще не находя ничего смешного.

— Э-э... эй, — окликнул нас Леви, я тут же напряглась, Брок перестал смеяться, поверх моего плеча посмотрев на брата.

Черт. Я совсем забыла про Леви.

И смех тут же пропал, когда Брок объявил:

— У нас с тобой проблемы, брат.

Ой-ой.

Я развернулась в руках Брука, он тут же переложил свои руки на мне, прижав спиной к своей груди, пока я смотрела на Леви, который поднял руки, рассматривая меня своим задумчивым взглядом.

Затем он перевел взгляд на брата, опустив руки.

— Похоже, я ошибался.

— Думаешь? — Язвительно спросил Брок.

— Я...

— Тебе больше нужно думать о том, что ты делаешь, Леви, мать твою, ты не всегда сначала думаешь. Если бы ты дал мне две минуты, как Тесс, я бы сказал тебе все то же самое, что и ей.

Губы Леви дернулись, он напомнил мне своего брата, Брука:

— Ты сначала закрыл ей рукой рот, чтобы что-то объяснить, Слим.

— Хорошо, в следующий раз, когда ты будешь в очередной раз меня бесить, я дам себе волю и найду способ тебя заткнуть, чтобы смог высказаться, да?

Хм. Казалось, несмотря на то, что Леви признался в своей неправоте, Брок не собирался так просто сдаваться.

Пришло время мне вмешаться, потому что нам повезло, что в середине разыгравшегося спора не появились сыновья Брука, но чем дольше мы будем выяснять отношения, тем больше шанс, что они появятся.

И я вдруг поняла, что говорю:

— Ленор влюблена в тебя.

Леви открыл рот, собираясь что-то ответить брату, потом его голова дернулась, как от удара, рот сам по себе закрылся, взгляд передвинулись на меня.

Брок обнял меня за спину и сжал.

— Что? — Спросил Леви.

— Господи, бл*дь, — пробормотал Брок.

Я посмотрела на Брука, он рассматривал потолок.

Ну ладно. Пусть рассматривает.

Я посмотрела на Леви.

— Ленор влюблена в тебя, — повторила я.

Он медленно моргнул.

Один в один, как его брат.

Затем спросил:

— Она тебе сама сказала?

— Я же девушка и все вижу, — сообщила я ему.

— Ты же девушка и все видишь, — повторил он за мной.

Я пожала плечами.

Он уставился на меня.

Черт. Мне нужно продолжить.

— Хорошо, ну... вероятно, ты никогда не замечал ничего подобного, но ее наряд на День Благодарения... был очень милым. Он очень ей шел. Это хорошо для тебя, если ты..., — я сделала паузу, а затем продолжила: — интересуюсь ею. Она молодая, но уже знает, что ей идет. Многие девушки не только в ее возрасте, но даже в тридцатилетнем не знают. Она уже нашла свой стиль. Это впечатляет.

Леви снова моргнул.

Я продолжила:

— Я хочу сказать, что было очень приятно и все было в меру. Она хотела произвести хорошее впечатление, чтобы ты видел не только ее милую мордашку и тело, а что она красива сама по себе. Она красивая, тебе так не кажется? — Он перевел взгляд на брата, а я продолжила: — Ну, конечно, тебе кажется. — Он опять посмотрел на меня. — Ты же пришел с ней. Она хотела произвести хорошее впечатление на твоих родных. Она подумала, что ты привел ее на День Благодарения — это стало шагом вперед в ваших отношениях, для нее прийти к твоим родным было важно. Но мне кажется, дело не только в этом. Для нее было важно быть с тобой, думать о тебе, стать частью тебя. Ей хотелось, понравиться твоим родственникам, но она хотела, чтобы ты тоже перед ними выглядел в хорошем свете. Поэтому никакой роскошной одежды. Декольте. Ничего такого... все в меру.

Порядочная, респектабельная. Она заботилась о тебе и о том, чтобы показать твоей семье, что ты сделал правильный выбор.

Леви снова уставился на меня.

Затем он спросил:

— Ты все это узнала по ее наряду?

— Ну... — заколебалась я, — да.

Тело Брука снова начало раскачиваться, я посмотрела на него, теперь он смотрел на свои босые ноги, улыбаясь.

— Но это не значит, что она в меня влюблена, Тесс, — заметил Леви, и я перевела на него взгляд.

— Да, — согласилась. — Я говорила, что ты для нее что-то значишь. Я поняла, что она влюблена в тебя, когда ты решил меня проверить, и вся твоя семья на тебя разозлилась, а она, наоборот, придвинулась к тебе.

Леви застыл, открыв рот.

Я же спокойно продолжила:

— У нее произошло это совершенно автоматически. Ты разозлился, столкнувшись с сопротивлением всего клана Лукасов, она не отодвинулась, не ушла от тебя одного, она не испугалась твоего гнева, ничего. Она не колебалась, просто пододвинулась к тебе поближе, как бы прикрывая твою спину.

— Господи, — прошептал Леви, не сводя с меня глаз.

— Она милая. Смышленая. Вежливая. У нее отличный стиль в одежде. И она по уши влюблена в тебя, — мягко сказала я. — Так что, если у тебя нет к ней ни капли чувств, хотя это не мое дело, и я не имею права говорить тебе об этом, не хочу обидеть тебя ни коем образом, но говорю сейчас от всей женской половины общества, ты должен отпустить ее, чтобы она смогла найти своего мужчину, который сможет ее любить также, как она любит тебя.

Я не отводила от него глаз, он закрыл глаза и отвернулся.

Вот черт.

Ну, я не могла остановиться, потому что мне нужно было закончить.

— Леви, — позвала я его, подождала пару секунд, пока он не повернулся и не посмотрел на меня. — И от всей женской половины хочу тебе сказать, что, если ты отдашь всю свою любовь и преданность этой женщины, а она — хорошая женщина, клянусь, ты до конца своей жизни каждый день ни разу не пожалеешь об этом.

Рука Брука на моей талии и на животе превратилась в сталь, Леви смотрел мне в глаза.

Он ничего не сказал, а я прошептала:

— Извини. Хотя это не мое дело.

— Нет, — наконец, произнес Леви. — Ты ошибаешься, это твое дело. Каждый член нашей семьи имеет право высказать свое мнение.

У меня невольно губы приоткрылись, в животе стало так тепло, и я невольно растворилась в руках и на груди Брука.

— Брат, — пробормотал Брук, и Леви посмотрел на него.

Затем он выдохнул через нос.

Заметив:

— Хорошо, что ты не разозлил окончательно свою маленькую шалунью, было бы отстойно отменить Рождество.

Я усмехнулась.

— Она на такое не способна. Самое большее Тесса злилась на меня пять минут, когда я вернулся после того, а она решила, что с моей стороны по отношению к ней все было игрой, потому что я разрабатывал ее как подозреваемое лицо по делу. — Поделился Брук.

— Хорошее предзнаменование, Слим, — ответил Леви.

— Да, черт возьми, — пробормотал Брук.

О, ради всего святого.

Я вмешалась, спросив Леви:

— Ты останешься на завтрак с нами или как?

Он посмотрел на меня.

— А что будет на завтрак?

— Французские тосты с карамелизованными яблоками с корицей.

Леви снова медленно моргнул... и сглотнул.

— Броку нравится, — сообщила я ему, когда он не ответил, продолжая смотреть на меня с нескрываемым недоверием.

— Э-э... да. Понятно, что ему нравится, — заявил Леви и посмотрел на Брука. — Она все время так готовит?

— Блин, у нее же своя пекарня, брат, — ответил Брок.

Леви опять посмотрел на меня.

— Я остаюсь.

— Хорошо, — пробормотала я и отстранилась от Брука, приказывая: — Милый, разбуди мальчиков. Я приготовлю завтрак. Рождественские елки сами не промаршируют к нам домой, нам нужно пораньше выехать. В выходные после Дня Благодарения всегда уйма народу, нам нужно заполучить хороших два дерева.

— Она всегда так командует? — Спросил Леви, когда я повернулась к кофейнику.

— Нет, обычно всегда очень милая, но Рождество делает людей немного ненормальными, — ответил Брок, уходя.

Я взяла кофейник, повернулась к Леви и закатила глаза.

Он посмотрел на меня и расхохотался в точности, как его брат.

14.

Ты со мной

Прошло почти две недели...

Я припарковалась за новым, огромным темно-синим внедорожником GMC Брука, выключила зажигание, вышла из машины и направилась к багажнику, задрожав от холода после теплого салона своего автомобиля.

Это Денвер. Завтра обещали 60 градусов (около 15⁰C) в декабре. Но сегодня вечером было холодно, шел снег, не говоря уже о предстоящем прогнозе — снегопаде.

Это было неплохо для горнолыжных курортов и лыжников, но плохо для Тессы О'Хара.

Я любила снег, мне нравилось играть с ним, смотреть на него, сидя дома с горячим какао и книгой, смотря в окно и наблюдая, как он падает.

Но ездить по нему... не очень.

Я открыла багажник и взяла множество пакетов, распределяя сумки в руках, было не совсем удобно из-за большого количества торчащих рулонов подарочной бумаги.

У меня была слабость к рождественской упаковке. На самом деле, у меня была слабость к любой упаковке, включая банты и ленты. Я часто поддавалась своей слабости, поэтому целый шкаф дома был забит подарочной бумагой и другим бараклом.

Не щучу.

Жонглируя сумками, стараясь не бить себя по бедрам рулонами оберточной бумаги, я захлопнула локтем багажник и направилась к внутреннему дворику Брука.

Взглянув туда, нахмурилась.

За воротами стоял Харлей. Не Брук, а Дайна Глейд. У Брука никогда такого не было, свой он держал во внутреннем дворике под прочной, сделанной на заказ, крышей.

Хм. Оказывается, у Брука были гости.

Все еще жонглируя сумками, я пробралась через высокие деревянные ворота патио, затем через дверь черного входа к входной двери.

Прежде чем я успела сказать хоть слово приветствия, услышала, как Брок тихо сказал:

— Тесс.

Я поняла, что он приветствовал не меня, а предупреждал, завязывать разговор.

О, боже.

— Привет! — Крикнула я, закрыв дверь, входя в гостиную и оглядываясь.

Потом увидела их. Латиноамериканца и похожего на индейца мужчину на высоких стульях перед баром Брука, сам он стоит на кухне за стойкой бара.

Первая мысль, я же женщина, и эта мысли обычно преобладает над всеми другими мыслями, была — эти парни выглядели очень сексуально. Не сексуальными в обычном смысле этого слова. А слишком горячими, сексуальными, как Брок, в этом смысле, их хотелось съесть.

Вторая мысль заключалась в том, что они не только были на одном уровне с Броком по своей сексуальности, но оба излучали опасную, диковинную ауру силы.

По неизвестной мне причине Брок общался со своими собратьями, и та напряженная вибрация, пульсирующая в комнате, сообщила мне, что они не просто так собирались выпить пива, вспоминая былые времена, делясь ностальгическими воспоминаниями о сукнах, которых пометили.

Здесь было что-то другое.

— Привет, детка, — пробормотал Брок. — Это Гектор Чавес и Вэнс Кроу, мои друзья.

— Привет, ребята, — поздоровалась я.

В ответ я получила:

— Йо, — от Вэнса Кроу, индейца, латиноса только кивнул мне.

Определенно собратья Брука.

Я положила пакеты на диван, затем повернулась к Броку, стянув с головы вязаную шапку, тут же пытаясь привести волосы в порядок, немного распушив их после шапки.

— Ты хочешь, чтобы я нашла себе какое-нибудь занятие в спальне?

— Нет, — он покачал головой, а затем тихо сказал: — Иди сюда, дорогая.

Черт.

Я почему-то подумала, что новости были не очень хорошими.

И пока я оглядывала троих мужчин на кухне, поймала себя на мысли — многим было бы женщинам даже не пришло такого в голову, но мне хотелось рвануть назад к своей машине, сесть за руль и побыстрее добраться до Марты с Эльвирай, чтобы выпить коктейль «Космо», чем снять пальто и остаться с этими потрясающими, сексуальными тремя мужчинами, такое количество и сразу я не видела за всю свою жизнь.

Но несмотря на свои мысли, я молча кивнула и расстегнула пальто, отнесла его в шкаф в коридоре, отделяющий нижнюю лестницу от комнаты мальчиков и верхнюю лестницу от кухни. Повесила на вешалке пальто и вернулась.

Как только я подошла, Брок, как обычно, тут же обнял меня за талию, прижал к себе, и я только тогда заметила, что перед ними тремя стоят бутылки «Бад».

— Хочешь пива? — Спросил Брок, я посмотрела на него.

— Я предпочла бы горячее какао.

Он ухмыльнулся, но только губами, улыбка не достигла его глаз и не осела в комнате, изменив общее напряжение.

Вот черт.

— Что случилось? — Тихо спросила я.

— Кое-что случилось сегодня, детка, — ответил он.

Дерьмо.

— Какое-то дерьмо? — Спросила я.

Он посмотрел на своих собратьев, затем снова на меня.

— Оливия получила письмо от моего адвоката.

Ситуация была не простой, даже лучше сказать, сбивающей с толку. Брок связался со своим адвокатом, воспользовавшись в качестве предлога тем, что поменял работу, предложив Оливии договориться о совместном графике на посещение сыновей — одна неделя у Брука, другая у Оливии и Дейда.

На мой взгляд, Оливия на его предложение могла отреагировать двумя способами. Облегчением, что у меня будет больше времени посещать спа-салоны и ходить по магазинам, совершенно свободная целую неделю от своих детей, которые постоянно были с ней. Или очередной раз разозлиться, хотя бы потому, что она стерва. Брок, будучи Бруком, должен был быть готов к любому повороту событий.

— И что? — Поинтересовалась я.

— И она мне позвонила.

— Хорошо, — ответила я, но он больше ничего не сказал.

— И когда она мне позвонила, она попросила встретиться с ней поужинать. Она сказала, что почти готова оставить Дейда, но боится. Потому что не работала уже больше двух лет, подписала железный брачный контракт, у нее нет собственных денег, она не в состоянии одна заботиться о детях и, конечно же, не в состоянии нанять адвоката, чтобы тот общался со мной. Она вновь заявила, что хочет обсудить наше положение, положение наших детей, нашей семьи и возможность примирения.

Я почувствовала, как у меня сжались губы. Потом почувствовала, как рука Брука сжалась сильнее вокруг меня.

— Я не согласился, детка, — ответил он мне. — Я сказал ей, что это невозможно. Я двигаюсь дальше, ушел от нее навсегда и на данном этапе нашей жизни нам следует общаться исключительно через наших адвокатов.

Губы у меня расслабились.

— Потом мне позвонил Рекс, — продолжил он, и я моргнула. — Рекс не знал, что ему делать, потому что, когда мама забирала их из школы, она была сама не своя. Черт, я рассказал ему, что я хотел бы, чтобы неделю они жили со мной, сказал им, что она подумывает уйти от Дейда, сказал, что она боится, сказал, что мы с ней никогда не будем вместе, сказал им, что она не знает, что ей делать. Он позвонил, когда они вернулись домой, и сказал мне, что даже, когда они вернулись домой, она все еще продолжала плакать и причитать. И я слышал ее плач на заднем плане.

Губы снова сжались.

И сквозь сжатые губы я прошептала:

— Ты издеваешься надо мной.

— Нет.

— Вот черт. — Прошептала я. Затем спросила: — И что ты тогда сделал?

— А что мне оставалось делать? — спросил он меня, я поняла это как предупреждающий знак, его рука опять сжалась у меня на талии, тело слегка прижалось ко мне, глаза встретились с моими, я приготовилась к ответу: — Я притащил свою задницу к ним и успокоил ее, пообещав поужинать с ней.

Вот черт! Черт! Черт!

Я сжала губы и опустила взгляд на столешницу.

— Детка, — еще одно сжатие рукой, и я снова посмотрела на него. — Это минное поле. Я должен ступать медленно и осторожно. Вот почему здесь Гектор.

Я с замешательством смотрела на Брука, потом перевела глаза на Гектора с таким же замешательством, потом снова посмотрела на Брука, когда тот заговорил:

— Гектор работал со мной в УБН. Теперь он работает на Ли Найтингейла. Ли — охотник за головами, он занимается охраной и частным расследованием. Мне хватает проблем, и Гектор мой должник. Я позвонил ему.

— Ты позвонил ему?

— Ага. Я ужинаю с Оливией, и мы поговорим, но это дермо — последняя капля. Втягивать своей истерикой в это своих детей, вывести Рекса из себя, пока она вбивала им в головы про тебя всякое дермо. И когда я добрался к ним, Джоуи тоже испугалася ее состояния. Сказал, что она сходит с ума, вывела их обоих из себя, лучше ей не становилось, потому что она продолжала свою истерику дома. Я не согласен мириться с этим дермом. Я не согласен, я хочу поставить точку. Я не хочу соглашаться на совместную опеку, я собираюсь получить полную. А чтобы получить полную опеку, мне нужно нарыть разное дермо, чтобы сыграть эту пьесу.

Гектор раскопает все, что надо. Что-нибудь на Дейда или Оливию. — Он вздохнул и произнес:

— Прости, милая, но пока я должен сыграть по ее правилам. Я хочу преподнести ей сюрприз, рассекретив ее, чтобы в итоге, получить своих детей. Я сделаю все, что угодно, чтобы увидеть, когда это случиться, и я хотел попросить тебя пережить весь этот кошмар со мной.

Я тотчас же кивнула.

Он принял мой кивок и улыбнулся, и теперь улыбались его глаза.

Потом улыбка исчезла, и он тихо сказал:

— Сегодня произошло еще кое-что.

Черт!

— Что?

Он колебался, внимательно разглядывая выражение моего лица.

— Брок, милый, — прижалась я к нему, — что еще случилось?

— Помнишь, я сказал тебе, что нутром чувствую — Хеллер собирается нанести удар?

О, нет.

— Да, — прошептала я.

— Он готовиться к удару.

— О, Боже, — выдохнула я.

— Хорошая новость состоит в том, что у меня остались связи на моей старой работе, информаторы и друзья, люди, которые мне обязаны кое-чем. Мне звонил один из них, он сказал, что Хеллер очень мной интересуется. И копает глубоко. Я сделал еще несколько звонков и выяснил, что он копался в моей работе, финансах, кредитной истории и кем я работал и где.

Я сдвинула брови.

— Зачем ему это нужно? — А потом спросила: — Как он может раздобыть всю эту информацию? Разве это не конфиденциальная информация?

— Если у тебя имеются деньги, ты имеешь средства получить что угодно, можно кого-нибудь найти, чтобы получить нужную информацию, а можно ее купить.

Да, все это возможно.

— Хорошо, но зачем ему это?

— Этого я не знаю. Вот почему Вэнс здесь. — Я посмотрела на Вэнса, потом снова на Брука, который продолжил: — Он тоже работает на Ли, и мне ничего не должен, я буду его должником, но он попробует кое-что разузнать, чтобы я смог подготовиться к тому, что планирует Хеллер.

Я должна была разозлиться.

Но почему-то все было не так.

Меня слова Брука напугали.

И они испугали меня, потому что тем вечером, когда Брук угрожал Дэмиану полицией, Дэмиан решил поставить Брука на место. Возможно, он потом и сядет в тюрьму, но для Дэмиана это особого значения не имело.

Брук не только угрожал ему, он закрыл дверь перед его носом, затем стоял в гостиной у окна и ждал, когда Дэмиан поступит так, как сказал ему Брук. И последнее, но не менее важное: Брук стоял между Дэмианом и мной, Дэмиан хотел меня вернуть.

Я по опыту знала, что Дэмиан способен на грязную игру, подлую и очень грязную игру, без правил, чтобы получить то, что хочет. Он мог рыть под Брука, но даже, если он ничего не найдет, он все равно способен испортить ему жизнь. Подставлять и играть с Бруком все равно что подставлять меня, подставлять Рекса и Джоуи, когда ситуация в их семье была не лучшей, подставлять родных Брука, о которых я переживала и заботилась с их неразрешенными проблемами.

Но в итоге, в первую очередь, весь удар придется на Брука.

А я не могла этого допустить.

Поэтому я приняла решение.

— Мне нужно заявить на него, — объявила я.

— Что? — Спросил Брук, и моя рука автоматически сжалась на его рубашке, но я этого не заметила.

— Завтра, — прошептала я, — я пойду с тобой в участок и выдвину обвинения против Дэмиана. Нападение, избиение и изнасилование.

Комната заполнилась потрескивающими искрами, которые буквально отлетали от моей кожи.

И эти искры шли не от Брука.

Именно в этот момент я вспомнила, что мы не одни, у нас имеются слушатели, поэтому перевела глаза на мужчин по ту сторону стойки бара.

И то, что я увидела на их лицах, напряглась.

Ой-ой.

— Милая Тесс, — пробормотал Брук, но я не в состоянии была оторвать глаз от мужчин по ту сторону бара, Брук продолжил: — Я им не рассказывал об этом. Они ничего не знали.

Я зажмурилась, повернулась к нему и спрятала голову у него на груди, крепче сжав кулаками его рубашку.

Черт, теперь я волей-неволей выплеснула все свое дермо.

Я почувствовала, как большая теплая рука Брука накрыла мой кулак на его рубашке, у меня не было выбора пришлось разжать его, и он прижал мою руку к своей груди, прошептав:

— Эй.

Я сжала губы, по-прежнему зажмутившись.

Он сжал мою руку.

— Детка, эй.

Я открыла глаза и подняла их на него.

Он смотрел мне в глаза, тень промелькнула в его взгляде.

— Посмотри на меня, — мягко сказал он.

— Да, — прошептала я.

— Нет, милая, посмотри на меня. Что ты видишь?

Я почувствовала, как у меня сдавило горло.

— Не проваливайся туда, Останься со мной, — нежно попросил он, я сглотнула, а он притянул меня ближе к себе, наклонив голову. — Я забрал это у тебя, детка, помнишь, ты сама мне это отдала. Не уходи опять туда, не бери опять на себя этот груз. Посмотри на меня, посмотри на меня. Почувствуй, что его больше нет, — нежно произнес он, его рука еще сильнее сжалась, притягивая меня еще ближе к своей теплой, твердой груди. — Где ты сейчас?

— Я с тобой, — тихо ответила я.

— Да, Тесс, ты со мной.

Я на мгновение задержалась взглядом на его глазах, затем опять закрыла глаза и прижалась лицом к его груди.

Его пальцы с силой сжались на моей руке.

— Я сделаю это бесплатно, — услышала я рычание за своей спиной, открыв глаза, повернувшись в сторону голоса, встретившись с разъяренным взглядом Вэнса, который смотрел на Брука. — Бес-плат-но. — Повторил он. — Я сделаю это ради твоей женщины. Я почувствовала, как живот сжимается от шока, пальцы сами собой крепко обхватили Брука за рубашку.

— Я тоже сделаю бесплатно, — объявил Гектор, и мои глаза метнулись к нему, в его глазах полыхала ярость, и они тоже были устремлены на Брука.

— Э-э... — пробормотала я, но он даже на меня не посмотрел.

— Ты заботишься о своей женщине и сыновьях, — заявил Вэнс. — Мы приступаем.

Хм.

Поразительно.

Я ничего не знала об этих мужчинах, кроме того, что они были чертовски сексуальными. Но они мне нравились.

— Спасибо, — пробормотал Брук.

Они перевели взгляд от Брука на меня.

— Тесс, в следующий раз, надеюсь, мы встретимся при других обстоятельствах, — сказал мне Вэнс.

Я тоже очень на это надеялась.

— Спасибо, — прошептала я.

Гектор, который даже меня не знал, так разозлился из-за меня на Домиана, поэтому выглядел очень хмурым. Затем он кивнул подбородком в сторону Брука, и они двинулись к лестнице. Брук отпустил меня, наконец, чтобы пойти их проводить.

— Э-э... — позвала я, они остановились, оглянувшись на меня. — Я, эм... владею пекарней «Торты от Тесс» на Черри-Крик.

Они молча смотрели на меня.

— Ну, вы, похоже, парни, не большие любители кексов, — они больше походили на едоков рыбай на гриле, — но, знаете, если у вас вдруг будет настроение заходите, сможете взять все, что захотите за счет заведения,.. постоянно.

Звучало неубедительно с моей стороны, но мои торты были, на самом деле, хороши. Может, они не подумают, что они отстойные.

Они и не подумали. Красивое лицо Вэнса расплылось в чертовой улыбке. Темные глаза Гектора растаяли, губы дернулись, и он одарил меня очаровательной белоснежной улыбкой.

Брок усмехнулся.

— И, э-э... — добавила я, — кто-то из вас приехал на том обалденном байке, будьте осторожны. Идет снег.

— Будет сделано, Тесс, — пробормотал Вэнс.

Со стороны Гектора я получила еще один кивок, и они направились к двери.

Двигаемся дальше!

Я направилась к холодильнику, рассуждая о вариантах на ужин, когда услышала и почувствовала, что вернулся Брок.

Теперь мы должны были вернуться к обычным делам, не включающим стервозных, манипулирующих бывших жен или злобных, ужасных бывших мужей, я заявила:

— На выбор — стейк и картофель, свиные отбивные и рис или гамбургеры.

Я вытащила голову из холодильника, закрыла дверцу и повернулась к Броку.

Он прислонился бедрами к барной стойке, упираясь руками в столешницу, изучая меня.

Затем ответил:

— Свенные отбивные и рис.

Я кивнула, открыла холодильник и достала пакет свиных отбивных. Затем бросила его на стол, открыла шкаф, чтобы вытащить коробку с ароматным рисом.

— А что с пакетами? — Спросил Брок, когда я наклонила голову, чтобы изучить способ приготовления на коробке с рисом.

— Рождественские подарки, — ответила я. — Мальчики приедут завтра, а под елкой ничего. Елка не должна стоять без подарков, особенно в доме, где есть два парня в возрасте десяти и двенадцати лет. Итак, сегодня я заворачиваю подарки, а завтра они придут сюда и увидят их под елкой.

— Детка, сколько ты их накупила? Там должно быть двадцать рулонов оберточной бумаги.

— Ты должен кое-что узнать обо мне, — пробормотала я, не отрывая головы от коробки.

— У меня слабость к оберточной бумаге и не только к рождественской.

Мое откровение было встречено молчанием.

— Да, детка, забыл тебе кое-что сказать.

Я перевела взгляд с коробки с рисом на Брока, он уже сидел на столешнице.

— Да? — Спросила я нерешительно.

— Пару недель назад ты преподнесла мне секс в чертовски милой начнушке и произнесла слова.

Я почувствовала, как все мое тело замерло, пока смотрела ему в глаза.

— Забыл тебе сказать, я чувствую то же самое, — заявил он, и мне показалось, что меня внутри выпотрошили.

— Что? — Выдохнула я.

— Положи коробку с рисом и иди сюда, детка, я хочу сказать тебе, что люблю тебя, когда ты будешь в моих руках.

Я не двигалась, уставившись на него, мне показалось, что я стала такой легкой, но мой организм все же смог выдавать слезы, быстро и тихо заскользили по щекам.

Брок смотрел на слезы две секунды, затем прошептал:

— Тесс, дорогая, иди сюда.

И я пошла, он раздвинул бедра и протянул ко мне руку, когда я подошла к нему ближе. Поставил меня между своих ног, одной рукой обнял, другой обхватил мою голову и прижал к своей груди. Я обняла его за талию и с силой прижалась к нему.

Он опустил голову мне на макушку и прошептал:

— Я люблю тебя, моя милая Тесс.

Я тихонько всхлипнула, ухватилась рукой за горло, еще сильнее вжавшись в него.

— Господи, девочка моя, ты такая обалденно милая, — прошептал он мне в волосы.

Упала еще одна слезинка, затем я отклонила голову назад и притянула его голову к себе, прижавшись к нему губами.

С силой и страстью поцеловала его, пытаясь показать, насколько много значат для меня его слова.

Я предполагала, что это сработает, но он оторвал свои губы от моих и пробормотал:

— Может, я не люблю тебя. Может мне просто нравятся твои губы.

Я ухмыльнулась, глядя на него.

— И твоя киска, — продолжил он.

Моя улыбка стала еще шире.

— И твои кексы, — добавил он в конце.

Я начала хихикать, а он улыбнулся.

Затем прошептал:

— Нет, только тебя.

Я перестала хихикать, посмотрела в его серебряные глаза, а затем опустила подбородок и спрятала лицо у него на груди.

Он обнял, прижав меня к себе, положил руку мне на голову, перебирая пальцами мои волосы.

Через некоторое время я вздохнула, подняла руку к лицу, смахнув слезу и пробормотала:

— Отпусти меня, детка, я должна накормить своего мужчину.

Его рука остановилась, перестав перебирать мои волосы, крепко обняв меня двумя руками.

А потом отпустил.

Я отошла и занялась делом — готовить ужин для своего мужчины.

* * *

Я допила остатки горячего какао, затем на четвереньках стала перебираться к елке по полу, толкая коробки, чтобы разложить, только что упакованные подарки. Затем я убрала обрывки бумаги, ножницы и скотч, сложила пакеты, убрала рулоны рождественской бумаги, ленты и бантики в шкаф в прихожей. Пока я всем этим занималась Брок лежал на диване, положив голову на кучу разбросанных подушек, с одной рукой под головой, с другой на прессе, смотря игру по телевизору.

Я подошла к спинке дивана, устроила на нем свою задницу, перевернулась, перебросив ноги на диван, выпрямилась и в последнюю минуту объявила: «Прыгаю», плюхнувшись на него всем телом.

Он крякнул, подпрыгнув всем телом от моего веса, тут же обхватив меня руками.

— Господи, детка, — пробормотал он, посмеиваясь, и сладкий гул наполнил комнату. Я соскользнула с него, прислонившись спиной к дивану, прижавшись к нему с боку, положив голову на грудь, положив руку ему на живот.

Брок снова опустил руку на свой пресс, другой обнимая меня за талию, вернее ладонь его лежала на моем бедре.

Я смотрела футбол, на который мне было совершенно наплевать, но мне нравилось, потому что было уже поздно, я устала, голова должна была отдохнуть от мыслей и рядом со мной лежал прекрасный мужчина, который любил меня, и мне нравилось растянуться на диване рядом с ним.

Когда стали показывать рекламный ролик, я услышала и почувствовала всем телом низкий голос Брука:

— Что ты купила им?

Хм. По-видимому, он не увидел, что я заворачивала, игра по телевизору заняла все его внимание, если учесть тот факт, что последние сорок пять минут я провела, сидя перед ним на полу, заворачивая подарки, которые я не собиралась от него прятать.

— Всякую ерунду, — ответила я.

— Всякую ерунду? — спросил он.

— До того, как в прошлое воскресенье, мы отправились выбирать тебе внедорожник, я попросила мальчиков написать письмо Санте, и они его написали, — сообщила я ему.

— Детка, не хочу тебя расстраивать, но им десять и двенадцать лет. Они знают, что Санта Клауса не существует.

Я подняла голову и посмотрела на него.

— Да, я знаю, что они не глупые. Они посмеялись надо мной, сказав, что у меня есть кредитка.

Тело Брука слегка тряхнулось от его смешка, приятно прижимаясь ко мне, и я улыбнулась ему в ответ.

Потом снова поудобнее устроилась рядом с ним.

— Что ты обычно покупаешь своим племянницам и племянникам? — Спросила я, глядя в экран телевизора.

— Я даю их мамам пятьдесят долларов на каждого ребенка, и они покупают за меня подарок, прикрепив карточку, что он от меня.

Я приподняла голову и удивленно посмотрела на него.

Затем с ужасом спросила:

— Что?

— Думаешь, пятьдесят долларов — это много? — спросил он в ответ.

— Нет, я думаю, что их дядя может задумать над подарками и купить им то, что они хотят.

— Дорогая, последний раз я ходил в торговый центр восемь лет назад.

Я в шоке уставилась на него.

А потом спросила:

— Как такое возможно?

— Я мужчина, одинокий мужчина, поэтому да, такое вполне возможно.

— Так как же ты покупаешь мальчикам подарки?

— Есть четыре варианта, даю денег маме, Джилл, Лауре или всем трем сразу.

Я снова уставилась на него.

Потом спросила:

— А где ты покупаешь одежду?

— Я не знаю. У меня есть мама и две сестры. Они дарят мне одежду на Рождество и день рождения.

— А футболки?

— Я не покупаю футболки в торговом центре, Тесс. Ни одну приличную футболку нельзя купить в гребаном торговом центре. Нужно приобрести опыт, чтобы купить хорошую футболку.

Я должна была признать, что это правда. Когда я попыталась несколько месяцев назад купить футболку и джинсы, я руководствовалась футболками Брука, но не нашла ничего похожего ни в одном магазине, который даже близко не подходил к крутым футболкам, которые он носил.

— А обувь? — Спросила я.

— В «Харлей», детка.

Это тоже было правдой. Магазин Harley Davidson относился к тем редким магазинам, где могли получать удовольствие не только мужчины, но и женщины, совершенно в разных направлениях. И учитывая определенный опыт, вполне понятно, что футболки можно было покупать именно там.

Футболки «Харлей» были офигенно классными.

— И, Тесс, милая, — продолжил он, — прежде чем у тебя появятся какие-нибудь идеи... если ты захочешь купить что-нибудь для моих родных, пожалуйста. Но я не собираюсь прерывать свою традицию.

Хм. У меня не было проблем по поводу подарков Дилану Грейди и Элли, особенно Элли. Взрослые, для меня тоже были не проблемой.

Я застопорилась только на двоих.

— Я не знаю, что подарить Кэти и Келли.

— Кэти что-нибудь с бахромой, со логотипом мира или Справедливой торговли. Келли подарочный сертификат, это сейчас самое модное дермо среди подростков, — посоветовал он. (Логотип мира — знак V. Справедливая торговля — (организованное общественное движение, отстаивающее справедливые стандарты международного трудового, экологического и социального регулирования). — прим. пер.)

Несмотря на то, что он не ходил по магазинам, это совсем не означало, что он не думал о подарках.

Брок продолжил:

— Сохрани чеки, напиши наши имена на карточки к подарку, я верну тебе деньги.

— Я... — начала я, и его рука сжалась.

— Чеки, и я верну деньги, — проворчал он.

Именно в этот момент я поняла, почему Эльвира несколько недель назад на вечеринке Ады сказала, что Вику пора стать мужиком.

Если мужчина настоящий мужчина, то ты не будешь пересекать его границу, он совершенно четко высказывает свою точку зрения, как Брок только что.

Такие мужчины были у Клири, Гвен и Кэм, а теперь и у меня. Брок хотел, чтобы подарки на Рождество его семьи были от нас двоих. Он не возражал, что я покупала и упаковывала подарки, но он готов был все оплатить, и по его тону я поняла, что лучше на этот счет не спорить с ним. Для него это явно что-то значило, не знаю почему, но для него это было важным. И поэтому для меня это тоже было важным, выполнить его просьбу, не припираясь, в конце концов, из-за этого вопроса не стоило спорить.

Поэтому прошептала:

— Хорошо.

Он внимательно посмотрел мне в глаза, потом повернул голову к телевизору, и его губы дернулись.

Все тема закрыта.

Я устроилась поудобнее рядом с ним.

Двадцать минут спустя игра закончилась, потянувшись за пультом на кофейном столике вместе со мной, он протянул руку, телевизор погас, бросил пульт назад, затем обратно прилег на диван, частично переложив меня на себя, отчего мое лицо стало ближе к его.

Ммм. Похоже, мы готовы были перейти к моей любимой части вечера.

— Ты в порядке? — спросил он, и я моргнула.

— Что, прости?

— Все это дерньмо... которое произошло сегодня раньше. Ты в порядке?

Черт. Оказывается, мы еще не готовы были перейти к моей любимой части вечера.

— Да, — ответила я ему.

— Ладно, детка... нет, — сказал он серьезно. — Я понимаю, почему ты хочешь поиграть в эту игру, которую затеял твой муж, раньше для тебя этот вопрос был слишком болезненным, ты должна понять, мне не нравится любая твоя игра. Оливия будет хотеть, не хочешь присутствовать в нашей жизни, мне это не нравится и тебе это тоже не нравится. Не говоря уже о том, что полная опека — для меня это очень много значит, мать твою, все серьезно, потому что в результате ты получишь меня и двух моих сыновей. Я должен понять, что ты не будешь об этом жалеть.

— Брок, меня все устраивает.

— Убеди меня, — приказал он, и я уставилась на него во все глаза.

И вот мы снова начали. Похоже, это было важно (очевидно для него), и он прямо мне об этом сказал. Никакой игры, лжи, уловок и оговорок. Для меня это тоже было важным (опять же, очевидно), и мне пришлось сказать:

— Я хотела детей.

Он уставился на меня.

Я продолжила:

— Примерно, когда мы были готовы завести детей, Дэмиан начал меня избивать.

Брок закрыл глаза.

Я продолжила говорить.

— Он предполагал, что я перестала принимать таблетки. Я же спрятала их от него и продолжала их принимать.

Брок открыл глаза.

— У тебя два потрясающих сына, — тихо произнесла. — Я никогда не стану мамой, потеряла свой шанс. Смирилась с этим какое-то время назад, нелегко было, но у меня не было выбора. Это тоже я позволила забрать у меня Дэмиану. Но, у меня появился шанс стать чертовски хорошей мачехой, и, если это будет происходить четыре дня в месяц или по неделям, или каждый день, мне все равно. У меня была хорошая мачеха, поэтому имеется хороший образец для подражания.

Донна была потрясающей. У них с папой не было больше детей, он был болен, они не знали, как будет прогрессировать его болезнь, он не хотел оставлять Донну одну с ребенком, и он также не хотел оставлять одного ребенка, потому что видел, как мы с сестрой барахтаемся, чтобы существовать. Поэтому Донна всю свою нерастраченную любовь к детям изливалась на меня и мою сестру. Я люблю ее.

Мы по-прежнему близки с ней. Она много для меня значит. Поэтому, если моя жизнь будет проходить с тобой, так как я люблю тебя, я люблю и твоих сыновей, я счастлива.

Его рука скользнула по моим волосам, взгляд стал нежным, он прошептал:

— Тесс.

— Убедила? — Спросила я.

Уголки его губ с одной стороны приподнялись.

— Да.

— Хорошо, — прошептала я.

Затем рассматривая его спокойное выражение лица, я тихонечко выдохнула.

Хорошо, поскольку разговор между нами был серьезным, я подумала, что мы могли бы продолжить, и я хотела бы тоже кое-что узнать у Брука.

Внутренне подготовливаясь, чтобы задать вопрос, я скользнула рукой по его груди к шее, обхватила ее пальцами, расслабилась, а затем тихо спросила:

— Ты расскажешь мне о Бри?

Его пальцы на моем бедре напряглись, затем он поинтересовался:

— И сколько ты слышала?

— Я точно не могу сказать. — Он кивнул. — Наверное, большую часть.

Он уставился на меня. Затем пробормотал:

— Точно.

— Я знаю, что не круто подслушивать, это просто...

— Детка, с Леви, бл*ть, и со всей моей семьей, ты так или иначе все равно о ней услышишь, все равно все узнаешь. Так что не имеет смысла скрывать.

— Я больше не буду подслушивать, — пообещала я, и его рука снова сжалась вокруг меня.

— Дорогая, если мы дойдем до того, что будем что-то скрывать друг от друга, тогда у нас явно начнутся проблемы. Когда мы жили с Оливией, и она бесконечно ходила по магазинам, пряча все купленное дерьмо от меня в шкафу, я узнал только, когда получил письмо из банка, что у нас на счете почти ничего, она оказывается посвятила себя миссии — купить все фактически на каждом квадратном фунте торгового центра Черри Крик. И это не касается твоего вопроса, когда ты скрываешь что-то, чтобы каким-то образом защитить себя, неважно что, даже принятия противозачаточных таблеток. Мы с тобой. Подслушивание не рассматривается, как вариант наших отношений, чтобы наши отношения были настоящими, лучше всего поговорить.

Мне понравились его слова. Очень.

Поэтому я прошептала:

— Хорошо.

— Отлично, — прошептал он в ответ, — я пригласил Бри на свидание в первый же день, когда она училась в последних классах средней школы. Она согласилась, и с того дня мы стали близки. Она знала мою семью.

Я кивнула.

Брук продолжил:

— Я получил стипендию, как игрок в бейсбол в университете Аризоны. Она последовала за мной. Но она не продержалась там долго. Несмотря на то, что у нас были отличные отношения, она очень скучала по своей семье и своим друзьям.

Она ненавидела Аризону, не сам штат Аризона, она просто очень хотела домой. Поэтому на втором курсе она перевелась в Калифорнийский университет. Мы подумали, что это будет круто, мы перешагнули мой первый курс в Аризоне, хотя нас разделяли города, и

решили, что сможем пережить и еще пару лет. Но у нас не получилось. К Рождеству я встретил девушку и понял, что я не тот мужчина, который не хотел бы попробовать что-то другое, то, что предлагала жизнь. Кроме того, я понял, что с Бри у меня больше похоже на дружбу, я не рассматривал ее в качестве женщины, с которой бы хотел пойти в долгий путь. Когда вернулся домой, поговорил с ней, она думала совсем по-другому, поэтому совсем не была счастлива от моих слов, но у нее не было выбора. Я закончил наши отношения.

О боже. Жестоко.

Честно, но жестоко.

Я вздохнула, но промолчала, а Брок продолжил:

— Я вернулся в университет, и она тоже. Она стала встречаться с парнем примерно через месяц. — Он усмехнулся. — У меня хороший вкус, она была чертовски красивой. Впервые, попав в игру знакомств, она просто заставляла их есть со своих рук. Ей это чертовски нравилось. Она связалась со мной летом, когда мы оба вернулись домой, сказала, что получает удовольствие. Я был доволен, черт побери, она была хорошим другом, и я скучал по ней. Наши отношения изменились, стали лучше, потому что, как я уже говорил, она была отличным другом, с ней было чертовски весело. У нас было все хорошо. Мы даже ходили на семейные дни рождения и разные праздники друг к другу. Все получилось.

Я снова кивнула.

Брок продолжал, и я поняла, что мы пододвинулись к самой трудной части, потому что его глаза потемнели.

— У нее был кузен в возрасте, и когда я говорю, что он был троюродным братом в возрасте, я имею ввиду, что он почти годился ей в отцы. Наши семьи дружили. Я знал всех ее родственников, и мне не нравился этот гребаный мудак никогда... называй это интуицией, если хочешь. Бри вообще не обращала на это внимания, она не умела чувствовать людей. Для нее семья была настоящей семьей, несмотря на то, что в семье кто-то был странным, немного сумасшедшим... в общем, как у всех. Она была очень доброй, готова всех пожалеть, всем посочувствовать, особо не задавая вопросов.

О боже.

— Я закончил университет и учился уже в Академии, работал офицером в Департаменте полиции Детройта. Она тоже закончила университет, работала полный рабочий день, но вечерами посещала занятия, чтобы получить степень магистра. Однажды почти ночью, он появился у ее двери и, она впустила его.

— Брок, — прошептала я, когда темнота в его глазах усилилась, а пальцы впились мне в кожу. — Может, тебе стоит остановиться.

— Ты сможешь с этим справиться? — спросил он.

— Если нужно, то да, — ответила я.

— Это плохой ответ, милая.

— Тогда, да, я смогу с этим справиться.

Он внимательно посмотрел мне в глаза. Затем его пальцы ослабли.

И продолжил:

— Он полностью уделал ее, Тесс. Это дермо само по себе уже ужасное, но ей было намного хуже, он избил и изнасиловал ее. Избил ее до полусмерти, а потом изнасиловал, и делал это не один раз, он провел с ней всю ночь, поэтому делал это неоднократно. Она сказала, что ей потребовалось полчаса, чтобы доползти до телефона после его ухода.

Она пролежала в больнице две недели. Этот парень трахал ее, а потом бил, потом опять, он хотел ее убить. Мы взяли на анализ ДНК, который показал, что Бри была пятой у него, по крайней мере, она была пятой, кто сообщил об этом.

— Боже мой, — прошептала я, и он кивнул.

— Он больной псих, — сказал мне Брок. — Не мог уже сопротивляться. Вот почему он облажался по полной, найдя свою жертву в семье. На допросе его раскололи. Он признался, что следил за ней годами, бл*дь, делал все возможное, чтобы затушить свою тягу к ней, но той ночью в нем что-то сломалось, он больше не мог сопротивляться.

— И..., — неуверенно произнесла я, — ты поймал его?

Он кивнул.

— Это было не мое дело, потому что дел мне пока особо не давали. Я был тогда в форме, когда с Леви пошли к ней в больницу, у нее была сломана челюсть, я не говорю о других синяках и переломах, но она все же смогла кое-как рассказать, что произошло, и я ушел, пытаясь найти этого мудака, он залег на дно, потому что понял, что облажался. Он прятался, собираясь сбежать. Я выследил его, скажем так, когда я нашел его, я не совсем последовал процедуре задержания.

Черт.

— Ты избил его, — прошептала я.

— Помнишь, я говорил тебе, что хочу сделать с Хеллером?

Я кивнула.

— Я сделал все это с ним, и я сделал все так, что он до сих пор будет помнить обо мне. Полиции это не понравилось, естественно. Меня отстранили от работы, началось расследование. Но мне, бл*дь, было все равно. Для меня то, что я его нашел было важно также, как и сейчас, хотя я понял, что облажался.

— Тебя не уволили, — заметила я.

— Нет, не знаю почему, хотя должны были бы. То, что я сделал, ослабляло как бы обвинения против него у них в деле. Хотя дело было железным, с его ДНК, совпадающим с несколькими образцами, и женщинами, которые опознали его. Но полицейские не надрали мне задницу, прикрыли мое дело, не доведя до суда. Под давлением семьи, он признался. Его признание пошло мне на пользу, они могли выдвинуть против него обвинения. У меня был хороший служебной список, я был хорошим полицейским, и мой капитан видел, что у меня может получиться отличная карьера, поэтому прикрыл мне спину, так же поступили и другие из полиции. Они все знали, кем для меня была Бри, и они также знали, что он с ней сотворил, правильно или неправильно, и каждый из них знал где-то глубоко внутри себя, что, если нечто подобное случиться с женщиной в их окружении, на которую им будет далеко не наплевать, они либо поступят также, но, по крайней мере, уж точно подумают так поступить. Они дали мне какую-то дерьямовую работу, посадили меня за стол, поэтому я знаю, что офисная работа не для меня. Я выбрался из этого дерьяма и потом вернулся к работе. А потом стал детективом.

А Бри из-за этого куска дерьяма, слетела с катушек, скатываясь по наклонной плоскости. Героин. Умерла от передозировки. Все, включая меня, пытались вытащить ее из этой зависимости. Но у нас не получалось. И видеть, как ее все глубже засасывает это дерымо, напоминало мне медленную пытку, не только наблюдая за ней, но и за ее мамой, отцом и сестрами, потому что они рвали свои задницы, чтобы вытащить ее оттуда, но все было безрезультатно. Не знаю, сколько раз меня вызывали, когда ее задерживали и она сидела в камере, ошеломленная, в отключке, не представляя где, черт возьми, находится, ее

привлекали за сексуальное домогательство во время обыска. Ей даже в голову не приходило избежать ареста. Она готова было отсосать член за двадцать долларов, только чтобы сутенер дал ей дозу. В последний раз, когда я ее видел, едва узнал ее.

О Боже, Боже.

— Дорогой, — тихо сказала я.

— Это был настоящий ад, Тесс.

— Да, детка, — прошептала я. — И ты решил что-то предпринять и перешел в УБН? — Осторожно спросила я.

Он закрыл глаза и задержал дыхание.

Я ждала.

Затем он открыл глаза.

— Она была моей первой девушкой, — тихо произнес он, голос был хрипящим, и я прижалась поближе к нему. — Я все еще любил ее, Тесс. Не так, как мальчишкой любил ее, но она присутствовала в моей жизни по большей части. Для мужчины многое значит иметь такого человека в своей жизни, смеяться с ней над разной ерундой, которая происходила с нами в пятнадцатилетнем возрасте, и вот так все закончилось. Она была первой, кто попробовала и опустилась на мой член, поэтому я не мог справиться с мыслью, что она продавала свою красоту за этот гребанный допинг, меня это жгло изнутри. Она была первой женщиной, сказавшей, что любит меня. Она делилась со мной своими мечтами, Тесс. Чего бы она хотела в этой жизни, куда хотела бы поехать, сколько детей хотела бы иметь. Тогда мы думали, что будет совместно их делать.

Так что да, я был вынужден что-то предпринять. Но Леви ошибается, он не видел ее в камере. Он не видел, какой она стала. Я знал, что она уйдет еще до того, как она умерла, поэтому отпустил эту ситуацию для своего же собственного спокойствия, потому что я уже почти лишился карьеры и доставал других четырех девушек, с которыми произошло тоже самое, что и с ней, чтобы они не принимали глупых решений. Я не пошел в крестовый поход, чтобы вернуть ее. Я делал все это, не потому что Бри была единственной девушкой, у которой была семья, очень любившая ее, и оказался бывший парень, которому было не все равно, что она делала со своей жизнью, я пытался помочь другим девушкам, тем, кому особо помочь было некому, я решил — почему бы не я.

И от его слов, что-то внутри меня распахнулось, что-то огромное, я не смогла удержаться и выпалила:

— Я люблю тебя.

— Я знаю, — ответил он.

— Нет, — я покачала головой и придинулась, — я люблю тебя, Брок Лукас.

Его глаза потеряли темноту, рука в моих волосах скользнула вниз и обвилась вокруг моей шеи.

— Детка, — прошептал он.

— Ты спас многих девушек, — с силой прошептала я.

— Я знаю.

— Это прекрасно, — сказала я.

— Тесс...

— И это не только ее миссия, но и твоя, — заявила я.

Он уставился на меня.

Я продолжила:

— Ты так сильно переживал за нее, что для других делал все то, что готов был сделать и делал для нее, но именно твои чувства и твоя ответственность за нее подтолкнули тебя позаботиться и о других, и она оказалась той, кто вызвал у тебя эти чувства, наверное, в этом была ее миссия. Она умерла трагической смертью, но ее смерть много значила для будущего многих других людей и это прекрасно.

— Я никогда с этой точки зрения не думал об этом, — тихо сказал он.

— Начинай думать, — приказала я.

Он посмотрел мне в глаза и начал хихикать.

— Черт, детка, когда ты начала командовать?

— На Рождество. Люди становятся немного странными на Рождество, — ответила я, и его хихиканье стало еще громче.

Затем он спросил:

— Мы закончили изливать души?

— Пока, да, — ответила я, и он снова улыбнулся.

Затем его улыбка исчезла, теплое, горячее, сексуальное ощущение заполнило комнату, его глаза перешли к моему рту, пальцы вжались в шею.

Он пробормотал:

— Хорошо, тогда пойдем спать.

Я смотрела в его тягучие серебряные глаза, которые прилипли к моему рту, глаза мужчины, любившего меня, дикого, грубо-красивого, глубоко переживающего и чувствующего человека, но его взгляд все мне сказал, и я не собиралась протестовать.

Ни за что не собиралась.

15.

Неожиданная компания

Прошел месяц...

Была суббота, Брок только что отправился на короткую пробежку, совместные выходные с его сыновьями были прерваны приглашением их на вечеринку, и в данный момент они находились в гостях. Он собирался вернуться с пробежки, принять душ, сосредоточить их внимание на себе, сделав шаг в отношении проблем, я же предполагалось не увижуясь с ним до вечера воскресенья, так как он намеревался «поговорить» со своими сыновьями (в кавычках, потому что разговор будет нелегким) обо всем, что происходило сейчас.

И пока его не было, я возилась на кухне.

Это был мой первый полный выходной за две недели Рождества, потому что «Торты Тессы» превратились в сумасшедший дом, требовались любые свободные руки.

Хорошей новостью была та, что теперь я могла купить себе больше ночных рубашек.

Еще одна хорошая новость была, с такой загрузкой в пекарни, я вытаскивала себя каждый день из постели по утрам, и каждым поздним вечером тащила свою задницу домой, будучи полностью вымоченной, да еще и рождественская хренотень (я уходила с работы, чтобы купить подарки и упаковку или пробегала по торговым центрам по дороге домой, можно просто сказать, что мой рождественский дух испытал настоящий удар), Броку все это не нравилось, и он поделился об этом с матерью. Конечно, та рассказала обо всем своим дочерям. Поэтому ко мне в пекарню нанесла визит Джилл с Кэти и Келли на буксире, обе девочки искали подработку (Кэти на заработанные деньги собирались купить

рождественские подарки, а также оказать помощь в спасении мира, чем она занималась в колледже, а Келли собиралась тоже купить рождественские подарки и продолжить свой путь к вершине модниц старших классов), они хотели работать в «Торты Тесс».

Я наняла их тут же.

Они до сих пор работают по вечерам и выходным, и, хотя продажи сократились, в денежном выражении их зарплаты для меня не огромные, я могу себе их позволить. Девочки оказались настоящей находкой, учитывая, что они были пунктуальными, знали, как обращаться с клиентами, трудолюбивыми, не били баклушки, и всегда были в прекрасном настроении. Келли даже учились украшать торты.

Другими словами, по этим двум причинам я могла наконец-то заполучить выходной.

Плохая новость заключалась в том, что я была перегружена работой, измотана, и мой рождественский дух был также измотан и истощен. Не говоря уже о том, что у меня просто не было сил быть в курсе всего, что происходило вокруг меня. Я в большей степени и не знала, что происходит вокруг меня, потому что Брок установил защитный щит, сказав не беспокоиться обо другом деръме, а лучше сосредоточиться на пекарне и Рождестве.

И, наверное, мне не следовало многое взваливать на него, но я с удовольствием взвалила. Неправда, что у меня не было вообще выходных. У меня были рождественские каникулы и Новый год. Но они не были настоящими выходными, как таковыми, учитывая количество дел, которые я провернула. Во-первых, мама с моей сестрой наслаждаясь австралийским летом, поэтому со Дня Благодарения до Нового года, мне приходилось в несусветную рань общаться с ними по Skype. Затем Брок забирал мальчиков на полдня в эти два дня и половину этого времени была потрачена на рождественский обед/новогодний ужин в доме его матери, а другая половина была проведена в его логове, а потом мальчиком настало время возвращаться домой, поэтому большую часть времени мы крутились, как белки в колесе, и я из кожи вон лезла, чтобы у них сохранились хорошие воспоминания, поскольку Оливия по-прежнему впихивала в их головы всякий мусор обо мне. Они явно смущались, переживая о происходящем, беспокоясь за своего отца, одновременно борясь с лояльностью по отношению к своей матери, толком не понимая, как им относиться ко мне. Достаточно сказать, что даже с щитом, водруженным Броком, деръмо все равно просачивалось, и симпатии по отношению к Оливии мне оно не прибавляло, я почти возненавидела ее.

Брок дважды ужинал с Оливией после первой сцены (да, два раза, сука). Что не наполняло меня радостью, но, к счастью, я была слишком измотана, чтобы выплескивать свои эмоции по этому поводу, потому что мои эмоции, однозначно, были бы не столь приятными. Брок возвращался домой с обоих ужинов, выглядя так, словно хотел оторвать кому-нибудь голову, мне приходилось заботиться о своем мужчине в такие моменты.

Другими словами, как и предупреждала Эльвира, Оливия играла в свою игру, как по книге, не слушая Брука, не воспринимая его слова всерьез, и эта ситуация никуда не исчезала.

Но после второго ужина Брок вернулся домой, не только выглядел так, будто хотел оторвать кому-нибудь голову, а по-другому, заявив: «Вот и все, покончено с этим деръмом», и я поняла так, что ужин номер три может произойти лишь, если ад замерзнет. И это тоже послужило одной из причин для его «разговора» с мальчиками в эти выходные.

Я понятия не имела, чем занимается Дэмиан, а Брок не собирался вводить меня в курс дела. Я пришла к выводу, что мой мужчина достаточно честен со мной, поэтому обязательно скажет мне то, что мне нужно знать, и именно поэтому я сделала то, что он мне велел делать — сосредоточиться на своих обязанностях и делах, и не впадать в кому.

Поэтому в данный момент, уже по привычке, я находилась на своей кухне, впервые в жизни, поймав себя на мысли, что если бы увидела очередной торт на своей кухне, то заорала бы во весь голос.

Так же я поймала себя на мысли, что больше года у меня не было нормального отпуска, и я задалась вопросом, могли бы мы поехать на неделю к морю, если учесть, что Брок на свою новую работу перешел совсем недавно.

И как только у меня возникла эта мысль, появились и другие мысли о пляжах, воде, тропических напитках, которые на вкус напоминали жидкие конфеты, и тот факт, что там существовала местная мода, диктующая свои условия, а значит, большую часть времени Брок будет по пляжу ходить только в плавках.

И именно эта мысль приятно заняла мой ум, когда раздался стук в дверь.

Мои приятные мысли испарились, я посмотрела на входную дверь, и первым порывом было сбежать вниз и спрятаться в гостевой комнате.

Раздался еще один стук, и я услышала крик Марты: «Тесс! Я знаю, что ты там, потому что вижу твою машину и его новый супер-пупер шикарный пикап! Открывай!»

О боже.

Марта была в слезах.

Я вдохнула, мысленно отодвигая гостевую комнату, вместо этого подумав, сбежать через заднюю дверь.

Но я направилась к входной двери, поскольку за ней стояла все же моя Марта.

Я открыла дверь и увидела Марту с Эльвирай, а также еще одну чернокожую женщину с темно-желтыми глазами и огромной прической афро, у которой явно должен быть свой собственный почтовый индекс (отдельный дом), в сопровождении женщины, которая, на первый взгляд, я готова была поклясться, была копией Долли Парсон. Но моргнув, я поняла, что она моложе, с массой волшебных платиновых волос, с огромной грудью, на ней был обтягивающий комбез из вареной джинсы (да, комбез) от плеч до пальчиков ног (включая сапоги на платформе из варенной джинсы). Весь он был украшен слоем блеска, тяжелыми массивными стразами, начиная от плеч и перед куртки.

Бау.

— Ты жива, — отрезала Марта, и я перевела взгляд с Долли на нее.

— Привет, — тихо сказала я.

При моей сумасшедшей жизни, у меня просто не хватало времени на Марту, за исключением некоторых случайных сообщений и коротких телефонных звонков.

И еще могу сказать, что Марте это совсем не устраивало.

Она подтолкнула меня внутрь, а ее отряд подтолкнул ее, Эльвира широко раскрыла глаза, дав мне взгляд, который говорил о многотомной истории, и мне следовало подготовиться к этой многотомной истории, потому что Марта была в слезах.

Ей не было необходимости меня предупреждать. Я знала Марту очень давно. Я поняла, что что-то случилось, еще до того, как открыла дверь.

Черт.

Я закрыла за ними дверь, повернулась, последовав за ними, Марта прямиком отправилась на мою кухню, представляя других:

— Это Ширлин и Дейзи, они подруги Эльвиры и Гвен.

Гвен познакомилась с Ширлин во время ее хренотени, с Ширлин пришла Дейзи, с Гвен пришла Эльвира, Эльвира пришла ко мне и теперь мы все здесь.

Я посмотрела на Ширлин и Дейзи и поздоровалась:

— Привет, девочки.

Дейзи одарила меня яркой улыбкой, и я поняла, что это Дейзи, потому что она сказала:

— Привет, я Дейзи.

— Ты Тесса из «Торты Тесс», — объявила Ширлин (Черная леди), будто я об этом не знала.

— Да, — подтвердила я.

— Я часто бываю у тебя. Слишком часто. Для чернокожей женщины важно иметь задницу, но не заднику от «Тортов Тесс». Благодая твоим тортам я набрала десять фунтов, поняла, о чем я? — заявила она.

— Э-э... да, — ответила я, потому что я, действительно, поняла, но даже, если бы не поняла, она меня пугала больше, чем Эльвира, поэтому я все равно согласилась бы с ее словами.

— Во всем мире есть только две вещи лучше, чем твое сахарное печенье с глазурью, с присыпкой, от которого пальчики оближешь, это сосиска в тесте и мужчина с прекрасным предложением. Я знаю, потому что это факт, — объявила она, я моргнула от этого необычного комплимента, Дейзи издала тихое хихиканье, похожее на колокольчики, Эльвира широко улыбнулась мне, а Марта закричала:

— Что за черт?

Мы все повернулись к ней, она смотрела на пустую, богато украшенную, молочно-зеленую стеклянную подставку для торта, стоящую на краю моей столешнице (я развернулась к ней всем телом).

— Что? — Спросила я.

Она посмотрела на меня и ткнула пальцем в тарелку для торта.

— Что это такое?

Я посмотрела на подставку для торта, потом на нее.

Затем ответила:

— Это моя сказочная, богато украшенная, молочно-зеленая стеклянная тарелка для торта.

— Она, конечно, сказочная, — согласилась Дейзи, глядя на мою подставку для торта. — Мне тоже нужно купить такую же.

Но глаза Марты сузились, она прищурилась, и я поняла, что это означает, поэтому вместо того, чтобы поблагодарить Дейзи, я сосредоточила свое внимание на Марте.

— На ней ничего нет, — заметила она.

Я посмотрела на подставку для торта, потом опять на Марту.

— Да, — согласилась я, хотя в этом не было необходимости.

Марта посмотрела на меня.

Какого черта?

— Марта ... — начала я.

Она оборвала меня, сказав:

— Мы собирались по магазинам, а потом в клуб. Мы зашли узнать, не хочешь ли ты пойти с нами?

Ни за что на свете. Не то, чтобы я не хотела проводить время с ней, нет, я дала слово не посещать магазины.

Покупки подарков для Брука, его сыновей, его семьи и людей из моего личного списка превзошла все мои ожидания, хотя я была покупателем со стажем и собиралась остаться именно таковой. Я поклялась себе (и поделилась этим с Бруком, который не одобрил, а смеялся надо мной, как последняя задница, когда я ему об этом сказала), я зареклась посещать торговые центры до марта.

Поэтому мне предстояло найти подарок на День Святого Валентина — охренительную ночнушку в онлайн магазине (я зареклась не посещать торговые центры, но пришла к выводу, что интернет-магазины не в счет).

— Я зареклась не посещать торговые центры, — объявила я, увидев, как глаза Марты расширились, а Эльвира и Дейзи потрясенно вздохнули. — Меня окончательно прикончило Рождество. В пекарне был сущий сумасшедший дом, а мне еще нужно было найти подарки для Брука, его мальчиков, его семьи, для тебя, всех моих сотрудников, для мамы, для моей сестры и…

— Я знаю, что твой список расширился, Тесс, знаю, — прервала меня Марта.

О боже.

Вот оно.

— Марта…

— Я также знаю, что у моей Тесс никогда не бывает пустой подставки для тортов. И моя Тесс могла ходить по магазинам, пока не упадет. Бог свидетель, ты вставала со мной в пять часов утра, чтобы поспеть к открытию дизайнера стокового обувного магазинчика на блошином рынке, мыостояли в очереди четыре часа, чтобы попасть внутрь, мы примерили каждую пару туфель нашего размера, несмотря на то, что они нам не нравились, на тот случай, вдруг на ноге они будут выглядеть более сексуально, чем в коробке. И моя Тесс, несмотря на то, что была занята в пекарне, все же вырывалась, чтобы встретиться и быстро съесть ланч или заскочить куда-нибудь, чтобы выпить бокал вина или ко мне домой, а иногда заглядывала и я к ней.

— Я тоже ходила в тот магазинчик, — прошептала Дейзи Ширлин. — Нашла себе три пары обуви. Три. Очень сексуальные.

— Мм хм, — пробормотала в ответ Ширлин, не отрывая глаз от происходящего.

Я сказала своей подруге:

— Марта, дорогая…

Она всплеснула руками.

— О нет, только не ты. Не новая Тесс. А Тесс Брука. Тесс Брука едва успевает ответить на сообщение, потому что она занята Бруком, его мальчиками, его семьей, оставаясь на ночь у него дома, с его шикарным новым грузовиком, стоящим перед твоей машиной…

Я прервала ее и спросила:

— Ты по-прежнему следишь за мной?

— Я Марта Шокли, твоя лучшая подруга с пятого класса? — спросила она меня в ответ.

— Марта, мы были очень заняты, — огрызнулась я.

— Да, а я занята тем, что ты получаешь «кое-что» от плохого парня, — она наклонилась ко мне, — щедро. У тебя нет времени на меня, но у тебя всегда есть время притащить свою кикбоксинговую задницу к нему домой три дня в неделю, учитывая, сколько раз твоей машины здесь не бывает и у пекарни тоже.

Боже, она точно следила за мной.

— О, женщина, — пробормотала Эльвира.

— Ты точно подметила, дорогая, — пробормотала Дейзи.

Я уставилась на Марту.

— У меня новые отношения, — напомнила я ей. — Когда имеешь что-то новое, это всегда сильно.

— Ты вляпалась по самые уши, вот ты кто, — огрызнулась Марта, и я дернулась назад.

— О, женщина, — повторила Эльвира.

— Ты опять же права, дорогая, — прошептала Дейзи.

— Ты не знаешь, во что я вляпалась, — тихо ответила я Марте.

— Да, ты права, — согласилась Марта. — Потому что я не вижусь с тобой и не разговариваю, как раньше. Никогда не думала, что ты, Тесса О'Хара, моя лучшая подруга, сколько я себя помню, бросишь меня ради парня. И мне совершенно наплевать, насколько он горячий.

— Все зависит от того, как он «упакован», — прошептала Ширлин Дейзи, и Дейзи с трудом подавила очередной смешок, звона колокольчиков.

Я не сводила с Марты глаз.

Затем объявила:

— Я влюблена в него.

При этих словах она дернулась назад, глаза расширились. Остальные женщины стали переминаться с ноги на ногу, но молчали.

Я продолжила говорить:

— Я сказала ему об этом, и Брок поделился своими чувствами со мной.

— О Боже, — прошептала Марта с ужасом.

— Я счастлива, — ответила я ей. — Счастливее, чем когда-либо в своей жизни, и это отстойно, потому что его жена играет в игры и использует сыновей в качестве пешек, заполняя их головы всяким дерьмом, так как Брок со мной, она говорит им, что у них из-за меня не будет с ним семьи, устраивает разные сцены, чтобы вернуть Брука к себе, а он ненавидит ее за это намного больше, чем я.

— О Боже, — прошептала Марта теперь уже с явным ужасом.

Я кивнула.

— Она доставляет много хлопот и является настоящей занозой в заднице, дети находятся в замешательстве, я им нравлюсь, но она настойчиво повторяет им, что я не должна им нравится, потому что, если я буду им нравится, то это будет означать, что они не любят ее.

— О Боже, — прошептала Марта, глядя на меня.

— И если тебе этого недостаточно, то у отца Брука рак, и он может умереть в любой момент. В их семье есть определенная неприятная история, но его болезнь всколыхнула ряд вещей, о которых все давно хотели забыть, и Бруку приходится иметь дело с эмоциями мамы, его сестер, брата, а также и своими собственными на этот счет.

— О, Тесс, я не знала, — прошептала Марта.

— И я, — пробормотала Эльвира Дейзи и Ширлин. — Я проводила с его семьей День Благодарения, могу сказать, что его семья не Уолтоны, потому что, насколько я знаю, Уолтоны никогда не сбрасывали фугасную бомбу повторно.

Я проигнорировала комментарий Эльвиры и ответила Марте:

— Ты права, ты не знала ничего этого, потому что у меня не было времени тебе обо всем рассказать, потому что все это происходило при бешенных продажах в пекарни, когда я была постоянно занята. Но, если этого для тебя недостаточно то, могу сказать, что, когда Брок вернулся в мою жизнь, решил вернуться и Дэмиан по причинам, которые ведомы только самому Дэмиану.

И тело Марты снова дернулось назад, но на этот раз ее глаза расширились, и она втянула носом воздух.

— Это ее бывший, он говнюк и контролирует весь рынок, — пробормотала Эльвира, обращаясь к Ширлин и Дейзи.

— До фига всего, — пробормотала в ответ Ширлин.

— Нет, сестренка, я имею в виду, что он мудак и виноват во всех грехах, — твердо заявила Эльвира, и Дейзи с Ширлин уставились на нее с пониманием, а потом посмотрели на меня.

— Зачем он приходил? — Тихо спросила Марта.

— Не знаю, Брок открыл дверь и не впустил его. Он пригрозил, что если увидит Дэмиана рядом со мной, то разберется с ним сам. Затем захлопнул дверь перед носом Дэмиана. И позвонил своему приятелю из полиции, попросил передать окружному прокурору, чтобы тот передал адвокатам Дэмиана, что ему будут предъявлены не только обвинения в торговле наркотиками, но и обвинения в домогательствах, нападении и сексуальном насилии.

Вокруг послышалось хлюпанье носами, когда до присутствующих дошли слова Тесс.

— Тот самый Дэмиан Хеллер, мы о нем говорим? — Спросила Ширлин, и я кивнула ей. — Черт, — пробормотала она.

— Да, уж конечно, — согласилась я.

— Тесс, я не знала... — начала Марта, но я посмотрела на нее и прервала:

— Я знаю, что ты не знала и не стала бы тогда говорить, но у меня не было времени. Но теперь, надеюсь, ты понимаешь, почему у меня не было времени все рассказать тебе. Вот только сейчас смогла. И я упустила тот факт, что Дэмиан наводит справки о Броке, желая найти любой способ, чтобы доставить ему неприятности.

— Срань господня, — пробормотала Марта.

— И это не шутка, — ответила я.

— Девочка, мне так жаль. Все это отстой, — тихо сказала она.

— Да, это точно. Потому что Брок хороший парень, Марта. Лучший. Я даже не знала, что они создают таких парней, похожих на него, но могу сказать, что я не только счастлива, а вне себя от радости, что он мой.

Она выдержала мой взгляд.

Затем прошептала:

— Ты любишь его.

— Да, — ответила я. — Он считает меня красивой, о чем мне сообщил. Он считает меня забавной и смешной, потому что я все время его смешу. Он великолепен в постели, и когда я говорю, что он великолепен в постели, это значит, что он ни разу, ни разу, когда мы были вместе не пропустил возможности позаботиться обо мне, и это не неслыханно, что он заботится обо мне дважды с первого захода.

— О боже, без комментариев, — пробормотала Эльвира.

— Ничего себе, — пробормотала Дейзи.

— Вот дерньмо, — пробормотала Марта.

— Держись, подруга, — пробормотала Ширлин.

Мой голос стал тише, пока я продолжала все выкладывать Марте:

— Он обнимает меня, когда я рядом. И его отец сказал, что он ведет себя так, будто предполагает, что в комнату может ворваться лев, и Брок должен находиться в этот момент достаточно близко ко мне, чтобы успеть меня защитить. И он не ошибается, Марта, ты знаешь, что Дэмиан вернулся, и Брок понял, что лев подкрадывается ко мне, а Брок... — я слглотнула, чувствуя, как слезы начинают щипать в носу, — даже со всем этим дерьмом, Брок ведет себя так, чтобы точно быть уверенным, что лев не сможет приблизиться ко мне.

— О боже, — прошептала Эльвира.

Марта продолжала смотреть мне в глаза. Потом ее глаза наполнились слезами.

И она прошептала:

— Ты любишь его.

— Да, — ответила я.

— Ты любишь его, — повторила она.

Я улыбнулась.

— Да.

Затем она вскинула обе руки вверх и закричала:

— Моя лучшая подруга влюблена в плохого парня!

Эльвира закатила глаза. Ширилин уставилась на Марту так, будто она была сумасшедшей.

Дейзи хихикнула своим прелестным звонким смехом колокольчиков.

Я улыбнулась Марте.

Вот так. Это была Марта. С ней одна драма плавно перетекала в другую, и все они были неплохими.

Я облегченно вздохнула, во входную дверь постучали.

Что ж, облегчение длилось недолго.

Я посмотрела на дверь так, словно по ту сторону была ядерная бомба.

— Вы двое пока целуйтесь и мирайтесь, а я открою дверь, — предложила Эльвира, я успела открыть только рот, пытаясь остановить ее, но почувствовала объятия Марты.

И что ты делаешь, когда твоя лучшая подруга с пятого класса обнимает тебя?

Ты тут же обнимаешь ее в ответ.

— Я так рада за тебя, дорогая, — прошептала она.

— Я тоже, — прошептала ей в ответ и добавила: — Не смотря на зловещую угрозу неминуемой гибели, исходящую от одного и другой наших бывших, и призрака возможной смертельной болезни.

Она отстранилась, но не стала вырываться из моих объятий, а тихо произнесла:

— Я надеюсь, что это переживем.

— Э-э, подруга, — Эльвира была рядом, я отпустила Марту и посмотрела на нее, а потом через ее плечо на красивого мужчину в возрасте, которого никогда в жизни не видела, а сейчас стоящего прямо в моих дверях. — К тебе пришли, — сообщила она мне очевидное, продолжив: — Говорит, его зовут Дейд Мак-Манус.

Я моргнула, потом еще раз посмотрела на красивого в возрасте мужчину, стоявшего в моих дверях.

Bay.

Это муж Оливии?

Да, он был красив. И даже через комнату я видела, что его одежда очень хорошего качества, хорошего качества «Нейман». И она хорошо на нем сидела, он был все еще стройным, подтянутым. И у него был хороший вкус. И он был всего лишь в возрасте.

Уже.

Возможно, Брок ошибался. Может Оливия действительно хотела вернуть своего бывшего мужа.

Черт.

И черт побери, что он здесь делает?

— Гм... — пробормотала я.

— Я отниму у вас всего минуту, мисс О'Хара, но это важно, — вежливо произнес он.

Черт!

— Кто это? — прошептала мне на ухо Марта, поднявшись на цыпочках рядом со мной.

— Муж бывшей жены Брука, — прошептала я в ответ.
— О боже, — пробормотала Эльвира.
— Ты точно права, дорогая, — прошептала Дейзи.
— Черт возьми, — пробормотала Ширлин.
— Вот дермо, — пробормотала Марта.
— Э-э... я сейчас приду, — крикнула я, он приветливо поднял подбородок и двинулся изучать книги на моих встроенных полках.

Дермо.

Я развела руками, показывая девочкам, что они должны собраться в кучку, они не стали медлить, и тихо прошептала им:

— Хорошо, я не могу ходить по магазинам, но встретимся позже в клубе. — Я повернулась к Марте и приказала, — напиши мне. — И опять повернувшись к группе произнесла: — Получите удовольствие от шоппинга, и, если вам случайно попадется сексуальная ночная сорочка, которая всем своим видом будет кричать: «С Днем Святого Валентина!» я испеку торт для вас.

— Испеки сахарное печенье с глазурью и присыпкой, я только что нашла себе цель шоппинга, — сказала Ширлин, и я кивнула ей.

— Даже два торта, если она будет суперсексуальной, — ответила я.

Она кивнула в ответ, и по решительному взгляду в ее глазах, я догадалась, что у Брука будет счастливый День Святого Валентина. Я проводила их до двери, попрощалась, еще раз обняла Марту, и они ушли.

А я осталась наедине с мужем Оливии.

Ей богу, я никогда не думала, что когда-нибудь употреблю это словосочетание — «мужем Оливии».

— Вам что-нибудь принести? Кофе? Чай? Какао? — Предложила я, и он оторвался от вежливого изучения моих полок и повернулся ко мне.

— Нет, мисс О'Хара. Я не отниму у вас много времени.

— Тесс, — тихо поправила я, и его голова склонилась набок. — Все зовут меня Тесс.

— Тесс, — ответил он, я улыбнулась ему и указала на гостиную.

Он сел в мое кресло, а я устроилась на диване.

— Чем могу быть полезна, мистер Мак-Манус?

— Дейд, — тихо поправил он, и я кивнула. Затем он изучающе посмотрел на меня, неловко поерзал в кресле и сказал:

— На самом деле, я не могу толком сказать почему я здесь и не знаю с чего начать.

Это был хороший ответ, состоящий из двух частей. Но, как он узнал, где я живу.

— Могу я спросить, как вы... нашли меня? Я имею в виду, где я живу.

— Я спросил Джоуи, — ответил он.

Точно. В этом был смысл. Дети были у меня, и Джоуи был таким же наблюдательным, как и его отец.

Его глаза встретились с моими, и он заявил:

— Я должен просто сказать, потому что думаю вам следует знать. У меня есть основания полагать, что у вашего... э-э... парня и моей жены роман.

Я моргнула, мои легкие сжалась.

— Что? — Прошептала я.

— Я... — он сделал паузу, — недавно... — еще одну паузу, — нанял кое кого, чтобы следить за своей женой, — признался он. — И мне сообщили, что она дважды встречалась с вашим парнем за ужином.

Я ждала продолжения.

Но его не последовало.

Поэтому я сказала:

— И?

Его брови сошлись на переносице.

— И?

— Да, и что?

— Что вы имеете в виду?

Боже.

Запоздало до меня дошло. Он не знал, что его жена встречается с Броком за ужином, чтобы обсудить опеку. Она не сказала ему об этом.

Боже.

— Дейд, — мягко произнесла я, — я знаю, что Брок встречался с Оливией за ужином. За последнее время Брок сделал шаг в карьере, и его график стал более стабильный. Поэтому через пару недель после Дня Благодарения Оливия получила сообщение от адвоката Брука, что он хочет договориться о совместной опеке. Оливия... — настала моя очередь сделать паузу, — хотела обсудить с ним свои условия... И у нее с Броком были еще кое-какие вопросы, включая и этот, поэтому она пригласила его на ужин. Она была... немного... недовольна, когда он отказался, и поскольку она свое недовольство... демонстрировала мальчикам, то Брок согласился. Однако после двух ужинов Брок теперь предпочитает общаться с ней только через своего адвоката.

Его губы сжались как раз в тот момент, когда я упомянула, что Оливия получила сообщение от адвоката Брука, и к тому моменту, когда я закончила свою речь, его губы по-прежнему были сжаты.

Потом он посмотрел в мое боковое окно.

О боже.

— Она не обсуждала это с вами, — тихо произнесла я.

— Нет, — отрезал он.

Я молчала.

— Вы уверены, что не хотите кофе?

Он снова посмотрел на меня и не ответил на мой вопрос.

Вместо этого он спросил:

— Недовольство?!

Я снова промолчала.

— Ты хочешь сказать, что она устроила истерику перед мальчиками, чтобы добиться своего?

Я прикусила губу. Его взгляд опустился на мой рот, и его губы снова сжались, я подумала, что у него кожа может треснуть от напряжения.

— Пойду сварю кофе, — тихо сказала я, и он посмотрел мне в глаза.

— А причины, по которым моя жена встречается с твоим парнем, не сводятся к обсуждению того, что мальчики чаще видятся со своим отцом.

— Нет, — прошептала я.

Он кивнул и снова посмотрел в окно.

— Пойду приготовлю кофе, — прошептала я, вставая и поспешив на кухню.

Я поставила варить кофе, поставила тарелку и сделала неслыханное. Положила купленное в магазине печенье на тарелку для своих тортов.

Святотатство.

Но я подумала, что муж Оливии не захочет у меня столько времени зависать, пока я буду изобретать один из своих экстравагантных тортов.

Я откопала свой шикарный кофейный сервис, чашки с блюдцами, наполнила сахарницу, налила в молочник сливки, поставила все это на поднос и понесла обратно в гостиную.

К тому времени, как я вошла, он все еще рассматривал ландшафт на моем дворе с тонким, но красивым слоем снега, который искался на солнце. Но он не видел снега, сверкающего на солнце, по выражению его лица, я поняла, что он обдумывал, как ему избежать наказания за убийство.

— Какой ты предпочитаешь? — Спросила я.

— С молоком, пожалуйста, — ответил он, снова переводя взгляд на меня.

Я капнула молоко в его кофе и передала ему, потом приготовила себе и откинулась на спинку дивана.

Я едва успела облокотиться спиной, когда он начал говорить:

— Они хорошие мальчики, — заявил он.

— Рекс и Джоуи? — Спросила я.

— Да, — ответил он. — Славные ребята. Очень умные. Они хорошо учатся. Серьезно относятся к учебе и занятиям спорта. Их комнаты всегда в чистоте. Заботятся о матери. Заботятся все время.

Это было интересно.

Я, конечно, заметила это. Было просто интересно, что он это мне рассказывал, очевидно, чувствуя себя обеспокоенным.

Я потягивала кофе, выдергивая его взгляд, но держала рот на замке.

Дейд же продолжал говорить:

— Тесс, Оливия, она... очень часто проявляет недовольство.

О боже.

— Дейд, — прошептала я.

— Они боятся ее, — объявил он, — или за нее.

Я закрыла глаза и отвернулась.

Потом открыла и посмотрела на него.

— Тебе нужно на эту тему поговорить с Броком.

На этот раз промолчал он.

Я наклонилась вперед и поставила локти на колени, держа перед собой чашку на блюдце.

— Если тебя что-то беспокоит, их отец должен знать об этом.

— Тесс, я уже давно беспокоюсь. Мои опасения — одна из причин, по которой я нанял кое-кого присматривать за женой, помимо того, что она спала со своим инструктором по теннису и личным тренером, и массажистом в спа. Она любит коллекционировать мужчин. Такого ее времязатраты моих денег.

— Возможно, вы неправильно поняли эти отношения. Может, она просто... э-э... дружелюбна была с ними, — неуверенно предположила я.

— У меня есть фотографии.

ОЙ!

— Ладно, — сдалась я.

— Она не та женщина, за которой я обычно ухаживал.

Боже, он сказал «ухаживал».

Я кивнула.

— Я это уже слышала раньше.

— Я в этом не сомневаюсь.

Мне нечего было на это ответить, поэтому я промолчала.

— Я не провел бы довольно-таки успешно за столом переговоров десятилетия, если бы со мной играла в дурака сорокачетырехлетняя блондинка, которая не знает разницы в использовании слов «их», «они с апострофом» и «там». (*«Они с апострофом» — they're. Прим. пер.*)

— Прости, — тихо произнесла я.

— Меня тоже, — ответил он.

Я поставила блюдце на кофейный столик, взяла тарелку с печеньем и протянула ему.

— Они куплены в магазине, и это будет «они с апострофом», — сказала я пытаясь пошутить, он моргнул, затем я улыбнулась. — Если бы я знала, что у меня будет разговор по душам, я бы наверняка испекла шоколадный торт, сердечный, со взбитым шоколадным кремом между слоями и сверху темным шоколадом. К сожалению, я не знала, так что это все, что у меня есть.

Он изучал меня. Потом его лицо смягчилось.

Он спокойно произнес:

— Спасибо, но нет. Но, может, ты как-нибудь передашь с мальчиками кусочек своего шоколадного торта.

— Обязательно, — прошептала я, ставя тарелку.

— Я бы посоветовал тебе поторопиться, — продолжил он, я поняла намек и грустно улыбнулась ему.

— Мне очень жаль, Дейд.

— Она говорит о тебе, — прошептал он в ответ, и я затаила дыхание. — Мальчикам и мне.

Она думает только о тебе. — Он едва улыбнулся. — И это будешь «ты с апострофом».

Я улыбнулась, откинувшись на спинку дивана и пробормотала:

— Этого я и боялась.

— Она так просто не сдастся, Тесс, — предупредил он, и я сделала еще один вдох. — После смерти своей жены, я сказал себе — больше никогда. Больше никогда. Моя жена была хорошей женщиной, доброй, щедрой. Я не хотел... — он замолчал. — Но Оливия так старалась. Три года. Я подумал, что мне повезло стать мужем добросердечной, красивой женщины с двумя прекрасными сыновьями.

Я снова прикусила губу.

— Я ошибся, — закончил Дейд.

Я склонила голову набок, собираясь еще раз извиниться, когда открылась входная дверь.
Дерьмо!

Я повернулась в ту сторону и увидела своего мужчину в черной, обтягивающей майке с длинными рукавами с темно-серой окантовкой для бега и в таких же (но свободных) спортивных штанах, его волосы были влажными от пота, как и шея, и можно было увидеть темное пятно на груди рубашке, хотя она была черной.

Он взглянул на Дейда, сидевшего в моем кресле, его брови сошлись на переносице над угрожающе прищуренными глазами, и он прорычал:

— Какого черта?

Я подскочила с дивана и бросилась к своему мужчине.

— Все в порядке, милый. Джоуи сказал ему, где я живу, и Дэйд... ну, в общем, он смирился с некоторыми вещами, и это не теми вещами, о которых тебе говорила Оливия, — объяснила я, затем продолжила: — Тебе нужно...

— Какого хрена? — оборвал он меня, не сводя глаз с Дейда, захлопнув за собой дверь и сделав два больших шага в комнату, я последовала за ним, а Брок заявил: — У тебя проблемы, ты не приносишь их на порог к моей женщине.

Дейд выпрямился в кресле.

— Лукас, у меня сложилось неправильное представление...

— Что я трахаю твою жену, — закончил за него Брок. — Да, Дэйд, я знаю. Твой детектив отстой. Я засек его через пять минут после моего первого кошмарного ужина с Оливией, и, конечно, очевидно, что я засек его через пять секунд во время моего второго ужина. Чего ты, очевидно, не понимаешь, что при нормальных отношениях мужчина не скрывает всякое дерьмо от своей женщины и наоборот.

Ой!

— Лукас, я... — начал Дэйд, но Брок снова перебил его.

— Если тебе есть что сказать, скажи мне. Не выкладывай свое дерьмо у дверей Тесс.

— Он защищает меня, — стала оправдываться я Брука перед Дэйдом, затем повернулась к Броку. — Милый, я думаю, тебе стоит перестать злиться, сесть и поговорить с Дэйдом.

Брок прищурился, глядя на мужа бывшей жены.

— Ты собираешься рассказать мне, почему мои парни такие нервные?

— Да, — ответил Дэйд, но больше ничего не сказал или, по крайней мере, решил выдавать информацию не так быстро.

— Итак... — начал Брок, — выкладывай.

— Она в истерике, — заявил Дэйд.

Брок издал совершенно невеселый короткий смешок, прежде чем объявил:

— Чувак, Оливия сделана из мрамора, фигурально выражаясь, и я думаю, что ты трахал ее, так что знаешь об этом и буквально.

Ой, опять!

— Брок, милый, — прошептала я, когда Дэйд снова поджал губы.

— Нет, Лукас, — отрезал он, — я имею в виду то, как она общается с мальчиками.

Все тело Брука застыло.

Потом он тихо спросил:

— Она ведет такую игру с моими парнями?

— С каждым вздохом, — ответил Дэйд.

Я застыла и уставилась на Дэйда.

Боже мой.

— Какого черта она творит? — Брок задал очень хороший вопрос.

— Полагаю, поскольку ты знаешь ее намного дольше, чем я, то понимаешь, что она хочет приобрести важных союзников. Я бы предположил, раз ты с ней развелся, думаю твои причины, по крайней мере, частично совпадают с моими. — Я услышала, как Брок резко втянул носом воздух, узнав эту новость, но Дэйд продолжал: — Она просто такая, какая есть. Итак, я предполагаю, что ей необходимо как можно больше внимания, поскольку для нее это необходимо, как воздух, но любовь, которую она не способна получить естественным путем, она может получить, только сражаясь со мной или... — его глаза скользнули ко мне, а затем снова перешли на Брука, — с тобой.

— Гребаный кусок деръма, — буркнул Брок себе под нос, отводя взгляд и проводя рукой по мокрым волосам.

— Твои дети чрезвычайно осторожно общаются с ней, потому что она часто впадает в истерику или плачет. Они понятия не имеют, что может вывести ее из себя, поэтому с ней во всем стараются быть очень и очень осторожными, — продолжал Дейд, посмотрев на меня. — Она не была такой до того, как мы поженились, или, по крайней мере, я не знал об этом.

— Дай угадаю, — вмешался Брок, и глаза Дейда снова обратились к нему, — что произошло. Она изменилась через час после того, как подписала свидетельство о браке?

— По возвращении из медового месяца, — поправил Дейд.

— Потрясающе. По крайней мере, ты получил медовый месяц, — ответил Брок, и глаза Дейда расширились.

— Нет, — тихо сказал он.

— Да, — ответил Брок.

— Господи, — прошептал Дейд.

— Так ты разводишься с этой задницей? — Спросил Брок.

— Однозначно, — ответил Дейд.

— Черт, черт, черт... — хрюпло пробормотал Брок в пол.

Думаю, у Брука было несколько причин ругаться в пол. Одна из них заключалась в том, что, лишившись Дейда, Оливия будет сама по себе, продолжая высасывать из него все соки.

Вторая причина заключалась в том, что у нее будет больше времени, а значит она будет прикладывать больше усилий, портя ему жизнь.

Черт.

Дейд посмотрел на него. Потом посмотрел на меня.

Затем он снова посмотрел на Брука и тихо сказал:

— Важно то, что ты собираешься сделать.

Глава Брок поднялись и встретились с глазами Дейда.

— Сделай это в ближайшее время. Я задержу бракоразводный процесс на несколько недель, чтобы мальчики получили хоть какую-то стабильность — крышу над головой, родных и близких, место, которое будет их домом. Но всего несколько недель, Лукас. Больше не могу. Я чувствовала, как сильно забилось мое сердце, а Брок все еще был рядом со мной.

— И, — продолжал он, пристально глядя на Брука, — если до этого дойдет, я сделаю все, что смогу, чтобы помочь вам. — Он помолчал. — Ради Джоуи и Рекса.

Круто.

Что бы там ни говорили о женщине, которую презирают, когда мужчина...

Брок не проронил ни слова, продолжая смотреть на Дейда, и тут решила вступить я:

— Дейд, это... это очень любезно. Очень благородный шаг. Мальчики, возможно, никогда не поймут, но если поймут, то оценят, и... — я кивнула на Брука, закончив, — мы тоже.

— У тебя есть всего несколько недель, чтобы испечь сердечный торт, Тесс.

— Я не пропущу, принесу целый торт к твоему дому и оставлю на пороге, — предложила я.

— Дорогая, — ответил он, подходя к нам и останавливаясь передо мной, — позвони в дверь в любое время. — Он повернул голову и посмотрел на Брука, прежде чем мягко произнес:

— К счастью для тебя, ты давно закончил с ней.

Круто. Это было мило.

Затем он кивнул мне, пробормотав:

— Приятно было познакомиться, Тесс, спасибо за кофе. Я сам найду выход.

Затем он дождался моей улыбки, обошел нас и ушел.

Я повернулась к Броку.

— Если хочешь, я соберу все осколки, которые ты разобьешь и положу на кофейный столик, или, как вариант, принесу тебе бутылку пива, — предложила я.

Он посмотрел на меня. Потом подошел к моему креслу, сел, наклонился вперед, уперся локтями в колени и обе руки положил на затылок.

Я поспешила к нему, присела на корточки рядом, обхватив его за бедра.

— Серьезно, Брок, выпусти это, — прошептала я.

— Пи*дец, — пробормотал он в колени.

— Брок...

— Я чувствовал, что не должен был оставлять их с ней на год. Чертов год, — отрезал он.

— До...

— Она играет в истерику и депрессию с моими сыновьями, — сказал он, все еще обращаясь к своим коленям.

Я крепче сжала его бедро.

— Доро...

— С каждым вздохом.

Я снова сжала его бедро, мои пальцы продолжали сжимать его плоть, а он молчал.

— Черт! — взорвался он, откинувшись на спинку кресла.

Я выпрямилась, подвинула его и забралась к нему на кресло, упервшись коленями в сиденье по обе стороны от его бедер, так что я оказалась верхом на нем. Затем я наклонилась вперед, положив руки на высыхающую ткань его спортивной футболки, прижалась лицом к его лицу, чувствуя, как его руки обвиваются вокруг меня.

— Это тоже пройдет, — прошептала я.

— Да, детка, но это должно было пройти вчера или, скажем, два гребаных года назад, — ответил Брок.

— Ладно, не вышло. Ты не можешь повернуть время вспять, дорогой. Просто поговори с ними.

— И что я им скажу, Тесс? Что их мать — жалкая, коварная пи*да, а их отец-мудак, который поставил свою работу выше своих детей, оставил их в таком дерьме? — Сердито спросил Брок.

— Я бы избегала слов на букву «п», — шепотом посоветовала я, скользя руками по его шее и крепко держась за нее. — И еще слова на «м».

Он втянул воздух через нос и посмотрел поверх моего плеча, его пальцы впились мне в бедра.

Затем он перевел взгляд на меня.

— Я хочу, чтобы ты пришла ко мне домой сегодня вечером.

Я покачала головой и сжала его шею.

— Ты должен остаться со своими мальчиками. Марта приходила ранее, я иду с ней и с другими подругами в клуб сегодня вечером.

— Ты не слышишь меня, Тесс, я хочу, чтобы ты сегодня вечером была у меня.

— Брок, им нужно побывать с тобой, со своим отцом, а я буду сбивать их с толку, они и так чувствуют себя, словно их раздирают на части, возможно, даже чувствуют себя виноватыми.

— Детка, ты не будешь исчезать всякий раз, когда они будут у меня дома, особенно когда я получу полную опеку над ними. В конце концов, вся эта хрень с двумя домами, которую мы затеяли, закончится. И мы будем жить вместе, и они будут с нами.

Мои пальцы сжались на его шее от этой новости, новости, которую Брок, казалось, принимал как должное, новости, которая была новостью для меня.

Радостной новостью.

Он продолжал говорить, а я испытывала покалывание в теле из-за полученной радостной новости.

— Они должны изучить и понять ее игру, как и все мы, и они также должны понять, что женщина, которая работает двенадцать часов в сутки, а потом ломает шею, завязывая им подарки, чтобы у них было гребаное хорошее Рождество, которая ярко улыбается, хотя у нее усталые глаза, они не должны стесняться и чувствовать себя разорванными на части или виноватыми за то, что она им нравится.

Ладно, в этом он не ошибался.

— Хорошо, дорогой, но мне нужно встретиться с Мартой. Она пришла и устроила настоящую сцену, что мы с ней не видимся в последнее время. Мне нужно посвятить ей вечер.

Он уставился на меня, и я готова была сказать, что это было не очень хорошо.

Я наклонилась ближе.

— Поговори со своими парнями, поужинай, посиди с ними. А я проведу время со своей подругой, а потом приеду. А завтра я приготовлю что-нибудь потрясающее на завтрак.

— Тэсс...

— Пришло время платить по счетам, Брок, — отрезала я, и его брови сошлись на переносице. — Они попросили меня пройтись с ними по торговому центру. Я отказалась, но пообещала испечь торт, если они найдут для меня ночную сорочку, в которой плохой, горячий парень был бы признателен увидеть меня на День Святого Валентина. Я поклялась не ходить в торговые центры до марта. Но ты, чтобы у тебя был счастливый День Святого Валентина, их должник.

Он смотрел на меня несколько секунд, потом его губы дрогнули, и он покачал головой.

— Моя милая Тесс, — пробормотал он, прежде чем наклонился и коснулся губами моих губ.

Когда он откинулся назад на спинку кресла, я прошептала:

— Мы договорились?

— Ага, — прошептал он в ответ.

Я улыбнулась ему, а затем сказала:

— Тебе нужно в душ.

— Тебе тоже, — ответил он.

— Я уже принимала сегодня душ утром, — напомнила я ему.

— Ну, ты можешь принять еще один, — сказал он мне.

И покалывание вернулось.

— Хорошо, — прошептала я, и он усмехнулся.

Затем он поднялся вместе со мной, поставил меня на ноги на пол, сказав:

— Нам придется по-быстрому, детка, я должен забрать мальчиков.

Мы и раньше быстро управлялись. Но я предпочитала не торопиться.

Но бывали и крайние случаи, когда нужно действовать по-быстрому.

16.

Когда бывшая атакует

Я запрокинула голову назад, Брок сжал мою грудь, крепко сжимая мой сосок своими губами, другой рукой обхватив мою вторую грудь, прижав сосок большим пальцем, я запуталась пальцами в его волосах, жестко двигаясь вверх-вниз на его члене.

Я согласилась, чтобы Дейзи (моя новая лучшая подруга, у нее был лимузин с водителем, и она оказалась милой и веселой) подвезла меня из клуба к дому Броку, я согласилась, чтобы она меня подвезла потому, что была более чем слегка пьяна.

Я напала на моего полусонного сексуального плохого парня, как только вошла в его спальню, и сделала это, потому что, как я уже сказала, была более чем слегка пьяна.

Понятное дело, что он не стал возражать.

Я стала издавать звуки, которые Брок слышал уже много раз, поэтому истолковать неправильно он их не мог, его рот оторвался от моего соска, большой палец перестал кружить вокруг моего второго соска только, чтобы присоединиться к другому врачающемуся пальцу, и он прорычал свой приказ:

— Рот.

Я перестала двигаться и начала скакать на нем, громко всхлипывая, слишком захваченная тем, что происходило у меня между ног, чтобы совершить какое-то другое действие.

— Тесс, рот, — снова прорычал он, я наклонила голову, его рука заскользила вверх по моей спине, шее, его пальцы оказались у меня в волосах, мои всхлипывания превратились во вздохи и стоны, как только ощущения стали ослепительным желанием, он прижался к моему рту и мои губы оказались напротив его, мои вскрики и всхлипывания заполняли его рот, я была уже почти..., и тут раздался стук в дверь.

Мы оба замерли, причем я опустилась вниз на его члене, оказавшись полностью заполненной Броком.

Мы оба повернули головы к двери, услышав голос Джоуи:

— Мама звонит по телефону и говорит, что это срочно.

О.

Мой.

Бог.

— Скажи мне, что этого не может быть, — прошептал Брок очень низким, вибрирующим от ярости голосом.

Я хотела, конечно, сказать ему, что такого не может быть. Очень, очень хотела сказать ему это. Но я не могла ему ничего сказать, потому что это происходило на самом деле... здесь и сейчас.

Я перевела взгляд с Брука на будильник, стоявший на тумбочке, два тридцать четыре утра. Через наносекунду руки Брука оказались у меня на талии, он быстро, хотя и нежно стянул меня со своего члена, перевернулся и я оказалась, лежащей на кровати на подушках.

Он тут же наклонился поцеловал меня в живот, скатился с кровати и набросил на меня одеяло.

Я натянула одеяло до самой шеи и наблюдала, как Брок схватил с пола пижамные штаны, натянул их и направился к двери. Потом я наблюдала, как он взялся за ручку двери, глубоко

вздохнул и, полу открыл дверь, образовалась широкая щель, наклонился к ней, как бы выглянув наружу.

А затем я услышала, как Джоуи, которого я не могла видеть за спиной Броком, сказал дрожащим голосом:

— Прости, папа, но мама ужасно напугана.

Я почувствовала, как у меня сжалась губы, как только увидела Джоуи в освещении коридора, который включил Брок, потянувшись к телефону своего сына.

Потом я обратила внимание, как он поднес мобильник к уху, мои брови сошлись на переносице.

С каких это пор у Джоуи есть сотовый? Ради бога, парню всего двенадцать.

— Оливия? — Я услышала вопрос Брука, сунув руку под подушку, чтобы нашарить ночную рубашку. — Кто-то проник в дом? — Спросил Брок, пока я пыталась натянуть на себя ночную рубашку под одеялом.

— Где Дейд? — Брок помолчал. — Ты вызвала полицию? — Выслушал ответ. — Да, я — коп, Оливия, но я не работаю двадцать четыре часа семь дней в неделю. Вызови полицию.

— Он опять помолчал, пока я натягивала ночную рубашку, потом свесилась с кровати, чтобы подняться с пола свои трусики. — Ты не собираешься вызывать полицию, так вызову ее я, Оливия, расчетное время прибытия полиции намного короче моего. Оставайся на месте, я позвоню диспетчеру.

У меня не осталось времени натянуть трусики под одеялом, поскольку я услышала, как Брок закрыл крышку мобильного телефона, сказав:

— Подожди здесь, приятель, я скоро вернусь.

Я натянула трусики, наблюдая, как Брок в потемках рысая, с каменным лицом, крадется к тумбочке. Он включил свет, схватил свой телефон с тумбочки, я скатилась с кровати.

И направилась к двери.

Подойдя к двери, я открыла ее и увидела в коридоре бледного, испуганного Джоуи.

Плохая новость заключалась в том, что Джоуи выглядел действительно сильно напуганным. Хорошая новость заключалась в том, что Джоуи не выглядел травмированным в психологическом плане, слыша, как его отец занимается сексом со своей девушкой.

Я тут же положила руку ему на шею и прошептала:

— Все будет хорошо, детка, заходи, — и ввела его внутрь, пока Брок говорил по телефону.

— Да, это детектив Лукас, отдел убийств. Только что позвонила моя бывшая жена, обеспокоенная тем, что в ее дом кто-то забрался. Вы можете послать наряд...?

Он назвал адрес, я подвела Джоуи к кровати и усадила его на край, а сама села рядом с ним и обняла его за талию.

Его глаза были прикованы к отцу.

— Спасибо, — произнес Брок. — Вы не могли бы перезвонить мне и сообщить о состоянии дел? — Он кивнул. — Благодарю.

Потом захлопнул крышку телефона, снова открыл, нажал на кнопки и поднес к уху.

— Я только что позвонил диспетчеру, скоро прибудет наряд полиции. Держись там, они будут через пять минут.

Он не стал дожидаться ответа, сбросил вызов и закрыл телефон.

И перевел взгляд на сына.

— Все будет хорошо, Джоуи. Наряд скоро прибудет.

Джоуи кивнул.

— Твой брат спит? — Спросил Брок.

Джоуи пожал плечами.

— Предполагаю, что да.

— Ну, если он спит, не буди его, тихо спуспись вниз, найди его телефон и принеси мне, хорошо?

Джоуи снова кивнул, спрыгнул с кровати и убежал вниз.

Как только он ушел, комната наполнилась, словно шершавой наждачной бумагой от крайне разозлившегося Брука.

— Мобильные телефоны? — Осторожно спросила я.

— Во время нашего разговора я узнал, что Оливия вчера купила им обоим сотовые телефоны, сказала, что это подарок на новый год. Это была подготовка кочной атаке «Стелс».

Я закусила губу и кивнула.

Затем, все еще осторожно, спросила:

— Гм... а почему она не вызвала полицию?

— Сказала, если это не нежданный гость, то она не хочет выглядеть идиоткой и тратить время полиции на всякие пустяки.

Хм. Похоже, она была не против тратить время Брука на те же самые пустяки. Поэтому решила разбудить его. И Джоуи, если уж на то пошло.

— Она, на самом деле, думала, что ты посреди ночи сорвешься с постели и поедешь к ней домой, чтобы проверить, кто вломился в ее дом?

Он посмотрел на меня. Этот взгляд точно мне сообщил, каким образом Оливия превратила жизнь Брука во время их развода в полный ад, но тогда она не была замужем за Дейдом.

Я решила перестать задавать вопросы.

Брук открыл новый телефон Джоуи, нажал на какие-то кнопки, я решила, что они выключали звук, закрыл его, открыл ящик прикроватной тумбочки и с грохотом бросил его внутрь, затем задвинул ящик с такой силой, что лампа на тумбочке закачалась.

О боже.

— Дорогой, — прошептала я.

— Я держу свои эмоции под контролем, детка, — пророкотал он, и я замолчала, потому что он действительно старался удержать свой гнев под контролем.

Вернулся Джоуи, и в тот момент, когда он вошел в комнату, атмосфера в спальне изменилась, стала не такой шершавой наждачной бумагой. Хотя искры и вспышки электричества все еще наполняли атмосферу вокруг. Он отдал отцу телефон брата, Брук повторил всю процедуру выключения, но в этот раз лампа не качалась на ночной тумбочке, Джоуи не отрывал глаз от отца.

Затем он поднял на него глаза.

— Папа...

— Поверь мне на слово, Джоуи, — оборвал его Брук. — А?

Я не поняла как, но Джоуи видно поверил, потому что кивнул. Он переступал с ноги на ногу, а его глаза буквально приклеились к телефону в руке отца.

В этот момент мне пришло в голову, что надо бы было расспросить моего полусонного плохого парня о важном разговоре с его сыновьями, а не прыгать от радости на нем.

Увы, я этого не сделала.

Секунды казались долгими и тянулись в тишине медленно, поэтому я решила нарушить молчание:

— Джоуи, милый, хочешь, я сделаю тебе горячий какао?

Джоуи оторвал взгляд от телефона в руке отца и перевел взгляд на меня.

— Нет, спасибо, Тесс, — пробормотал он.

— Может ты сядешь рядом? — Спросила я.

— Я... — он заколебавшись посмотрел на отца, потом подошел ко мне и сел, но не близко, как первый раз. Я глубоко вздохнула, подняла глаза на Брука, чей взгляд был устремлен на сына, челюсть так сильно была у него сжата, что на щеке дергался мускул.

А потом он начал расхаживать по комнате.

Я встала, отправилась в ванную и достала линзы, которые слишком долго пролежали в растворе. Затем вышла из ванной, схватила фланелевую рубашку Брука и натянула, чтобы прикрыть ночную сорочку, решив при этом, что мне придется скорее всего нарушить свою клятву не ходить по торговым центрам, либо оторваться за компьютером и купить халат и оставлять его у Брука, так как единственный халат, который у меня был дома, был мягким, теплым, пушистым, у меня он появился еще до Дэмиана, и поэтому был ужасно потрепанным, стареньким.

Мне нужен был халат для дома Брука.

Затем я бросилась вниз, вытащила очки из сумочки, напялила их себе на нос, побежала наверх и села на кровать поближе к Джоуи, нежели он присел рядом со мной, тихо вздохнула, когда он не отодвинулся от меня.

И мы стали ждать целых десять лет (небольшое преувеличение), пока Брук расхаживал по комнате, точнее, крался по комнате, и его раздражение заполняло всю атмосферу в спальне. Мы оба с Джоуи подскочили, как только сотовый в руке Брука зазвонил.

Он тут же принял вызов и поднес телефон к уху.

— Детектив Лукас, — ответил он. — Ага. — Затем после паузы следующее: — Ага. — Затем он слушал больше по времени потом пугающе произнес: — Это не дермо, а моя жизнь. — Последовала еще одна пауза. — Ага, все выдумала, я понял, этого больше не повторится. — И, наконец добавил: — Да, спасибо, — закончил разговор, закрыв крышку телефона.

И повернулся к Джоуи.

— Никаких следов и признаков проникновения, приятель. Твоя мать в полном порядке, офицер сказал, что дверь открыл сам Дейд. И Дейд сообщил, что его система сигнализации широкого спектра действия, она включает охрану внутри и снаружи дома, и сегодня она была включена. И любой, кто попадает в двух футах по периметру от входной двери, пытаясь проникнуть в дом, включая окна, будет тут же обнаружен, так как прозвучит сигнал тревоги внутри дома, который поступит сразу же в компанию, обслуживающую эту систему сигнализации, и, если злоумышленники попытаются открыть дверь или окно, то сигнал тут же поступит в полицейский участок. Ты знал об этом?

Джоуи медленно запрокинул голову, чтобы взглянуть на отца, и качнул головой, его губы дрожали.

Боже, Господи, я, мать твою, ненавидела Оливию Мак-Манус, которая в скором времени станет кем-то там черт ее знает кем.

— Сигнализация не сработала, значит никто не пытался влезть в дом, — произнес Брук.

Джоуи кивнул, его губы продолжали дрожать.

Брук выдержал взгляд сына. Потом втянул воздух носом и громко выдохнул.

Затем он протянул руку и мягко сказал:

— Пойдем, приятель, я провожу тебя в твою комнату.

Джоуи снова кивнул, поднялся, пробормотав:

— Спокойной ночи, Тесс, извини, — и не глядя на меня, буквально выбежал из комнаты.

Брок последовал за ним, тоже не глядя на меня.

Я забралась в кровать, поправила подушки у себя за спиной, облокотилась на них, положила ногу на ногу и натянула одеяло по пояс. Потом я заметила, что мой счастливый девичий драйв от прошлой вечеринки давно прошел, другой драйв, счастливый и веселящийся с Броком, тоже.

Да, в этот момент я чертовски ненавидела Оливию Мак-Манус, которая в скором времени пойдет нах*й.

Брок вернулся через некоторое время, я выпрямила спину у изголовья кровати, раздумывая о разных местах отдыха, которые сами собой возникали у меня в голове, пока я анализировала возможности побега, куда бы мы могли направиться вместе с Броком, Джоуи и Рексом, пока я наблюдала, как Брок закрывал дверь в нашу спальню.. Затем я наблюдала, как он вошел в комнату, остановился, перевернул телефон, который все еще держал в руке и нажал несколько кнопок.

Потом он поднес его к уху и подождал, я прикусила губу и собралась с духом.

Это была хорошая идея.

Оливия, очевидно, сняла трубку, потому что послышалось низкое рычание Брука:

— Даже для тебя это ниже плинтуса. К твоему сведению на будущее, с телефонами покончено. Они могут иметь их при себе в течение дня, но как только они пересекают порог моего дома, я их отключаю и конфисковую их. Ты не войдешь в этот дом. Никогда.

Нет ни единого нах*й шанса, что ты можешь сюда заявиться. И предупреждаю, Оливия, ты можешь поцеловать своих сыновей на прощание, а это значит, что ты можешь поцеловать любую поддержку, которую, как ты думала, сможешь получить от меня. Ты не получишь ни парней и ни цента. Ты только что объявила войну, и запомни, женщина, я не остановлюсь ни перед чем, чтобы победить. Тебе... полный п*здец.

Потом он закрыл телефон, но остался стоять, уставившись на него, и я поняла, почему он продолжал так стоять, потому что ему очень хотелось бросить его об стену, но он боролся с этим своим желанием.

— Малыш, — тихо позвала я, и он поднял голову.

— Я только что закончил объяснять двенадцатилетнему парню, что его мать, прожив в доме Дейда больше двух лет, точно должна знать, что у них имеется первоклассная система сигнализации. И я сказал ему, что если она еще раз начнет волноваться по поводу несанкционированного проникновения в их дом, то должна позвонить 911, как делают все нормальные люди — звонят 911, у них в доме даже есть собаки, обученные набирать девять, бл*дь, один, бл*дь, один.

О боже.

Брок продолжал:

— Потом я сказал ему, что если она настолько испугалась, то должна была отправиться к мужу. И если он не смог бы ее успокоить, и она все продолжала бы оставаться напуганной и забыла бы позвонить 911, то должна была только в том случае непосредственно позвонить мне.

И чего она совсем не должна была делать ни при каких обстоятельствах, так это звонить двенадцатилетнему сыну посреди ночи и пугать его до усрачки. А потом мне пришло объяснить Джоуи, почему она позвонила именно ему, чтобы он испугался до усрачки, тем самым нажав на его болевые точки. И мой ребенок заплакал.

Да, я однозначно, полностью и окончательно ненавидела ее.

— Дорогой, иди сюда, — прошептала я.

Он смотрел мне в глаза, и я в отчаянии обнаружила, как в его глазах происходила борьба, он опустил голову, взглянув на свои ноги, поднял руку и обхватил себя за шею.

Хорошо, я ошиблась.

Ранее его бывшая жена мне очень не нравилась.

Теперь, я мать твою, всею душою ненавидела ее.

— Брок, детка, иди сюда, — позвала я, он опустил руку и поднял на меня голову.

— Я не хотел такого для своих детей, — прошептал он, и у меня сжалось горло.

— Иди сюда, — хрюпло повторила я.

— Я бы сделал все, что в моих силах, чтобы защитить их от такого дерьяма, — продолжал он. — Я не должен был работать под прикрытием, я лишил их своего общения на целый гребаный год.

Я сдалась, откинула одеяло, спрыгнула с кровати и подошла к нему. Прижалась и обняла. Запрокинув голову назад, как только он обхватил меня своими руками за талию, и мои глаза встретились с его, тихо прошептала:

— Она такая, какая есть. И поскольку она есть такая, если бы ты не стал бы работать под прикрытием, твои дети, в конце концов, все равно бы поняли, кто она есть на самом деле, потому что она такая, какая есть. Ты не должен нести ответственности за ее действия. Ты выполнял свою работу, которая очень важна, и которая требовала пойти на определенные жертвы.

Есть много видов деятельности, которые мужчины и женщины принимают на себя, требующие от них определенных жертв. Взять хотя бы солдат. И тайных агентов под прикрытием или другие виды деятельности.

— Да, Тесс, но...

Я прервала его.

— Ты должен быть тем, кто ты есть на самом деле. Если ты занимался чем-то важным и верил в то, что ты делал этот год важное и нужное, несмотря на то, что тебе пришлось пожертвовать своим детёнышами. Ты обязан был поступить именно так, как и поступил, потому что именно своим примером ты учил их поступать и делать также.

— Тэсс...

И в этот раз я опять перебила его, сжав в своих объятиях.

— Да, она так себя ведет. Как ты думаешь, даже живя в страхе перед ее реакцией, перед ее вспышками гнева, они не поймут этого в конце концов? — Спросила я, но не стала дожидаться ответа, а только покачала головой, снова сжав его в своих руках. — Никогда такого не будет, Брок. Это твои сыновья, и они далеко не глупы.

Он оторвал от меня свою руку, обхватив меня за шею, прошептав:

— Детка.

— Твой долг научить их быть хорошими людьми. Ты научился, потому что у тебя хорошая мать и несмотря на то, что с отцом было не все гладко. У них все наоборот. Ты обязан научить их в любом случае, но в данной ситуации ты все, что у них есть. И от этого никуда не деться, и не важно, с чем они сталкиваются в своей жизни, тебе все равно придется их научить многому. Быть хорошим человеком — значит стать сильными, делать то, во что веришь, защищать себя и тех, кого любишь, защищать их от неправильных вещей, что ты и делаешь. Подумай о том, что происходило в твоей жизни, пока ты рос. Я уверена, что Ферн хотела всеми силами защитить тебя тогда, но не могла, поскольку это была твоя жизнь. Ты не можешь всю жизнь защищать их от всего, потому что неприятности могут появляться в

их жизни. Что ты точно можешь сделать, это помочь им осознать и понять, что происходит вокруг них и научить их справляться со всяkim дерымом. Очень хреново, что тебе пришлось объяснять своему сыну про его мать, которая специально ночью напугала его, чтобы любыми средствами заполучить тебя, но ты был прав в данной ситуации.

Его пальцы впились мне в шею, в глазах вспыхнул огонь.

Затем его хватка у меня на шее ослабла, голова опустилась, и он смог прикоснуться своими губами к моим.

Когда он отстранился, я мягко произнесла:

— Нам нужно поговорить о твоем прошедшем разговоре с сыновьями.

— Он был менее болезненным, чем произошедшее только что дерымо.

Это были плохие новости.

Я облизала губы, затем сжала их вместе.

Нежно я подтолкнула его к кровати и прошептала:

— Ладно, пошли в кровать, расскажи мне все попорядку.

Брок минуту молча изучал выражение моего лица, затем его пальцы соскользнули с моей шеи, зарылись в волосы, потом они опустились ниже, пройдясь по спине.

Мы легли в кровать, и он стал рассказывать.

Потом он выключил свет, обнял меня, я держала его в своих объятиях до тех пор, пока он не заснул.

Только тогда я позволила своим молчаливым слезам разочарования и бессилия пролиться на подушку.

Но, к счастью, их было немного.

А потом я прижалась к своему мужчине и заснула.

17. Наггетс победили

— Они выглядят чертовски здорово! — Воскликнула я, не солгал.

Келли сидела за столом из нержавеющей стали в задней части моей пекарни (где происходило настояще волшебство) и украшала шоколадные кексы огромными завитками шоколадно-кофейной глазури. Она уже украсила целый поднос кексов, которые были слегка присыпаны какао-порошком и апельсиновым сахаром с шоколадной крошкой.

Они выглядели потрясающе.

Она перевела взгляд с кондитерского мешка на меня.

Затем кончик языка, который она высывала в уголке рта, исчез, она спросила:

— Ты так думаешь?

Я посмотрела на кексы, потом снова на нее.

— Э-э... да.

Она улыбнулась мне.

Выдался напряженный день, и когда она пришла из школы ко мне в пекарню, мои запасы намного поубавились, поэтому я усадила ее украшать кексы с собой, наблюдая за толпой после работы, которая только прибывала, чтобы купить сладости домой. Я только что вернулась, наполнив банки печеньем (сдобное тесто на арахисовом масле, буквально

пальчики оближешь, с рисунком сверху от перекрещивающихся вилок и овсяной муки с сушеной клюквой и белым шоколадом).

Я впервые выпустила Келли на свободу без присмотра и помощи. И, судя по всему, она отлично справилась.

Я подошла к ней, обняла и поцеловала в висок, потом отпустила и мягко произнесла:

— Дорогая, да у тебя талант!

— Значит, они заслуживают называться «Тортами Тесс»? — спросила она.

— Однозначно, — ответила я.

— Круто, — прошептала она, и ее глаза заблестели.

Я улыбнулась ей. Потом стащила у нее один кекс с подноса.

Затем отправилась на выход, отодвинув с кекса вниз коричневую бумагу, сказала:

— Когда закончишь, выстави их на продажу, выпусти в мир.

— Ладно, Тесс, и передай привет дяде Слиму, — крикнула она мне вслед.

— Передай ему сама. — Я остановилась у двери кабинета, повернулась и взглянула на нее.

— Теперь он обвиняет меня в том, что ты редко к нему заглядываешь.

— Ну, скажи ему на это, что он не платит мне, чтобы я заглядывала к нему, и у него дома нет огромных мисок с домашней глазурью, — ответила она.

Это была правда.

Я ухмыльнулась ей и исчезла в своем крошечном кабинете, откусив кусочек такого же вкусного кекса, каким он был на вид.

Однозначно «Торты Тесс».

Как только я преодолела оргазм от шоколадного кекса, взбитой шоколадно-кофейной глазури с привкусом апельсина, вошла в свой крошечный кабинет.

Моя жизнь была в беспорядке из-за внешних факторов. У меня в доме всегда был порядок. И это означало, что в доме Брока тоже всегда должен был быть порядок.

Я должна была признать один недостаток, наличие в моей жизни Брока означало, наличие двух домов, где мне приходилось поддерживать порядок. Брек не следил за порядком, не убирался. На самом деле, Бреку не нравилось, когда я убиралась. Брек сообщил, когда я спросила, как ему удавалось ранее содержать свой дом в чистоте, в основном, не живя в нем, он ответил, что поэтому он и был в чистоте, потому он почти там не бывал и не видел, как скапливается пыль. Когда приходила мама, все как-то само собой убиралось, и я поняла, что именно она заботилась о сорокапятилетнем мужчине, который совсем не возражал, по той простой причине, что ему было наплевать был ли его дом в чистоте или нет, и его совсем не заботило приходила ли мама убираться или нет. Но он был против, чтобы я убиралась у него, поскольку был уверен, что у нас есть дела поважнее, когда мы находились вместе, например, если, смотрели спортивный канал по телевизору, обнимались и много занимались сексом. У нас был разговор на эту тему, нет, мы не ссорились, просто поговорили. Несколько раз. Как ни странно, я победила. Тогда я задумалась, почему я вдруг решила с ним спорить за возможность убираться у него в доме. В любой уборке нет ничего веселого, сплошная рутинка. Но мне необходимо было убираться, потому что я не привыкла жить в грязном, не убранном помещении, а надо сказать, что я именно жила у Брека, поэтому приходилось жить на два дома и оба нужно было убирать.

Но единственное место в моей жизни, которое совершенно было не убранным, являлся мой кабинет. Все вышло из-под контроля, когда я полностью погрузилась в бизнес пекарни, и у меня так и не дошли руки, чтобы привести его в порядок. Теперь в моем кабинете был

организованный беспорядок. Хотя все выглядело так, будто по нему прошелся тайфун, но я точно знала, где что у меня находится и лежит.

И у меня существовало несколько правил для сотрудников — отменное соблюдение чистоты, улыбающиеся лица, не бояться проявлять индивидуальность, потому что индивидуальность являлась отличительной чертой «Торты Тесс», и никогда не пребывать в плохом настроении.

И, наконец, под угрозой смерти никогда ничего не трогать у меня в кабинете (и не уговаривать взять бесплатно домой любой оставшийся торт клиента).

Я схватила сумочку и в ту же минуту услышала, как внутри зазвонил мой мобильный. Я вытащила его из бокового кармана, посмотрела на экран и увидела надпись: «Звонит Слим».

Я коснулась экрана и приложила телефон к уху.

— Привет, дорогой.

— Привет, милая, планы изменились.

Был понедельник, после того как Оливия среди ночи позвонила в субботу (точнее, рано утром уже в воскресенье). Мальчики вернулись к Оливии с адвокатом Броком, и Гектор первым делом сообщил сегодня утром, что планы не только изменились, а ускорились. В воскресенье мне пришлось на несколько часов заглянуть в пекарню, чтобы Брок мог побывать наедине со своими сыновьями. Но я вернулась к нему вчера вечером домой, и мы почти отключились, потому что он спал всего около четырех часов, а я два.

Сегодня мы должны были встретиться у меня дома, поэтому я собиралась уехать пораньше, чтобы вернуться домой и приготовить ужин.

— Как изменились планы?

— У меня дома, не у тебя. Будет игра, — сообщил он мне.

— Какая игра? — Спросила я.

— Наггетс, — ответил он.

Хм. Интересно. Наггетс могли выиграть звание чемпионов.

— И что? — Спросила я.

— Мой телевизор лучше твоего, — заявил он.

— Твой телевизор лучше моего?

— Детка, твой телевизор должен был выйти на пенсию лет шесть назад.

— Ему всего три года.

— Хорошо, тогда твой телевизор должен был уйти в отставку около двух с половиной лет назад.

Я моргнула, глядя на свой стол.

Потом спросила:

— Ты меняешь каждый год свой телевизор?

И снова уставилась на свой стол.

— Твоему грузовику было двадцать лет, а ты каждый год меняешь телевизор?

— Э-э... да, — ответил он, — э-э... ага.

Этот разговор напоминал мне обсуждение бутылки молока, по крайней мере, я его так ощущала.

Поэтому мое решение о продолжении данной дискуссии могло быть... каким угодно.

Итак, пошли дальше.

— Я давно не заполняла твой холодильник, — напомнила я ему.

Еще одно: два дома при одной женщине означают, что эта женщина не только убирает два дома, но и запасает продукты в два холодильника. Брок, как я узнала, не отличался

привычкой соблюдать порядок и быть аккуратным. Брок, как я также поняла, жил своей жизнью с тех самых пор, как развелся с Оливией (которая, как он сообщил мне, далеко не была шеф-поваром и даже близко не имела отношения к готовке), предпочитая пиццу, китайскую еду, фаст-фуд или мексиканскую навынос.

Принимая во внимание все это, для меня было маленьким чудом, что Брок сохранил подобное тело, несмотря на такое питание, бег и тренировки.

— Мы закажем пиццу, — решил он.

Это я могла сделать.

— Круто, — согласилась я.

— Я занят, буду через полчаса, может, через час, — пояснил он. — Я пришлю тебе смс-ку по дороге домой, и ты сможешь заказать пиццу.

— Значит, кто-то умер? — Спросила я.

— Да, милая, часть работы в отделе убийств заключается в том, что кто-то умирает.

Я повернулась и посмотрела на свою пекарню, пахнущую выпечкой.

Когда в пекарне звонил телефон, это обычно означало, что кто-то хотел заказать торт ко дню рождения. Когда у Брука в участке звонил телефон, это обычно означало, что кому-то надрали задницу.

Моя работа была точно намного лучше его.

Поэтому я не возражала (слишком сильно) убираться в двух домах и наполнять два холодильника.

— Ладно, детка, пришли смс-ку, и я закажу пиццу, — тихо сказала я.

После секундной паузы услышала:

— Моя сладкая Тесс, — и он повесил трубку.

Некоторое время я ощущала покалывание от слов Брука, называющего меня своей «сладкой Тесс», такое легкое, едва заметное. Затем запихнула остатки кекса в рот и еще позволила себе немного времени насладиться этим покалыванием.

Потом засунула телефон в сумочку, надела пальто и вышла.

Я вышла в общий зал своей пекарни, и, как всегда, я надеялась, что так будет всегда, вид общего зала тоже вызывал у меня покалывание.

Три стены были бледно-голубого цвета, одна из них с огромным трафаретным рисунком в лавандовых тонах гибискуса с колибри, а задняя стена позади витрины была окрашена в лавандовый цвет с вывеской «Торты Тесс», выполненной цветочным бледно-голубым шрифтом, в окружении гибискусов и колибри. Вывеска была расположена всего в нескольких дюймах от того места, где стена соединялась с потолком, так что люди отчетливо могли ее увидеть в широкие окна с улицы.

Я все еще понятия не имела, как пришла ко мне эта идея, за исключением цветов, моих любимых. Цветы и птицы не кричали! Но краски были теплыми и красивыми, цветы и птицы — нежными и яркими. Я заплатила дорого за внешний интерьер и вывеску. С моими постоянными изменениями и навязчивой идеей сделать все как нужно, я довела художника до безумия, пока он создавал мой логотип (вывеску), но это того стоило.

На самом деле, я заплатила за все, что имело отношение к моей пекарне.

После обильного потребления вина вместе с Мартой, пока я планировала свою жизнь без Дэмиана, мы обе решили, что, если я собираюсь рискнуть, то могу рискнуть и с интерьером, и с вывеской, короче со всем. Поэтому, когда я запустила свой бизнес «Торты Тесс», я не стала валить дурака. А спланировала все до мельчайших деталей, нанимала сотрудников тщательно, потому что мои правила подразумевали не только вовремя приходить на работу

и обладать умением нажимать на кнопки на кассовом аппарате, я запускала всю свою стратегию и концепцию. Красивые торты, которые на вкус, действительно, были чертовски хороши, купленные у дружелюбного персонала без скучающего, пустого взгляда, а представляющего из себя индивидуальность в моей пекарне, куда клиенты хотели бы вернуться, либо задержаться на некоторое время.

Полы были деревянными, как и остов старомодной витрины, заполненной красивыми тортами, кексами и восхитительно выглядящим печеньем, заставленные сверху несоответствующими, но очень крутыми подставками для тортов и стеклянными банками с печеньем. По обе стороны витрины находились потертые деревянные прилавки, на которых также стояли банки с печеньем и подставки с тортами, а на стене позади витрины были полки с еще большим количеством сладостей. По обе стороны от полок на стенах висели две большие доски, на которых лавандовым и синим мелом было красивым почерком написана выпечка, продающаяся сегодня, а по углам гибискусы и колибри.

У входа находились столы, за которые можно было присесть и попробовать купленную выпечку, тоже деревянные, с совершенно не несоответствующими стульями, но единственный плюс этих стульев был в том, что у них было широкое сиденье, прочное и удобное. На каждом столике стояло крошечное стальное ведерко с пышными цветами, а на одном из прилавков было ведерко побольше, полное цветов. Их меняла дважды в неделю местный флорист, которая делала мне убийственную скидку, потому что я разместила ее рекламу, что это ее цветы.

Я подавала кофе, чай и различное ароматизированное молоко, но никаких машин эспрессо у меня не было, потому что моя пекарня была пекарней, а не кафетерием, и я хотела, чтобы гул от кофе машины не взрывал воздух каждые пять секунд, тем более не портил мне вид, испорченной машиной эспрессо, словно слон в посудной лавке. Я также не хотела, чтобы мои молодые сотрудники потели над латте, а хотела, чтобы они занимались продажей тортов и кексов.

Поскольку Брок сейчас имел дело с мертвым человеком, по моему мнению, ему необходимо было подзаправиться сладким, чтобы устраниТЬ любые остаточные психические явления, поэтому я направилась к стопкам плоских упакованных коробок (сложенных попеременно синие с лавандовыми, все с логотипом «Торты Тесс» сверху). Я взяла шесть кексов, сложила их в коробку, выбрала еще несколько лакомств для Брука, затем закрыла коробку и перевязала лентой (опять же, имелись ленты двух цветов — синяя для лавандовой коробки, а лавандовая — для синих коробок).

Я взяла коробку за ленточку, попрощалась с сотрудниками и вышла на улицу, после теплого помещения пекарни арктический взрыв холода был физическим ударом для моего тела.

У нас была суровая зима, холодная, со снегопадом. Было начало шестого, уже совсем стемнело, воздух был слишком прохладным. Поскольку я не любила ездить по снегу, поэтому каждое утро проверяла погоду с какой-то одержимостью, которая казалась мне немного пугающей (однако, я никогда так не думала об этом, а стала думать именно так, только после того, когда Брок сказал мне, что он думает, будто я одержима погодой, но, к счастью, он сообщил мне об этом, посмеиваясь), и сегодня передали, что вероятность снегопада сорок процентов. Учитывая, что мой снегометр наконец настроился на снег, я подумала, что в воздухе было все сто процентов возможности снегопада.

Я села в машину, положила коробку и сумочку на сиденье, включила зажигание, затем достала мобильник, чтобы позвонить Марте, узнать, дома ли она, чтобы я могла к ней зайти

и выпить бокал вина перед тем, как отправиться к Броку, но телефон зазвонил, как только я поднесла палец к номеру Марты.

На экране появилась надпись: «Звонит Коб».

У меня брови сошлись на переносице.

Мы давно с Кобом обменялись телефонами, но он мне не звонил. Я, конечно, видела его время от времени, учитывая, что только что закончились рождественские и новогодние праздники, и он заглядывал к своим мальчикам, чтобы вручить им подарки.

И когда я виделась с ним, то заметила вполне очевидную вещь — выглядел он не очень хорошо.

Его лечение началось всерьез, он худел с пугающей скоростью, глаза вваливались, кожа стала желтоватого оттенка. Он не жаловался, вел себя как обычно, но заметить физические изменения, как результат химиотерапии, было просто невозможно.

Мое сердце пропустило удар, я взяла трубку и приложила к уху.

— Привет, Коб...

— Милая, — ответил он, и его голос звучал в пять раз хуже, чем последний раз, когда мы виделись с ним, так что мое сердце пропустило еще один удар.

— Ты в порядке? — Спросила я.

— Я... — Он замолчал.

— Коб? — Окликнула я. — Ты там? — Спросила, потому что он продолжал молчать в телефонную трубку.

— Милая, со мной произошел кое-какой инцидент. Джилл подкинула меня домой, и она с Лори... итак слишком многое для меня делают, поэтому я не могу...

Вот черт.

Я тут же прервала его:

— Где ты живешь?

— Я бы не стал тебя беспокоить, просто...

— Коб, назови свой адрес.

Он ничего не ответил, я открыла рот, чтобы повторить свой вопрос.

— Вот дерьмо, — прошептал он. — Меня это бесит, Тесс. Гребанные послед...

— Коб, — тихо вмешалась я, — дорогой, где ты живешь?

Выждав паузу, он продиктовал мне свой адрес, и я поняла, куда нужно ехать.

— Буду через пятнадцать минут, — пообещала я.

— Спасибо, милая, — прошептал он.

— Держись там, — ответила я, отключаясь, бросая телефон в сумочку, и направляясь к Кобу.

Коб жил в историческом районе булочников и пекарей (Baker Historical District — Бейкер Хисторикал Дистрикт, — прим. пер.), недалеко от дома, где жил Брок. Бейкер дистрикт был отличным «районом для смешанных домов», таких же смешанных людей, но большинство, живущих в этом районе, заботились о своих домах.

Домик Коба был крошечным, с забором из железной сетки, изобилием высоких деревьев, росших около дома, которые летом, однозначно, полностью не пропускали дневной свет, видно, он не тратил много времени, чтобы соответствовать Джонсонам, даже когда не лечился от рака.

Я постучала в дверь и вошла внутрь, услышав его слабый ответ:

— Открыто.

И когда я вошла, мне тут же ударил в нос отвратительный запах рвоты.

Боже.

Коб находился на диване с включенным телевизором. Я тут же заметила, насколько он похудел, глаза еще больше ввалились, а кожа обвисла на лице. Несмотря на то, что он лежал, я заметила, что он был одет, а рядом на полу стояло ведро с блевотиной.

Его глаза встретились с моими.

— Я не могу... не могу... — он покачал головой. — У меня не хватает сил все это убрать, милая..., — закончил он шепотом.

— Конечно, — прошептала я в ответ, закрывая дверь, проходя к нему вперед, бросив сумку на кресло. Старая мебель из бывшей квартиры Брука выглядела здесь так, будто она была выставлена из журнала по интерьеру, настолько все было убогим. — Я все уберу, не волнуйся, — тихо произнесла я, снимая пальто и бросая его на тот же стул, что и сумочку.

— И еще... — он сжал губы, — я не успел добраться до ванной, когда лежал в своей спальни. Отлично. И так блевотины было много.

Я кивнула, стараясь скрыть отвращение к предстоящей работе, а также отвращение от запаха в доме, улыбнулась.

— Ладно, дорогой.

И принялась за работу, сначала я убрала все рядом с ним, с диваном, на котором он лежал перед телевизором, затем порылась на кухне в поисках большой миски, которую собирались поставить рядом с ним, на случай, если снова его будет тошнить. Затем я принялась за блевотину на ковре в его спальне. Потом после уборки, я все равно чувствовала запах.

Мне необходимо было что-то предпринять. От запаха меня начинало тошнить, хотя я не проходила химиотерапию.

Я вернулась в гостиную, сказав:

— Итак, я закончила убираться, поэтому хочу сходить в магазин, купить кое-что, способное заглушить этот запахом. Тебе что-нибудь нужно?

Он отрицательно покачал головой.

— Лори и Джилл всегда загружают хорошо холодильник.

Я кивнула, ответив:

— Я посмотрю, что там имеется. Знаю, что сейчас ты откажешься, но, если тебя больше не будет тошнить, когда я вернусь, то сделаю ужин.

— Спасибо, милая, — тихо произнес он.

Секунду я изучала выражение его лица, потом мягко спросила:

— Коб, тебе ничего не дают, чтобы тебя так не тошило?

Выражение его лица стало насупленным и упрямым, но он был слишком слаб, чтобы сохранить это выражение на какое-то время.

— Они дают уйму чертовых таблеток.

— Могу себе представить, но тебе нужно набираться сил, — посоветовала я.

— Зачем? — спросил он, не сводя с меня глаз.

— Чтобы бороться, — снова с нежностью произнесла я.

Он смотрел мне в глаза, потом перевел взгляд на телевизор.

Черт.

Я ничего не сказала, отправилась на кухню, чтобы проверить запасы холодильника, там же нашла бумагу, составила список и вышла в гостиную, задержавшись, чтобы поцеловать Коба в щеку.

Хорошие новости заключались в том, что снегопад так и не начался, поэтому я почувствовала себя немного лучше, пока добиралась до «Альбертсона» на Аламеду.

Плохая новость заключалась в том, что я настолько была поглощена уборкой в доме Коба, что стоя в очереди к кассе, когда зазвонил мой телефон, вытащив его, я увидела светящуюся надпись: «Звонит Слим», я вспомнила, что совсем забыла ему позвонить.

Вот черт.

Я приняла звонок и поднесла к уху телефон, произнеся:

— Привет, дорогой...

— Где ты? — тут же спросил Брок.

— Я...

— Я стою в своей гостиной, тебя здесь нет, и ты не ответила на мою смс-ку.

Убирая блевотину в гостиной и спальне Коба, должно быть я пропустила его смс-ку.

Сплошное дермо.

— Я...

Он снова прервал меня:

— Ты также не позвонила мне.

— Брок, дай мне секунду, — тихо произнесла я, подталкивая тележку к конвейеру на кассе и начиная выгружать товар.

— Говори, — приказал Брок.

— Я находусь в «Альбертсоне» на Аламеде, — сказала я ему, поскольку я больше ничего не сказала, Брок произнес:

— Детка, мы едим пиццу, помнишь? — спросил он, но не дав мне возможности ответить, задал следующий вопрос: — Какого хрена ты делаешь в «Альбертсоне» на Аламеде?

Это был хороший вопрос, учитывая тот факт, что для его дома и для своего я, как правило, совершала покупки либо в «Вайд Эйт», либо в «Кинг Суперс», оба находились на бульваре Колаурадо.

Продолжая разгружать тележку, я ответила:

— Я здесь, потому что позвонил твой отец. У него сегодня была химиотерапия, ему плохо, он не смог дойти до ванной, и ему нужна была помощь. Джилл и Лаура возят его на лечение и привозят обратно, помогают ему в доме. Джилл высадила его после химиотерапии, и он не захотел к ней обращаться с этой просьбой. Я сказала ему еще давно, что, если ему потребуется помощь, он может позвонить мне, поэтому он мне и позвонил.

На том конце трубку установилась тишина.

Я выгрузила все из тележки, передвинулась вперед сама вместе с тележкой, улыбнулась кассиру, поудобнее обосновавшись, наблюдая, как сотрудник укладывает в пакеты мои покупки.

Поскольку Брок продолжал молчать, заговорила я.

— Я приехала к нему, все убрали, но запах стоит не очень хороший. Поэтому пошла кое-что прикупить, чтобы как-то справиться с этим запахом, сейчас вернусь и приготовлю ему ужин и прослежу, чтобы он съел его и не пил спиртное, а потом приеду к тебе. — Я помолчала, потом опять произнесла: — Съешь пиццу без меня, дорогой. Я поем с Кобом.

В трубке была все та же тишина, но длилась она уже не столь долго.

Брок наконец, подал голос, сказав:

— Если у тебя меняются планы, потому что дермо все время происходит вокруг, ты берешь грабанный телефон и звонишь мне.

И повесил трубку.

Я моргнула пару раз, глядя на собранные пакеты.

Потом сунула телефон в боковой карман сумочки, борясь с самыми разными чувствами.

Брок раньше никогда не бросал трубку. Конечно, я не позвонила ему, понятное дело, что он волновался, но, в конце концов, я же не зависала в каком-нибудь байкерском баре, в которые он меня водил, не была на пьянке, не стояла на столешнице бара, танцуя перед всеми байкерами, как Аксель Роуз (что я сделала однажды, когда была на мини-пьянке — (хотя она продолжалась несколько часов), я была тогда с Броком, когда он еще был Джейком, и танцевала я не на барной стойке, а на танцполе перед группой, которая играла Paradise City, а Брок стоял рядом с танцполом и смеялся до упаду). Сейчас в данный момент я заботилась о его отце.

Меня поразило то, что была шокирована тем, что он бросил трубку, вперемежку со страхом, что он сердился на меня, и ко всему прочему я испытывала огромное раздражение. Но мое раздражение стало увеличиваться, и я поняла, что разозлилась еще больше. И как только я стала испытывать настоящую, неприкрыту злость, мне стало все равно, я уже больше не пугалась и не испытывала шока из-за того, что Брок мог рассердиться на меня, повесив трубку.

Мне все же удалось добраться до дома Коба, расплатившись в магазине и загрузив пакеты в машину, не перезванивая Броку. Я принесла все домой и стала бороться с зависимым запахом в помещении сначала освежителем воздуха, а затем шампунем для ковров. Я не хотела вызывать у Коба новый приступ тошноты воинственным убийческим сильными освежителями воздуха, которые иногда пахли хуже, чем обычная рвота, к счастью, мне все удалось, запах блевотины испарился, освежитель воздуха был приятным и еле уловимым, а шампунь для чистки ковров тоже не сильно вонял.

Я поставила в спальню Коба арома свечу, которую купила в «Альбертсоне», с запахом замороженного лимонного лайма, и принялась готовить ужин.

Куриный суп с лапшой подогревался в кастрюле на плите, я расставляла пиалы и тарелки с солеными крекерами с кусочком масла (мама делала их, когда мы с сестрой заболевали), надеясь, что масло не окажется слишком жирным для Коба, когда услышала, как открылась входная дверь.

Затем я услышала удивленное приветствие Коба:

— Привет, Слим.

Я втянула носом воздух.

Потом услышала, как Брок спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Уже лучше, — ответил Коб. — Тесс на кухне.

— Хорошо, — услышала я бормотание Брука, — ложись, папа.

— Ладно, сынок.

Я схватила ложку и начала помешивать суп, внутренне напрягаясь.

Я почувствовала его настроение еще до того, как увидела его. От него не исходили искры электрических зарядов, он не злился, не был резким и злым. Было совсем другое, я никогда не чувствовала раньше в нем такое настроение. Оно было тяжелым.

Он был отягощен или обременен. Был мягкий, но не теплый. И когда я увидела его, его взгляд был тяжелым, а на лице отражалась нежность.

Он остановился у плиты, но не слишком близко ко мне.

Потом он взглянул мне в глаза и произнес:

— Привет.

— Привет, — ответила я.

Он некоторое время изучал меня.

Затем спокойно заметил:

— Ты злишься.

— Я не люблю зацикливаться на чем-то, особенно когда покупаю чистящее средство для ковров, чтобы избавиться от запаха блевотины, — также тихо ответила я.

Он продолжал смотреть мне в глаза.

Затем кивнул и пробормотал:

— Точно.

— Я справилась бы сама, тебе не было необходимости приходить, — сказал я ему, все еще тихо, чтобы Коб не слышал.

— Он мой отец, Тесс, — ответил Брок.

Я наклонила голову в сторону и спросила:

— Твой отец?

Я заметила, как сжалась его губы.

Затем он кратко предупредил:

— Не ступай на эту территорию, детка.

Я выключила газ на плите, схватила кастрюлю и направилась разливать суп в пиалы.

Наливая суп, прошептала:

— Время пришло, Брок. Тебе нужно выбрать на какую сторону ты спрыгнешь на землю с изгороди. От тебя ничего не может укрыться, поэтому думаю тебе стоит лишь взглянуть на отца, и ты все поймешь. Когда это произойдет неизвестно, но другого пути нет, и тот который будет, он будет тяжелым. Больше ты не можешь себе позволить иметь такую роскошь, как сидеть на заборе, наблюдая за всем сверху. Тебе необходимо принять решение. — Я поставила кастрюлю на плиту и посмотрела ему в глаза. — Или он или нет? У тебя есть десять секунд, чтобы принять решение, пока я буду относить ему еду. Ты можешь уйти отсюда, это будет твое решение, и я поддержу тебя в нем, но ты должен понять, что я все равно буду помогать Джилл и Лоре ухаживать за Кобом. Если ты решишь остаться здесь, я налью тебе супа, мы все вместе сядем с твоим отцом и поговорим о том, о сем, пока он не поест.

Потом я взяла ложку, положила ее в пиалу Коба, взяла тарелку и направилась в гостиную. Когда я вернулась, Брок передвинулся, стоя у кухонного окна, а не у плиты, с силой опираясь одной рукой на оконную раму. Его взгляд был прикован к белым хлопьям, падающим с неба. Его настроение заполняло кухню, и оно было такое тяжелое, что он сам с трудом дышал, стиснув зубы.

Но я поняла, что он принял решение.

И решение, которое он все же принял, вызывало во мне еще большее чувство любви к нему. Я вдохнула и подошла поближе.

Обхватила его руками за талию и прижалась грудью к его спине.

Обняв его, прошептала:

— Снегопад не прекратится, отвезешь меня к себе, а завтра утром отвезешь меня сюда, чтобы я забрала машину? Я не люблю ездить в снегопад.

Несколько долгих секунд он молчал.

Потом ответил, глядя в окно:

— Ага, детка.

Я прижалась лбом к его спине.

Затем подняла голову, прижавшись к нему еще крепче, осторожно произнесла:

— Тебе следует поговорить с ним.

Я посмотрела поверх его плеча на его профиль, у него дернулся мускул на челюсти. Он не ответил, но я поняла, что он услышал меня и сделает все, что в его силах.

Я сжала его в своих руках, продолжая шептать:

— Возьми пиалу, дорогой, иди посиди с папой. Он смотрит игру. Я налью тебе тоже суп и приду через минуту.

Он кивнул, все также глядя в окно.

Потом его тело зашевелилось, я разжала руки, он подошел к столу, на котором стояла пиала с супом. Посмотрел на нее и вернулся ко мне. Затем он обхватил меня за скулы, наклонился лицом к лицу, чтобы прикоснуться губами к моим.

Когда он поднял голову, я прошептала:

— Он любит тебя.

Он закрыл глаза, и удушающее чувство заполнило комнату, потом он открыл глаза и прошептал:

— Я тоже тебя люблю.

Его взгляд смягчился, хотя тяжелая атмосфера в комнате сохранялась. Затем он повторил шепотом:

— Я знаю.

— Мы вместе пройдем через это, — пообещала я.

Похоже, он мне не поверил, потому что больше ничего не сказал.

— Иди ешь, иначе остынет, — приказала я.

Его глаза задержались на мгновение на мне, потом он отпустил меня, вернувшись к своей пиале с супом.

Я налила себе другую и пошла в гостиную смотреть игру Наггетс вместе с Броком и его отцом.

Коб не вылил обратно суп, крекеры и один кекс, который испекла его внучка (я сбегала к машине и принесла коробку с кексами).

Наггетс выиграли.

18.

В некоторой степени, пока нормально

— Я собираюсь заскочить к отцу посмотреть спорт, а потом приеду.

Услышала я голос Брука по телефону, ставя цыпленка в духовку.

Был четверг, и это был именно тот четверг, когда Брок позвонил своим сестрам, сказав им, чтобы они поставили его и меня на пересменок посещения отца. И в тот же четверг Брок узнал, что у Коба имеется единственный телевизор, который находился в гостиной. И, наконец, в этот же четверг Брок заскочил в «Бест Бай», чтобы купить отцу телевизор в спальню, теперь выходило, что отцу было чем занять свое время, когда он ощущал себя вдвойне дерзковато и не хотел вставать с постели. Брок даже позвонил в кабельную компанию, чтобы они подсоединили дополнительный пакет к уже существующему

кабельному телевидению Коба, и даже поведал о болезни отца, а это означало, что ждать, когда подключат дополнительный пакет телепрограмм, нужно было не семьдесят два часа, а двадцать четыре. Компания заверила его, что все подключит в пятницу, кроме того, в качестве бонуса дадут ему еще пару месяцев бесплатных премиальных каналов, только в качестве бонуса.

Было понятно, что Брок не терпел беспорядка, когда дело касалось телевизоров или кабельного телевидения, он напрягался и делал все возможное, получая соответствующие результаты.

Поэтому в этом для меня ничего нового не было.

— Хорошо, дорогой, — ответила я. — Ужин будет готов через полтора часа, но, если ты не успеешь к этому времени, он все равно будет теплым.

— Я успею, — ответил мне Брок, — удивимся позже, детка.

— Увидимся.

И он повесил трубку.

Я нажала «отбой» и отправила Марте ответное сообщение. Она планировала на выходные девичник у себя дома, и я могла присутствовать на ее девичнике, потому что Брок должен был быть со своими сыновьями, и я посчитала, что самое лучшее мне предоставить Броку время, чтобы он смог наедине побывать со своими мальчиками, а мальчики с отцом (по крайней мере, я надеялась на это).

И, как обычно, я совершенно была не в восторге по поводу девичника у Марты. Она не собиралась рассматривать новую концепцию своей жизни, поэтому это могло превратиться в полное дерзко, с которым возможно столкнуться, если появиться у нее... на девичнике. У нее может возникнуть настроение поэкспериментировать с разными рецептами, которые сама же и придумала, успеха ждать не придется, но самое ужасное, что, если вы пришли на ее девичник, то должны, просто обязаны, попробовать все, что она приготовила, иначе она до краев заполнит свой дом фаст-фудом и откопает свою обширную коллекцию романтических комедий.

Я очень надеялась, что последним все и ограничится, но...

Мое сообщение Марте вызвало шквал ответов в общем чате, в который входила Эльвира, Гвен, Камилла, Трейси и даже Ширлин. Я ответила им всем, пока занималась оставшейся частью ужина, почувствовав огромное облегчение, когда Эльвира твердо заявила, что она займется приготовлением еды, причем она заявила это таким образом, что даже у Марты не хватило сил запротестовать, потому что Эльвира сказала, что сделает свои «доски».

Я не знала, что такое «доски» Эльвиры, но поняла, что они намного лучше жареного сельдерея.

Сельдерей в своем начальном виде был не плох. Жареный сельдерей — дело рук Сатаны. Постепенно безумная переписка улеглась, я в последний раз тыкнула ножом цыпленка, проверяя готовность, как вдруг зазвонил мой стационарный домашний телефон и одновременно пришла смс-ка на мой мобильный.

Я взглянула на экран своего мобильника, Брок написал, что он в пути, затем подошла к стационарному телефону, взяла трубки из углубления, нажала кнопку «ответить» и приложила к уху.

— Здравствуйте, — поприветствовала я.

В ответ ничего.

— Алло? — Повторила я.

Опять тишина.

Я уже собиралась положить трубку, когда услышала мужской голос:

— Тесса О'Хара?

У меня дрожь прошла по спине. Я не поняла почему.

Почему-то было неприятно.

— Э-э... — начала я.

— Тесса О'Хара, которая встречается с Броком Лукасом?

У меня все заморозилось внутри.

— Кто вы? — Спросила я.

— Значит, я прав, — прошептал голос, и я пришла в полное замешательство.

Черт. Мать твою. Черт!

Я положила трубку назад в слот и направилась к своему мобильнику, быстро набрав Брука.

После первого же гудка, он произнес:

— Детка.

— Мне только что позвонили угрожая.

Через пару секунд он спросил:

— Что были за угрозы?

— Ужасные и жуткие угрозы. Убийственный звонок. Мне позвонили по моему стационарному телефону домой.

— Ты подключена к списку контактов своей телефонной компании? — спросил он.

Черт, нет, конечно, не подключена. Во-первых, я была одинокой женщиной. Во-вторых, мой бывший муж оказался психопатом, изнасиловавший меня, а в результате и наркобароном.

Но я ничего этого не сказала Броку.

Вместо этого ответила:

— Нет.

— Черт, — пробормотал он, — что он сказал?

— Он спросил, не Тесса ли я О'Хара, потом спросил, встречаюсь ли я с тобой. Я не ответила на его вопрос, но спросила, кто он такой, и он сказал: «Значит, я прав», то есть он понял, что подловил меня, и я встречаюсь с тобой, а потом повесил трубку.

— Двери заперты? — тут же спросил Брок, и я снова почувствовала в теле дрожь.

— Я не... — сделала паузу. — Не знаю, — ответила я, направляясь прямо к задней двери черного входа.

— Проверь и запри их на замок, — приказал он.

Закрыв заднюю дверь, я направилась к входной, дрожащим голосом произнеся:

— Хорошо.

А потом спросила:

— Ты не знаешь, Оливия могла бы таким образом подшутить надо мной?

— Она никогда не играла настолько грязно, я бы не стал утверждать, что это она, — ответил он.

Черт, ничего не скажешь.

— Я буду через десять минут, — тихо произнес он.

— Хорошо, — ответила я, запирая входную дверь. — я заперла все двери.

— Отлично, детка, скоро увидимся.

— Да.

Потом он положил трубку, а я вернулась на кухню и наблюдала за духовкой, чтобы каким-то образом протянуть время. Затем я попыталась унять свой страх, занимаясь ужином, который смешивался с гневом, надеясь, что это все же была Оливия.

Но прошло ровно восемь минут, когда все началось. Я точно знала, что восемь минут, потому что в пятидесятый раз уже проверила духовку.

Я услышала выстрелы, шесть выстрелов, один за другим, звучавшие именно так, будто стреляли прямо перед моим домом.

Я тупо посмотрела в окно, буквально за наносекунду до того, как присела за кухонным островком, когда снова раздались выстрелы, и мой застывший от ужаса мозг вдруг осознал, что начался ответный огонь.

Пока продолжалась перестрелка, я пришла в себя, присела на корточки у стационарного телефона, протянула руку, схватив трубку, и нажала кнопку вызова, набрав 911.

— Девять-один-один, что у вас произошло?

— Выстрелы у моего дома, — прошептала я.

— Где вы, мэм?

Услышав шум у входной двери, я начала произносить свой адрес, но остановилась, уставившись на дверь, полностью парализованная страхом.

— Мэм, — позвала телефонистка. — Пожалуйста, подтвердите, что вы находитесь в безопасности и назовите ваш адрес.

— Кто-то...

Дверь открылась, и вошел Брок в пальто, запорощенным снегом. Он повернулся, захлопнул дверь, запер ее на замок и подошел ко мне с пистолетом в руке.

Я до определенного времени, да, я вообще особо не была в восхищении от его рабочей одежды. Но сегодня на нем была симпатичная толстая черная водолазка (кстати, одну я купила ему на Рождество, и я говорю одну, потому что, на самом деле, купила три), не выцветшие джинсы, вместо обычных, которые он предпочитал носить дома, большой черный пояс, за который был заправлен свитер на спине (и свитер был заправлен только сзади, я не поняла, специально ли он это сделал или нет, но по какой-то причине я решила, что это выглядело сногшибательно), Брок был одет в красивое, сшитое на заказ, черное шерстяное пальто (которое, кстати, тоже выглядело потрясающе). Лаура и Джилл сложились и купили ему это пальто на Рождество, на нем оно выглядело просто бомбически.

Хотя его рабочая одежда отличалась от его нерабочей, повседневной одежды, парой нюансов, и всякий раз возвращаясь домой и приветствуя меня, он без колебания снимал свой новый рабочий наряд, напяливая свои выцветшие джинсы, без ремня, но сейчас по середине зимы он предпочитал надевать выцветшую футболку с длинными рукавами, либо утепленную.

И в данный момент он осторожно передвигался по дому в моем направлении, и я совершенно не обращала внимание насколькоексуально он выглядел в своей рабочей одежде. Я только обратила внимание на его пальто, сильно припорощенное снегом и пистолет у него в руке.

Почему его пальто оказалось все в снегу?

— Мэм? — Услышала я голос телефонистки 911. — Вы еще там?

— Что с тобой? — зарычал Брок, добравшись до меня, сидящую на корточках у кухонного островка.

Я не ответила. Он наклонился, забрал у меня телефонную трубку и поднес к уху.

— Это детектив Брок Лукас. Меня только что обстреляли, я открыл ответный огонь в сторону неизвестного мужчины....

Он продолжал говорить, мой мозг стал совершенно чистым, запомнив только слова, которые только что прозвучали и застяли у меня в голове, бесконечно повторяясь, как заезженная пластинка.

Меня только что обстреляли, я открыл ответный огонь...

Меня только что обстреляли, я открыл ответный огонь...

Меня только что обстреляли, я открыл ответный огонь...

Я выпрямилась, он продолжал рычать в трубку, не отводя от меня взгляд, но мои мысли были уже далеко.

Его пальто было все в снегу, потому что ему пришлось упасть на землю, уворачиваясь от пуль, направленных непосредственно в него прямо перед моим домом.

Мой мужчина бросил свое прекрасное тело на снег, чтобы увернуться от пуль, направленных в него, черт побери, перед моим гребаным домом.

И он держал сейчас пистолет в руке, потому что ему пришлось отстреливаться.

И я точно знала, кто приказал неизвестному мужчине подстрелить моего мужчину.

Нет.

О нет.

С меня, черт возьми, довольно.

И точно так же, как я потеряла контроль, когда заявил рано утром Леви к Броку домой, я не задумываясь, потеряла его также.

И побежала.

И именно это я и делала в данный момент, схватив ключи со столешницы, выбегая из дома.

— Тесс! — Крикнул Брок, но меня уже не было.

Я неслась по дорожке к своей машине.

— Черт побери! Тесс! — Я услышала, как Брок кричал у меня за спиной.

Машина тут же завелась, я даже не посмотрела в зеркало заднего вида, просто нажала на педаль газа.

Я не поняла, как доехала, это было настоящее чудо, что мне удалось доехать целой и невредимой, не убив себя или кого-то еще по дороге. Но я добралась до университета, потом повернула направо, потом налево к Йельскому университету, потом, как демон пронеслась по фешенебельному району Дональда Хеллера с большими домами на огромных участках, по дорожке, по которой я часто ездила в течение двенадцати лет, пока встречалась, а потом вышла замуж за своего гребаного бывшего, но здесь за последние шесть с половиной лет я не была ни разу.

И я направилась именно к дому его отца, потому что понятия не имела, где сейчас обитает Дэмиан.

Но я была чертовски уверена, что узнаю его настояще место пребывания.

Я с визгом шин затормозила у обочины, выскочила из машины и помчалась по заснеженному двору прямиком ко входной двери, не заметив, как фары пика, следовавшего за мной, погасли, как только он припарковался позади моей машины.

Я громко стала колотить по входной двери, не переставая кричать:

— Дон, открой эту чертову дверь!

Из-за моей спины появилась рука, пальцы схватили меня за запястье, чтобы я перестала колотить в дверь, я почувствовала теплое тело, со всего маха врезавшееся мне в спину, и услышала шепот на ухо:

— Тесс. Господи, детка, успокойся...

Брок не успел закончить фразу, потому что дверь распахнулась и на пороге появился Дональд.

Его глаза быстро забегали взад-вперед, между Броком и мной, затем робкая улыбка появилась на его губах, его глаза засветились, и он прошептал:

— Тесс, дорогая...

Он не закончил, потому что я закричала:

— Где он?

Дональд моргнул, переводя взгляд с БРОКА, который теперь обнимал меня за талию, и мы стали единым целым, а потом спросил:

— Кто?

— Твой гребаный подонок, говнюк, сукин сын, вот кто! — Закричала я.

Он снова моргнул, потом я услышала:

— Тэсс??

И посмотрела поверх плеча Дональда, увидев гребаного, чертового сукина сына ДЭМИАНА, стоявшего в нескольких шагах позади отца в фойе его дома.

И тогда я снова потеряла контроль.

Оторвавшись от БРОКА, я оттолкнула Дональда внутрь дома и бросилась на ДЭМИАНА, подняв руки, обнажив ногти, готовая выцарапать его чертовые глаза.

Он поднял руки, защищаясь, попятился, я не успела до него добраться.

Стальная рука обхватила меня за талию, я выдохнула: «уффф!», прижатая к БРОКУ, который захватил мою грудь и плечи другим стальным захватом.

Прошептав мне на ухо:

— Остынь, сладкая.

— Остыть, мать твою! — Завизжала я, пытаясь вырваться из его хватки, упираясь ногами, что есть сил, пока он попытался оттащить меня назад. При этом я не сводила глаз с ДАМИАНА.

— Ты гребаный мудак! — Продолжила я визжать.

— Что...? — Шокировано начал Дональд рядом со мной, но я продолжала кричать:

— Тебе мало было, что ты меня избивал? — Визжала я, БРОК замер, и я почувствовала, как Дональд тоже замер. — Тебе мало, что ты изнасиловал меня? — Продолжала я кричать, не обращая внимания на Дональда, который вскрикнул от моих слов, словно его ударили под дых. — Ты, как гром среди ясного неба, звонишь мне очередной раз и лжешь, бл*дь, желая заполучить свое, после того, как ты лгал мне столько лет, мать твою, я сбилась со счета с твоими женщинами, которых ты не переставая трахал, и в последний раз ты выдумал историю, что твой отец болен — очередная уловка, чтобы заставить меня встретиться с тобой.

— Боже мой, — прошептал Дональд, но я продолжала кричать:

— Но ты продолжаешь мне называть, несмотря на то, что я снова и снова прошу тебя не звонить мне и втягиваешь меня в свое деръмо с УБН, ФБР и полицией, а сейчас нанимаешь киллера, чтобы он убил моего парня, мать твою, прямо перед моим домом!

ДЭМИАН не сводил с меня глаз, когда я перестала кричать, тихо произнес:

— Тесс...

— Да пошел ты! — Выплонула я. — Пошел ты, ДЭМИАН. Что я такого сделала? Чем я заслужила такую кару, что влюбилась в тебя? Чем я заслужила, что ты обращаешься со мной, как с последним куском деръма, и... Наконец-то, у меня появилось что-то хорошее в

жизни, прекрасное... наконец-то я почувствовала себя в безопасности, ты хочешь и это разрушить?

— Милая, я не... — начал было Дэмиан, но я перебила его, крича во все горло, мой крик был таким пронзительным, что пронзил комнату, словно стрела, но я продолжала кричать:

— Не смей меня называть дорогой!

Дэмиан смотрел мне в глаза. Брок прижал к себе. Я уставилась на Дэмиана, огонь опалил мою кровь, голова кипела, мозг был таким горячим, черт побери, что сжигал меня заживо. Потом Дэмиан отвел от меня взгляд, повернул голову в сторону, его лицо приняло озабоченное выражение, и он сделал несколько шагов в сторону, сказав:

— Отец...

— Нет, — отрезал Дональд, и я оторвала свой взгляд от Дэмиана, переведя его на Дональда, стоящего у стены фойе, упираясь рукой о стену, явно чтобы поддержать себя в вертикальном положении. Его лицо было бледным, в глазах, обращенных на сына, появилась обида. Да, я давно его не видела, но мне всегда казалось, что он выглядел моложе своих лет, за счет юмора и жизнелюбия. Но сейчас он выглядел, как будто ему было далеко за семьдесят два, может даже за девяносто.

И от его вида по мне прокатилась волна боли, руки непроизвольно потянулись к рукам Брука, я сжала пальцы на груди, другой руки на животе, отчего обхват Брука напрягся.

— Вот почему, — прошептал Дональд, обращаясь к сыну.

— Папа, — прошептал в ответ Дэмиан.

— Вот почему мы потеряли Тесс.

Я почувствовала, как слезы наворачиваются у меня на глазах.

Дональд, не отводя взгляда от Дамиана, с трудом прошептал:

— Ты насиловал Тесс?

— Этого не было... — начал Дэмиан, отчего я тут же выпрямилась, слезы испарились, и я подала голос:

— Было, — отрезала я, и Дэмиан посмотрел на меня.

— Тесс, — он отрицательно качнул головой и стал поднимать руку, — тогда все вышло из-под контроля.

О.

Мой.

Бог.

Брок издал низкий горловой звук, его руки еще сильнее сжались вокруг меня, но я даже не задумалась об этом предупреждении, потому что в очередной раз растеряла свой контроль.

— Вышло из-под контроля? — Закричала я.

— Тесс... — снова начал Дэмиан, переводя взгляд с меня на Брука и опять на меня, честное слово, казалось, что он раздумывал — может стоит подойти ко мне ближе.

— Не смей приближаться ко мне, ублюдок, — отрезала я. — И когда женщина дерется с тобой изо всех сил, крича: «Нет!» во всю глотку, безудержно рыдает и умоляет тебя остановиться, а ты все равно продолжаешь ее трахать... ты считаешь... что это не изнасилование, несмотря на то, что она твоя жена?

И так напряженные руки Брука дернулись в конвульсиях во время моей речи, но я полностью сосредоточилась только на Дэмиане, который всего лишь вздрогнул.

— Ты уехала на следующий день, Тесс. И не дала мне шанса объясниться.

Я почувствовала, словно мои брови взлетели до линии волос.

— Объясниться? — Переспросила я. — Объясниться? — Повторила я свой вопрос. — Ты что, сейчас под кайфом?

— Тесс, я был...

— Прокладывал свой путь через наркокартель, — закончила я за него, затем наклонилась вперед, обхватив руки Брука, потянув Брука за собой. — Я в курсе, — прошипела я и откинулась назад на грудь Брука.

— Стресс, да? — Спросила я. — Ты в таком напряге, что внезапно теряешь способность оставаться порядочным человеком, и всякий раз теряешь терпение, когда твоя жена начинает задавать обычные, ничего не значащие вопросы: «Дорогой, почему ты так напряжен?» и просит убрать тебя свои руки. И когда она говорит окончательное «нет» сексу, ты сходишь с ума и насилишь ее. Дааа, тебе было тяжело справляться с таким стрессом, пока ты поднимался на самую высокую вершину преступного мира, Дэмиан. Мне жаль, что ты встретил меня, а не другую женщину, которой ты бы мог скормливать свое дерьмо. Прости, что я была такой дерьмовой женой.

— Ты была совсем не дерьмовой женой, — прошептал он.

— Знаю, — отрезала я. — Это шутка, мудак.

— Я признаю, что совершил ряд неправильных действий и позволил эмоциям взять над собой верх, Тесс, — произнес Дэмиан.

— Как великодушно с твоей стороны, — тут же ответила я. — Хотя, Дэмиан, неправильные решения и эмоции не в состоянии разрушить жизнь человека. Разрушают действия, которые ты совершаешь по отношению к другому человеку, который, как оказалось, тебе совсем не дорог, и то, что ты совершаешь по отношению к людям, с которыми не знаком столько лет, сколько со мной.

— Я ... — начал он, стиснув зубы, потом отвернулся, запустив обе руки себе в волосы, я запоздало заметила, что он выглядит вполне прилично. Как и его отец, которого едва коснулась старость. И поскольку он был настоящим мудаком, его совершенно не беспокоило, что он может оставшуюся жизнь провести за решеткой. Он был на три дюйма ниже Брука и фунтов на тридцать легче. У него были светло-каштановые волосы. Темно-карие глаза. В хорошо сшитых темно-синих брюках с отчетливой складкой. В светло-голубой рубашке, которая, я знала, была сшита специально для него, потому что он всегда тратил кучу денег на одежду.

Отполированные, темно-коричневые, итальянские кожаные туфли.

Даже сейчас в нем присутствовал его магнетизм. Даже сейчас, несмотря на то, что я уже давно не была его женой и не испытывала к нему никаких чувств, кроме ненависти, я ощущала его магнетизм. Он обладал приличной внешностью, не бандитской, в отличной одежде, которую сидела на нем отлично, в нем присутствовала скрытая харизма, работающая на полную катушку.

Его обаяние было ядовитым.

Токсичным.

Он опустил руки и посмотрел мне в глаза.

— Если бы ты предоставила мне возможность все объяснить за ланчем, прежде чем ушла, я хотел все объяснить и загладить свою вину.

Загладить свою вину?

Возможно, он сейчас точно обкурился.

Но Дэмиан продолжал:

— Я пригласил тебя на ланч, чтобы объяснить все... — он перевел взгляд на Брука, потом снова на меня, — по поводу денег. Я хотел пройтись с тобой по банковским документам. Хотел, чтобы ты... — он снова посмотрел на Брука, потом снова на меня, — если со мной что-то случится, ты осталась обеспеченной.

— Ты хотел, чтобы я осталась обеспеченной? — Переспросила я с насмешкой в голосе, смешанной с шоком.

— Да, — отрезал он.

— Почему? — Задала я вопрос.

— Потому что ты была моей женой, и я все еще люблю тебя, потому что я облажался и хотел загладить свою вину.

— И поэтому ты решил... — прошептала я, но остановилась, не в силах продолжать. — Решил, чтобы загладить свою вину, вторгнуться в мою жизнь, решив обременить меня своими нечестно заработанными деньгами, и когда я отказалась воскликнуть: «Ура!» на твое супер щедрое предложение, ты решил подделать мою подпись на финансовых документах, тем самым, продолжая вмешиваться в мою личную жизнь, мать твою, хотя лучшее, что ты мог сделать, это построить машину времени, вернуться в прошлое и все переиграть, сделать так, что ты никогда не повстречался со мной, может тогда бы ты оставил меня... бл*ть в покое...?

Он сжал губы, не сказав ни слова.

Я повернулась к его отцу.

Чувствуя себя полностью раздавленной из-за всей этой ситуации, потому что его отца эта ситуация просто убивала.

Но я ничего не могла с этим поделать. Не могла. С меня было достаточно.

Поэтому я даже не собиралась каким-то образом смягчать данную ситуацию.

— Я люблю вас, — тихо произнесла я. — И всегда буду любить. Я часто вас вспоминаю, так часто... — я затаила дыхание и решила остановиться, потому что развивать дальше эту тему не могла. — Ваш сын многое отнял у меня, заставив меня страдать, вы даже не поверите какую боль я испытывала... лучше вам не знать. И потеря вас для меня стала частью этой боли и страданий, которые я пережила.

Глаза Дональда наполнились слезами; я смотрела в его глаза и ощущала, что мои тоже наполняются слезами.

— Милая, — прошептал он, отнимая руку со стены и отворачиваясь от сына.

— Я люблю вас и скучаю, но я не вернусь... никогда, что бы не было с Дэмианом. Я не хочу больше иметь ни малейшее напоминание о нем в своей жизни, которые разъедают меня изнутри. Я решила отпустить эту ситуацию и не хочу ее возвращения. Я не хочу, чтобы он меня отравлял. Больше никогда. Дэмиан отнял у меня восемнадцать лет жизни. Думаю, что этого достаточно.

Я видела, как отец Дэмиана от моих слов сглотнул.

— Мужчина, который все это время сдерживал меня здесь... мужчина моей мечты, Дон, — тихо произнесла я. — Сегодня в него стреляли. Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что это рук Дэмиана. У моего мужчины есть семья. Есть дети. И у него есть я. Прошу тебя, поговори со своим сыном. Пусть он больше не лезет в мою жизнь, оставит меня и всех, кого я люблю, в покое. Пожалуйста. Прошу тебя, сделай это ради меня.

Дональд шмыгнул носом, его глаза все еще были влажными, слез только прибавлялось, но он кивнул.

Я оглянулась на Дэмиана и заявила твердым, но подрагивающим, голосом:

— Я больше никогда не хочу тебя видеть. Если ты хотя бы раз выслушаешь мои слова и услышишь то, что я говорю, а не то, что ты хотел бы слышать, тогда слушай внимательно. Я никогда, больше никогда не хочу тебя видеть. Никогда. Несмотря ни на что. Мне не нужны твои деньги. Мне не нужно признание твоей вины и извинения, а также твои объяснения. Ты не сможешь возместить мне то, что отнял у меня за все эти годы, которых я лишилась, отравленная твоим ядом. Не звони мне. Не приходи ко мне домой. Больше не лезь в мою жизнь. Не связывайся с людьми, которые мне дороги. Убирайся с моей дороги и держись подальше от меня.

— Тесс, — прошептал Дэмиан, и в его глазах отразились боль и сожаление.

Боль и, мать твою, чертовое сожаление.

Чертов ублюдок.

— Убирайся и держись подальше от меня, — прошептала я в ответ.

Затем, не глядя на Дона, я сделала несколько шагов к двери. Брок тут же среагировал на мое направление, сняв свой стальной захват. Но он схватил меня за руку и повел через двор к своему пикапу, припаркованному позади моей машины.

Он нажал на кнопку сигнализации и открыл пассажирскую дверь прежде, чем я успела сообразила, что он делает.

Я остановилась, как вкопанная, перед открытой дверью его машины и подняла на него глаза, мягко произнеся:

— Я в порядке и в состоянии сесть за руль.

Он отрицательно качнул головой, аккуратно подтолкнув меня к сиденью, сказал:

— Залезай, детка.

— Я не хочу оставлять здесь свою машину, — ответила я.

— Садись, не переживай. Я разберусь.

— Брок...

Он приблизился ко мне, и мне пришлось запрокинуть голову вверх, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Залезай, Тесс, — опять мягко произнес он.

Я закусила губу, потом кивнула, он отодвинулся, и я забралась в машину.

Он обогнул капот, уселся рядом со мной, его пикап ожили, и мы двинулись.

И когда мы поли в Йель, мне пришло в голову, что среди многих удивительных способностей, которыми обладал мой мужчина, ясновидение явно было одной из них, потому что, когда сошел адреналин, меня накрыли эмоции, я снова потеряла над собой контроль, растворившись в глубоких, раскачивающихся, неконтролируемых рыданиях.

Я полностью пребывала в своих рыданиях, что даже не заметила, как мы остановились перед моим домом. Я даже не поняла, как попала внутрь. Не поняла, каким образом мне удалось свернуться калачиком на кровати. Вдруг я оказалась на кровати, продолжая рыдать.

— Ей очень плохо, Марта, мне нужно поговорить с полицией, а ты нужна ей, поэтому ты нужна мне здесь и сейчас. — Я даже не слышала, как Брок сказал, потому что рыдала без остановки: — Моя женщина рыдает на кровати после всего этого дерьяма, я не могу поехать с копами в участок и составить протокол. Я не могу оставить ее одну. Парни снаружи исследуют местность, тебе необходимо приехать к нам.

Но только эти слова запечатлелись у меня в мозгу, а потом я почувствовала, как Марта забралась ко мне в постель, прижалась ко мне всем телом и крепко обняла.

Тут я услышала голоса в гостиной.

— Кто здесь? — Спросила я, шмыгая носом.

— Копы, милая, — прошептала она. — Брок занят кое-какими делами после того, что произошло сегодня вечером.

Конечно.

Я с силой зажмурилась и появилось еще больше слез. Нашупав ее руку на своем животе, я притянула ее к своей груди, сцепив наши пальцы.

Я открыла глаза и прошептала:

— В него стреляли сегодня.

— Я знаю, — прошептала она в ответ.

Я сжала ее руку, и новые слезы обожгли глаза и засвирбило в носу.

— Я не хочу его потерять.

— Я знаю, милая.

— Его коллеги тоже не хотят его лишиться.

— Понимаю.

— Его семья...

— Шшшш, Тесс.

У меня перехватило дыхание.

Тогда я заявила, дрожащим голосом:

— Я ненавижу Дэмиана.

Она еще сильнее сжала меня в своих объятиях, накрыв второй рукой наши сцепленные руки.

— Я тоже.

Я замолчала. Марта тоже.

Потом я еще раз прерывисто вздохнула и произнесла:

— В духовке готовится курица.

— Я выключила духовку, — ответила она мне. — Ты голодна? Хочешь, я тебе что-нибудь принесу?

— Нет, но Брок...

— Он большой мальчик, дорогая, он может о себе позаботиться.

— Я знаю, но...

— Тесс, милая, поверь мне, — сказала она, сжимая мою руку. — Сейчас он меньше всего думает о еде. В данный момент он полностью сконцентрирован на заявлении в полицию и при этом изо всех сил старается не разрушить твою гостиную. Он старается все держать под контролем. И не думаю, что первая мысль, которая посетит его, когда он придет в себя, будет касаться ужина.

Я согласно кивнула и произнесла:

— Мне необходимо пойти к нему.

— Нет, — она еще сильнее прижалась ко мне. — Он хочет, чтобы ты была здесь в безопасности со мной, пока он будет разбираться с произошедшим дерзом. Дай ему такую возможность. Сделай то, в чем он нуждается, а пока лучше разберись со своим дерзом.

Она была права.

Поэтому я снова кивнула, поудобнее устроившись в ее объятиях.

Она долго держала меня в своих объятиях. Голоса в гостиной смолкли, но Брок не появлялся.

Потом она почувствовала, что я начала приходить в себя (и она была права), я поняла это, потому что Марта сжала меня в своих объятиях, сказав:

— Курица сгорела, так что мне придется позаботиться об ужине. Пора тебе поесть.

Она отстранилась, и я перевернулась на спину, взглянув на нее.

Она легла рядом со мной, даже не сняв пальто.

Марта пришла прямиком ко мне, даже не сняв пальто.

У меня навернулись новые слезы, но я попыталась их сдержать, предложив:

— Может ты не будешь...

— Я не собираюсь готовить, Тесс. «Ривьера».

Что ж, для меня это было настоящим облегчением.

— Чили релленос, — тут же заявила я, и она усмехнулась.

Она усмехнулась, а потом пробормотала:

— Как будто я этого не знаю, — скатилась с кровати, обогнула ее, снова ухмыльнулась мне и исчезла.

Она точно знала, что мне нравятся «Чили релленос» от «Ривьера», учитывая, что я съела за все время примерно семьсот двадцать две тарелки «Чили релленос», сидя напротив нее.

Я подождала немного, потом встала, прошла в ванную, сняла контактные линзы, умылась и вернулась в спальню за очками.

Затем я вышла в гостиную и увидела Брука у входной двери, разговаривающего с Леви и Ленор.

Интересно.

Свежие новости — Ленор не исчезла из жизни Леви. Ленор присутствовала на Рождественском обеде и новогоднем ужине с кругу семьи Лукасов. Когда я спросила об этом Брука, он сказал, что понятия не имеет, что происходит между ними двумя, но, когда я надавила на него, чтобы узнать самые «интересны грязные» сплетни, он заявил, что не собирается устраивать своему брату допрос с пристрастием третьей степени по поводу его личной жизни. И Брок твердо это заявил, поэтому я неохотно отступила.

Но надеялась на лучшее.

— Привет, Тесс, — окликнул меня Леви, ласково смотря на меня своими карими глазами, такими знакомыми, так обычно его брат смотрел на меня.

— Привет, Леви, — я перевела взгляд на Ленор. — Добрый вечер, Ленор.

— Добрый, дорогая, — тихо ответила она.

Я подошла поближе, и Брок обнял меня за плечи, прижимая к себе.

Я запрокинула голову, посмотрев на него, и он сообщил мне:

— Все хорошо.

Но будет не все хорошо. По крайней мере, сейчас уже было все хорошо.

Я посмотрела на Леви и Ленор.

— Спасибо, ребята, что зашли.

— Без проблем, — пророкотал Леви.

— Останетесь на мексиканскую еду с доставкой? — Поинтересовалась я.

— Нет, мы уже поели, Тесс, и нам пора. Но спасибо, — ответил Леви.

Я кивнула.

Ленор улыбнулась мне.

Леви посмотрел на брата и вздернул подбородок.

— Я провожу тебя, — пробормотал Брок, взглянув на меня сверху вниз. — Оставайся здесь, детка, ладно?

Я кивнула, поцеловала его в щеку, обняла и еще раз поблагодарила Леви и Ленор, Брок вышел вслед за братом и его девушкой.

Я закрыла за ними дверь, но осталась наблюдать в маленькое окошко, измученная ужасом стрельбы, адреналином, истерикой, слезами, но не совсем измученная, чтобы не совать свой нос в дела Ленор и Леви, мне было ужасно любопытно.

И глядя на них, я точно поняла, что не зря надеялась на лучшее. Когда они шли по дорожке от моего дома, Леви обнял Ленор за плечи, а она обняла его за талию. Бонусом было еще и то, что, когда они остановились у внедорожника Леви, разговаривая с Броком, Леви прижал Ленор поближе к себе, а она положила голову ему на плечо, и тогда Леви еще ближе прижал ее к себе.

Отлично.

Удовствовавшись в лучшем, я отправилась на кухню, перестав совать нос в чужие дела. К тому времени, когда вернулся Брок, рядом со мной стояли две открытые холодные бутылки пива, из одной я делала огромный глоток.

Брок направился прямиком ко мне, и мне пришлось убрать руку в сторону, потому что, когда он подошел ко мне, он не затормозил, а обнял и притянул к себе.

Затем, уткнувшись мне в волосы, он спросил:

— Ты в порядке?

— Я думаю, это был катарсис, — пробормотала я ему в грудь, обвив его руками.

— Хорошо, — пробормотал он мне в волосы.

— Я хочу напиться, — продолжила я, и он усмехнулся. — В хлам. — Потом передумала насчет напиться в хлам, а Брок продолжал хихикать. А потом я снова передумала: — Нет, точно напиться.

Его руки еще сильнее сжались вокруг меня, потом он убрал одну руку, я запрокинула голову вверх на него, и именно в этот момент его свободная рука обвилась вокруг моей шеи, а большой палец стал поглаживать мне подбородок.

— Приступай, сладкая, — тихо произнес он.

У меня перехватило дыхание.

Потом я спросила:

— А ты в порядке?

— Ага, — немедленно ответил он.

— Брок... — начала я предостерегающе, но остановилась, как только он отрицательно качнул головой, а его большой палец перестал поглаживать мой подбородок, напрягаясь.

— Я могу ошибаться, детка, но ты сделала это. Не знаю, имеет ли он отношении к этому дерму, которое произошло сегодня перед твоим домом, но если имеет, то этого больше не повторится. Ты его подстрелила, если можно так сказать. Нет, ты его раздавила. С тем чертовым дермом, которое происходит у него в голове, он совершает совершенно не обдуманные поступки, и в данный момент ему придется довольно долго осмысливать твои слова, но думаю, что твои слова до него дойдут. Даже, если я окажусь не прав, и он все равно попытается начать очередной раз трахать тебе мозги, мне кажется, что в этот раз его отец свернет горы, чтобы заставить его остановиться.

— Что ж, это хорошие новости, — заявила я, — но я говорила исключительно о том, что в тебя стреляли.

Я почувствовала и увидела, как он небрежно пожал плечами:

— Не могу сказать, что это мое любимое занятие, детка, даже из списка Топ «Ста пятидесяти», но все в прошлом, и ты справилась.

Ладно, хорошо...

Фу!

Я пыталась соединить свои мысли, но, честно говоря, этим вечером и за последние годы я уже достаточно натерпелась. Поэтому решила разобраться с этим фактом, что в моего мужчину стреляли, позже.

Например, в следующей жизни.

Итак, пойдем дальше.

— Ты сказал, что возможно это был Дэмиан, то ты не уверен?

— Он был моим главным подозреваемым. Вернее, был им, пока я не увидел его сегодня, как он смотрел на тебя и как он относится к тебе. Скорее всего он не такой идиот, чтобы признаться перед копом, что он является заказчиком его убийства, но для меня было облегчением, что он не полный идиот, потому что он не признался прямо перед копом, которого заказал, и, самое главное, когда ты кричала на него, он выглядел по-настоящему удивленным, отрицая твои слова, хотя он так толком ничего и не сказал, потому что ты продолжала на него орать.

— Мне необходимо было снять камень с души, — тихо произнесла я, Брок усмехнулся, его рука лежала на моей шее, а рука, обернутая вокруг спины, сжалась.

Затем он наклонил голову и коснулась своими губами моих, потом поднял голову, прошептав:

— Да, и я рад, черт побери, что ты это сделала. Ты была великолепна, сладкая. Черт! Феноменальна.

Было приятно, что он так думал.

Но...

— Я снова потеряла контроль, — прошептала я, прижимаясь ближе к нему.

— Нет, ты приобрела его, — возразил он.

— Что?

— Детка, он отнимал у тебя силу. Сегодня ты вернула ее обратно. И это..., — его рука резко сжалась при слове «вернула», он придавал мне силы еще больше своими словами, опустив свой лоб на мой, — было превосходно.

Я закрыла глаза и глубоко вздохнула.

Потом открыла глаза и произнесла:

— Но ты все время стоял у меня за спиной.

— Я всегда тебя прикрою.

И теплая волна омыла меня, рука соскользнула с его спины, прошлась вверх по его груди, шеи и остановилась на скуле.

— Спасибо, — прошептала я.

— Не за что, Тесс, — прошептал он в ответ.

Он поднял голову и провел большим пальцем по моему подбородку, я проводила пальцами по его щеке, двигаясь к волосам.

Тогда он и заявил, чтобы «дерньмо, произошедшее сегодня вечером, я выбросила из головы».

Поэтому я моргнула.

Потом спросила:

— Прости?

— Случившее в прошлом, рапорт составлен, телефонный звонок проверяют. Ты продолжаешь жить своей жизнью. Дальше печешь торты. Проводишь время со своими друзьями. Сообщаешь мне, где ты находишься и куда собираешься пойти. Я пошлю кого-нибудь, чтобы присматривали за твоей пекарней, а также кое-что установлю у тебя в доме.

— Брок...

— Вэнс хорош в этом деръме, безупречен. Я поговорю с ним.

— Брок...

— Патрульные будут регулярно проезжать мимо дома, будь начеку. И твоя пекарня теперь тоже в поле их зрения.

— Дорогой, ...

— В полиции имеются гильзы от пуль. На них могут оказаться отпечатки. Парень был в лыжной маске, но я запомнил его телосложение, марку и модель машины, частный номер, и он был без перчаток, поэтому нам известно, что он белый.

— Могу я..

Его большой палец перестал поглаживать мою шею, нажав.

— Ты должна быть смышленой, должна быть бдительной, но я прикрою тебя, Тесс, я всегда этим занимался. Тебе не следует беспокоиться об этом.

Я уставилась на него, предполагая, что может Брок под адреналином.

— В тебя сегодня стреляли, — напомнила я.

— Да, детка, такое случалось и раньше. Я надеюсь, что это не повторится, но при моей работе всегда имеется такая возможность. Я разберусь с этим, ты — моя женщина, ты делаешь то, что делала и раньше.

— Но...

Его рука переместилась и большой палец прижался к моим губам.

— Сейчас это твоя работа, Тесс — быть смышленой и бдительной. Ты со мной, ты идешь на это, и ты со мной. И женщина, которую я видел сегодня, орущая в лицо монстру, изнасиловавшего ее, у нее не будет проблем с безопасностью. Единственный способ победить ублюдков, которые пытаются трахнуть тебя, это не дать им себя поиметь. Значит, договорились.

Черт побери, я ненавидела, когда он говорил так, но его слова имели смысл.

— Так как? — спросил он, когда я ничего не ответила.

Я опять молчала.

— Марта спрашивала, что ты будешь заказывать у «Ривьера»?

— Ага, она спрашивала, теперь ты меня поняла?

А еще меня раздражало, что я не могла на него наехать.

Поэтому закатила глаза.

А потом сказала:

— Я все поняла.

Он усмехнулся. Затем наклонил голову и снова коснулся губами моих губ. Потом оторвался от меня и посмотрел на столешницу.

И снова посмотрел на меня.

— Это для меня или тебе двойной фистинг?

— Для тебя, — ответила я, хотя прозвучало как план. Пока я не взяла в кулак вилку, окуная в чили реалленос.

Он убрал с меня одну руку, схватив свое пиво. Я запустила пальцы в его волосы, обхватила за талию и подняла свою бутылку с пивом, чтобы сделать очередной глоток.

— Что ж, нашу жизнь не назовешь скучной в ней есть что-то хорошее, имеются бывшие, отравляющие наше существование, ночные телефонные звонки, прерывающие великолепный секс с неминуемым оргазмом, и перестрелка во дворе моего дома.

Брок сделал глоток, опустил руку с бутылкой, согласившись:

— Неaaa, не назовешь скучной.

— А я тем временем изучаю места отдыха, пляжный отель, сам пляж, бар, в котором подают коктейли, которые на вкус напоминают жидкие конфеты. Если ты не сможешь взять отпуск, я буду продавать свои торты на углу улиц, чтобы заработать деньги, и ты смог бы тогда взять отпуск за свой счет, мы похитим Рекса и Джоуи, если другого выхода не будет, потому что я не смогу дождаться весенних каникул, которые будут через два месяца, в конце концов, потом, когда вернемся разберемся с обвинением в похищении детей.

Он посмотрел на меня сверху вниз.

— Оно того стоит, обещаю, — заверила я его.

Он продолжал смотреть на меня сверху вниз.

— Мы предоставим Рексу и Джоуи отдельную комнату. Прилегающую к нашей, с замком с нашей стороны.

Он отвел взгляд, пробормотав:

— Вот это другой разговор! — и сделал еще глоток пива.

Я ухмыльнулась и тоже сделала еще один глоток.

В дверь с силой постучали.

Марта с мексиканской едой.

Нет, моя лучшая подруга Марта, бросившая все, чтобы помочь мне прийти в себя после серьезной истерики, сейчас стояла за дверь с чертовски хорошей мексиканской едой на вынос.

И, как обычно, наши скачки по ухабам продолжились.

Но в настоящий момент эти скачки несли положительные моменты.

Поэтому я собиралась воспользоваться этой возможностью.

И Брок, очевидно, тоже, потому что, не колеблясь, убрал с меня руку и направился к входной двери.

Может, он просто проголодался.

Тем не менее, наши скачки продолжатся не только на кухне. Я поняла это, стоя в своей сказочной кухне с бутылкой пива в руке и моим мужчиной, направляющимся к двери, лучшей подругой и чертовски хорошей мексиканской едой, наблюдая за задницей Брука. Определенно продолжатся.

Абсолютно.

19. День «Торты Тесс»

— Тесс! Твой горячий парень пришел сюда! — Нора, одна из моих тинейджеров, помогающих мне с продажами, крикнула из общего зала. — И с ним пришли две мини копии таких же горячих парней.

Я оторвала взгляд от праздничного торта, который украшала, и посмотрела на вращающиеся половинки дверей, отделявших пекарню от магазина. Через несколько секунд улыбающийся, довольный Брок протиснулся через вращающиеся двери, а за ним — два ухмыляющихся его сына, которым явно понравилось, что их назвали «горячими» парнями, особенно такая хорошенъкая и бойкая девушка, как Нора.

Я была рада их увидеть, но, с другой стороны, удивлена.

Прошло больше недели после сцены с Дэмианом, сегодня была суббота, бизнес все еще процветал. Я была в магазине с семи утра, к полудню мне нужно было украсить шесть

тортов для дня рождения и три к юбилею. Также у меня должны были состояться две встречи с краснеющими будущими невестами, во время которых я должна была обсудить их свадебный торт.

Было начало двенадцатого, и снова (в основном) все руки были в зале, потому что работа кипела. Кэти с Норой и Суни работали продавцами, а Келли вернулась со мной и двумя другими моими экстраординарными кондитерами и декораторами в пекарню.

— Привет, дядя Слим! — Крикнула Келли, скатывая шарики из теста с корицей и сахаром.

— Привет, Джоуи, Рекс.

— Привет, Кэти, — отозвался Джоуи.

— Привет, — рассеянно произнес Рекс, удивленно рассматривая все вокруг, ощущая и чувствуя запах магии, происходящей вокруг, и его лицо имело именно это выражение — волшебства.

Я хихикнула, глядя на Рекса, перевела взгляд на Брука, который приветствовал племянницу, потом подошел ко мне, физически приветствовал меня, придвигнувшись и поцеловав в шею.

Затем его губы приблизились к моему уху, и он прошептал:

— Сладость.

Я вздрогнула, повернула голову и посмотрела ему в глаза.

— Привет, дорогой, — прошептала я в ответ, в его глазах отразились смешинки, я снова вздрогнула и перевела взгляд на мальчиков. — Привет, ребята.

— Привет, Тесс, — ответил Джоуи.

— Привет, — пробормотал Рекс, уставившись на огромный торт передо мной.

— С маком и малиновой начинкой, сливками и ванильной глазурью, — сказала я ему, он моргнул, глядя на торт, потом поднял на меня взгляд и опять моргнул, затем опустил глаза на торт и облизал губы.

Я снова хихикнула.

Затем я крикнула в сторону вращающихся дверей:

— Все, что они захотят, за счет заведения для моих мальчиков!

— Поняла, Тесс! — Крикнула в ответ Суни.

— Потрясающе, — пробормотал Джоуи и рванул к вращающимся дверям.

Рекса и след простыл.

Я снова хихикнула.

Потом посмотрела на Брука и спросила:

— Что ты делаешь здесь с мальчиками?

Я спросила, потому что мы заранее обговорили наши планы на сегодня. С учетом моего расписания и, сегодня предстоял девичник, а Брук должен был остаться с сыновьями, мне предстояло работать весь день, а потом я собиралась отправиться к Марте. В зависимости от уровня моего опьянения и времени завершения девичника, я собиралась отправиться к Бруку, предварительно позвонив ему, чтобы он забрал меня, но, если я буду слишком пьяна, то останусь у Марты.

Его посещение моей пекарни не стояло на повестке дня, поэтому для меня это был сюрприз, хотя и хороший.

— У тебя есть минутка? — Спросил Брук в ответ, и я задумалась, хороший ли это сюрприз на самом деле.

Я посмотрела на торт, который был почти готов. Я выпекала торты все утро, и мне оставалось их только украсить. Это был последний торт ко дню рождения, следующий был к юбилею. Встречи были назначены после трех часов. Поэтому у меня было время.

Я кивнула, положила кондитерский мешок, пробормотав:

— Давай пройдем ко мне в кабинет.

Мы вошли в кабинет, и когда я закрыла за собой дверь, заметила, как Брок стал озираться с нескрываемым удивлением вокруг себя, я поняла, что он никогда не был у меня в кабинете. Не тогда, когда мы встречались, когда он был еще Джейком, и даже не тогда, когда мы снова были вместе, когда он стал уже моим мужчиной.

Он посмотрел на хаос, потом на меня и просто сказал:

— Детка.

— Я знаю, где что лежит, — в свое оправдание ответила я.

Он снова огляделся по сторонам, потом снова посмотрел на меня.

— Не может быть.

— Правда.

Он усмехнулся.

Затем кивнул в сторону двери, скрестил руки на груди и заметил:

— Дурдом.

Я кивнула.

— Мне необходимо набрать новых сотрудников, декораторов в пекарню и продавцов в зал магазина. Даже в будни обстановка не становится лучше, спецзаказы выходят из-под контроля, их очень много, поэтому у меня нет времени помогать девочкам, пополняя обычные запасы для продажи.

— Тебе нужно подумать об открытии новых магазинов, — ответил Брок, и я моргнула. — Здесь полный дурдом, потому что это единственное место в Денвере, где люди могут купить твои сладости, поэтому здесь, у тебя в магазине, образуется такая толпа. Ты должна открыть магазины в Лодо, Парк Мидоу, в удобном месте, учитывая возможность дойти местным жителям... и прибраться.

Я, конечно, думала об этом после того, как узнала, что Брок не Джейк, когда мы расстались с ним на три месяца, и я стала одержима идеей что-нибудь предпринять, чтобы отвлечь свое внимание от него, выкинуть его из головы (все мои усилия, кстати, провалились). Я даже стала искать места для расширения своего бизнеса, в том числе в Лодо или в центре Денвера.

Однако, поиск новых мест для расширения моего бизнеса противоречил моим тогдашним планам — продать дом и переехать в Кентукки, поэтому я не особо подыскивала новое место. Понятно, что я основательно не исследовала Лодо и центр Денвера, потому что успех моего магазина отразился на мне резкой нехваткой времени, которое я хотела использовать, чтобы печь, украшать. На меня работал бухгалтер по договору, начисляя заработную плату и ведя финансовую документацию, но это был весь мой административный аппарат. Расписание персонала, заказ необходимых продуктов, инвентаризация, встречи и другое — все это я делала сама. Мысль, чтобы добавить к этому грузу еще один магазин или, еще хуже, два, не наполняла меня ликованием.

— Я не уверена в своем желании стать кондитером Денвера. Мне нравится печь и украшать. Я не собираюсь строить и руководить империей тортов.

Он ухмыльнулся, потом решил, что с дистанцией покончено, учитывая, что мой кабинет был крошечным то до меня оставалось всего два шага, так что расстояние было не таким

уж и большим, но все же ему явно не нравилось это расстояние между нами. Я поняла это, когда он разомкнул руки на груди, схватил меня за руку, с силой потянул к себе, я вынуждена сделала большой шаг вперед, упав на него. Затем он обнял меня обеими руками, я запрокинула голову, чтобы посмотреть ему в лицо, мои руки соединились вокруг его талии. Затем он не дал мне времени выдать комментарии или как-то отреагировать на изменение моего физического положения, продолжив говорить, как бы между прочим, словно рывком заполучив меня в свои объятия посреди разговора, было вполне обычным для него делом.

И в эту наносекунду я поняла, что для Брука это было, действительно, вполне обычным делом.

— Так найми бизнес-менеджера, чтобы он следил за тем дерзмом, которое ты не хочешь делать в разных магазинах, а сама выпекай и украшай, — предложил он.

Эта идея была достойной, но я все равно покачала головой, пояснив:

— Иногда, когда бизнес расширяется, все выходит из-под контроля. Можно потерять качество товара. Потерять индивидуальность. Речь идет о деньгах, а не о душе. Я вложила много труда в то, что сейчас имею, мое имя стоит на этих тортах. Для меня, малыш, это не просто сладости, это мое взгляды на жизнь — это я сама. И мне нужно контролировать весь процесс.

Это было мое видение, это была я. Не так давно я наконец поняла, кто я такая на самом деле, то, что живет у меня в душе, внутри у меня был не только огромный завиток глазури, под которой находился сочный, влажный торт. Еще был бледно-голубой, лавандовый, цветы гибискуса, колибри, улыбающиеся клерки и дети, которые входили с выражением на лице, как у Рекса, и выходили с улыбкой.

— Хорошо, дорогая, — тихо сказал Брук, и я снова сосредоточилась на нем. — У тебя была тяжелая ночь, так что ты могла пропустить слова Марты, но за мексиканской едой твоя подруга жаловалась... на свою работу. Ей не нравится там, где она работает, ненавидит то, чем занимается, она уже несколько месяцев пытается найти работу, но не находит ничего подходящего. Ты сказала, что твой доход увеличился в четыре раза, и это не предел, судя по очереди в магазине. Сейчас у тебя имеются средства, чтобы начать расширение своего бизнеса и у тебя есть человек, которому ты доверяешь, кто знает тебя лучше всех, разделяет твои взгляды, понимает всю важность твоего дела. Поговори с Мартой, может, она согласится на новую работу. Даже, если ты решишь не расширяться, с тем объемом покупателей, который сейчас у тебя имеется, ты все равно можешь позволить себе нанять менеджера, который бы смог тебя разгрузить от административной работы, а ты занималась бы тем, что предпочитаешь делать — печь и украшать торты.

Опять же, эта идея была достойна внимания, но в ней было что-то нечто большее. Как и многое другое. Большее.

— Отличная идея, дорогой, — прошептала я.

— Эгоистичная идея с моей стороны, детка, — прошептал он в ответ. — Чем больше денег ты заработаешь, тем больше сексуальныхочных рубашек я увижу, и если тебе будут помогать, то может, иногда я буду тебя видеть, когда ты не будешь совершенно измотанная, пытаясь это скрыть от меня.

Ясно? Можно даже не пытаться что-либо скрыть от Брука.

— Я поговорю с ней сегодня вечером, — согласилась я.

— Хорошо, — ответил он, сжимая руку.

— Итак, — я склонила голову набок, — ты пришел ко мне сюда, чтобы посоветовать, как наилучшим образом я могу развить свой бизнес?

Он отрицательно покачал головой и ответил:

— Нет, мне нужно на работу. Мама собирается пойти в кино с друзьями. У Лоры куча девчонок, потому что Элли вчера устроила пижамную вечеринку. Джилл и Фриц наслаждаются отдыхом в горах. Не думаю, что папа справится, Леви не отвечает на звонки, Кэти и Келли у тебя. Поэтому я должен попросить тебя присмотреть за мальчиками. Если я позвонюсь до Леви, я позвоню тебе и пришлю его забрать парней.

И тут я заметила, что он не в домашней футболке и не в своих домашних потертых джинсах, не в кожаной куртке, а в темно-синей водолазке (опять же, той, что я купила ему на Рождество), в красивых джинсах и черном пальто.

Рабочий наряд.

— Кто-нибудь схлопотал пулю на свою задницу? — Спросила я.

Он ухмыльнулся, покачал головой так, как всегда делал (так, как мне нравилось), когда я знала, что он считает меня милой, и ответил:

— Да, и этот кто-то сделал точно так же, как другой кто-то, рапорт о котором был на прошлой неделе у меня на столе. Я должен поехать на место преступления и разобраться с этим дерзмом.

Веселого было мало.

— Хорошо, — с готовностью согласилась я, и его руки снова сжались на мне.

— Мальчикам будет прикольно, — произнес он.

— Я знаю, что будет, — ответила я.

— Если они могут тебе чем-то помочь, пусть помогают, — предложил он.

— Они только что получили дежурство на кухни, — решила я.

Он снова улыбнулся. Затем наклонил голову и коснулся губами моих губ.

Поднял голову и пробормотал:

— Спасибо, сладкая.

— В любое время, дорогой, — пробормотала я в ответ, но даже не смотря на мой шепот, он знал, что я не шучу.

Поэтому улыбнулся, и улыбка исчезла, как только тень пробежала по его лицу, сообщив, как он хочет провести субботу со своими сыновьями, а не оказаться на месте преступления, разбираясь со всяkim дерзмом. Он видно хотел произнести это вслух, но передумал, пробормотав:

— Мне пора идти.

Я прижалась к нему и прошептала:

— Ага.

И получила еще одно пожатие, еще одно прикосновение губ (на этот раз ко лбу), затем он отпустил меня, приподнял мой подбородок, прошептав:

— Увидимся, детка.

А потом исчез.

Я последовала за ним, вышла с кухни в зал магазина, сказала девочкам, что у нас появились два новых помощника, подошла к Джоуи и Рексу к их столику, где они доедали морковный пирог (Рекс) и «Красный бархат» кекс (Джоуи), рассказала, чем им предстоит заняться, чтобы заработать на очередную сладость, при этой новости их глаза загорелись.

Только дети могли подумать, что убирать со столов, мыть кофейные чашки, тарелки и вилки в пекарне — это круто.

Или, может, так могли подумать только дети Брука.

И это было настоящим счастьем для меня, потому что я могла использовать их себе в помощь.

* * *

— Тетя Тесс! — Услышав крик, я отвернулась от стойки с тортами на задних полках как раз вовремя, наблюдая как Элли неслась через весь магазин, направляясь к концу прилавка, чтобы проскользнуть в проход прямиком ко мне.

К счастью, хотя ее скорость была сродни скорости олимпийца, который, не жалея своих сил тренировался ежедневно, поддерживая образ жизни спортсмена двадцать четыре часа все семь лет, у меня было время подготовиться к тому, пока она не врезалась мне в ноги, обхватив меня руками.

Свободную руку (в другой руке я держала поднос с кексами) я опустила ей на голову, рука сама собой соскользнула, как только она выгнула спину под невероятным углом, не отпуская мои ноги, и улыбнулась.

— Мама сказала, что купит нам розовые кексы! — взвизнула она, отскочив назад и захлопав в ладоши. — Я не могу дождаться!

Я улыбнулась ей, удивившись, что она сменила наряд принцессы на наряд русалки с ярким, переливающимся зеленым хвостом и внизу с сиреневыми раковинами на лифе, однако этот наряд скрывало зимнее пальто и милая, пушистая шерстяная шапка с помпоном сверху, которые не совсем соответствовали «глубине морской».

— Элли, немедленно выйди из-за прилавка! — рявкнула Лаура с другой стороны прилавка.

— Что я тебе говорила, когда тетя Тесс работает? Ты не заходишь к ней за прилавок, когда тетя Тесс работает.

Этого можно было бы не говорить. Элли всегда заходила ко мне за прилавок, когда появлялась тут, то есть она всегда заходила за прилавок, если тетя Тесс была за прилавком и делала именно то, что и сейчас — Элли со всего маха бросалась обхватывать меня за ноги.

— Она не против, — огрызнулась Элли, и это было правдой, но на лице Лауры тут же появилось мамино выражение, ясно говорившее, что она не в настроении спорить. Элли считала выражение лица своей матери, поморщилась, взглянула на меня, улыбнулась улыбкой во все, но не совсем все, зубы, и вскочила к матери.

— Иди, сядь за столик со своими подругами, — скомандовала Лаура. — Я через секунду принесу вам кексы и молоко, но, если ты не будешь слушаться, я не принесу кексы и молоко.

По лицу Элли я поняла, что она восприняла слова матери всерьез, потому что она без промедления собрала трех своих подруг, одетых в русалочки костюмы (очевидно, у вчерашней вечеринки была такая тема), и усадила их за свободный столик у окна.

Суни забрала у меня поднос с кексами, я благодарно улыбнулась ей в ответ и подошла к Лауре, и как только я оказалась рядом, она вполголоса забубнила:

— Напомни мне никогда больше не повторять своей ошибки. Я все понимала..., но забываешь роды, забываешь, как чертовски больно это бывает, убеждаешь себя, что ты хочешь еще ребенка. Элли все время приглашали на вечеринки с ночевкой, а сейчас оказалась наша очередь. Мне это не трудно. У меня нет проблем с этим, но главное не сойти с ума. Не оглохнуть от постоянного визга маленьких девочек, вот что главное. И не лишиться рассудка, это тоже очень важно. Если мамы этих девочек настолько глупы, что способны

спокойно относиться к такому уровню визга, шума и неуемной их энергии, что ж прекрасно, значит у они полно сил. Но я... нет.

Я кивнула, делая вид, что понимала ее жалобы (хотя, на самом деле, не совсем понимала), открыла рот, чтобы успокоить ее, но она продолжила:

— И Остин бросил меня. Вчера вечером он провел всего лишь четыре часа с девочками, а сегодня утром первым делом ушел, оставив мне... записку.

О боже. Не самый удачный ход со стороны Остина. У меня было такое чувство, что Остин теперь будет в немилости.

Лаура не могла остановиться.

— Хотя, он повел мальчиков завтракать, а потом в кино, так что я оказалась без Грейди и Дилана, но Грейди и Дилан — это сладкий торт по сравнению с четырьмя четырехлетними девочками. Элли рассказала своим подругам о твоих кексах и тортах, и они бесконечно просили их привести к тебе, и чтобы в конце концов они заткнулись, мне пришлось привезти их сюда. Но должна тебе сказать, Тесс, я не уверена, стоит ли им давать сладкое, хотя бы чайную ложку сахара. Они настолько полны энергии, что могут запросто, как мячики, отскакивать от стен. И если еще их накормить сладким, мне кажется они взорвутся, четырехлетние маленькие девочки в костюмах русалок.

Я прикусила губу и подождала, надеясь, что она продолжит жаловаться, пытаясь снять все, что наболело за вчерашний вечер, но она замолчала. Внезапно ее взгляд упал на доску с нашим прайсом на сегодня, но она смотрела на него оцепенело, остекленевшими глазами, и я поняла, что мыслями Лаура находится на необитаемом острове с крепким «Май-Тай» и любовным романом.

Я подождала несколько секунд, чтобы она могла побывать в своей фантазии, собираясь помахать рукой перед ее лицом, надеясь, что она вернется к нам, но меня опередили.

— Тетя Лаура, — позвал Рекс, выходя в зал в сопровождении Джоуи.

Лаура дернулась, губы растянулись в улыбке, она произнесла:

— Привет, малыш, — он обнял ее за бедра, она взъерошила ему волосы, затем ее глаза обратились к Джоуи, и она сказала:

— Привет, Джоуи.

— Привет, тетя Лаура, — ответил Джоуи, на два года старше своего брата, и эти два года были именно теми двумя годами, когда ты чувствовал себя уже взрослым, и не обнимал свою тетю за бедра.

С прибытием мальчиков я взяла инициативу на себя.

— Ладно, ребята, у меня для вас серьезная работа. Вашей тете нужна передышка, так что я хочу, чтобы вы подошли к столику, где сидит Элли со своим подругами и приняли у них заказ на кексы и молоко, положили кексы на тарелки и налили молоко, и попросили Кэти сделать вашей тете кофе. А еще, узнайте, чтобы ваша тебя съела сладкого с кофе, обслужите ее. А потом я бы хотела, чтобы вы побывали с Элли и ее подругами, следя, чтобы они хорошо себя вели. Готовы, парни?

— Конечно, — ответил Джоуи.

— Круто, — заявил Рекс, поинтересовавшись: — Мы теперь официанты, да?

Я улыбнулась ему.

— Да, вот так-то.

— Потрясающе, — пробормотал он, и его глаза опять загорелись.

Боже, эти дети были потрясающими.

— Ты займешься девочками, а я займусь тетей Лаурой, — приказал Джоуи, как старший брат. Рекс кивнул, привыкший к тому, что им командуют, и ушел. Джоуи направился к своей кузине Кэти.

Я посмотрела на Лауру.

— Ты хочешь на минутку прийти в себя в моем кабинете или может хочешь кофе на вынос, а мы с Джоуи и Рексом могли бы последить за девочками, пока ты будешь прогуливаться по магазинам на Черри-Крик? — Спросила я. — С Кэти и Келли, а также с мальчиками, я думаю, мы справимся с четырьмя девочками, а ты сможешь улизнуть от них на полчаса? Сорок пять минут, а?

— Теперь я поняла, почему Слим в тебя влюбился. Я всегда думала из-за твоего... богатства.

— Она кивнула на мою грудь, поясняя: — Он мой брат; и, хотя это звучит грубовато, но думаю ты уже и сама поняла, что он любит... женщин с грудью.

Я сжала губы, чтобы сдержаться от смеха, и заметить, что она не права. Да, Броку нравились сиськи, надо сказать, они ему очень нравились, но было бы глупо утверждать, что он не обращал внимание на фигуру и задницу, он осыпал вниманием и то и другое.

С другой стороны, существовало и еще кое-что, на что он обращал повышенное внимание, так что, кто его знает? Я точно понимала, что в данный момент не собираюсь делиться своими знаниями на что любил обращать внимание Брок, с его сестрой.

Но Лаура не дала мне шанса, продолжив:

— Оливия тоже была грудастой, но сбросила свое бремя в двадцать пять фунтов, хотя ей не следовало худеть на двадцать пять фунтов, но это не понравилось Слиму, но всем остальным его цыпочкам, — усмехнулась она, — понравилось однозначно. Но теперь мне все становится ясно. Здесь полный дурдом, а ты предлагаешь мне, матери на грани срыва, успокоиться и прийти в себя. Очень круто.

— Ну... спасибо, мне просто показалось, что тебе это необходимо, — ответила я ей.

— Не за что, — произнесла она, не могу сказать почему, но что-то привлекло мое внимание, и я посмотрела на фронтальное окно, у меня по спине тут же пробежал холодок, и я обнаружила, что у меня имеется сила супергероя, и эта сила супергероя не означала испечь супер-торт, она была Радаром на Настоящую Суку.

Оливия стояла перед окном, с блестящими пакетами с Черри Крик Норт, уставившись на Рекса, который явно выполнял заказы стайки русалок, потому что в данную минуту шел к Лауре и ко мне. Взгляд Оливии двигался за Рексом, поэтому переместился на меня. Выражение ее лица изменилось, и она решительно направилась ко входной двери в мой магазин.

— О-о, — пробормотала я, не сводя глаз с Оливии, внутри появилось неприятное чувство кручения, я поняла это, как только Лаура тоже заметила ее, пробормотав:

— С ума сойти, черт побери!

Оливия открыла дверь, сделав два больших шага внутрь, оглядела магазин, прищутившись посмотрела на Джоуи, а затем, стоя фактически в дверях, громко рявкнула на весь зал:

— Где Слим?

Я быстро посмотрела сначала на одного мальчика, потом на другого, стоявших рядом со мной, застывших на месте и во все глаза ошарашенно пялясь на мать.

— Я разберусь, — пробормотала Лаура, и меня охватила паника, потому что я боялась, что она действительно «разберется», в последний раз, когда она разбиралась с Оливией, Лаура кинулась на нее, желая исцарапать ей лицо, но прежде чем я смогла остановить сестру Брука, она уже направилась к Оливии.

— Держись от меня подальше, — громко рявкнула Оливия, тыкая в Лауру пальцем, отчего все клиенты, которых было достаточно в магазине, повернули головы к двум женщинам. Потом ее взгляд остановился на мне. — Где Слим?

— Он работает, а тебе лучше уйти, — ответила Лаура вместо меня.

— Мальчики, — тихо сказала я Джоуи и Рексу, — почему бы вам не пойти на кухню?

— Нет! — Воскликнула Оливия еще громче, начиная двигаться вперед, обойдя Лауру и приближаясь к Джоуи и Рексу, и ко мне. Затем, даже невозможно в такое поверить, она объявила: — Мальчики, вы идете со мной. Мы едем домой.

Я моргнула от шока.

Потом спросила:

— Что?

И в этот же момент Лаура, следовавшая за Оливией, тоже рявкнула (громко):

— Что?!

Оливия проигнорировала нас обеих и обратилась к своим сыновьям:

— Берите пальто и пошли.

Черт! Что мне делать?

Оба мальчика уставились на нее: Рекс — с открытым ртом, Джоуи — с нерешительным выражением, которое явно отчетливо было видно на его мини-сексуальном лице.

Ладно, я не могла точно сказать, как мне поступить, но я точно понимала, что должна что-то предпринять, и чтобы я не предприняла, я не собиралась это делать перед сыновьями Брука или своими клиентами.

— Оливия, — я шагнула к ней, — может нам стоит пройти во внутренние помещения и поговорить?

Она полностью проигнорировала мои слова, рявкнув на своих сыновей:

— Что я сказала?

— Это выходные Слима, — произнесла Лаура, придвигаясь к ней, Оливия резко развернулась к своей бывшей невестке.

— И что? Тогда где же он?

— Я же сказала, он на работе, — ответила Лаура.

— Ну, если он на работе, значит, он работает, это его проблемы, но мои сыновья сейчас не будут находиться с этой... — она ткнула в меня пальцем, — сукой. — При этих словах со всех сторон послышались громкие вздохи.

Хорошо, постой-ка.

Я не была сукой и не собиралась ею быть, и мне не нравилось, что меня так называли и уж точно не перед Рексом, Джоуи, моим персоналом и клиентами.

— Не могу поверить, что ты это сказала, — прошипела Лаура, чей гнев сменился яростью, а внимание вокруг нас сменилось от обычного любопытства к заядлому любопытству.

— Совсем не круто, — заявила Кэти за прилавком.

— Очень даже не круто, — вторила ей Нора.

— Очень, очень даже не плохо, — вставила свою реплику Суни.

— Может все же стоит перенести наш разговор в мой кабинет, — снова предложила я, стараясь держать себя в руках, — или, если ты против, на улицу.

Оливия окинула меня презрительно-сердитым взглядом, заявив:

— Ты для меня не существуешь!

— Ради Рекса и Джоуи, прошу тебя, Оливия, давай обсудим все в другом месте.

Она снова проигнорировала меня, посмотрев на своих сыновей

— Прямо сейчас, что я сказала. Пошли! — И направилась к двери.

— Кэти, позвони дяде, — приказала Лаура. — Рекс и Джоуи, оставайтесь на месте.

Оливия остановилась и развернулась к Лауре.

— Не указывай моим сыновьям, что им делать.

— Я делаю все, что считаю нужным, и не устраиваю сцен, — отрезала Лаура. — И это магазин Тесс.

— Меня должно это волновать? — Возразила Оливия.

— Нет, но я знаю, что это будет волновать дядя Слима и еще многих, — вмешалась Кэти.

— Что происходит? — Спросила Келли у меня из-за спины, я повернулась к ней, она морщась смотрела на Оливию, затем пробормотала: — Ох, я поняла, что тут происходит.

— Мама, что случилось? — Послышался тоненький, дрожащий голосок Элли, она и все ее подруги-русалки слегка испуганно смотрели на разворачивающуюся сцену.

— Все в порядке, детка, — отозвалась Лаура. — Мама просто разговаривает с Оливией.

— Пожалуйста, прошу тебя, — вмешалась я, чувствуя, что ситуация становится все хуже, с отчаяньем переведя взгляд на Оливию, — мы можем поговорить во внутреннем помещении?

Оливия снова меня проигнорировала, ее лицо окаменело, голос, разрезал воздух, став ледяным.

— Джоуи! Рекс! Сейчас же, марш!

Я придвинулась к ней поближе (хотя не очень близко, у нее все же были ногти, и я боялась, что она ими воспользуется) и тихо сказала:

— Я спрошу тебе еще раз, Оливия, ты пугаешь мальчиков, Элли и ее подруг, мы можем поговорить в другом месте? Когда мы вернемся, я позвоню Броку, и ты все сможешь обсудить с ним.

— К черту Брука и пошла ты нах*й! — вдруг закричала она, я невольно дернулась назад, как будто она меня ударили, почувствовав, как завибрировал воздух вокруг Лауры, за прилавком тоже ощущалось движение, потому что Кэти и Келли спешили к нам, я открыла рот, чтобы произнести очередные слова, но меня опередили.

И опередил меня Джоуи.

— Так нельзя, — прошептал он дрожащим голосом, и я отступила в сторону, обернувшись, увидев его бледное лицо и сжатые руки в кулаки. — Ты не должна так разговаривать с Тесс. Она хорошая женщина, добрая со всеми, ты не должна с ней так говорить.

Услышав его слова, моя ненависть к его матери достигла новых высот.

— Джоуи, дорогой, ты не мог бы взять своего брата и пойти во внутреннее помещение, — тихо настойчиво попросила я.

Но Оливия быстро подошла к Джоуи, обхватила его за плечи и резко дернула к себе:

— Когда я говорю тебе что-то сделать, ты просто берешь и делаешь так!

Воздух наполнился новыми вздохами, включая мой собственный, мы с Лаурой двинулись к Оливии, а Рекс отпрянул, но Джоуи высвободил свое плечо из рук матери и отступил, но в то же время твердо стоял на двух ногах, поэтому я остановилась, и Лаура тоже.

— Сегодня папины выходные, — объявил он.

— Если его выходные, то где он? — ввернула Оливия.

— Он вынужден был уехать на работу, мама. Он работает, мама. С кем-то случилось беда, и он отправился выяснить, как все произошло. Папа привез нас к Тесс, и, если ему нужно работать, мы можем побывать с Тесс. Нам здесь весело и нравится. С тобой увидимся завтра.

— Ты увидишь меня сейчас, а позже я поговорю с твоим отцом с кем он оставляет вас, — парировала Оливия.

Джоуи уставился на нее, и я заметила, что он борется, я тянулась к нему всей душой, но совершенно не знала, как поступить. Лучше бы, чтобы Брок был сейчас рядом с ним, но его отец работал, мой телефон был в кабинете, я не хотела оставлять мальчиков с Оливией, чтобы принести свой телефон. Но если я ему позвоню, и он узнает, что здесь происходит, Брок слетит с катушек.

К счастью или к несчастью, у Лауры мобильник находился в сумочке, и она принялась рыться в поисках него.

Джоуи заговорил снова, тихо, очень тихо и испуганно, но решительно:

— Мы не хотим тебя сейчас видеть.

О боже.

— Мне все равно, что вы хотите, а что нет, я твоя мать, и ты обязан меня слушаться, — рявкнула Оливия.

— Нам здесь нравится, — произнес Джоуи.

— Меня это не волнует, — ответила Оливия.

— Я знаю, — прошептал Джоуи, у меня сердце заболело, с меня хватит.

Но я не смела сделать то, что мне очень хотелось, а именно, хотя стыдно признаться, вцепиться этой стерве в волосы, как следует ее отвалтузить. Мне казалось, что том при количестве народа это будет не очень хорошо, хотя почувствовала бы я себя намного лучше. Поэтому я должна была сохранять спокойствие ради Джоуи, Рекса и Брука.

— Прошу тебя, — мягко произнесла я, — мы можем поговорить в другом месте?

Джоуи проигнорировал меня, сказав своей матери:

— Тебе пора идти.

Она моргнула, шок, отразившийся у нее на лице, был слишком заметен, затем спросила:

— Что?

Он не ответил матери, повернулся к брату и приказал:

— Иди во внутренние помещения с Кэти и Келли.

Я обратила внимание, что Рекс смотрел на все широко раскрытыми глазами и не собирался уходить, но у него не было выбора. Кэти подскочила к нему, схватила его за руку и с нежностью потянула за собой через врачающиеся двери, Келли последовала за ними.

Ладно, один ушел.

— Джоуи, милый, почему бы тебе не пойти с ними? — Предложила я.

Джоуи повернулся ко мне, отрицательно качнул головой так же, как его отец, и перевел взгляд на мать, сказав:

— Ты должна уйти.

— Повторяю еще раз, Джоуи, приведи сюда брата, возьмите пальто и следуй за мной.

— Нет, — мгновенно ответил Джоуи.

— Слим? — Произнесла Лаура, и все взгляды устремились на нее. — Извини, я знаю, что ты занят, но должна тебе сказать, что Оливия пришла в пекарню Тесс и устроила сцену, а также встряхнула Джоуи за плечи.

О нет.

Это плохо. Не то, чтобы это было неправдой, но ничего хорошего из этого не получится.

Лаура продолжила говорить:

— Да, он отказывается, Оливия разбирается с Джоуи, а все пятьсот клиентов Тесс наблюдают за этой сценой. Она не хочет уходить, хотя Джоуи просил ее об этом не один

раз, и не хочет пройти в кабинет Тесс, чтобы обсудить ситуацию, хотя Тесс неоднократно просила ее об этом. Прости, Слим, но думаю, тебе придется с этим разобраться.

К моему изумлению, Оливия надменно протянула руку к телефону Лауры, потребовав:
— Дай мне его!

Но Лаура захлопнула крышку телефона и сообщила:

— Слишком поздно, он сердится, он повесил трубку, и я предполагаю, что он уже в пути.
О нет!

Пришло время для экстренного маневрирования. Мне только не хватало здесь еще и разозлившегося Брука, наполняющего мою волшебную, счастливую пекарню своими разозленными, агрессивными флюидами. Он точно вступит в схватку с Оливией, и учитывая, что он не уклоняется от слов на букву «м», или слов на букву «б», слов на букву «х», двух слов на букву «м», и множества других слов. И хотя количество народа в пекарне было предостаточно, но я не хотела, чтобы мои клиенты в дальнейшем избегали «Торты Тесс» из-за страха стать свидетелем воинственной, сквернословящей домашней перепалки. А в данном случае, еще хуже.

— Думаю, — тихо произнесла я, — было бы неплохо, если бы тебя здесь не было к приезду Брука.

— А я думаю, тебе лучше не указывать мне, что делать, — парировала Оливия.

Я внимательно изучала выражение ее лица, сердце гулко стучало у меня в груди.

Потом я поняла, что она не лишиться сцены, несмотря ни на что, она хотела устроить скандал, и она собиралась его устроить, грандиозный скандал, особенно, если учесть, что в сцене будет участвовать сам Брук, а внимание Брука она хотела заполучить к себе больше всего.

Поэтому я пожала плечами.

Моим клиентам придется или уйти, или стать свидетелями, если здесь рванет, когда Брук и Оливия начнут выяснять отношения, я же забаррикадируюсь с мальчиками, Элли и ее маленькими русалками, вместе с моим персоналом у себя в кабинете.

Поэтому я ответила:

— Дело твое.

Потом повернулась к Джоуи и мягко попросила:

— Принеси заказ Элли и ее подругам, ладно? Потом пойди к брату и подожди вместе с ним отца. Ты не против, а?

Он посмотрел на меня, кивнул, скользнув взглядом по матери, затем бросился на кухню, чтобы принести заказ, который получил Рекс от Элли с подругами.

Я посмотрела на Лауру, не обращая внимания на Оливию, которая бросила сумки к своим ногам на пол, скрестила руки на груди, выставила одну ногу вперед и смотрела на меня с грозным выражением.

Я была права. Она собиралась устроить сцену, стоять насмерть, так сказать, бороться.

Господи, да что угодно. Теперь это были ее проблемы.

Поэтому я сказала Лауре:

— Я принесу тебе кофе. Ты хочешь одно кофе или может с кусочком торта?

Лаура поддалась тактике игнорирования Оливии, высказалась мне свое желание и направилась к столу дочери с ее подругами.

Я сварила ей кофе, взяла огромный кусок шоколадного торта с арахисовым маслом. Джоуи доставил заказ ее дочери с русалками и скрылся на кухне. Все это время Оливия стояла в своей стервозной позе, сердито поглядывая на нас.

Я только поставила кофе с кусочком торта на тарелке перед Лаурой, как в мой магазин вошли два офицера полиции.

Оливия напряглась. Лаура усмехнулась. Я вытаращила на них глаза.

— Мы получили заявление о возмущении спокойствия, — обратился один из офицеров ко всем присутствующим, затем его взгляд остановился на Оливии. — Блондинка. Под сорок?

— За сорок, истеричка, — радостно пробормотала Лаура.

— Она, — один из покупателей указал на Оливию, прежде чем я успела произнести хоть слово. — Она вошла и стала громко ругаться, хамила и не уходила, когда ее просили об этом семь тысяч раз.

— Да, это была она, — подтвердила другая покупательница из очереди. — И все это она совершила перед маленькими детьми. — Затем добавила еще одну несущественную деталь: — Детьми в костюмах русалок.

— И она положила руки на одного из мальчиков, и вся сцена была не очень красивой, — добавил другой клиент.

— Насколько я могу судить, он был ее сыном, но все же. Так нельзя. — Затем он продолжил бормотать: — Хотя он не был в костюме русалки.

— Ты приходишь в этот магазин, чтобы купить хороший торт или кексы с фиолетовой глазурью и посыпанные крошками, — вставил другой покупатель. — И вдруг какая-то наглая женщина врывается сюда и сбрасывает на всех футасную бомбу. Я имею в виду, что все это значит?

Очевидно, для офицеров полиции возмущения покупателей оказалось достаточным, потому что один из офицеров открыл входную дверь и, глядя на Оливию, сказал:

— Мэм, вы можете пройти со мной?

Она сжала челюсти, вздернула подбородок, прищурилась, но не сдвинулась с места. Это было еще одним доказательством того, что она была упрямой и глупой, крикливой сукой, любящей манипулировать другими людьми.

У меня никогда не было проблем с законом, за исключением того случая, когда Дэмиан втянул меня в свои грязные делишки, но поскольку я оказалась чиста, особого опыта общения с полицейскими у меня не было. Но все же, я была достаточно умна, чтобы осознать, если коп просит тебя вежливо что-то сделать, то тебе следует ему подчиниться.

Я поняла, что не ошиблась в своих домыслах, потому что офицер стал подробно все объяснять Оливии.

— Если вы ожидаете прибытия детектива Лукаса, то он занят, и мы не можем вам позволить его беспокоить, поэтому у вас есть два варианта. Вы можете выйти и поговорить с нами на улице, или мы можем отвезти вас в нашей патрульной машине в участок, и вы там нам все объясните. Но вы должны понимать, что при втором варианте, мы выведем вас в наручниках, поскольку вынуждены будем вас арестовать за неподчинение закону. Так какой вариант вы выберите?

Оливия шумно втянула носом воздух.

Потом наклонилась, подхватила множество блестящих пакетов с покупками с Черри Крик Норт и прошагала к двери.

Как только ее ноги переступили порог, вся пекарня разразилась громкими возгласами одобрения и аплодисментами.

Я прикусила губу, чтобы сдержать улыбку, посмотрела на улыбающуюся, словно ненормальная, Лауру. Затем зазвонил у нее телефон, один из офицеров последовал за Оливией, другой подошел ко мне.

— Я офицер Петри, — представился он.

— Тесс О'Хара, — ответила я. — Я, гм... — махнула рукой в сторону большой вывески, подтверждающей мое заявление, — владелица этой пекарни.

Он кивнул, его губы дрогнули, затем сказал:

— Я знаю Сlimа, поэтому знаю, кто вы. Я хочу узнать, что вы хотите, чтобы мы сделали, мисс О'Хара.

Я открыла рот, чтобы сказать, что я всего лишь хотела, чтобы Оливия ушла, но внезапно Лаура оказалась рядом со мной, протянув мне свой телефон.

Я удивленно взглянула на нее, и она пояснила:

— Слим.

Отлично.

Я кивнула, улыбнулась офицеру, как бы говоря «дайте мне минутку», взяла трубку, сделала глубокий вдох, приложила трубку к уху и тихо сказала:

— Привет.

— Подай жалобу, — тут же прорычал Брок, и в данную секунду ему удалось совершить новый подвиг, потому что атмосфера вокруг трубы наполнилась раздраженным гневом, хотя его здесь не было.

— Дорогой, — тихо ответила я.

— Подай жалобу, Тесс. Я хочу, чтобы это дермо было запротоколировано.

О. Точно. Это, вероятно, было бы неплохо для его дела.

— Хорошо, — согласилась я.

— Я слишком зол сейчас, чтобы обсуждать это дермо, поговорим позже.

Хорошо. Этого я жду с нетерпением.

— Увидимся, детка, — произнес он.

И отключился, и это означало, что он был зол, очень сильно зол, мне не нужны были еще доказательства. У меня было такое чувство, что с моего уха соскобили слой кожи, настолько он был разъярен, после двадцатисекундного разговора с ним по телефону.

Я захлопнула телефон, протянул его назад Лауре и сказал офицеру Петри:

— Я хотел бы подать жалобу.

— Восторг, — радостно пробормотала Лаура себе под нос.

— Вы не против, если я поговорю с вашими клиентами? — спросил офицер Петри. И я не могу сказать, что мне его идея совсем не понравилась, они видели, что из себя представляет Оливия, и сами дали понять, что не против обрисовать всю ситуацию, а их заявления могут помочь Броку заполучить полную опеку над сыновьями, которые с ним будут находиться в безопасности, хотя бы избавившись от этих кошмаров.

Поэтому я согласилась.

— Я поговорю с вами позднее, сначала нужно опросить их, пока они не ушли.

Я понимающе кивнула.

И он направился к очереди.

Я посмотрела на Лауру.

— Счастливый день, — радостно прошептала она. — Эта сука наконец-то получит по заслугам.

И то правда.

— Мне нужно пойти к Джоуи и Рексу, — сказала я ей, и ее глаза обратились к вращающимся дверям, и когда ее глаза вернулись ко мне, в них больше не было радости.

— Да, — ответила она. — Пришли Кэти или Келли присмотреть за моими девочками, я помогу тебе.

Я кивнула, прошептала «Спасибо», и пошла к вращающимся дверям.

Я вошла в заднюю комнату и обнаружила, что мальчики не плачут, но на их лицах отчетливо застыл страх.

К счастью, мы находились в пекарне и были окружены сладостями.

А сладости способны успокоить множество эмоций.

Как пластырь рану.

И это срабатывало в самых крайних случаях.

* * *

Полицейские ушли, Лаура и девочки тоже ушли, мальчики вернулись к своим обязанностям, хотя выполняли их с гораздо меньшим энтузиазмом потому, что их умы были заняты выходкой их матери, а также и потому, что вытирание столов и мойка посуды потеряли свой блеск (это было обычным делом, независимо от того, сколько тебе лет), я находилась в пекарне, украшая сахарной глазурью торт, когда рядом со мной на столе из нержавеющей стали зазвонил мой телефон. На дисплее появилась надпись: «Звонит Слим». Я затаила дыхание, взглянув на вращающиеся двери, не видно ли Джоуи или Рекса, чтобы оценить их настроение, потянувшись к телефону. Я ответила на звонок, не увидев в зоне видимости ни того, ни другого, приложила трубку к уху.

— Привет, — произнесла я.

— Парни в порядке? — спросил он вместо приветствия.

— Блеск дежурства на кухне увял.

— Понятно, — пробормотал он, и я поняла, что он понял, что я имею ввиду. — Леви был в спортзале, когда я пытался до него до звониться. Я наконец-то поймал его, и они с Ленор будут у тебя через полчаса. Они хотят сводить парней в кино, а потом где-нибудь перекусят. Я должен закончить к тому времени, тогда и заберу их, и с ними все будет в порядке.

Ага. Снова Ленор. Хм.

— Ленор? — С любопытством спросила я.

— Детка, — ответил Брок, не собираясь развивать эту тему.

— Хорошо, — пробормотала я, очередной раз сдаваясь.

— Лаура звонила мне и все рассказала, — сообщил он, я затаила дыхание, а он продолжил:

— Я позвонил адвокату домой и все ему рассказал. Она дернула Джоуи за плечо. Адвокат собирается использовать этот факт, обратиться к судье, чтобы поторопить это дерзкое дело. Она облажалась сегодня. Она облажалась две недели назад, когда кричала среди ночи Джоуи, что в ее дом влезли воры, и я вызвал копов. Все это напоминает поведение неуравновешенной женщины, которая не может присматривать и воспитывать двух парней. После сегодняшней сцены я думала о том же. Сегодняшнее поведение было не просто стервозным и манипулирующим, сегодняшнее ее поведение было далеко за гранью того, чтобы только запугать его сыновей.

Я не стала говорить Броку об этом.

Вместо этого я тихо сказала:

— Детка, ты бы видел Джоуи. Он заступился за меня, за себя и позаботился о брате. Ему требовалось много мужества, но ты бы гордился им.

На мгновение воцарилось молчание.

— Да, Лаура мне сказала.

— Он был великолепен.

— Я рад, что он был великолепен, дорогая, просто хотел бы, чтобы он больше не оказался в таком положении в своем возрасте, когда мог быть великолепен.

К сожалению, это было правдой.

— Ситуация была дерзкая, но в ней был и положительный момент, Брок, он оказался в ней, и он был великолепен. Он не отступил и не захотел уйти с братом. Ты должен гордиться им, потому что это означает, что у тебя, как у их отца и вашей семьи, растет сильный, умный, преданный сын.

Это было встречено еще одной минутой молчания.

Затем покашливая он произнес:

— Да.

— Она дернула его за плечо, малыш. И это нехорошо, но она не причинила ему боли.

— Твоя мать когда-нибудь прикасалась к тебе, когда злилась или выходила из себя? — спросил он.

— Нет, — прошептала я.

— Ко мне тоже, так что не знаю с чем сравнивать, но, по-моему, это не очень приятно.

К сожалению, он опять был прав.

— Да. — Прошептала я.

— Точно. — Теперь уже шепотом ответил Брок.

Некоторое время мы оба молчали, видно раздумывая над этим вопросом, потом Брок сказал:

— Неважно, напьешься ты или нет, и неважно насколько поздно позвонишь, я хочу, чтобы ты сегодня была в моей постели.

— Брок, Я..

Он прервал меня:

— Я хочу, чтобы ты была в моей постели, потому что я хочу, чтобы ты была в моей постели, но еще я хочу, чтобы ты была на моей кухне и приготовила завтра завтрак моим сыновьям. Им нужен хороший завтрак, и они должны находиться рядом с женщиной, которая заставляет их смеяться и чувствовать себя в безопасности. Они завтра последний день со мной, короткий день, потом они вернутся к ней домой. Я хочу, чтобы им было хорошо и комфортно, насколько это можно сделать. Ты можешь мне с этим помочь?

— Да, — мгновенно ответила я.

Наступило еще одно мгновение тишины, потом:

— Да, я знаю, что ты поможешь, — ответил он тихо, затем я услышала его вздох. — Мне пора.

— Хорошо, я скажу ребятам, что Леви и Ленор скоро приедут.

— Отлично, детка. Увидимся.

— Увидимся, дорогой.

И в телефоне возникла тишина в эфире.

* * *

Двадцать минут спустя Джоуи распахнул, придерживая, вращающиеся двери, встретился со мной взглядом, сказав:

— Дядя Леви приехал.

— Хорошо, дорогой, сейчас выйду, — ответила я, он исчез, а я перестала создавать горные завитки глазури на кексах, вытерла руки влажным полотенцем и направилась к выходу. Напротив моего фронтального окна магазина стоял великолепный брат моего мужчины и его столь же великолепная девушка, словно глямурные кинозвезды (я надеялась, что Ленор была его девушкой).

— Привет, ребята, — окликнула я их.

— Ничего себе, Тесс, я никогда здесь не была, — заявила Ленор, улыбаясь мне. — Выглядит просто потрясающе, я очень люблю гибискус и колибри. Они такие милые.

Я точно поняла, чем она мне нравится.

— Спасибо, детка, — ответила я, быстро обняв ее и коснувшись щеки, затем сделала то же самое с ошарашенным Леви. Я отступила назад и повернулась к парящим позади меня Рексу и Джоуи.

— Ребята, надевайте пальто, время пойти в кино и ужинать, — и они умчались, явно очень довольные, что покончили сегодня с дежурством на кухне.

После того как они убежали, улыбка Леви тут же померкла, глаза стали серьезными.

— По шкале от одного до десяти, насколько плохо было с этой сукой сегодня? — спросил он вполголоса, и я поняла, что ему уже все рассказала Лаура или Брок, а может оба, возможно, уже вся семья Лукасов была в курсе, учитывая сколько времени прошло.

— Гм... я столкнулась с ней всего один раз, это было неприятно, но, учитывая то, что я о ней слышала, думаю, что тогда было около пяти, сегодня — пятнадцать.

Он сжал губы.

— Мальчики с нетерпением ждут возможности провести с тобой время и, гм... конечно, со своей тетей Ленор.

Губы Ленор дрогнули от удивления и счастья, как только она получила титул тетушки, и я поняла это, потому что она скромно склонила голову набок, поэтому и пропустила взгляд Леви, который молча покачал головой.

— Они любят свою тетю Ленор, — добавила я, и Леви поднял глаза к небу. — Очень сильно, — продолжила я, Ленор посмотрела на меня, А Леви отвел глаза. — Я опережаю тебя в их любви только тем, что у меня есть пекарня. Но думаю, сегодня ты выбьешь у меня почву из-под ног, потому что в моей пекарне им пришлось убирать со столов и мыть посуду в течение четырех часов. Ты любишь футбол, а твой младший брат играет за Нотр-Дам. После сегодняшнего вечера ты явно станешь их фавориткой.

— Не уверена, что когда-нибудь смогу конкурировать с твоими кексами и тортами, и я слышала про твои потрясающие завтраки.

— Ну, не знаю, — ответила я. — Они любят футбол, и они сыновья своего отца, поэтому я даже не пытаюсь скрыть ступор, в который впадаю всякий раз, когда вынуждена смотреть игру вместе с ними по телевизору.

Ее улыбка стала шире, и я посмотрела на Леви.

— О-о-о, — протянула я, — пойти в кино и на ужин со своей девушкой и племянниками... по-домашнему.

Он снова покачал головой, но в уголках глаз появились морщинки, а рука скользнула к талии Ленор в тот самый момент, когда вернулись мальчики.

— Да, — подтвердил он, когда Ленор прижалась к нему и ее улыбка стала мечтательной. А когда она растаяла в его объятиях, Леви не только перенес ее вес на себя, но его рука заметно напряглась.

Да. О да.

Я поняла, к чему все идет. Кто-то, наконец, проснулся и сфокусировался на милой, красивой, стильной молодой женщине, которая появилась в его жизни, обожающей его и прикрывающей его спину.

— Да, — прошептала я, улыбаясь ему, потому что была счастлива за него (и за Ленор), затем освободила его от краткой (но заслуженной) пытки и наклонилась к сыновьям Брука, по очереди целуя каждого в макушку, они терпели мои поцелуи, шаркая ногами, потом сказала:

— Повеселитесь там.

— Точно, Тесс, — сказал Рекс.

— Обязательно, — добавил Джоуи.

— Хорошо, — прошептала я, не в силах остановиться, и не пытаясь, я легонько коснулась щеки Джоуи и повторила шепотом:

— Вот и хорошо.

Я видела, как в его глазах промелькнула тень, которая разбивала мне сердце, а потом отразилась теплота, похожая на ту, какую я часто видела в глазах его отца, и мое сердце мгновенно исцелилось.

Затем я отпустила его, повернулась к Леви и Ленор, объявив:

— Хорошо, я официально освобождаю их от обязанностей на кухне.

— Отлично, тогда нам пора. Фильм начнется через тридцать минут. В кинотеатре торгового центра, но нам нужно купить попкорн и все такое, — заявил Леви, подталкивая Ленор на выход, все еще обнимая ее за талию, я с мальчиками последовала за ними.

— Может, мы поужинаем вместе, ребята, Брук и я, как-нибудь в ближайшее время, — предложила я им в спину, Ленор ослепительно улыбнулась мне через плечо, а Леви одарил меня многострадальным взглядом.

— Было бы потрясающе, — выдохнула Ленор.

— Мы все устроим, — заявила я.

Леви снова повернулся ко мне, и я услышала его страдальческий вздох.

Хихикнув про себя, последовала за ними на улицу. Мальчики бросились к внедорожнику своего дяди, Ленор быстро меня обняла и последовала за ними, затем Леви подошел и сделал то же самое, но задержался, чтобы прошептать мне на ухо:

— Ты пахнешь кексами, но знаешь ли ты, что настоящая заноза в заднице?

— У меня никогда не было брата, — пробормотала я в ответ. — Я испытывала давление со стороны старшей сестры вот уже сорок три года, так что берегись.

— Чертовски здорово, — пробормотал он, отстраняясь, я поймала его взгляд и усмехнулась. Он покачал головой, но губы его дрогнули.

Затем он повернулся и нажал кнопку на замке внедорожника. Ленор открыла дверь. Рекс тоже.

Джоуи тоже открыл дверь. Леви направился к водительскому месту. Ленор, Леви и Рекс залезли в машину, но Джой по-прежнему стоял у открытой двери.

Потом он повернулся, бросился ко мне, быстро и крепко обнял меня за талию, затем понесся назад, запрыгнул в машину, закрыл дверь и стал долго копошиться с ремнем безопасности. Я посмотрела на передние сиденья внедорожника, Ленор улыбалась от уха до уха бормоча одними губами:

— Я же говорила тебе.

Потом посмотрела на Леви, и от его выражения лица у меня на глазах навернулись слезы.

Достаточно сказать, что дядя Леви любил своих племянников, и дядя Леви был рад, что у его брата появилась порядочная женщина, которая оказалась такой женщиной, ради которой его двенадцатилетний племянник готов пожертвовать своей репутацией старшего брата только, чтобы ее обнять.

Я махнула им рукой и забежала назад в свою пекарню.

К счастью, мне удалось добраться до своего кабинета, не проронив слез. Затем я разрешила пролиться всем своим слезам.

Потом вытерла лицо и вернулась к работе.

* * *

— У тебя завтра в меню будет первоклассный сладкий торт с обсыпкой? — Спросила Ширлин по телефону, который я прижимала к уху.

Было семь тридцать. Я запирала магазин. Все ушли. Я устала, отработав двенадцать с половиной часов, и хотела пойти на девичник также, как хотела бы, чтобы кто-то просверлил дырку у меня в голове. Я бы отказалась, если бы была уверена, что Марта не вышлет за мной Национальную гвардию и не привезет меня к себе в наручниках.

— Э-э-э... — пробормотала я в трубку, выключая свет. — Возможно.

— Хорошо, потому что сегодня я принесу тебе три ночные сорочки. Все они не говорят «хорошо провести время с плохим мальчиком», они кричат об этом.

Я не знала Ширлин. Хотя кто-то дал ей мой номер мобильного, и я получила от нее множество смс-ок, на которые ответила, в основном о первоклассном сладком торте, о моих требованиях к ночных сорочкам и предстоящем девичнике, я совсем ее не знала, главным образом потому, что в основном мы переписывались исключительно о первоклассном сладком торте, моих требованиях к ночных сорочкам и девичнике. С одной стороны, это выглядело круто, с другой — страшновато. Но с Ширлин я не рискнула спорить.

Поэтому произнесла:

— Хорошо, значит, так и будет.

— Вот и отлично, тогда выбирай одну или бери все три, а завтра я приду к тебе в пекарню, чтобы забрать то, что ты мне задолжала.

— Поняла.

— До скорого.

— Хорошо, увидимся.

— Увидимся.

И она отключилась.

Я сунула телефон в сумочку и прислушалась. Прошла неделя, не в кого не стреляли, и это было хорошо, я надеялась, что удача в этот вечер не покинет меня, но это совсем не означало, что я не последую приказу Брука и не буду смышеной и бдительной.

Я всмотрелась в темноту на улице, разглядела свою машину под уличным фонарем, берег показался мне чистым, затем вытащила ключи, зажала их в кулаке, включила сигнализацию в магазине, вышла, заперла двери и быстро пошла к своей машине, выставив вперед руку, нажимая на сигнализацию, чтобы открыть дверцу машины.

Я уже почти схватилась за ручку дверцы машины, не соблюдая бдительности.

За моей спиной послышался голос Дэмиана:

— Тесс.

Я прикрыла глаза, желудок сжался.

Потом я открыла глаза, сказав, глядя перед собой на крышу машины:

— Ты что, издеваешься надо мной?

И решила воспользоваться тактикой Оливии — проигнорировать его, поэтому я открыла дверь и начала забираться внутрь, но была остановлена его рукой, мягко потянувшей меня назад, дверь на водительское сиденье закрылась передо мной.

И я обернулась. Вывернув свою руку из его хватки, я сделала шаг назад и подняла руку ладонью к нему.

— Не прикасайся ко мне.

Он тоже поднял руку ладонями ко мне, успокаивая.

— Послушай меня, Тесс. Прошу тебя.

— Почему я должна тебя слушать, ты меня не слушаешь, раз заявил сюда? — Спросила я, опуская руку.

Прежде чем он успел ответить, из темноты раздался голос:

— Вам необходимо уйти, Хеллер.

Я посмотрела в ту сторону, откуда раздался голос, из темноты появился Вэнс Кроу, друг Брука из Клуба Очень Горячих Парней.

Аллилуйя.

— Кто вы? — Спросил Дэмиан Вэнса.

— Друг Тесс, — ответил Ванс. — Теперь вам необходимо отойти от ее машины и уйти.

Дэмиан уставился на него. Потом посмотрел на меня.

Потом объявил:

— Он опасен.

— Кто? Вэнс? — С недоверием спросила я, конечно Вэнс выглядел угрожающе и опасным, но шестым чувством я понимала, что для меня Вэнс совершенно не опасен.

— Нет, — отрезал Дэмиан, — Лукас.

Я напряглась не потому, что поверила ему, а потому, что не поверила, что он появился в моей пекарне после очень плохого, очень долгого дня, чтобы поговорить встретиться с моим бывшим.

— Чувак, я не собираюсь повторять, — предупредил Вэнс, подходя ближе. — Отойди от ее машины.

Дэмиан смотрел на Вэнса, пока тот говорил, потом перевел взгляд на меня, умоляюще сказав:

— Прошу тебя, Тесс, ты должна меня выслушать. Я здесь не для того, чтобы доставлять тебе неприятности и не для того, чтобы причинить тебе боль, я здесь не для того, чтобы уговаривать вернуться ко мне. Я хочу помочь тебе. Я здесь, чтобы предостеречь тебя от совершения серьезной ошибки.

Помочь мне. Конечно.

Мудак.

Я вздохнула, ответив:

— Уходи, Дэмиан.

— Ты не понимаешь, — произнес он, наклоняясь ко мне, я отпрянула назад, а Вэнс внезапно оказался между мной и Дэмианом.

— Серьезно, Хеллер, двигай отсюда нах*й, — прорычал Вэнс, явно теряя терпение.

— Мне нужно поговорить с ней, — отрезал Дэмиан, игнорируя угрожающего на вид Вэнса.

— Я понимаю, но она не желает с тобой разговаривать, — заметил Вэнс. — Я не хочу применять физическую силу, но применю без шуток, так что убрайся отсюда.

Дэмиан посмотрел на Вэнса, и поскольку он был все же Дэмианом, перевел взгляд на меня, стоящую за спиной Вэнса.

— Он отправил человека в больницу, — заявил он. — Из-за этого его чуть не отстранили от службы в полиции. Вышиб из него дух. Он известен как...

Я прервала его.

— Я знаю, Дэмиан, ты же не думаешь, что Брок не рассказал мне об этом?

Дэмиан нахмурился.

— Ты знаешь?!

— Э-э... да. Парень избил свою бывшую девушку до полусмерти, изнасиловал ее, она пролежала в больнице две недели. Брука не понравилось это, и я его не виню.

Я услышала, как Вэнс хмыкнул, он перестал быть таким уж опасным, а Дэмиан прищурился.

— У него были сексуальные отношения с подозреваемыми, которыми он занимался.

— И это я тоже знаю, поскольку была одной из них, — сообщила я ему, Вэнс снова хмыкнул, а Дэмиан нахмурился.

Затем выпалил:

— Ты была не единственной.

— Да, я знаю, ее звали Дарла, и у Брука были серьезные причины иметь с ней отношения, и он рассказал мне о них, но я не собираюсь делиться с тобой ими. И если ты не уйдешь, то я продолжу прятаться за горячим парнем Вэнсом, позвоню в полицию и сообщу им, что ты снова преследуешь меня.

Дэмиан пропустил мое заявление мимо ушей, заявив:

— Он плохой человек, Тесс.

Услышав это, я стала ходить с такой силой, что мне пришлось наклониться вперед и схватиться руками за живот, потому что заболели ребра.

Я долго продолжала ходить, потом выпрямилась, вытерла слезы с холодных щек и подняла глаза на Вэнса с Дэмианом, которые смотрели на меня как на сумасшедшую.

Затем перевела взгляд на Дэмиана, сказав:

— Это было весело.

— Я не шучу, — прошептал он.

— Ты не в состоянии понять хороший человек или нет, даже если он подойдет к тебе и похлопает по плечу, — прошептала я в ответ, внезапно став убийственно серьезной. — Брок Лукас — неуправляемый, грубый, одержимый, любящий и ласковый и настолько, мать твою, преданный, что это точно не смешно. Он переживает и заботится обо мне. С ним я чувствую себя в полной безопасности. Он хороший во всем, от кончиков пальцев до костей, и это первый и последний раз, когда я слушаю твое дермо о нем. С меня хватит твоих разговоров и встреч. Я сейчас же сообщу о твоих преследованиях в полицию, и, если ты не остановишься, я буду каждый раз звонить в полицию. Я закончила с тобой, Дэмиан, но поскольку ты не собираешься воспринимать мои слова всерьез то, надеюсь Департамент полиции Денвера заставит тебя их услышать.

И я достала мобильный телефон, нажала кнопку, экран ожила, я провела по нему пальцем и нажала 911, приложив его к уху.

Вэнс стоял рядом со мной, Дэмиан смотрел на меня во все глаза.

— Девять-один-один, что у вас произошло?

— Это Тесса О'Хара, и я стою у «Торты Тесс» на Черри-Крик-Норт. Мой бывший муж преследует меня, не позволяя мне сесть в машину. Вы можете мне помочь?

— Я пытаюсь тебе помочь, Тесс, с этим парнем, ты находишься в опасности, — произнес он мне, оператор 911 в это время сообщила мне, что отправила ко мне наряд полиции.

Я проигнорировала идиотское высказывание Дэмиана, сказав:

— Они выслали наряд полиции сюда.

Он уставился на меня. Потом посмотрел на Вэнса Кроу, который стоял рядом со мной, скрестив руки на груди и ухмыляясь своей жесткой ухмылкой.

Затем Дамиан последний раз кинул на меня взгляд и исчез в темноте.

Вэнс разжал руки и вытащил телефон из заднего кармана джинсов.

— Не отключайся от 911, я позвоню Слиму.

Я кивнула. И сказала оператору, что Дэмиан ушел, но я хотела бы подать жалобу, а Вэнс рассказывал Броку, что произошло, и Брок тут же сообщил Вэнсу, что он уже едет.

Телефонистка отпустила меня, посоветовав оставаться на месте, я позвонила Марте, мне удалось ее умолить пропустить сегодняшний девичник, в душе тайно радуясь, что у меня появилось существенное оправдание, хотя до конца не понимала, что это за оправдание. Марта, к моему удивлению, согласилась, что после встречи с Дэмианом мне лучше побывать дома с моими мальчиками. Но ей не дали положить трубку, пока я самолично не подтвердила Ширлин, что завтра я буду в пекарне посмотрю купленные мною ночные сорочки, и она сможет забрать обещанный ей сладкий торт.

Я подтвердила все, затем вместе с Вэнсом стала ждать полицию.

— Хорошая новость заключается в том, что он выдал то дермо, которое собирали на Слима, — произнес Вэнс, глядя в темноту, а я перевела взгляд на его профиль. — Он больше не копает под него. Он смог найти только это и выложил это дермо сегодня тебе, его деятельность, направленная, чтобы подловить Слима на чем-то, зашла в тупик.

Я тоже посмотрела в темноту, ответив:

— Да, это хорошая новость.

Так оно и было.

— Плохая новость состоит в том, что он так и не закончил трахать тебе мозги, — продолжал Вэнс.

Я вздохнула.

— Знаю, — прошептала.

— Могу дать совет, — тихо произнес Вэнс, и я подняла на него глаза, он смотрел прямо на меня.

— Больше никаких разговоров. Увидишь его, немедленно достаешь телефон и набираешь 911. Даже, если он ошивается где-то рядом и не пытается к тебе подойти, ты берешь это на заметку, звонишь офицеру, ведущему твоё дело и сообщаешь ему или ей об этом. Ясно?

Похоже это был хороший совет, а Вэнс Кроу выглядел человеком, знающим толк в том, о чем говорил, поэтому я кивнула.

— Хочешь еще услышать хорошие новости? — спросил он.

— Э-э... да, хорошие новости — всегда хорошо.

Он кивнул. Затем заявил:

— Он предстанет перед судом со своим дермом. Ходят слухи, что на него собрали отличное дело. Также ходят слухи, что он баражается, хотя висит на волосок. Это может означать следующее — он либо станет стукачом, отчего на нем будет стоять метка, и он может не дожить до суда, или же он сядет, никого не выдав, но сядет на не очень долгое время. Тебе придется еще какое-то время потерпеть его... но уже недолго, Тесс, но, так или иначе, его посадят. Все зависит от того насколько.

Хм.

— Как ты думаешь, как он поступит? — Спросила я.

— Человек быстро умнеет и все взвешивает, как только вопрос касается его жизни. Он не тупой и не глуп, чтобы открыть рот и стучать.

Противоречивые новости.

Мне не хотелось думать, что я принадлежу к тем людям, которые хотят увидеть своего бывшего мужа мертвым, как бы ужасно он со мной не обращался, но я так устала, стоя перед своей пекарней, ожидая прибытия полиции в темноте на холодной улице. И я собиралась подать уже вторую официальную жалобу за день, хотя многие не подавали ни одной за всю свою жизнь.

Конечно, рядом со мной находился опасный горячий парень, но он не был моим мужчиной. Мой должен был вот-вот приехать, и скорее всего он будет безумно зол.

Поэтому, я не могла сказать, что хочу смерти Дэмиана, но знала точно одно, какое бы он наказание не понес, я хотела, чтобы он оставил меня в покое навсегда.

— У тебя на лице написано сомнение, — тихо произнес Вэнс, и я сосредоточилась на его словах, — все мы испытываем сомнения в глубине души. В любом случае, Хеллеру не избежать неприятностей, и это полностью его вина, не твоих рук дело. Я хочу, чтобы ты избавилась от этого, скоро ты покончишь с этим дерьямом и Слим тоже. Верь в это, будь умной и сильной.

Я снова кивнул.

Потом я посмотрела на его руку и увидела широкое, блестящее, золотое обручальное кольцо, гордо выставленное напоказ.

И снова посмотрела ему в глаза.

— Ты женат?

— Да, — подтвердил он.

— Ей повезло, — прошептала я, и он снова ухмыльнулся своей убийственной ухмылкой.

— Прости, Тесс, повезло мне.

Отличный, черт побери, ответ.

Я почувствовала, что лицо смягчилось, улыбнувшись.

— Держу пари, она думает иначе.

На его лице тоже отразились чувства, он ответил:

— Ага, она именно так и думает, и это одна из множества причин, которая делает меня счастливым.

Я услышала вой сирен и у меня промелькнула мысль, что Вэнс не задержится со мной надолго, и я не успею предложить ему свои кексы в знак благодарности.

Поэтому быстро произнесла:

— Спасибо, что пришел сегодня.

— Слим хотел, чтобы ты была на радаре, ты и есть на радаре. Ты находишься в поле зрения часто, и определенно сегодня вечером, когда одна закрывала свой магазин, он позвонил нам и сказал, что сегодня ты одна закрываешь свой магазин.

Я не знала об этом, но мне понравилось.

— Что ж, спасибо.

Он вздернул подбородок. Потом усмехнулся и улыбнулся в ответ. Показалась полицейская машина.

Через десять минут появился Брок, я оказалась права: мальчики в пикапе выглядели испуганными, а Брок — разъяренным. Я также была права насчет Вэнса — он сделал заявление полиции, дал свою визитку и скрылся в ночи.

Через десять минут Брок и мальчики следовали за моей машиной, пока мы ехали к нему домой.

Через десять секунд я открыла кран в ванной.

* * *

— Детка, — услышала я, но не двинула ни одной конечностью. — Тесс, — послышалось ближе, но не двигалась, только и смогла произнести: «Мм?»

— Сколько еще ты собираешься сидеть в ванне? — Спросил Брок, я не видела его из-за мокрого полотенца на лице, но я поняла по его голосу рядом, что он присел у ванны.

— Бесконечно, — пробормотала я.

Я услышала смешок, потом плеск воды, а потом Брука произнес:

— Вода уже остыла.

— Если не шевелиться, — произнесла я в полотенце, — то не замечаешь и представляешь, что она горячая.

— Тесс, дорогая, выходи, тебе нужно поесть. Уже почти девять.

— Я слишком устала, чтобы есть.

— Ты все равно должна поесть.

— Если я выйду из этой ванны, я окажусь в этом гребанном мире. Здесь же нет ни Дэмиана, ни Оливии. — Я неохотно подняла руку, сняла с лица полотенце, посмотрела в его серебристые глаза и предложила: — Мы не можем купить сюда мини-холодильник, крошечную микроволновую печь и походную плиту, чтобы я смогла здесь готовить?

Он усмехнулся.

— Думаю, даже для тебя было бы непросто испечь морковный пирог в мини-походной плите.

— Да, — пробормотала я, глядя на пальчики на ногах в конце ванны, — это было бы недостатком.

Он протянул руку и взял меня за подбородок, заставив снова посмотреть на него, и я заметила, что его глаза напоминали расплавленную ртуть.

— У моей сладкой Тесс был плохой день, — пробормотал он.

— Да, официально этот день можно записать в плохой, если учесть, что подаешь жалобу на бывшую жену своего парня. И день еще больше становится плохим, когда подаешь жалобу еще и на своего бывшего мужа.

Он не сводил с меня глаз, а его рука двигалась, пальцы скользили по шее и вниз, пока он говорил:

— Вылезай из ванны, поешь, а потом я сделаю так, чтобы ты забыла этот день.

Его пальцы продолжали двигаться вниз, теперь к моей груди, опускаясь под воду, заскользили между моими грудями, продвигаясь вниз, и я ощущала, как усилилось мое сердцебиение.

— Ты сделаешь, чтобы я забыла этот день? — Выдохнула я.

— Ага, — прошептал он, под водой его рука заскользила к моему животу, ниже, и я автоматически разъединила ноги, чтобы предоставить ему доступ.

Он усмехнулся, его рука опустилась вниз.

Я медленно закрыла глаза и приоткрыла губы.

— Ты хочешь, забыть этот день, детка? — тихо спросил он, его пальцы двигались именно в том месте, как по волшебству.

— Да, — прошептала я.

И внезапно его рука испарилась, он обнял меня, вода полилась во все стороны, пока он вытаскивал меня из ванны, поставив на ноги перед собой, крепко прижав к себе мое мокре тело и обхватив руками.

— Брок! — Закричала я, ухватившись за его бицепсы.

— Еда, отдых, посидим с мальчиками, пока они не уснут, а потом я сделаю так, что ты забудешь об этом дне.

— Ладно, хорошо, но ты вылил столько воды на пол, и сам весь мокрый теперь, — сообщила я ему.

— Я могу переодеться в сухую одежду, на полу плитка, поэтому ничего страшного, сладкая. Что важно, так это то, что я не могу присматривать за тобой, держать руку на пульсе твоего душевного состояния и заниматься своими парнями, пока ты прячешься в ванной, превращая себя в сморщеный чернослив.

— Я в порядке.

— У тебя был дерзкий день.

— Знаю, но я переживу.

Он покачал головой.

— Моя задача заключается не в том, чтобы ты пережила, Тесс. А в том, чтобы, когда ты переступаешь порог моего дома, ты чувствуешь себя комфортно и безопасно. Моя женщина не ляжет спать голодной из-за моей бывшей жена-суки, а из-за бывшего своего мужа-долбаного мудака. Она сидит ужинать, потом свернется калачиком рядом со мной, дав понять моим мальчикам, что с ней все в порядке, а потом мы пойдем спать, и я заставлю ее забыть этот гребанный день. Ясно?

Похоже было на хороший план. На самом деле, отличный план. Вообще-то, я должна была додуматься до этого сама.

Поэтому, конечно, я согласилась, ответив:

— Ага.

Он улыбнулся. Потом наклонил голову и слегка меня поцеловал.

— Увидимся внизу.

Он был у двери из ванной комнаты, я взяла полотенце, но окликнула его по имени, Брок обернулся.

— Вэнс сказал, что он был у моей пекарни, потому что ты ему сказал.

— Да, — подтвердил он.

— Ты не говорил мне, что... — начала я, но он прервал, сдвинув брови.

— Не говорил, Тесс. Я сказал тебе, что твоя пекарня на радаре.

Я уставилась на него.

— Я думала, ты имел в виду копов.

— Копы, парни Ли, бл*дь, я даже позвонил Хоуку гребанному Дельгадо и попросил его держать ухо востро и глаза открытыми.

Я моргнула, зная, что Брок не был среди любимчиков (хотя Хоук был мужчиной Гвен) Хоука Дельгадо, и моргнула еще и потому, что Брок как-то сказал, что антипатия была взаимной, Хоук тоже не был любимчиком Брука, в основном потому, что тот облажался на

деле Дарлы, и оба они никак не собирались исправлять данную ситуацию, и теперь, зная все детали, я поняла, почему.

— Правда? — Прошептала я.

— Детка, ты думаешь что, если я нашел женщину своей мечты в сорок пять лет, то позволю чему-то случиться с ней, подумай над этим еще раз. Я чертовски долго ждал этого момента... тебя. Я ждал. Я нашел свою женщину. И сделаю все возможное, заботясь о ее безопасности. Я знаю, ты чувствуешь ко мне то же самое, и я делаю то же самое, чтобы сделала и ты, и стараюсь тоже не подвергать себя опасности ради тебя. Так что да, правда, я позвонил Дельгадо. Мы заключили перемирие, и я попросил его об одолжении. Ты дружишь с его женой, она не будет в восторге, если он скажет «нет» и что-то случится с тобой или со мной. И он не дурак, он человек, который знает, что такое одолжение, мужчина, чей бизнес построен на частом сборе информации от различных людей... включая и полицейских. Так что его уши прижаты к земле, а глаза открыты, и если коп не проезжает мимо твоего дома или пекарни, то один из парней Ли или один из командос Хоука находятся поблизости. Умные люди обращают внимание на людей, которые крутятся поблизости, мозги которым они хотят затрахать, и умные люди увидев копов, парней Найтингейла и сумасшедших ублюдков Дельгадо, надеюсь, будут держаться подальше от тебя. Теперь ты имеешь полное четкое объяснение, когда я говорю, что ты находишься на радаре.

Я слышала все, что он говорил.

Но я застяла в самом начале его речи, когда он сказал, что я женщина его мечты.

И от этих слов мне стало так тепло, даже жарко, что я не могла пошевелить пальцем.

Поэтому лучшее, что я могла сделать, это выдавить:

— Поняла.

— Хорошо, — ответил он.

И он открыл дверь.

— Я спущусь через минуту.

Он вздернул подбородок.

Потом вышел.

Я уставилась на дверь. Постояла так недолго, слушая, как он ходил по спальне, переодеваясь в сухую одежду. Потом он вышел из спальни, а я занялась собой.

Вытерлась полотенцем, надела свободные штаны на завязках, майку и легкую толстовку и спустилась вниз. Брок накормил меня сэндвичем с сыром и картофельными оладьями. На самом деле, было вкусно, горячий сэндвич с сыром и картофельные оладьи Брок сделал идеально, хрустящие хлебцы снаружи, мягкие посередине. Потом я свернувшись калачиком лежала на диване, пока в десять часов вечера Брок не отправил детей спать. А я подольше, свернувшись калачиком под боком Брука, лежала перед телевизором.

Затем, наконец, Брок уложил меня в постель и потратил немало усилий, чтобы я забыла этот гребанный день.

Он преуспел в этом занятии просто великолепно, потому что через несколько секунд после того, как он закончил и заключил меня в свои объятия, я погрузилась в спокойный сон, заполненный очень и очень хорошими снами.

— Говорю тебе, подруга, это идеальное место, — заявила Марта, сидевшая рядом со мной в машине, и она была права. Место было прекрасным. Убийственно прекрасным.

Мы только что осмотрели помещение на Райтер Сквер в Лодо. Здесь было сказочное пешеходное движение на улице, дом, как сэндвич, был зажат между 16-й Стрит Молл и Лаример Сквер, он также был виден с 15-й Стрит и Лаример, с пешеходной зоной по тротуару.

Но арендная плата была непомерной.

Мне оставалось шесть месяцев до погашения кредита, который я взяла, чтобы открыть свою пекарню, поэтому я знала, сколько может стоить открыть пекарню. Стоимость аренды и оборудования была близка к критической.

Того и другого счет шел на тысячи.

Прошло чуть меньше трех недель, как Брок высказал предположение, чтобы я взяла Марту к себе в качестве помощника, чтобы снять с себя непомерный груз административной работы. Я позвонила и обсудила с ней этот вопрос на следующий день. Она без колебаний ухватилась за мою идею. Ей понравилась моя идея открыть еще одну пекарню. И я поняла, что ей понравилась моя идея, потому что, поделившись ею с ней, она закричала мне на ухо: — Мне чертовски нравится эта идея!

У нее была хорошая работа и отличная зарплата, но она сказала, что готова пожертвовать всем этим ради душевного спокойствия и возможности работать рядом с моими тортами. Я пообещала ей повышение зарплаты, как только второе место начнет приносить прибыль. И, конечно, бесплатные кексы и пирожные.

Марта подала заявление об уходе и на следующий день записалась на бухгалтерские курсы. Я купила программное обеспечение для бухгалтерии. Таким образом я могла сэкономить на бухгалтере по договору, и мой финансовый счет бизнеса был супер большим, поэтому я могла легко пойти на ее дополнительную зарплату, не говоря уже о том, что она могла освободить меня, чтобы я делала больше тортов.

Тем не менее, мой баланс бизнес-счета был не настолько большим, чтобы осилить новое место — еще одну пекарню, без дополнительных вливаний. Хотя это не было проблемой, потому что мой банк звонил мне примерно семь раз в месяц, интересуясь, не хочу ли я взять дополнительный кредит. С другой стороны, у моей менеджер по кредиту было четверо детей, муж, шестеро то ли братьев, то ли сестер с потомством, и все они покупали у меня торты на день рождения, поэтому мой менеджер знала, что я была жизнеспособным клиентом.

Но я по-прежнему лелеяла идею сбежать с Броком и мальчиками на пляж. И решила, что «все включено» и пять звезд — самое то, потому что мы заслуживали такой отдых, и поскольку я так решила, то решила и заплатить за наш отдых, на полицейской зарплате Брука висели счета от адвокатов, да и дни рождения его и его сыновей в одну неделю этого месяца — февраля. Это был жестокий поворот судьбы для любого, кто был внесен в их список. Это также стало прекрасным предлогом для меня, отвезти их всех в отпуск без того, чтобы Брок забросал бы меня своими мачо какашками (я надеялась на это).

— А я говорю тебе, Марта, что не знаю. Арендная плата довольно высокая, — сказала я ей (снова), двигаясь через Черри-Крик на север к своему магазину. — Может, нам стоит поискать что-нибудь на Молл или в нижнем Лодо в округе «Май Браверс Бар»?

— Я понимаю, но это место просто создано для «Торты Тесс», — ответила она. — Ты уже есть на Черри-Крик, а это не совсем трущобы.

Это была правда. Моя арендная плата за мою нынешнюю пекарню также была сумасшедшей.

Марта продолжала гнуть свою линию.

— Молл отпадает, это круто, но он не относится к «Торты Тесс», нижний Лодо потрясающий, но он не настолько потрясающий, как Райтер Сквер, если уж говорить о «Браверс» или «Парис» на Платте, они стали знаменитыми только лишь потому, что находятся там. Не говоря уже о том, что там меньше прохожих. Практически каждый магазин на Райтер Сквер сказочный, и все они находятся там уже много лет. И у них есть чустье. Ты отлично впишешься.

В этом она была права.

Ой!

— Тесса, — продолжала она, и по ее голосу я поняла, что она смотрит на меня, и по ее голосу я также поняла, что она включила свой режим «Послушай меня, я говорю вполне серьезно», — твои пирожные не говорят: «Молл по центру 16-й Стрит», и они не говорят: «Лоуэр Лодо». Они говорят, Лаример Сквер, но ты его отмела из-за арендной платы, поэтому лучшее следующее место — Райтер Сквер. Оно прекрасное, дорогая. Это ты и твое место.

В этом она тоже была права. Во всем.

Ой!

Может, не стоило нанимать свою лучшую подругу, которая знала меня с детства и разделяла мои взгляды.

Это может быть даже страшновато.

Вот черт.

Ну что ж. На кону былиочные сорочки и мое здравомыслие. И я наняла Марту не для расчета зарплаты и составления графиков. Я наняла Марту, чтобы она помогла мне расшириться и присматривала потом за моим магазином, зная мои взгляды на бизнес.

Ничего не поделаешь.

— Хорошо, позвони им и скажи, что мы возьмем.

— Йо-ха! — вскрикнула она.

Господи ты, Боже мой.

Я припарковалась на стоянке рядом с пекарней на том месте, где была вывеска — «Зарезервировано для Тессы, если вы припаркуетесь здесь, то не получите торт». И как только я выключила зажиганием, зазвонил из сумки мой телефон.

Марта, держа на коленях мою сумочку, стала рыться в ней, с любопытством взглянув на экран, пробормотала:

— Плохой парень, горячий парень, — затем протянул мне мобильный, вылезая из машины, произнесла: — Я сейчас же им позвоню.

И исчезла.

Я ответила на звонок Брука.

— Привет.

— Ну?

Он знал, что я осматривала разные помещения под свою пекарню.

— Потрясающе, — ответила я на его не заданный вопрос.

— И что?

Я усмехнулась, глядя на приборную панель.

— Думаю, хотя Марта спешила выйти из моей машины, когда ты мне позвонил, сейчас она разговаривает по телефону с арендатором, соглашаясь на его предложение.

Наступила тишина.

— Хорошо, детка.

— Я боюсь до смерти, Брок, — призналась я.

— Не глупи, Тесс, — громко ответил он, и я затаила дыхание. — Это риск, но риск того стоит. Предстоит большая работа, но она того стоит. Все окупится, причем скоро, и закончится ночных сорочками.

Я начала тихо смеяться, потом перестала и тихо произнесла:

— Ага.

— Пойдем сходим куда-нибудь сегодня вечером, отпразднуем.

Что ж. Вот так все и происходит. Мое решение мне показалось уже правильным.

— Звучит неплохо.

— Не будем праздновать в мясном русле с сэндвичами в «Линкольнс-Роуд-Хаус». Ты наденешь сексуальные туфли на каблуках и короткую юбку, чтобы отпраздновать, — уточнил он, и я моргнула на приборную панель, потому что я никогда не надевала сексуальные туфли на каблуках и короткую юбку с Броком. Я пила пиво и играла в бильярд, мы сменили много неоновых смешных вывесок на барах с Броком, но никогда я не надевала каблуки и короткую юбку.

Тогда я спросила:

— Правда?

На что он ответил:

— Абсолютно.

— Хорошо, — прошептала я.

— Я закажу столик и позвоню тебе.

— Хорошо, — повторила я.

— Увидимся, сладкая.

— Увидимся, дорогой.

Мы закончили разговор, я засунула телефон в сумочку, раздумывая какие туфли на каблуках и короткую юбку мне надеть, заодно поздравляя себя с тем, что послушалась Брука. Марта начала работать у меня в понедельник, у меня осталось время. Теперь не было никаких расписаний. Мне не было необходимости следить за поставками продуктов и ингредиентов к торту и пирожным. Я не отвечала на телефонные звонки стационарного телефона магазина. И еще она помогала мне в пекарне, так что мне не было необходимости спешить, потому что все было под контролем.

Это предоставляло мне возможность уйти сегодня пораньше и сосредоточиться на наряде. Я усмехнулась про себя, потому что точно поняла, что надену — платье и босоножки на высоких каблуках, которые у меня пролежали больше года, я ни разу их не надевала. Марта уговарила меня их купить, по неизвестной причине я позволила ей себя уговорить, потому что они были убийственно сексуальны, теперь пришло их время.

Теперь они мне могли очень пригодиться.

Я вошла в дверь, улыбаясь. Также улыбаясь посмотрела на Суни и Тоби за прилавком, они улыбнулись мне в ответ сквозь толпу покупателей, Тоби крикнул:

— Он ждет вас.

И кивнул в сторону столиков, я повернула голову, и улыбка застыла на лице.

Дейд Мак-Манус сидел за столиком у окна, перед ним стояла пустая тарелка, он держал за ручку кофейную кружку, и перед ним на столе лежал большой конверт и папка.

Я попыталась улыбнуться, он был хорошим человеком.

Но боялась, что потерплю неудачу в своей улыбке, потому что, несмотря на то, что он был хорошим человеком, я была не в восторге от того, что он пришел ко мне.

И все же я подошла к нему, улыбаясь, насколько могла.

— Дейд, — поприветствовала я его, и он, как джентльмен, поднялся, наклонился, прикоснувшись губами к моей щеке.

Затем он отодвинулся назад, поймав мой взгляд и прошептал:

— Тесс.

— Приятно удивлена, — солгала я.

Он слегка наклонил голову в сторону, улыбнулся еле заметной торжествующей улыбкой и мягко ответил:

— Хотелось бы мне, чтобы это было правдой, дорогая.

Я затаила дыхание.

Он указал на стул напротив и спросил:

— Прошу тебя, не могла бы ты уделить мне немного времени.

Я кивнула, и он дождался, пока я сяду, потом опустился на стул сам.

Я бросила мимолетный взгляд на его пустую тарелку и, обладая многолетним опытом, подняла на него глаза, спросив:

— Кусок шоколадного торта с темным шоколадом и сливочным кремом?

Он поднял от удивления брови, ответил:

— Откуда..., да.

— Опыт, — объяснила я.

Он кивнул, затем заявил:

— Восхитительно вкусно, — я улыбнулась с благодарностью за комплимент, затем он поинтересовался: — Может я закажу тебе кусок торта и кофе?

— Дорогой, — тихо произнесла я, слегка подавшись к нему вперед, — эта пекарня принадлежит мне. Мне не нужно ничего покупать.

— Каждый пенни на счету, Тесс, и для меня это будет в удовольствие.

Я откинулась на спинку стула, думая: «Господи, Оливия настолько глупа». Во-первых, у нее был Брок, и она потеряла его. Потом у нее появился Дейд, и его она потеряла тоже.

Однозначно, полная идиотка.

— Очень мило с вашей стороны, но со мной все в порядке, — ответила я ему, и он снова кивнул.

— Хотя вопрос, который я пришел обсудить, неприятный, но причина, по которой я пришел, не в этом. Вижу по выражению твоего лица, ты сомневаешься по поводу моего разговора, но хочу уверить, прежде чем я уйду, ты будешь счастлива моему приходу. — Он сделал паузу, прежде чем закончить. — Надеюсь.

— Вы хотите сказать, что мне не следует играть в покер, — пошутила я, и он улыбнулся.

— Определенно не следует, у тебя все написано на лице.

— Ладно, тогда выкладывайте, — предложила я.

Он откинулся на спинку стула и положил руку на манильский таинственный конверт рядом с тарелкой. Я посмотрела на конверт, потом подняла глаза на него, он заговорил:

— Я связался со своими адвокатами. Они готовы подать документы на развод и сделают это на следующей неделе. Как только документы будут поданы, я дам Оливии две недели, чтобы она смогла найти жилье.

О боже. Время вышло. И хотя адвокат Брука подталкивал Оливию, а также делал все, что мог, чтобы дело об опеки слушалось в суде, колеса правосудия двигались настолько медленно, со скрежетом. Адвокаты Брука узнали, что два дня назад Оливия тоже наняла себе адвоката, и первое, что сделал ее адвокат — залил цементом весь процесс. Цемент сохнет быстро. Также опекунство было зацементировано на неопределенное время. Она не собиралась садиться за стол переговоров. Она думала тянуть с этим делом как можно дольше, что было и понятно, поскольку она была настоящей сукой и плевать хотела на своих детей. Еще и потому, что она была отменной стервой и опять же хотела плевать на своих детей.

— У меня с Оливией брачный контракт. Если бы мы расторгли брак по другим причинам, исключающим неверность, она бы ушла от меня очень богатой женщиной. К сожалению, расторгать наш брак мы будем по разным причинам, одной из которых является — неверность. Пункт брачного контракта на этот счет гласит, что, если она изменит мне, она уйдет ни с чем, а это, как уверяют меня мои адвокаты железно, так что, как опять же уверяют меня мои адвокаты, она уйдет ни с чем.

Что ж, хорошо.

Вроде бы.

— Хорошо, — сказала я, когда Дейд замолчал.

Потом он посмотрел на меня, перевел взгляд в окно, потом на папку и конверт под рукой, и вздохнул.

— Я знаю Джоуи и Рекса уже почти четыре года, — тихо произнес он. — мы с ними подружились.

Мое сердце забилось сильнее.

— И? — Подсказала я.

— Они хорошие мальчики.

— Да, — прошептала я, — хорошие.

— После того, что случилось здесь несколько недель назад, скажу прямо, мне жаль, что такое произошло с тобой и мальчиками. Хотя я слышал только версию Оливии, но догадываюсь, как все было на самом деле, уверен, что это было неприятно.

— Неприятно — можно назвать и этим словом, — ответила я ему, он снова одарил меня своей торжественной улыбкой и продолжил:

— Ну, она только и делает, что разглагольствует о тебе, о Лукасе, и не скрывает своих разговоров от мальчиков.

— Я знаю, — ответила я. — Они рассказывали отцу.

Да, по крайней мере, Джоуи. Сотовый, который Оливия купила ему, раскалился от этих разговоров. Брук отвечал на звонки встревоженного, эмоционального Джоуи с того самого раза, как все произошло.

Удивительно, но Брук сохранял хладнокровие при разговоре с сыном, но у него не было выбора. Джоуи нуждался в терпении, понимании и внимании, а не в захлестывающих эмоциях.

Я потом разбиралась с той аурой наждачной бумаги, когда Брук вешал трубку после разговора с сыном. Используя тактику, иногда пиво, иногда бурбон, а иногда минет.

К счастью, все пока срабатывало.

Пока.

Дейд кивнул, прежде чем заметить:

— Предполагаю, что их ближайшее будущее с ней будет не очень хорошим.

— Ты и я, мы оба так думаем, — согласилась я.

— Я не хочу такого будущего для них.

Я затаила дыхание и кивнула.

Он подался вперед и пододвинул ко мне конверт с папкой. Затем откинулся на спинку стула, оставив конверт с папкой передо мной.

— Здесь отчеты и фотографии моего частного детектива, — заявил он, я моргнула и тяжело вздохнула, втянув еще более густого воздуха. — Копии, конечно.

— Дейд, — прошептала я.

— Я готов дать под присягой показания о ее поведении после заключения контракта, в частности, о ее поведении с сыновьями, а также, как она стала себя вести после того, как узнала о ваших отношениях с Лукасом. Все мои показания, записанные под присягой в конверте.

Боже мой.

— Дейд, — повторила я шепотом.

— Она не годится быть матерью по целому ряду причин, и документы, которые находятся там, показывают полную картину, почему она не годится. Я попрошу своих адвокатов позвонить адвокатам Лукаса и сообщить им, если моих письменных показаний будет недостаточно, я готов выступить в качестве свидетеля, если дело дойдет до суда.

Я не проронила ни слова, просто пялилась на него.

— Полагаю, с тем, что я тебе передал, этого будет достаточно, чтобы дело не дошло до суда. Но, если все же дело дойдет до суда, то я сделаю все возможное для Джоуи и Рекса, чтобы дело быстро завершилось. Джоуи, как я понял, начинает пробовать свою мужскую силу, защищая себя и своего брата. Трудно объяснить, но я горжусь им за его поступок, и я нашел возможность сказать ему об этом. Но все становится сложнее, Оливии это не нравится. И скорее всего, она еще больше будет выражать свое недовольство, и все только обостряться. Нужно что-то делать, а у меня... — он поколебался, потом произнес: — имеются контакты. Он замолчал, и я спросила:

— Какие контакты?

— Друзья, — ответил он.

— Друзья? — Не понимая повторила я.

— Друзья, Тесс, которые носят мантии и командуют молотками.

О.

Мой.

Бог.

Дейд продолжил:

— Как только я выйду отсюда, сделаю пару звонков.

Я почувствовала, как глаза наполняются слезами, прошептав:

— О, Дейд...

— Если Лукас предоставит эту информацию своим адвокатам, а ее адвокаты не будут обладать мудростью, чтобы быстро разрулить это дело, предоставив вашему парню единственную опеку, я возьму мяч и попробую кое-что предпринять, чтобы вопрос был решен по-быстрому ради Джоуи и Рекса.

Я сморгнула слезы, на мгновение потеряв дар речи. Затем пришла в себя, хотя мне нужно было что-то сказать, но подходящих слов я найти не могла.

— Я не... — покачала головой и начала снова, — я не знаю, что сказать.

— Ничего не говори, Тесс. Это дело отвратительное для всех заинтересованных сторон, и нет причин затягивать с ним, потому что от этого страдают совершенно невинные дети. Ты же знаешь, Оливия сделает все возможное, чтобы тянуть как можно дольше и портить жизнь всем окружающим. Те, кто искренне переживают и заботятся об этих мальчиках, должны сделать все, что в наших силах. — Он наклонился вперед и тихо сказал: — И я честно беспокоюсь за них, так что сделаю все, что смогу.

Затем он откинулся назад и посмотрел мне в глаза, и я сказала единственное, что смогла вымолвить:

— Бесплатные торты пожизненно.

В ту же секунду его лицо расплылось в улыбке, которая была не торжественной и отняла у него лет десять. Обычно смотреть на него было одно удовольствие, он был очень красивым мужчиной, когда улыбался.

Так я ему и сказала:

— У тебя очень милая улыбка, Дейд.

— Спасибо, Тесс, надеюсь, в скором будущем я буду чаще улыбаться.

Я кивнула.

— Я тоже на это надеюсь, — тихо произнесла я. — Мне жаль, что с тобой так все получилось.

Его улыбка снова стала едва заметной, он ответил:

— Ты и я, мы оба.

— Факты таковы, что еще какое-то время я могу принимать участие в жизни мальчиков, если это так, я бы хотела, чтобы мы соединили наши усилия и нашли способы, чтобы ты остался в их жизни тоже.

Свет в его глазах погас, но они загорелись по-другому, он сглотнул, контролируя свои эмоции, и его ровный голос зазвучал с хрипотцой:

— Я был бы очень признателен, моя дорогая.

— Я поговорю с Броком, — прошептала я, хватая его за руку.

Он сжал мою руку.

Потом отпустил, начал подниматься со стула, я встала вместе с ним.

— Береги себя, Тесс, — сказал он, я подошла к нему, положила руки ему на плечи и коснулась щекой его щеки.

И прошептала ему на ухо:

— Ты тоже, Дейд. И если тебе что-то будет нужно, я всегда здесь.

Его пальцы обхватили меня за плечи, сжали, я отодвинулась. Он отпустил меня, улыбнулся своей торжественной улыбкой и вышел из магазина.

Я забрала папку с конвертом со стола и направилась в свой кабинет (который теперь стал кабинетом Марты), обнаружив ее за компьютером.

— Ты можешь меня оставить одну? — Спросила я. — Мне нужно поговорить с Броком. Личный разговор. Хорошие новости. Я введу тебя в курс дела через секунду, но он должен узнать эти новости первым.

Она изучающе рассматривала выражение моего лица, потом кивнула, без промедления выскочив из кабинета, закрыв за собой дверь.

Я достала телефон, позвонила Броку и, прижав трубку к уху, бросила сумочку, папку и конверт на стол.

— Детка, — ответил он, как только я открыла папку.

— Сегодня ко мне в магазин пришел неожиданный посетитель, — сказала я ему, не дожидаясь его вопроса, пояснила: — Заходил Дейд.

— Вот дермо, — отрезал он.

— Нет, — быстро пояснила я, перевернув какие-то бумаги и онемела, увидев фотографию Оливии, стоящую на карачках, сзади пристроился очень накаченный молодой человек, по крайней мере, на двадцать лет моложе ее, тут же мысленно я отметила неоднократные комментарии Брука, что Оливия была красивой, но костлявой. Фото это подтверждало полностью.

Ой.

— Тесс? — Крикнул Брок отрывисто.

Я резко закрыла папку, буркнув:

— Гадость.

— Детка, какого черта?

— Гм... Подожди секунду, пока моя сетчатка восстановится после ожога.

— Тесс, — прорычал он.

Вот дермо. Пришло время все рассказать.

— Дорогой, Дейд только что дал мне копии отчетов и фотографий своего частного детектива, а также свои письменные показания, записанные под присягой о поведении Оливии после их свадьбы. Его адвокаты свяжутся с твоими адвокатами, чтобы сообщить им, что он готов быть свидетелем на твоем процессе о ее полной непригодности, как родителя. И, если то, что я только что видела, не заставит ее адвокатов зашевелиться, предоставив тебе полную опеку и все, что ты хочешь, Дейд сказал, что поговорит с некоторыми из своих приятелей, которые «носят мантии и командуют молотками», его слова, чтобы прибавить ускорение этому процессу.

Брок молчал.

— Что ты только что видела?

— Могу сказать только одно, после того, что я только что видела, ты не получишь одну из своих любимых поз в течение очень долгого времени, возможно даже вечность, поскольку фотография кислотой выжжена у меня в мозгу, пока я не исцелюсь от этого окончательно. Снова наступила тишина, потом:

— Без шуток?

— Разве я стала бы шутить над подобным? — Спросила я и ответила прежде, чем он. — Нет.

— Черт побери, — пробормотал он, шокировано, но в то же время довольно.

У меня перехватило дыхание.

— Он очень переживает за Джоуи и Рекса.

Пауза, а потом:

— Ага. Парни тоже считают, что он хлебнул достаточно дерма.

Это было хорошо.

— Ты хочешь, чтобы я отвезла документы тебе в участок или забросила к твоему адвокату?

— предложила я.

— Если у тебя есть время, отнеси их Смиту. Если нет, я попытаюсь сбежать и забрать их сам.

— Я выкрою время.

Еще одна пауза, затем:

— Спасибо, сладкая.

— Пожалуйста, — с чувством ответила я, спросив: — Ты пьешь шампанское?

— В крайне редком случае, если придется, — ответил он, и я рассмеялась.

Сквозь смех сказав:

— Ну, сегодня ты должен выпить шампанское. Нам есть что отпраздновать, малыш.

— Чертов конец виден.

— Да, — прошептала я.

Затем он полностью потряс мой мир.

— У тебя много забот в магазине идей, но я молю Бога, чтобы то, что передал тебе Мак-Манус, наконец-то означало, что все решится в кратчайшие сроки. Так что, если моим парням придется переехать, для них будет лучше, если они перебудут на постоянное место, а не будут жить на два дома. Мой приятель только что ушел от жены и переехал к своему брату и невестке. Он не большой поклонник невестки и не очень больший поклонник своего брата. Он ищет жилье, и он готов взять мое в субаренду. Он ушел с чемоданами, так что готов взять в субаренду дом с мебелью, это даст нам время разобраться с двумя домами, полными вещей. И пришло время покончить с этим дерзом — с двумя домами, детка. Рано или поздно это случилось бы, так может случиться и сейчас.

У меня сердце заколотилось в груди, я прошептала:

— Сейчас?

— Сейчас, — твердо заявил он.

Я уставилась на свой стол.

— Тесс?

Я продолжала смотреть на свой стол.

— Детка, ты здесь?

Я продолжала смотреть на свой стол.

— Тесс, детка, поговори со мной.

Радостное рыдание застряло у меня в горле, прежде чем я объявила:

— Тебе лучше выпить шампанское сегодня вечером.

Брок молчал, потом мягко произнес:

— Я выпью и переезжаю к тебе.

— Да, черт возьми! — Воскликнула я, и еще один счастливый всхлип застрял у меня в горле.

От Брука послышался глубокий счастливый смешок.

Я вытерла мокрые щеки и сказала:

— Лучше бы ты мне сказал это не по телефону, чтобы я могла тебя поцеловать.

— Можешь поцеловать меня сегодня вечером.

— Глубоко, — уточнила я.

— Настойчиво, — пророкотал он сквозь смех.

Я сделала успокаивающий вдох и прошептала:

— Я люблю тебя.

— Ага, сладкая, я тоже.

— Я передам документы твоим адвокатам.

— Спасибо, я ценю это.

— Увидимся.

— Точно.

— Пока, милая.

— Пока, малыш.

И мы положили трубки.

Я уставилась на конверт и папку.

Потом положила телефон на стол, посмотрела на дверь и крикнула:

— Марта!

* * *

— Брок, — выдохнула я, его рот исчез, я застонала, протестуя, но его руки легли мне на бедра, перевернули меня на живот, потом его руки опять вернулись к моим бедрам, и он поставил меня на колени. Но вместо его языка, который я надеялась окажется на моей киски, я ощутила его член.

Запрокинув голову назад, я поднялась на локтях, находясь в сумеречной зоне, наслаждаясь и совершенно не думая об Оливии.

Он продолжал входить, скользя руками по моим бедрам, вверх по талии, вниз по животу, по ребрам, обхватывая мои груди, потянув за соски, и было чертовски здорово, я застонала.

— Люблю твои сиськи, — прогремел он, все еще сильно и глубоко входя внутрь.

— Малыш, — прошептала я.

Его руки скользнули опять к моим бедрам, сжали кожу, потянув навстречу толчкам.

— Люблю твою киску, — прорычал он.

— О Боже, — выдохнула я.

— Давай, милая, — хрипло сказал он.

— Да, — прошептала я.

Его движения становились все быстрее, сильнее, он дергал к себе меня за бедра, навстречу каждому удару.

— Давай, детка, — повторил он хриплым голосом, но он мог этого не говорить. Я итак уже была готова, я была почти у грани.

— Брок, — выдохнула я, задохнувшись и застонав, выгибаясь дугой на кровати, стоя задницей к потолку, пока он входил в меня.

— Да, черт возьми, — проворчал он, все глубже, сильнее, быстрее погружаясь, сделав пять толчков, затем присоединился к моему оргазму.

Мы приходили в себя тихо и нежно, он входил и выходил, а я молча и счастливо позволяла ему совершать его движения, наслаждаясь каждым из них.

Через несколько минут он подтянул меня вверх к себе, усадив меня на колени, прижав спиной к его груди. Затем он сжал мое маленькое, обтягивающее, сексуальное платье, которое Броку очень понравилось, приспущенное на талии, и стал стягивать его вверх. Я подняла руки, он стянул его и отбросил на пол у кровати.

Потом зарылся мне в шею лицом, пока его руки продолжали бродить по моему телу и пробормотал:

— Люблю тебя, детка.

Я подняла руку, запутавшись пальцами в его волосах, прошептав в ответ:

— И я тебя, Брок.

Он осторожно развернул и положил на спину на кровать, затем перевел взгляд на босоножки, которые все еще были на мне. Одну за другой он расстегнул их, и они

присоединились к моему платью на полу. Но как только он снимал, то целовал мою лодыжку.

Как только он закончил с босоножками, лег на меня, я обхватила его ногами, одну положила ему на задницу, другую — на бедро, также крепко обняв руками.

Брок перенес часть своего веса на предплечье, согнув руку в локте, кончиками пальцев другой руки стал водить по моему лицу, а я смотрела ему в глаза.

— Знаешь, — прошептала я, и его серебристо-серые глаза встретились с моими, — в первый раз, когда мы были вместе, после того, как ты заставил меня кончить, я посмотрела на тебя и первой моей мыслью было — как ты прекрасен.

Его пальцы замерли, он прикрыл глаза, прижавшись своим лбом к моему, простонал:

— Тесс, — и я поняла, что это вышло из глубин его груди, потому что чувствовала тоже самое.

Поэтому скользнула руками в его волосы, губы коснулись его щеки, я приподняла голову и прошептала ему на ухо:

— И по тому, как ты смотрел на меня, я поняла, что ты был моим.

— Ты права, милая, — прошептал он в ответ.

Потом он поцеловал меня в шею, приподнял голову, я опустилась головой на подушку и сжала его обеими руками в своих объятиях.

— Спасибо, что выпил со мной шампанского.

— Спасибо, что заставила меня выпить только один бокал, а потом я смог перейти к своему пиву.

Я улыбнулась ему, и он опустил глаза на мои губы.

А потом его губы опустились на мои, и я почувствовала, что все мое тело оставалось на месте, я не растаяла под ним.

А затем он произнес слова, которые говорили о чувствах, отображавшихся в его глазах.

— Мой отец был мудаком, мне быстро пришлось повзросльть, я потерял Бри, потерял с ней свою первую любовь, потом нашел Оливию, которая превратила мою жизнь в настоящее дерьмо. Потом у меня появилась работа, ты не поверишь, что я видел, что я делал, и я молю Бога, детка, чтобы ты никогда не оказалась в такой ситуации, в которую попадал я.

Но все это того стоило, потому что моя награда — стала ты.

— Заткнись, — прошептала я, не зная почему, просто непроизвольно вырвалось у меня эти слова, но все, что он говорил мне, значило для меня так много, что у меня возникло такое чувство, будто я сейчас взорвусь.

Умопомрачительная прекрасная боль.

Но он не заткнулся.

— Мак-Манус сказал, что я приобрел бриллиант, мне повезло, что я закончил с Оливией раньше, чем он, и Дейд, бл*дь, не ошибся по поводу тебя.

Я обхватила его лицо обеими руками, и умоляя произнесла:

— Прошу тебя, Брок, помолчи.

— Ни дождешься, детка, — прошептал он. — Сегодня я много думал о Мак-Манусе, который похоронил свою идеальную женщину, я ни при каких обстоятельствах не найду такую, как ты, поэтому решил все сказать сейчас, чтобы ты поняла, что значишь для меня.

У меня слезы хлынули из глаз, проведя большим пальцем по его щекам, и произнеся:

— У меня в жизни столько было дерьма какое-то время, но я встретила тебя.

Он отрицательно покачал головой, затем схватил мою руку, прижал ладонь ко своему рту, повернул голову, поцеловав мою ладонь, соединив пальцы вокруг моих и положив мою руку себе на плечо.

— Ты не похожа на нее. Ты сделана из сладости, Тесс, и это основа всего, что ты делаешь, потому что в конце концов, у тебя все получается со сладостью, такие люди, как ты, сладкие до глубины души, они заслуживают своего счастья. Я хочу сказать, что рад, что именно тот, кого ты выбрала для себя.

Боже. Я любила этого мужчину.

— Ты тоже милый.

Он усмехнулся.

Затем пробормотал:

— Я понимаю, что за прошедшее времена, ты так и не и не узнала меня до конца.

Я не улыбнулась. Но мои пальцы напряглись на его лице, другая рука сжалась вокруг него сильнее.

— Ты мужественный мачо, грубоватый, неуправляемый, горячий парень, дорогой, но ты милый. Я же — горный вихрь глазури влажного торта в сердцевине, ты же — восхитительный темный шоколад, хорош на вкус с той самой секунды, как только попадаешь на язык, желая хотеть чего-то большего, тая во рту.

Его улыбка стала шире.

— Черт, Тесс, ты снова меня заводишь.

Я убрала руку с его лица и не больно хлопнула его по плечу, заявив:

— Я говорю серьезно.

Улыбка исчезла, и его серебристые глаза встретились с моими.

Затем он прошептал:

— Я знаю.

Я всмотрелась в его глаза, и то, что ответил мне тогда перед моим магазином Вэнс, ударило меня сейчас, как гром среди ясного неба, вот она — настоящая истина, такая чистая и неразбавленная, будто меня коснулось озарение.

Вэнс тогда говорил о том, что ему повезло с женой, и одной из причин была, что она чувствовала себя с ним счастливой.

И мне тоже повезло с Броком, а Броку со мной.

— Нам стоит отправиться в Вегас, — объявила я. — У нас начинается полоса везения.

Его брови тут же сошлись на переносице.

— Детка, не уверен, что ты знаешь, о чем говоришь, но, черт возьми, это круто. Но сейчас вокруг нас пока еще нет «выигрышной полосы».

— Да, но голый разгоряченный плохой парень на мне, говорит обратное, ты ошибаешься.

При этих словах его брови разгладились, и он улыбнулся.

— На следующей неделе у тебя вместе с сыновьями день рождения, я официально заявляю вам, что устрою тебе вместе с мальчиками отдых — пятизвездочный пляжный отель по системе «Все включено» на весенние каникулы, в качестве подарка на ваши дни рождения, и мне плевать, что будет происходить вокруг нас, мы несмотря ни на что отправимся на отдых.

Его улыбка почти погасла, когда он произнес:

— Мы поговорим об этом позже.

— Нет, мы не будем разговаривать об этом позже. А поговорим сейчас.

И тут его улыбка окончательно умерла.

— Детка, ты не должна платить за меня и моих сыновей, чтобы вывезти нас на отдых.

— Дорогой, мне нужен отпуск, тебе тоже нужен отпуск, твоим сыновьям, черт возьми, тоже не помешал бы отпуск. Поэтому всем нужен отпуск, и все должно быть просто замечательно. Я не выбиваюсь из всех сил, чтобы продавать торты, а живу в достатке, и хочу провести свой отпуск с тем, кого люблю. Поэтому я готова купить отдых на пляже тем, кого люблю.

— Ты решила открыть еще один магазин.

— Сначала мне нужно отдохнуть, — парировала я.

Он изучая смотрел мне в глаза, я в ответ смотрела в его.

Затем он объявил:

— Я покупаю нам всем билеты на самолет.

— Брок...., — начала я протестовать, но он перебил меня:

— Тесс, я... покупаю... билеты на самолет всем.

Он высказал твердо свое решение, и я поняла, что он переживает и заботится о своей женщины, так что спорить было бесполезно.

— Ладно, — сдалась я, и он снова усмехнулся.

Затем он наклонил голову, его губы оказались у моего уха,

— Давай вернемся ко мне, как к темному шоколаду, который тает у тебя во рту.

— Я не совсем это имела в виду, — запротестовала я, но его руки обвились вокруг меня, и он перекатился на спину вместе со мной, я оказалась сверху.

Затем он заскользил своими руками по моим волосам, мягко сжал их в кулак, и я подняла на него голову.

— Надеюсь, что нет, сладкая. Каждый раз, когда ты берешь меня в рот, я таю.

Хм.

Это была чистая правда.

— Точно.

Он снова усмехнулся.

И, надо сказать, мне нравилось, когда мой мужчина усмехался.

Он приподнял голову и приблизился ко мне. Поцеловал, я поцеловала его сильнее.

Потом не спеша я стала целовать другие части его тела.

И пока я все это совершала, его части тела таяли от моих поцелуев.

21.

Как-то тихо

— Спасибо, — одними губами произнесла я, обращаясь к продавцу «Дилларда» в торговом центре «Парк Медоуз», протягивающему мне пакет с шестью плавками для мальчиков, купленных мною, потому что ровно через два дня Брок, Джоуи, Рекс и я сядем в самолет на Арубу, и я обнаружила, учитывая, что мальчики растут очень быстро, попросив сыновей Брука проверить не малы ли им имеющиеся у них плавки.

Клерк мне улыбнулся, я улыбнулась ему в ответ. Поднесла телефон к уху, и услышала голос Рауля.

— Сдвигаемся еще на неделю, — произнес он.

— Гм..., — начала я, выходя из магазина и уже заранее чувствуя, насколько разозлиться Брок, хотя в магазине его со мной не было. Но, на самом деле, как будто Брок был где-то

рядом и еще не знал, что подрядчик, которого мы наняли для ремонта моего подвала, где предполагалось сделать еще одну спальню, выходил из графика.

Однако, поскольку мы связались с Раулем в последнюю неделю февраля, он передвигал сроки уже в третий раз, сейчас была уже последняя неделя марта. Брок был недоволен, когда он передвинул сроки в первый раз, совершенно не счастлив был во второй раз, и у меня появилось такое чувство, что его недовольство значительно возрастет, когда он узнает про третий раз.

Нам необходима была эта комната, потому что Оливия сдалась, по крайней мере, ее адвокаты уговорили пойти на попятный, в основном потому, что теперь она была без Дейда и не могла оплатить огромные счета своих адвокатов, если бы продолжала пытаться выиграть, совершенно безвыигрышное дело. Те, документы и фотографии, которое Дейд передал Броку, принесли пользу, но даже без них Гектор накопал столько «грязного белья» на Оливию, что Брок был уверен в своей победе. Гектор обнаружил, что мальчики часто опаздывали в школу, а также часто болтались после школы, потому что она не успевала их вовремя забрать. Кроме того, Оливия не обзавелась подругами среди матерей друзей мальчиков по школе, и поэтому эти матери были счастливы поболтать с горячим парнем Гектором, рассказывая ему о том, как Оливия все время опаздывала, не оставалась на игры юношеской футбольной команды и игры малой лиги или любила звонить какой-нибудь маме в последнюю минуту во время игры, прося ее забрать своих сыновей к себе домой, говоря, что она заберет их позже, и ее «позже» означало, на самом деле, поздно. Иногда мальчики засыпали дома у своих друзей раньше, чем появлялась Оливия.

И делая все это, она не участвовала в благотворительных акциях от школы, раздавая суп в бесплатной столовой, показывая хотя бы свое человеколюбие тем, кому повезло меньше, но ходила по магазинам или трахалась со своими мальчиками-игрушками.

У Гектора тоже были фотографии.

К счастью, я не видела фотографий Гектора. К несчастью, Гектору пришлось вручить сделанные фотографии Броку с несчастным лицом, потому что Брок тоже выглядел несчастным, поняв, что его бывшая была еще в меньшей степени матерью, чем он думал, высказав мнение, как и братья-хулиганы Гектора, что Оливия, гремящая костями, была не красавицей.

Итак, бумаги были составлены, все подписали их, судья подписал свое одобрение, и опека над мальчиками произошла. Оливия встречалась с ними каждые выходные, Брок и я — все остальное время. Поэтому Брок хотел, чтобы они поселились в своих постоянных комнатах. Первая задержка с ремонтом означала, что, когда они переехали ко мне, Рекс поселился в моем кабинете наверху, который мы превратили в спальню, а Джоуи в гостевой спальне (теперь его спальне) внизу. И это Броку не понравилось, поэтому что он не сказал Рексу: «Теперь это твоя комната, располагайся». А еще ему не понравилось это, потому что Рекс в моем кабинете, был рядом с нашей спальней, и, хотя стены были сделаны не из бумаги, но шумоизоляции тоже не было, вот и причины, по которым Броку это не понравилось, все было очевидно. Но нас разделяла м Рэксом ванная и коридор.

Оливия тоже занималась переездом, но ее переезд был более постоянным, хотя и меньшим по размерам... для нее. Дейд заплатил за шесть месяцев вперед за меблированную квартиру с двумя спальнями. Когда он пришел ко мне в пекарню через несколько дней после ухода Оливии, он сказал, что сделал это ради Джоуи и Рекса, и я поняла, что это правда. Но я также поняла, что он был хорошим человеком, и если бы попытался включить какого-то в себе мудака, например, дать пинка ей под задницу и просто выгнать на улицу (несмотря на

то, что она этого заслуживала), скорее всего бы, он неожиданно бы воспламенился от таких действий. Это было не в его характере, совершать такие неблагородные поступки.

Она ушла ни с чем, он не дал ей содержания и денег.

— Она очень любила «Джона Атенсио», — поведал он мне, отламывая вилкой кусочек моего шоколадного торта с молочно-шоколадной глазурью. Дейд, как я узнала с тех пор, как Оливия ушла, стал завсегдатаем «Торты Тесс», он любил шоколадные торты. — Я уверен, что она сделает все так, что ее частые поездки и покупки в этом магазине, теперь смогут ей помочь.

«Джон Атенсио» был сказочным, эксклюзивным ювелирным магазином, и я подумала, что видно Дейд имел в виду, что Оливии придется некоторое время провести в ломбарде или, возможно, она научиться продавать свои украшения на онлайн аукционах.

Можно не говорить, что у Брука и мальчиков все получилось, сыновья Брука, к моему удивлению (и радости, и, надо сказать, радости Брука) быстро и легко устроились, расслабились у меня в доме и чувствовали себя именно как дома в течение нескольких дней (или часов, как только я сделала морковный торт для Рекса и шоколадный для Джоуи), понятно же, что их любимые торты просто кричали во все горло: «Теперь ты дома!», по крайней мере для одиннадцатилетнего и тринадцатилетнего мальчиков, их кошмар закончился.

Хотя наш нет.

Нисколько.

Потому что Оливия была сукой, и, как я узнала, если игра, которую затеяла сука, потерпела фиаско, то суки затевают следующую игру, они продолжают пытаться и болтыхаться.

Поэтому Оливия была завсегдатаем полицейского участка и ее имя на телефоне Брука высвечивалось так часто, что я удивлялась, как оно до сих пор не впечаталось в стекло экрана. Когда она звонила или навещала его на работе, она не собиралась с ним разговаривать об их сыновьях. Нет. Ей нужен был Брук, чтобы повесить полки в ее новом жилище. Ей нужен был Брук, чтобы он просмотрел юридические документы, которые прислал ей Дейд. Ей нужен был Брук, чтобы он посмотрел раковину, под которой протекала труба (хотя она жила в долбаном жилом доме с долбанным ремонтником). Она продавала свой «Мерседес» (который ей разрешил с собой забрать Дейд) и ей необходима была помочь в этом вопросе Брука. Она собиралась покупать новую машину, ей также необходима была помочь Брука, чтобы он съездил с ней, она боялась, что ее могли обмануть.

Она сказала ему (и Брук передал мне ее слова), что обращается к нему исключительно, как мать его сыновей, чтобы он помог ей в трудной ситуации.

И, по словам Брука, она стала такой милой, как сахарин.

— Она так глубоко засунула свой нос мне в задницу, детка, клянусь, я чувствую эту сукку у себя уже в горле, — Брук, к сожалению, когда мы лежали в постели, совершенно отвратительно обрисовал ее, его голова была на подушках, он потирал лицо, тон был расстроенным, а настроение тяжелым, повисшим в воздухе.

Брук тоже был хорошим человеком, самым лучшим, но он был не таким, как Дейд.

Или, может потому, что у него с Оливией было совсем по-другому, чем у Дейда. Поэтому он сказал: «Нет». Потом он снова сказал: «Нет». Потом повторил. Затем он перестал отвечать на ее телефонные звонки, как только ее имя появлялось на экране. Затем, не говоря ни слова, он начал сбрасывать и отключать ее звонок, когда она пыталась дозвониться до него с других номеров. К счастью, его коллеги замечая ее, когда она приезжала в участок,

давали Броку знак, чтобы он мог исчезнуть прежде, чем она дойдет до его стола, после чего его коллеги говорили, что он ушел на задание.

Он закончил. Он не собирался вешать полки, просматривать юридические документы или помогать ей в покупке машины.

Проблема заключалась в том, что проходили недели, а она не сдавалась.

И его разочарование заполняло нашу спальню, пока мы лежали в постели, я прижалась к нему и прошептала:

— В конце концов, она сдастся и перестанет приходить.

Он потянул себя за волосы, прижав ладонь ко лбу, его серебристые глаза смотрели прямо на меня, рассказывая мне всю историю. Именно таким образом пять лет назад она сделала его жизнь невыносимой, пока в ее жизни не появился Дейд. А теперь Дейд ушел из ее жизни. И Броку светили еще пять лет с таким ее поведением. И это ему совсем не нравилось. Поскольку мы лежали в постели, и мне было комфортно и не хотелось вставать, чтобы принести ему пиво или бурбон. Поэтому, чтобы он почувствовал себя лучше, я остановилась на минете.

Как обычно, это сработало.

— Не уверена, что Броку это понравится, — сказала я Рауль.

Я имела в виду, я, действительно, не понимала, в чем проблема. По сути, нужно было сделать стену и дверь.

Неужели это так трудно?

— Еще неделя, — прошептал мне на ухо Рауль.

— Мы надеялись, что, когда вернемся из отпуска, ты уже все сделаешь, — сказала я ему.

— Не думаю, что так получится, — ответил мне Рауль.

Черт.

— Может, тебе стоит поговорить об этом с Броком, — предложила я.

— Нет, — тут же ответил он, и я раздраженно вздохнула, зная, что именно поэтому он позвонил мне, избегая разгневанного Брока. Он никогда мне раньше не звонил. Поскольку договор заключал с ним Брок. Он ясно дал понять Рауль, твердо и непреклонно в самом начале: «Мне нужны гипсокартон два на четыре, молотки и мужчины с рабочими поясами» (в которых засунуты инструменты, я так поняла).

В основном поскольку у меня не было желания иметь дело с вещами, которые требовали гипсокартон два на четыре, молотки и мужчин с рабочими ремнями, учитывая, сколько дел у меня было с моей новой пекарней, но он сказал:

— Если бы вы могли оказать мне любезность и подождать. Я обязательно приду к вам, когда вы вернетесь.

— Вообще-то, я думаю, тебе нужно поговорить с Броком, — опять произнесла я.

— Просто скопилось много всего. Я разберусь со всем, когда вы приедете и обязательно включу вас в список через неделю.

— Рауль, ты должен сказать об этом Броку, — повторила я.

Он не обратил внимания на мои слова.

— Обещаю, Тесс.

Я вышла из «Дилларда» в торговый центр, но отошла в сторону, пропуская толпу людей.

— Я расскажу все Броку, Рауль, но не стану тратить твоё время на внесение нас в список, потому что, если я все расскажу Броку, что ты снова задерживаешь контракт, он позвонит и аннулирует с тобой договор. Я это точно знаю.

— Ты должен был сделать нам комнату несколько недель назад, как и обещал, и ты не единственный подрядчик в Денвере. Если ты не начнешь работать в понедельник, пока мы будем в отпуске, Брок найдет кого-то еще. Я буду счастлива сообщить ему, что ты снова передвигаешь сроки, для меня это означает, что ты не можешь сделать нам еще одну спальню. Есть два варианта: либо мы разойдемся в разные стороны, либо ты найдешь способ добраться до нашего дома в понедельник и начать работу. И если ты выберешь дверь номер два, я бы посоветовала тебе сдержать свои обещания. Думаю, ты понимаешь, что не стоит злить Брука, и думаю, ты понимаешь, потому что разговариваешь сейчас со мной, а не с ним.

— И ты прав. Не надо злить Брука. Ему нужна комната для сына, и он ее получит не в июне. Да?

— Я понимаю тебя, Тесс, но, если бы я мог это сделать, я бы сделал, и ты могла бы обратиться к другому подрядчику, но тогда не получила бы гарантированное качество, которое получишь от меня, — ответил Рауль, и я сделала еще один раздраженный вдох, потому что очень надеялась спасти Брука от еще одного разочарования прямо перед отпуском.

И потерпела неудачу.

Дерьмо.

— Прекрасно, — ответила я. — Приготовься к увольнению. Береги себя, Рауль.

Затем я отключилась и, провела пальцем, чтобы найти номер Брука на своем телефоне, направившись к «Печенью Миссис Филд», потому что миссис Филд пекла печенье с горчинкой, которое могло бы залечить ссадины, полученные от разговора с Бруком.

Я сделала заказ у «Миссис Филд», пока слышала гудки, Брук ответил на второй звонок.

— Детка.

— Привет, милый, у тебя есть поблизости печенье?

Молчание, потом:

— Черт. Оливия, Рауль или Тесс-2?

Он догадался о неприятностях, которые могли испортить нашу жизнь, если я спрашивала его, есть ли поблизости успокаивающее печенье.

«Тесс-2» имело отношение к моей новой пекарне, она не была столь раздражающей, поскольку требовала очень много времени. Марта все еще каким-то образом передвигалась, воплощая мои идеи, проведя достаточно времени в «Торты Тесс», и она участвовала непосредственно в разработке концепции, кроме того, она очень любила меня, поэтому боялась все испортить. И именно поэтому она вовлекла меня во все, что имело отношение к «Тесс-2», несмотря на то, что я соглашалась с любым ее решением, но она боялась облажаться.

И Марта не закрывалась в пять часов. Даже не закрывалась в семь часов вечера. Марта, чувствуя свою ответственность, относительно «Торты Тесс» в Лодо работала, и поэтому для Марты не было ничего не обычного, раньше позвонить мне в двенадцать или час ночи. Но это было раньше. Правда один раз (и только один) был звонок от Марты в половине двенадцатого ночи, когда оба мальчика уже спали, а мы с Бруком были заняты в постели. Она рискнула позвонить только один-единственный раз, и Брук схватил мой мобильный, взглянул на дисплей, принял ее вызов и прорычал:

— Мы в постели. Когда мы находимся в постели, в этой постели больше нет никого, кроме меня и Тесс. Что случилось? Ты умираешь или может кого-то убила? — Он выслушал ее ответ, потом произнес: — Понятно.

Затем он коснулся экрана, выключил телефон, бросил его обратно на тумбочку и вернулся ко мне. У меня мелькнула мысль, что лучше мне не спрашивать подробностей, но поскольку я знала, что звонила Марта, мне было любопытно, но Брок молча вернулся ко мне, немедленно возобновив нашу прерванную деятельность, деятельность, которой я наслаждалась полностью и хотела ее продолжения, поэтому я подумала, что лучше сосредоточиться на нашей деятельности, а Марте я все объясню завтра утром.

Так я и сделала (хотя она и так уже догадалась).

Больше она никогда не звонила мне поздно ночью и не злилась на меня. Она изменила свое мнение о Броке, поняв, что я люблю его, он любит меня и делает все, чтобы я была счастлива, поэтому теперь она думала о нем, что он был супер-бомбой (она сказала мне об этом).

И она обожала его сыновей.

— Рауль, — ответила я Броку.

— Вот дермо, — пробормотал он.

— Он сказал, что вынужден отложить наш ремонт еще на неделю. Я сказала ему, что он может себя считать уволенным, хотя он ждет твоего подтверждения моих слов, — продолжила я. — Я нахожусь в торговом центре, ты занимаешься расследованием убийств. Хочешь, чтобы я перезвонила ему и подтвердила твои слова, что он уволен, если ты не хочешь ему звонить?

— Если ты позвонишь ему, дорогая, я лишусь возможности надрать ему задницу, так что нет, я не хочу, чтобы ты ему перезванивалась.

Хм. Мне было жаль Рауля.

— Хорошо, — тихо произнесла я, взяв печенье и отложив его в сторону, а также освободившись от сумок из «Дилларда», роясь в своей сумочке в поисках кошелька. — Мне нужно искать нового подрядчика, когда я вернусь домой?

— Я разберусь с этим сам, когда мы вернемся из отдыха, — произнес он, тем самым удивив меня. — Рекс пока в порядке. Он не жалуется. Все нормально, поэтому мы можем подождать.

— Хорошо, дорогой. — Тихо произнесла я. — Я нахожусь у «Миссис Филд», если у тебя под рукой нет печенья, хочешь я куплю тебе, исключительно для медицинских целей?

— У «Миссис Филд» вкусное печенье, детка, но никакое печенье не сравнится с твоим.

И это было мило, даже очень мило, но я полностью не была уверена, говорил ли он о печенье из моей пекарни или каком-либо другом виде сладостей, который я предоставляла ему для медицинских (или других) целей.

Я решила по пути заглянуть в пекарню, на всякий случай, проверить все ли в порядке.

— Хорошо, — снова произнесла я, расплатившись за печенье, улыбнувшись продавцу, засунув кошелек обратно в сумочку, схватила свои пакеты и вышла.

— Ты готова к поездке? — спросил он.

— Да. У мальчиков теперь имеются шорты для плаванья. Я уже выхожу из торгового центра, чтобы забрать их из школы. Когда мы окажемся дома, я прослежу за их сборами в поездку.

— Детка, у нас есть еще два дня.

— Завтра у нас будет уже один день. Нам не стоит собираться в спешке. Когда спешишь, забываешь многие вещи.

Мы должны собраться вовремя к поездке. Нас четверо, и сыновья Брука нуждаются в присмотре по сборам. И мне нужен целый вечер, чтобы привести себя в порядок. Не говоря

уже о том, что мне нужно приготовить ужин из того, что есть в холодильнике и не оставлять продукты, которые могут испортиться.

— Тесс, мы едем на Арубу, а не в джунгли Парагвая. Если мы забываем что-то из вещей, то покупаем их. Если мы возвращаемся домой, и продукты испортились, то мы их выбрасываем.

Хм. Это было похоже на правду. Кроме «мы выбрасываем», потому что Брок, Джоуи и Рекс, несомненно, возвратятся домой, как обычно откроют холодильник, будут стоять перед открытой дверцей и смотреть внутрь, словно там от их взгляда сможет появиться все, что они захотят (если там этого не было, а там этого явно не будет), они просто проигнорируют все, что будет с плесенью и все, что испортиться. Поэтому «мы» на самом деле означало «они».

Брок продолжал говорить, прежде чем я успела напомнить ему об этом.

— И, насколько я могу судить, ты можешь взять с собой небольшую сумочку — ручную кладь, потому что все, что тебе необходимо в этой поездке — это бикини.

— Брок, во-первых, я не ношу бикини, — вставила я, продолжая уворачиваться от покупателей по пути на выход. — Во-вторых, мне необходимо больше одного купальника на неделю. Мне требуется, по крайней мере, три, но у меня есть четыре, которые я купила, хотя по магазинам с Мартой, Эльвирий и девочками на прошлой неделе.

Кстати, запрет на посещение торговых центров я сняла, поклявшись себе, что в следующем году, после Рождества, каким бы безумным оно не было, я отменю свой запрет в феврале, потому что я буквально сошла с ума, впервые за два месяца зайдя в торговый центр, накупив практически целый новый гардероб для отдыха. Некоторые вещи были очень сексуальными, но все, что я купила было просто потрясающим, хотя могла обойтись и без них (правда), особенно после того, как заплатила за четыре номера в пятизвездочном отеле с учетом расширения своего бизнеса и обустройства новой пекарни.

— В-третьих, — продолжила я, обращаясь к Броку, — хотя я намереваюсь отдохнуть и расслабиться, я также намереваюсь сделать покупки, а покупки делать в купальнике нельзя. И в последний вечер нашего отдыха я должна быть одета в чем-то, кроме бикини, и кто знает, куда мы пойдем? Мы могли бы во время отдыха сходить в хорошие рестораны или местные рестораны, или семейные рестораны. Я никогда не была на Арубе. Может мы посетим все эти рестораны, и каждый из них потребует нового наряда, не только для меня, но и для вас. Поэтому мы должны быть готовы.

И не смотря на мое длинное, как канат, разнообразное объяснение, Брок единственное, что спросил:

— Ты не носишь бикини?

Я закатила глаза и направилась к выходу, где была припаркована моя машина.

— Нет.

— Почему?

— Не могу сказать.

— Почему? — допытывался он

Я толкнула дверь на выход, спрашивая:

— Мне действительно нужно объяснять?

Он не ответил. Вместо этого опять спросил:

— Но ты взяла с собой бикини?

Я ответила на его вопрос.

— Нет.

— Детка, ты же находишься в торговом центре, — произнес он, словно я этого не знала.
— Вообще-то я уже иду к своей машине.
— Разворачивайся иди купи себе бикини, — он сделал паузу, — четыре.
— Брок.
— Милая, — его голос понизился, — у тебя великолепная фигура. Чертовски красивая. С тех пор, как ты рассказала мне об этом отдыке, я постоянно представляю тебя на пляже в бикини. Я также представляю тебя и в других местах в бикини. А еще я представляю, как снимаю с тебя это бикини. Я целых четыре недели представляю тебя в бикини. Мне осталось ждать этого момента, когда я увижу тебя в бикини всего два дня. Не убивай мои фантазии.

Ммм. Мне понравилось. Все. Он так образно описал, что я тоже начала представлять себя в бикини, особенно, когда он снимает его с меня.

И я представляла и представляла, картинки сменялись одна за другой, остановившись сзади машины, уставившись на носки своих сапог на высоком каблуке.

Потом меня осенило, и я спросила:

— Как ты думаешь, нормально будет, если я буду в бикини рядом с мальчиками?

Я представила, как брови Брука сошлись на переносице, прежде чем он ответил:

— Ну... ага. — Потом. — А почему...?

— Не знаю, — пробормотала я.

— Детка, ты только что стала мачехой двух парней. И совсем не значит, что ты должна становиться Джун Кливер. — Потом он пробубнил: — Господи, по крайней мере, я надеюсь, что ты не будешь такой. (*Эвелин Бронсон Кливер — главный герой американского телесериала «Оставь это Бобру». Джун и ее муж Уорд часто называют архетипическими пригородными родителями 1950-х годов. Пара является родителями двух сыновей, Уолли и "Бобр". — прим. пер.*)

Я задумалась.

— Донна никогда не носила бикини.

— У Донны было такое же великолепное тело, как у тебя? — спросил Брок.

— Донна была ростом пять футов два дюйма и любила морковный пирог больше, чем любит его Рекс и шоколадный торт, намного больше, чем Джоуи. Как, ты думаешь, почему я научилась их готовить?

— Разворачивайся и отправляйся покупать для меня бикини, — хихикнул мой мужчина.

— Я уже купила для тебя три ночные сорочки.

Снова наступила тишина, затем тихое «мать твою», затем:

— Доставь мне бескрайнюю радость, сладкая, вернись и прикупи бикини.

Я ухмыльнулась.

— Я заберу парней и привезу их к себе в участок. Ты сможешь забрать их у меня?

Его вопрос, заданный как бы между прочим, наполнили мой живот теплом.

Теперь это было дополнение к моей жизни, и мне нравилось. С тех пор как Марта начала работать у меня, работы уменьшилось, но у Брука ничего не изменилось, Брок привозил мальчиков в школу (вовремя), а я уходила пораньше, чтобы забрать их после занятий. Обычно они тусовались со мной в пекарне после школы.

Иногда мне приходилось возить их на тренировки по бейсболу, которые только начинались, и я зависала вместе с ними, пока проходили их тренировки. Иногда я уходила пораньше, и мы все вместе тусовались дома.

Мне это нравилось. Все нравилось. Даже мимолетно пересекаясь с другими родителями, которых я видела во время школьных тренировок, знакомясь с друзьями мальчиков и их

родителями, болтая с сыновьями Брука о том, как прошел их день, мне нравилось. Я даже не смела и мечтать о нечто подобном — спрашивать двух любимых парней, сделали ли они домашнее задание, слушать, как они болтают о новостях в машине, пока я везла их в пекарню или домой, слышать их голоса, спускаясь по лестнице, пока они спорили перед телевизором о том, какой канал будут смотреть, ходить за продуктами и покупать еду на всю семью, не только для себя и не только для своего партнера.

Мне нравилось находиться рядом с Бруком, с ним я чувствовала себя в безопасности, ощущала себя красивой, с ним я чувствовала себя любимой. Мне нравилось все, что он мне давал, так сильно, что не могла это выразить словами.

Но я любила его еще больше за то, что он дал мне семью.

И поскольку он дал мне семью, я могла купить для него бикини.

Поэтому я развернулась к торговому центру и ответила:

— Хорошо.

— Напиши мне, когда будешь в пути.

— Хорошо, милый.

— Пока, детка.

— Пока, Брук, люблю тебя.

— Я тоже, дорогая.

Я счастливо вздохнула.

Он повесил трубку.

Я убрала телефон в сумочку.

Потом я увидела перед собой мужчину, начала его обходить, произнося:

— Извините, — но так и не договорила свое «Извините».

Этот мужчина двигался со мной в одном направлении.

Я подняла голову и поймала его взгляд.

— Извините, — произнесла я с легкой улыбкой и сделала пару шагов в сторону.

Он тоже сделал пару шагов в сторону, загораживая мне путь.

Ой-ой.

— Э-э... — начала я.

— Мистер Хеллер хочет вас видеть.

Черт!

Я посмотрела поверх его плеча на двери торгового центра. Меня отделяли от него четыре машины и пешеходная дорога. На мне были сапоги на высоких каблуках. Мужчина был большой и мускулистый. Может он будет медлительным и не успеет меня догнать, если я побегу.

По проезжей дороге полз черный седан, и я услышала, что сзади тоже едет машина.

Я вздохнула с облегчением, теперь у нас появилась компания, поэтому повернулась в сторону, чтобы проскользнуть мимо него, сказав:

— Я не желаю разговаривать с мистером Хеллером.

— Боюсь, это невозможно, — ответил он.

Отлично.

Дэмиан.

Боже, я ненавидела его. Секунду назад я думала о бикини и своей семье, о любящем меня Бруке и вот пожалуйста — бум! Дэмиан возникает, мать твою, из неоткуда и посыпает ко мне головореза, и все мои счастливые мысли испаряются.

Черный седан остановился, задняя дверь открылась.

Дэмиан сидел на заднем сиденье.

Черт!

Большой мускулистый парень отрезал мне пути отступления, седан отрезал мне пути в другом направлении, поэтому я была заперта между ними, жонглируя пакетами и сумками, я стала копаться в сумочке, чтобы достать телефон и позвонить 911 и сообщить полиции, что Дэмиан опять преследует меня.

— Тесс, садись в машину, — приказал Дэмиан. — Быстро.

Я не ответила. Вэнс сказал мне не разговаривать с ним, поэтому я и не собиралась с ним вступать в переговоры. Я должна была позвонить 911. Я попыталась все же каким-то образом прошмыгнуть мимо большого мускулистого парня, но большой мускулистый парень положил свою твердую руку мне на плечо, останавливая.

Я попыталась увернуться, одновременно проводя пальцем по телефону, чтобы активировать экран.

— Тесс, у нас мало времени. — Услышала я Дэмиана. — Пожалуйста, для твоей же безопасности, садись в машину.

Удивительно, но большой мускулистый парень не стал забирать у меня телефон. Я набрала 911 (который, стоило бы уже теперь добавить в мои «любимые» номера) и приложила к уху.

— Тесс, прошу тебя, — взмолился Дэмиан, будто за нами кто-то гнался (вот, придурок), но я не сводила глаз с большого мускулистого парня, который достаточно аккуратно потянул меня к машине именно в этот момент, когда оператор 911 произнесла мне в ухо:

— Девять-один-один. Что у вас прои...

И тут все и произошло.

Послышался выстрел.

Здесь.

Несколько выстрелов.

И они были такими громкими. Невероятно громкими, что мне показалось, что я оглохла.

Я застыла, как только здоровенная мускулистая рука мужчины отпустила мое плечо и заскользила вниз, потому что он рухнул на землю, его грудь была в крови.

В полном ужасе, в ступоре я уставилась на большого, мускулистого мужчину, который хрипел, а кровь сочилась из его груди.

Боже мой!

Тупо, в шоке я повернулась налево и увидела пожилого мужчину, которого никогда раньше не встречала, приближающегося ко мне с пистолетом в руке.

— Тесс! — Крикнул Дэмиан, выскакивая из машины прежде, чем я успела что-то сделать, например, убежать. — Садись в эту чертовую машину!

Он схватил меня за руку и потащил к машине, раздались новые выстрелы.

Дэмиан застонал от боли, я почувствовала, как его тело дернулось, но он все равно запихнул меня в машину, сел следом и захлопнул дверцу.

— Гони! — старик продолжал стрелять по машине, пули с глухим звуком вонзались в металл, водитель Дэмиана опустил ногу на педаль, и мы рванули вперед, прямо на сумасшедшего старика, стреляющего в нас. Затем пуля пробила ветровое стекло, машина, обезумев вильнула вправо, врезалась в припаркованные автомобили на стоянке, отбросив Дэмиана и меня в противоположную сторону, мы какое-то время еще скользили по инерции, сминая машины, а затем остановились, водитель упал вправо на сиденье.

Наша машина остановилась так, что моя дверь была прижата к покареженным автомобилям. Я никак не могла убежать, только перелезая через Дэмиана.

Но у меня не было ни единого шанса, потому что все произошло очень быстро. В одно биение сердца, в одно моргание.

Дэмиан вытащил пистолет из кармана куртки как раз в тот момент, когда дверь распахнулась и сумасшедший стариk наклонился, прицелился и выстрелил Дэмиану прямо в лицо.

Прямо.

Ему.

В.

Лицо!

Я закричала от ужаса, когда Дэмиан рухнул на меня и стал скатываться на пол машины.

Потом я перестала кричать и посмотрела на сумасшедшего старика-стрелка, который в данную секунду целился в меня, мое сердце и легкие сжались. Сердце и легкие сжались и замерли, но кровь продолжала бежать по венам, я чувствовала жар, кожу на голове покалывало, ладони мгновенно стали мокрыми, колени были мелкая дрожь, а я смотрела прямо на его пистолет.

— Тесса О'Хара, — сказал он, я не пошевелилась, не заговорила, даже не моргнула.

Ничего не приходило мне на ум, откуда он знал мое имя, не то, что кругом была кровь, не убийство, ни покареженные машины на парковке перед торговым центром «Парк Медоуз», ничего, кроме него и его пистолета, направленного на меня. — Тесса О'Хара женщина Брука Лукаса, — прошептал он, и я узнала его голос. Узнала. Именно он звонил мне целую вечность назад, тем вечером, когда кто-то стрелял в Брука.

Я по-прежнему молчала, просто пялилась на него.

— Если хочешь продолжать дышать, то притихне.

Мне хотелось продолжать дышать.

Поэтому в машине с двумя убитыми я оставила свой телефон, сумочку, печенье «Миссис Филд», пакет от «Дилларда» с плавками для моих мальчиков и притихла.

* * *

— Брок, на минуту в кабинет Кэпа, — услышал Брок Лукас, подняв глаза от компьютера, который он выключал, чтобы отправиться в школу за своими сыновьями, переведя взгляд на мужчину, стоящего у его стола.

Или, вернее, мужчин, стоявших у его стола.

Хэнк Найтингейл, Эдди Чавез и Джимми Маркер, с первыми двумя он познакомился, когда работал в полиции в отделе нравов. Их отношения были натянутыми из-за того, что последнее задание Брука пошло наперекосяк, и они оба очень негативно относились к действиям, которыми руководствовался Брок во время своего последнего задания. Теперь, учитывая, что Хэнк был братом Ли Найтингейла, а Ли был лучшим другом Чавеза, и Брок работал с Гектором и Вэнсом, двумя парнями Ли, не говоря уже о том, что он перешел из УБН в полицию, их пути частенько пересекались, следовательно, их отношения перешли к непростой разрядке. По мере того как дни сменялись неделями, а затем месяцами, разрядка в их отношениях улучшалась, пока они узнавали друг друга, начиная от опыта в работе, характера и основных понятий по жизни друг друга. Брок не мог сказать, что они были лучшими друзьями, но он уважал их.

Джимми Маркер — ветеран полиции, награжденный высокой наградой, был предан своему делу, находясь буквально на пороге пенсии. В департаменте не было ни одного полицейского, который бы не уважал его, включая и самого Брока.

И эти слова произнес Джимми.

— В чем дело? — Спросил Брок.

— В кабинет Кэпа, — ответил Джимми.

И он все понял. Он почувствовал. Он прочел по их настороженным глазам и настороженным взглядам.

Что-то было не так. Что-то было неправильно. И это что-то было очень серьезным, и очень-очень неправильным.

Мать твою.

Не сказав ни слова, он поднялся со стула и направился в кабинет капитана, Джимми, Эдди и Хэнк последовали за ним.

Как только он переступил порог, Брок увидел, что капитан смотрит в окно своего кабинета. Значит ждал его.

Вот черт.

Он вошел, мужчины вошли вместе с ним, дверь мгновенно закрылась.

— Садись, Лукас, — приказал капитан, не сводя с него глаз.

Брок не двигался и не сводил глаз с Кэпа.

— Скажите мне, — приказал он.

Кэп выдержал его взгляд.

— Ты в курсе, что Джосайя Бёркет был условно-досрочно освобожден четыре месяца назад. Желчь подступила к горлу Брока.

Джосайя Бёркет был двоюродным кузеном Бри, который изнасиловал ее. Брок не спускал глаз с Джосайя Бёркета и точно знал, когда освободили этого гребаного монстра. Брок также знал, что Бёркет постоянно встречался со своим офицером по условно-досрочному освобождению в реабилитационном центре, куда этот мудак попал и из которого этот мудак, пока не собирался переезжать, но ему удалось устроиться на работу на конвейер завода, производящего автомобильные детали, на 6-й авеню.

Чего он не знал, так это почему Кэп заинтересовался Бёркетом.

Начало, явно было не очень хорошим.

— Да, — ответил он.

Капитан выдержал его взгляд.

— Господи, Кэп, просто... — прорычал Брок, но Кэп перебил его:

— Поступил звонок в 911 двадцать минут назад, — быстро произнес он. — Звонивший не успел объяснить, что происходит. Но оператор услышал выстрелы. Не прошло и минуты, как из торгового центра «Парк Медоуз» в 911 поступило еще ряд звонков от покупателей... Услышав место, где находилась Тесс, он понял все, потому что двадцать гребанных минут назад разговаривал с ней по чертовому телефону, и все его тело, каждая клеточка Брока Лукаса оцепенела.

— ...Говорили, что пожилой мужчина открыл огонь по черному седану. Когда патрульная машина прибыла на место происшествия, стрелявший исчез, недалеко от машины лежал мужчина, все еще живой, в машине было двое убитых. Дэмиан Хеллер был одним из них.

Брок не двигался, не говорил, даже не мог моргнуть.

— Извини, сынок, но телефон и сумочку Тессы О'Хара нашли в салоне седана.

Брок закрыл глаза.

Капитан продолжил:

— Свидетели утверждают, что она ушла с пожилым мужчиной, который держал ее на мушке пистолета.

Брок открыл глаза.

— Описание стрелявшего пожилого мужчины полностью совпадает с описанием Джосайи Бёркета, — быстро закончил капитан.

Брок на автомате развернулся и направился к двери.

Найтингейл и Чавез стояли у двери, готовые остановить его, и если бы Брок задумался на минутку, то понял бы почему пригласили именно этих двоих, только они могли его остановить в данной ситуации. Но Брок совершенно не думал об этом, все мысли были только о его милой, сладкой Тесс, которая в данный момент находилась в руках больного сумасшедшего, к которому он приложил в свое время руку, чтобы отомстить за Бри, а теперь этот больной забрал его Тесс, которой угрожала настоящая опасность.

— Лукас, ты должен сохранять спокойствие и слушаться меня, — настойчиво приказал Кэп. Брок остановился перед Найтингейлом и Чавезом.

— С дороги, мать вашу, — прорычал он, глядя на них.

Они не шелохнулись. Если бы он задумался и пригляделся к выражению их лиц, хотя бы на секунду, то увидел бы понимание в их глазах и переживание.

Но в его мыслях не было ничего, кроме Тесс и больного, скрюченного Джосайи, бл*дь, Бёркета.

— Лукас, — позвал Кэп. — Сынок, успокойся и послушай меня. Если ты не выполнишь мой приказ, мы тебя запрем в кабинете. Я знаю, что ты этого не хочешь. Возьми себя в руки, будь умницей, повернись и послушай меня.

Брок оглянулся через плечо.

— Уберите их с моего пути.

— Мы найдем ее, — пообещал Кэп.

— Когда? После того, как он выбьет из нее все дермо? — обернувшись, спросил Брок. — После того, как он поиграет с ней в свои дурацкие игры? Господи, бл*дь, Иисусе! — последняя фраза прозвучала ревом на весь кабинет. — Она уже проходила через подобное.

— Я знаю, сынок, послушай…

Брок повернулся спиной к Кэпу и направил палец в лицо Найтингейлу.

— Я хочу, чтобы в ее посиках участвовал твой брат, сейчас же, твою мать.

— Да, Слим, я уже позвонил ему, — тихо ответил Хэнк. — Все его парни вышли на охоту.

— Дельгадо, — прорычал Брок, переводя взгляд на Чавеза, — его тоже нужно привлечь.

— Я тоже сделал звонок, — сказал ему Эдди. — Его команда уже в игре.

Брок уставился на них, желчь все еще разъедала ему горло. И воспоминания Бри на больничной койке заполняли его голову, но Бри превращалась в Тесс в его воспоминаниях, разбитая челюсть, выбитые зубы, заплыvшие глаза, вся шея в темных синяках.

Бл*дь.

Черт!

Он снова развернулся к Кэпу.

— Мне нужно забрать парней из школы… сделать пару звонков.

— Звони отсюда, — ответил Кэп.

Брок покачал головой.

— Я должен пойти с вами. Я знаю, где он может прятаться. Я знаю, где он прячется.

— Если ты передашь эту информацию Джимми, Хэнку и Эдди, они все сделают.

— Она — моя женщина, Кэп, — напомнил ему Брок.

— Мы найдем ее, — снова пообещал Кэп.

Желчь в горле не уходила, угрожая перекрыть ему доступ кислорода.

— Это моя работа защищать ее, держать в безопасности, — произнес он сквозь желчь, отчего его голос вышел хриплым.

— Мы найдем ее, сынок, — снова пообещал Кэп, и взгляд его стал напряженным. — Такой человек, как ты, идет против правил, я знаю. Против всех правил. Но самое умное, что ты можешь сделать в данную минуту, успокоиться, присесть, все рассказать Джимми, Хэнку и Эдди, чтобы они смогли вычислить его местонахождение, потом позвонить кому-нибудь из своих родственников, чтобы они забрали из школы твоих мальчиков. Когда мы спасем ее, тебе нужно быть в здравом уме, ты будешь нужен ей. Так что держи себя в руках, Брок, сделай мне одолжение, помоги нам найти ее.

И как только Кэп замолчал, Брок «Слим» Лукас не стал медлить не минуты.

Он подошел к стульям за столом Кэпа, уселся на один из них и посмотрел на Джимми Маркера, который сел рядом с ним. Затем он быстро стал говорить, вспоминая всю информацию о Джосайи Бёркете. Он вспомнил все до мельчайших деталей. Все, ничего не забыл.

Эдди Чавес ушел первым, передавая первую волну информации.

Хэнк Найтингейл ушел вторым.

Джимми Маркер сидел с ним до конца.

Потом Брок позвонил матери, попросив забрать мальчиков из школы.

И, стоя у окна в кабинете капитана и смотря невидящими глазами на улицу, желчь все еще продолжала душить его, в голове был полны кавардак, инстинкты кричали, чтобы он начал действовать, ладони зудели, зубы были стиснуты, и ему требовалось вся сила воли, чтобы оставаться в покое и не совершить снова того, что он совершил много лет назад — нечто дикое, глупое, неправильное, именно то, что и поставило сейчас его сладкую Тесс под угрозу, и впервые за много лет он стал молиться.

«Мой неуправляемый мужчина», в голове кружились ее слова, словно шепот. «Мой заклинатель змей».

Брок Лукас закрыл глаза и стал молиться еще усерднее.

22.

Скажи Слиму

— Знаешь, что он со мной сделал?

— Это ты убил Бри.

— Знаешь, что он со мной сделал?

Я замолчала, когда он начал кричать.

Он направил пистолет на меня и смотрел мне прямо в глаза. Он ошибался. Все в нем было ошибкой. И все это говорили его глаза.

Как сказал бы Брок, он был готов к убийству. И это было видно по его глазам. Ясно, как день. «Убийство» сочилось из его взгляда.

Как Бри могла этого не заметить?

Или, может он каким-то образом скрыл это от нее.

Но сейчас он не скрывал своего желания.

И это пугало меня почти до потери сознания.

Но не настолько, чтобы я не обращала внимания на другие вещи. Например, где мы находимся — в Инглвуде, в старом темном помещении на большом участке земли с грязным таявшим снегом и выглядывающими сухими палками мертвых сорняков, а также затененного множеством больших деревьев. Я подумала, что это довольно странное место, куда меня привели. Инглвуд был населенным районом, а с наступлением вечера он становился еще более населенным, здесь кипела ночная жизнь.

Люди смогут услышать мой крик.

Но я не кричала.

Из-за него.

Он был готов к убийству.

Он убил Дэмиана, выстрелил прямо ему в лицо. Он застрелил еще двух человек, один был точно мертв, другой — может и выживет. Он ненавидел Брука.

Поэтому он хотел застрелить меня.

Но сначала он хотел позабавиться со мной. Я тоже это поняла. Я чувствовала всем нутром, что он хотел, чтобы Брук жил с последствиями своих действий всю оставшуюся жизнь. Может он не убьет меня окончательно, оставив еле дышащую, а может и убьет.

Но время было ограничено, он не собирался долго со мной забавляться. Это я тоже поняла. Во-первых, он был стариком.

У него не было столько физической силы, как раньше. К тому же ему было все равно, поймают его или нет. Он застрелил троих на парковке у торгового центра «Парк Медоуз». Люди вокруг должны увидеть его следы и услышать. Он собирался заставить Брука заплатить за то, что тот сделал тогда с ним, и этот стариk не собирался терять время.

Я молчала, и он стал говорить более спокойным голосом, приказав:

— Снимай.... эту чертовую... одежду.

Я замерла.

Оказывается, он не собирался тратить время на разные разговоры.

Я не хотела повторений. Я просто не могла. Не может быть, что подобное может произойти со мной снова. Внутри у меня не было уверенности, что я смогу пережить нечто подобное во второй раз. Несмотря на то, что у меня будет стоять Брук, прикрывая мою спину, когда я выйду из этого кошмара, если я буду все еще жива. Я была не уверена, что мы вдвоем сможем пережить этот кошмар, не потому что я все знала о Бруке, его потрясающей черте характера быть верным и любить, я поняла одну вещь — он все время будет думать, что именно он спровоцировал эту ситуацию со мной, навлек ее на меня, поэтому я в ней и оказалась. И именно эти мысли и погубят, разрушат его окончательно. Получалось, что даже, если я выживу, он мог и не выжить.

— Снимай... свою гребаную ... одежду, — повторил он, и я уставилась на него.

Он сдвинул пистолет на дюйм в сторону и нажал на спусковой курок.

Я закричала и подпрыгнула, раздался громкий выстрел, пуля вонзилась в стену позади меня.

Господи, пожалуйста, любой прохожий услышьте выстрелы.

— Раздевайся, — повторил он.

Я отрицательно покачала головой.

— Нет, — прошептала я, и он непонимающе моргнул.

— Что? — переспросил.

И тут я все поняла. Я поняла, что не выдержу повторения. Я поняла, что Брок не выдержит того, что произойдет со мной.

Я поняла, что должна остановить действия этого ненормального старика, поставив огромную жирную точку.

И если он вдруг причинит боль, так тому и быть.

Но больше ни один мудак не сможет причинить мне душевной боли, которую я испытала в своей жизни. И Броку тоже.

По крайней мере, не этот ублюдок.

Мне и Броку было достаточно боли на всю оставшуюся жизнь. Мы оба бл*ть, дошли до конца.

— Ты получил по заслугам, — тихо произнесла я ему, и он уставился на меня. — Нет. — Я снова покачала головой. — Ты еще не получил по заслугам. Если бы ты получил по заслугам, то был бы сейчас мертв.

Он двинулся ко мне поближе, наставив на меня пистолет, но я не сводила с него глаз, сделав шаг назад.

— Ты причинил ей столько боли, уничтожил ее, — сказала я ему, все еще двигаясь назад, пока он делал шаг в мою сторону, его обезумевшие глаза были прикованы ко мне. — Ты убил ее. И все в этом настолько неправильно, потому что ты до сих пор дышишь, а она нет. Я ударила об стену, мне пришлось остановиться, он остановился вместе со мной.

— Снимай… мать твою… одежду, — снова приказал он.

— Нет. Ни за что. Ты не прикоснешься ко мне. Ни за что.

— Снимай одежду.

— Стреляй. Давай. Я лучше умру, чем позволю твоим грязным рукам прикоснуться к себе.

— Раздевайся…

Я отрицательно покачала головой, не сводя с него глаз.

И прошептала:

— Нет.

А потом двинулась вперед, согнувшись пополам прямо на него, следующий выстрел громко отразился в комнате, я не поняла куда был направлен его пистолет, поняла только, что не в меня, потому что не почувствовала дикой боли.

Я ударила его головой в живот.

И это был не лучший ход с моей стороны. Мне стоило больше внимания уделять бейсболу, пока смотрела игру сыновей Брука. Мне следовало ударить его плечом, а не головой, потому что шею и позвоночник тут же пронзила острая боль.

Но я продолжала наступать на него, толкая, чувствуя, как он ухватился рукой за мою куртку, как только я потянулась к его оружию. Прозвучал еще один выстрел, но он прошел мимо меня, я оттолкнула его руку. Затем он ударил меня о стену, и еще одна вспышка боли пронзила шею и позвоночник, случайно он выпустил еще одну пулю, но я крепко сжимала его запястье, и пистолет был направлен в другую сторону, а не на меня.

Я выпрямилась и попыталась ухватиться за пистолет.

Это был полный отстой, несмотря на то, что он был стар для меня он все еще был силен. Дерьмо. Мне следовало с большими усилиями заниматься кикбоксингом.

Наша борьба вынудила нас сделать еще один раунд кругом, пистолет был направлен вверх, я изо всех сил толкал старика, пытаясь удержать его у стены, стараясь держать пистолет направленным в сторону.

Потом я вдруг поймала себя на мысли, что молчу.

И я начала кричать, орать и, кричать. Я не разбирала слов, которые книгу, может даже я не кричала слова, а просто звуки, но если бы кто-то услышал, то явно вызвал бы подмогу, полицию.

Я надеялась на это.

— Заткнись, — потребовал он.

— ДА ПОШЕЛ ТЫ! — Завизжала я.

— Заткнись! — закричал он, и вдруг до меня дошло, что мне следует обратить внимание на его левую руку, как и на правую, потому что он ударил меня прямо в челюсть левой рукой.

Боль пронзила челюсть, голова и тело дернулись в сторону, но, к счастью, его руку с пистолетом я держала мертвой хваткой.

Я снова начала кричать, но училась быстро быть начеку. И когда он снова попытался ударить меня, я увернулась, а он промахнулся. По инерции его отбросило в сторону, я рванула на него вперед, пытаясь его подмять под себя, пока он находился в неустойчивом положении.

— Чертова сука! Еб*ная п*зда! — заорал он изо всех сил, пытаясь выпрямиться и удержаться на ногах.

Я продолжала навалиться на него всем своим весом, с трудом удерживая его в полусогнутом положении, громко продолжая кричать, насколько могла. Я протянула руку к пистолету, ухватилась за него и нажала на спусковой крючок.

— Чертова сука! Еб*ная, еб*ная п*зда! — орал он, усилив сопротивление, долго я так его не удержу.

Я нажала на курок.

БАМ!

БАМ!

БАМ!

Я прижимала его руку к стене, он пытался отбиться, пока не иссякла обойма, и пуль больше не было.

Слава Богу.

Я тут же отпустила его руку с пистолетом, развернулась и побежала.

Он схватил меня за волосы, дернув назад, боль, Боже, такая сильная чертовая боль пронзила голову, шея повернулась, и я закричала от агонии.

Он приблизился и ударив меня по ногам, сделав подсечку, выбил пол у меня из-под ног, я тяжело рухнула на бок.

И он набросился на меня.

Я снова начала кричать и бороться с ним, лягаться ногами, сопротивляясь, царапаться. Как только мои ногти прошлись по его лицу, у него мгновенно потекла кровь из трех царапин, он инстинктивно отпрянул, я воспользовалась его замешательством, упервшись ногой в пол смогла повалить его на спину.

В этот момент, возможно, мне следовало встать и убежать.

Но я этого не сделала.

Я села на него и со всей силы ударила кулаком, со всей силы, насколько у меня хватало в лице.

Он застонал от боли, его голова дернулась в сторону.

Он не успел ответить на мой удар, потому что я ударила его снова.

И еще.

И еще.

И еще.

И еще.

А потом обхватила его руками за шею и стала сжимать.

— Ты гребаный мудак, — прошептала я, сильнее сжимая руки, хотя он пытался оторвать мои руки, ухватившись за запястья, от своей шеи, но я со всей силой, всем своим весом сжимала пальцы... сжимала... со всей силой. — Ты гребаный, мудацкий член. — Он дернулся всем телом, ноги стучали по полу, пытаясь выбраться из-под меня, но я полностью была сосредоточена на нем, вернее на его шее своих пальцах, которые мертвкой хваткой сцепились вокруг нее, сжимая все сильнее.

— Ты лишил Бри прекрасного будущего, ты не лишишь его меня.

Я сжала еще сильнее.

Он начал задыхаться.

Но я продолжала сжимать.

Я видела, как багровеет его лицо, открывается рот, пытаясь глотнуть воздуха, он напоминал рыбу, выброшенную на берег, он перестал пытаться выбраться, по телу прошлись конвульсии.

А я продолжала сжимать.

И не слышала, как с грохотом распахнулась входная дверь, не слышала топота мужских ботинок по полу.

Я просто продолжала сжимать его шею.

И вдруг, в мгновение я не сидела уже на нем верхом, а стояла на ногах, прижатая спиной к твердому, как камень, мужскому телу, огромные руки схватили меня за запястья, обернулись вокруг меня, пока я тупо смотрела, как этот старый мудак пытается втянуть ртом воздух, ухватившись руками за горло, а высокий, темноволосый мужчина с жетоном на поясе склонился над ним, направив на него пистолет.

— Ты в безопасности, — прошептал мне мужчина, к чьей груди я прижималась спиной. — Я Хоук, мужчина Гвен, ты в безопасности, Тесс.

И я, находясь в напряжении и на адреналине долгое время, сдулась, у меня подкосились ноги, я обвисла в его руках, но он твердо удержал меня в вертикальном положении, прижимая к себе.

— Ты в безопасности, Тесс, — снова прошептал он мне на ухо.

Я молча кивнула, не сводя глаз с темноволосого мужчины, который пинком ботинка перевернул старика на живот, присел на корточки, уперся коленом ему в спину, вытащил наручники на пояске джинсов, заломил его руки за спину и надел на него наручники.

Меня начала бить дрожь.

Хоук, мужчины Гвен, еще крепче прижал меня к себе.

Темноволосый мужчина, сидевший на полу, на корточках, рявкнул:

— Не двигайся, мать твою.

Потом встал, достал из заднего кармана телефон, нажал на пару кнопок и поднес его к уху. Затем его добрые, напряженные и настороженные темно-карие глаза остановились на мне, он осмотрелся меня с ног до головы, перевел взгляд на Хоука, потом снова на меня. И сказал в телефон:

— Да, это Лоусон. Мы нашли ее. Она цела и невредима. Скажи Слиму.

Мы нашли ее. Она цела и невредима. Скажи Слиму.

И тогда я заплакала.

Эпилог

Осуществил свое желание

Сработал звонок будильника.

Послышалась музыка, Тим МакГроу, Брок услышал сонное бормотание Тесс:

— Какого черта?

Он усмехнулся еще до того, как открыл глаза.

Она отодвинулась от него, но прежде чем успела нажать на кнопку выключения музыки, он открыл глаза, обнял ее за талию и притянул назад к себе.

Она перекатилась в его руке и подняла на него свои зеленые глаза, ее светло-золотистые волосы со светлыми прядями взъерошились и часть из них упала на лицо.

— Кто это? — спросила она, поднимая руку, чтобы убрать мягкие локоны с глаз.

— Тим МакГроу, — ответил он, поняв ее вопрос и понимая, что она понятия не имеет, кто такой Тим МакГроу. Он провел больше года, знакомя ее со своими музыкальными предпочтениями, и больше года она полностью игнорировала все его попытки.

Музыка стала громче.

Он видел, как она прищурилась, и не потому, что у нее не было очков.

— Каким образом она оказалась в моем будильнике?

— Я записал ее туда.

— Ты... — начала она, но он перекатился на нее так, что оказался на ней, на ее мягкому, сладкому теле и приблизил свое лицо к ее.

— Детка, — прошептал он, — сегодня мой день рождения. Я не собираюсь просыпаться под Фиону Эппл.

— Фиона не была в списке приглашенных, — сообщила она.

— Или Тори Эймос, — добавил он.

— И она тоже.

— Или Сара Маклахлан.

— Она тоже.

— Или Пола Коул.

Она закрыла рот.

Да, Пола, мать твою, Коула определенно не была запланирована на его день рождения.

Он почувствовал, что его начинает сотрясать смех, а Тим МакГроу набирал обороты.

Он попытался проконтролировать свой смех, опустив лицо к ней, снова напомнив:

— Сегодня мой день рождения.

— Мне нужно выключить музыку.

— Да, ты сможешь выключить музыку после того, как поздравишь меня.

— Она становится громче.

И она была права. Музыка становилась все громче.

— Тесс, — прорычал он, прижимаясь к ней всем телом, она закусила губу, и дверь распахнулась.

Его голова дернулась к двери, и он увидел Джоуи и Рекса, которые появились на пороге их спальни, точно так же, как в прошлом году Тесс заставила его, через два дня после его дня рождения, зайти в комнату Рекса Джоуи с именинным тортом, и точно также, как через четыре дня они — Рекс, Тесс и Брок вошли в комнату Джоуи с шоколадным тортом.

Джоуи держал красиво украшенный праздничный торт, несомненно, морковный, его любимый, в котором горело множество высоких тонких голубых свечей.

Они пели «С Днем Рождения тебя» под Тима МакГроу и улыбались, как идиоты.

Он посмотрел на Тесс, которая улыбалась ему, но не как идиотка. Ее глаза с нежностью смотрели на него, улыбка была милой и мягкой.

В этом была вся Тесс.

Он ухмыльнулся в ответ, наклонился, коснулся губами ее губ, потом скатился с жены, опираясь на согнутую руку, она перекатилась к будильнику, выключив Тима МакГроу примерно в то время, как только Рекс и Джоуи подошли к кровати, растягивая «С Днем Рождения, дорогой Пaaaапа», Тэсс присела и пропела с ними последнюю фразу.

Джоуи протянул ей торт и потребовал:

— Задуй свечи и загадай желание.

Брок «Слим» Лукас посмотрел на старшего сына, потом перевел взгляд на младшего, потом на жену.

И когда его глаза встретились с ее сияющими глазами, он понял, что желать еще чего-то ему нечего. Нет ни одного желания. Ему больше в жизни ничего не нужно.

У него было все.

Кроме одного.

Он склонился к Тесс, загадал желание и задул свечи.

Она захлопала в ладоши.

Рекс заявил:

— Чертовски круто! Как и в прошлом году! Торт на завтрак три дня на этой неделе!

Джоуи, подросший в прошлом году, теперь был намного выше Тэсс и определенно мальчик постепенно превращался в мужчину, всего через неделю после своего четырнадцатилетия, развернулся и зашлепал босыми ногами, зашагав к двери, заявив:

— Я поставлю тарелки.

Рекс, тоже повзрослевший, хотя и не так сильно, как его брат, все же был выше Тэсс, ему было почти двенадцать, но он все еще сохранял статус мальчика, но не долго, последовал за ним, объявив:

— Я налью молоко.

Тесс откинула одеяло и заявила:

— А я сделаю кофе.

Он снова обхватил ее за талию, хотя ее ноги почти коснулись пола, потянул ее обратно в кровать и перекатился на нее.

Прежде чем она успела сказать хоть слово, он поцеловал ее в свой день рождения, сделав это долго, крепко и влажно.

Когда он поднял голову и увидел ее глаза, слегка ошеломленные, но по большей части счастливые и все еще сияющие, его желание исполнилось.

* * *

Брок подошел к двери, которая открылась еще до того, как он подошел. Когда дверь открылась, он кивнул старику, тот наклонил голову и отступил в сторону, пропуская Брука вперед.

Мужчина закрыл дверь и повернулся к нему.

— Хотите кофе? — спросил он, как всегда.

Брок отрицательно покачал головой, тоже как всегда, сунул руку в карман пальто, вытащил конверт и протянул его мужчине.

Дональд Хеллер взял его. Он даже не пытался скрыть своего нетерпения, тотчас же открыл конверт и вытащил фотографии.

Он не пытался скрывать своего нетерпения.

Склонив голову, он рассматривал фотографии Тесс с Джоуи, Рексом и его семьей на Рождество.

Тесс украшала торт на кухне своей новой пекарни. Тесс стояла на кухне с телефоном у уха и смеялась над чем-то, что говорила Эльвира. Тесс сидела на корточках, обняв Элли за талию, наклонив к ней голову и слушала то, что шептала Элли ей на ухо, Тесс была скрыта девчачьим розовым платьем девушки-цветка.

Но Дональд внимательно стал изучать последнюю фотографию. Довольно долго.

Это была фотография Тесс, стоящей рядом с ним в элегантном облегающем ее округлую фигуру, платье по колено, цвета слоновой кости, с собранными в замысловатый узел на затылке волосами, в туфлях на высоких каблуках, в одной руке она держала букет из кроваво-красных и ярко-розовых роз, а другой обнимала его за спину. Рекс стоял слева от нее, Элли — спереди. Джоуи стоял справа от Брока, Леви — рядом с ним, Дилан и Грейди — впереди. Марта стояла рядом с Рексом и Тесс. Семья и друзья теснились за новобрачными.

Лучшей частью фотографии, по мнению Брока, был мерцающий бриллиант, который можно было разглядеть на безымянном пальце Тесс, обхватывающем длинные стебли ее букета, обернутые лентой из слоновой кости. Этот огромный бриллиант был рядом с очень широким, очень блестящим золотым кольцом, которое всего несколько минут назад Брок надел ей на палец. Кольцом, которое подходило к более широкому, не менее блестящему, которое одел Брок в тот день, когда она надела его.

И, конечно же, еще одной лучшей частью были туфли «тракхи меня», своего рода приглашение, которые он снял примерно через пять часов после того, как был сделан этот снимок.

И, наконец, ее улыбка была широкой, показывая ее прекрасные белые зубы, ее глаза сияли, потому что она смеялась.

Дональд Хеллер долго изучал эту фотографию.

Затем, все еще склонив голову к фотографии, прошептал:

— Она выглядит счастливой.

— Она счастлива, — подтвердил Брок, и Хеллер поднял на него голову.

Брок приходил к нему не часто, но регулярно. Он приходил к нему, потому что старик, стоящий перед ним, любил Тесс. Он также приходил, потому что старик перед ним породил мудака, но последнее действие, которое совершил его сын мудак на этой земле, все же пытался уберечь Тесс Брока.

Дэмиан Хеллер изучил по частям жизнь Брока Лукаса, и тем самым узнал о Джосайе Бёркете. И Дэмиан Хеллер имел средства, чтобы держать глаза на Бёркете. Он знал, что Бёркет планирует отомстить. И по идеи должен был связаться с Броком и все ему рассказать, если не с Броком, то с копами, но если бы он привлек кого-то к этому делу, то сам бы не выглядел бы перед Тесс рыцарем в сияющих доспехах.

И несмотря ни на что, он пытался защитить Тесс. Он был мудаком, его игра была глупой и могла причинить Тесс вред, от которого он же сам и хотел ее защитить, но Брок не мог отрицать, что его смерть, защищая Тесс, чего-то да значила.

Он не мог позволить Тесс встречаться с этим стариком, он пытался излечить ее боль и изгнать демонов, чтобы она вернулась к жизни, и он не мог позволить, чтобы негативные воспоминания вернулись в ее жизнь, Брок прилагал все усилия, чтобы освободить ее демонов, усилия, которые почти в течение года увенчались успехом, и он готов был сделать все, чтобы так продолжалось и дальше.

Но он был обязан этому человеку, поэтому приносил ему фотографии.

— В Вегасе? — Спросил Дональд Хеллер.

— Да, — ответил Брок.

— Когда?

— В конце прошлого месяца.

Он снова посмотрел на фотографию, потом на Брука.

— Ее мать и сестра тоже были, — заметил он.

— Все были, — ответил Брок.

И все знали, что свадьба была настоящим чертовым взрывом — неуправляемым, два дня семейного веселья целый день, затем Кэти, Келли, Джоуи и Рекс присматривали за детьми, и две ночи пьяного веселья для взрослых. Потом у них была свадьба, после которой они ели, пили, танцевали и смеялись до колик, на следующее утро все разъехались. Мама Брука присматривала за Джоуи и Рексом, пока Брок и Тесс оставались в Вегасе четыре дня, первые два дня они даже не выходили из своего номера.

Определенно неуправляемая. Определенно взрывная свадьба.

Идеальная.

Хеллер снова посмотрел на фотографию, потом снова на Брука.

— У вас красивые сыновья, — заметил он.

Брок не поблагодарил его за эти слова, он и так знал.

Вместо этого, он сказал:

— Они любят ее.

— Трудно не любить Тесс, — прошептал он.

Это было чертовски верно.

Затем он задал последний вопрос, который всегда задавал перед уходом Брука.

— Могу я оставить их себе?

И Брок как всегда отвечал утвердительно.

Он кивнул.

Брок кивнул в ответ.

Дональд открыл дверь, Брок вышел, обернувшись, когда Дональд Хеллер пробормотал:

— До следующего раза.

Брок кивнул и пошел к своему пикапу.

* * *

Брок присел на мокрую траву. Была относительно теплая зима, всего пара снегопадов и то не затяжных. Тесс нравилась зима в этом году.

Мальчики ненавидели такую зиму.

Броку было все равно.

Он сунул руку во внутренний карман пальто и вытащил фотографию, еще одну копию той, что очаровала Дональда Хеллера. Фотография, которая была вставлена в рамку и занимала почетное место на полках в гостиных их семьи.

Затем он положил ее к основанию могильного камня.

— Ты должен это видеть, папа, — прошептал он сверкающему мрамору.

Мрамор не ответил.

* * *

— Черт, — услышал он голос Митча Лоусона, подняв голову, посмотрел через стол на своего напарника. Если бы два года назад кто-нибудь сказал Броку, что он будет напарником Митча Лоусона, он бы рассмеялся тому в лицо или, возможно, зарычал.

Лоусон был вовлечен в ситуацию с Хоуком Дельгадо и его женой Гвен.

Тогда Лоусон был неравнодушен к Гвен, сейчас у него была другая забота, гораздо лучшая заноза в заднице, ради которой стоило прилагать усилия, но, опять же, большинство того, ради чего стоит прилагать усилия, стоило и боли в заднице, чтобы это заполучить. Но тогда, два года назад, Лоусон не был доволен стилем Брука, связанным с Хоуком и Гвен, женщиной Дельгадо.

Но, как и многие копы, Митч услышал, что женщина Брука находится в руках больного, опасного психа, жаждущего мести, и, как многие копы, он бросил все, чтобы начать на него охоту.

Митч связался с Дельгадо, человеком, у которого было больше денег и ресурсов, меньше ограничений, чем у полиции, и они вместе начали поиски. Именно информация, которую передал им Брук, привела их к Тесс. Бёркет не был глуп, он держал Тесс не там, где Брук нашел его много лет назад после того, как он изнасиловал и избил Бри, но информация, которую Брук собрал на него, когда выслеживал, сыграла им на руку. Дом, которым не пользовались и не продавали, который давно принадлежал двоюродной бабушки Бри, дом матери Бёркета, в котором он вырос.

Удача или хороший инстинкт — неважно, что именно, но Дельгадо и Лоусон отправились именно туда, как только информация Брука о Джесайи начала распространяться по эфиру. Они быстро добрались до дома. Следовательно, Тесс пробыла в руках сумасшедшего меньше часа, а потом ее спасли.

Лоусон сказал ему, что Тесс сама позаботилась о себе до их прибытия. Хотя Бёркет был стариком, Брука эта удивило, но не сильно, больше встревожило.

И встревожило Брука это потому, что несмотря на то, что Бёркет был стариком, он все же был вооружен и очень хотел воспользоваться своим оружием, что и продемонстрировал Тесс на парковке. Тем не менее, каким-то образом она разоружила его, и, кроме удара в челюсть, которая несколько дней болела и опухла, а также появился небольшой синяк, она чудесным образом выбралась без других травм.

Другими словами, в тот день Брук Лукас узнал силу молитвы и хотя продолжал молиться не часто, а это означало, что Бог слышал от него больше молитв, чем раньше.

Но в эти дни, сладкие дни, его сообщения были совсем другими.

И Тесс сообщила Бруку, что Дельгадо и Лоусон обращались с ней бережно. Тесс сказала ему, что через несколько минут после того, как они появились, она почувствовала себя в безопасности, и, что было более важно, через несколько минут они все получили сообщение, что ее нашли и ей ничего не угрожает.

И последняя часть заключалась в том, когда через пятнадцать минут он подошел к ней, она больше беспокоилась о его душевном состоянии, чем о себе. Как только он появился, увидел ее в слезах в объятиях Дельгадо, Хоук передал Тесс Бруку, прошло немного

времени, прежде чем она успокоилась и обратила свое внимание на него. У нее на глазах застрелили троих мужчин, двоих — насмерть, она плакала, но была в порядке. Той ночью она спала в его объятиях, как младенец, он же не сомкнул глаз. И они отправились на Арубу, как и планировали, и ей чертовски понравился отпуск, его ребятам тоже.

Брок в течение нескольких дней присматривался к Тесс, но, когда убедился, что она ничего не скрывает в себе, пытаясь поглубже запрятать свои переживания, когда он понял, что она оставила этот ужасный инцидент позади и решила двигаться дальше, он с облегчением выдохнул и решил идти вперед.

Тесс с ним точно чувствовала себя в безопасности. Да, дерзко случается в нашей жизни, она выжила, и, хотя не он ее спас, а парни, с которыми ему приходилось по работе пересекаться, они сделали это ради него и его женщины, не говоря уже о том, что она облегчила им задачу. Для Тесс это был стресс, но на следующее утро она проснулась, приготовила завтрак для его сыновей также, как и всегда, выпила кофе, как всегда перебрасываясь с его парнями смешными фразами.

Дельгадо и Лоусон нашли ее, и она почувствовала себя с ними в безопасности, и они с нежностью относились к ней.

Следовательно, он в долгу перед ними.

Поэтому у него не возникло проблем стать напарником Лоусона. Митч был моложе Брука, он был умным, внимательным, хорошим полицейским, да еще стал и хорошим другом, и не только потому, что они стали напарниками.

Сейчас он смотрел в сторону от Брука так, будто наступил конец света.

Брок оглянулся через плечо и увидел на кого, смотрел Митч.

Мать твою, просто отлично.

Именно в его чертовый день рождения, никак иначе.

Оливия.

— Слим, — пробормотала она, остановившись у его стола, посмотрев сначала на Митча, потом снова на Брука.

— Оливия, черт возьми, сегодня мой день рождения.

— Да, но для кое-кого с некоторых пор этот день не особенный. Для кое-кого из нас это такой же обычный день, как и все остальные.

Он не ответил. Просто сидел и смотрел на нее, ждал.

В прошлом году Оливия вцепилась когтями в другого мужчину.

Поэтому понятно же, что она перестала с ним быть сладкой, как сахарин, вернулась к своему истинному «Я», другими словами, стала полной сукой.

Хотя, хорошая новость заключалась в том, что, запустив когти в другого мужчину, она перестала трахать ему мозги.

— Джордана переводят в Портленд, штат Мэн, — объявила она, поскольку он молчал.

Твою мать.

Он почувствовал, как в животе у него, словно гиря упала, он ощутил легкость во всем теле.

— И что? — спросил он.

— Он хочет, чтобы я поехала с ним.

Твою мать!

Брок почувствовал, как внутри у него стало еще легче.

— И что? — Повторил Брок.

— Я уезжаю.

Брок больше ничего не сказал, потому что изо всех сил старался не улыбнуться своем счастью.

Она ждала его ответа.

Брок по-прежнему молчал.

— Я смогу увидеться с сыновьями всего пару недель летом и попеременно с тобой на Рождество.

Брок с трудом сдерживал улыбку.

Лишился сыновей на Рождество, хотя и попеременно — это был полный отстой. Но быть рядом с ними постоянно и при этом не видеть Оливию, которая теперь будет находиться на расстоянии трех четвертей континента — совсем было не отстойно.

— Пусть твой адвокат свяжется с моим адвокатом.

— Нет, пусть твой адвокат свяжется с моим адвокатом.

Господи, да при такой новости, что угодно.

— Ладно, — сказал он, и она моргнула.

Затем спросила:

— Ты им сообщишь?

Господи, вот чертова сука.

— Нет, — ответил он.

— Слим... — начала она.

Брок поудобнее устроился в своем кресле, не вставая, просто продолжал смотреть на нее, произнес:

— Ты можешь говорить, что угодно, но ничто не заставит меня сделать твою грязную работу за тебя. Они твои сыновья, ты готова уехать от них почти через всю страну. Это твое решение — твои и последствия. Послушай меня, Господи, хоть раз в жизни, послушай меня. С меня хватит тебя, с меня хватит твоего дерьяма, хватит. Ты мать моих детей, вот и все, и ничего больше. Я не собираюсь делать тебе одолжений. Тебя вообще нет в моей жизни, кроме тех случаев, когда мне приходится иметь с тобой дело из-за них. Пожалуйста, Господи, оставь хоть что-то хорошее в нашей жалкой истории и вбей это в свою гребаную голову.

Она перевела взгляд на Митча, заметив:

— Ты как всегда такой очаровательный.

Лоусон подавил лающий смешок, скорее всего потому, что Лоусон прекрасно знал Оливию, которая попыталась запустить свои когти в Лоусона, перед тем, как запустила их в другого мужчину. Лоусон все знал об Оливии, Митч был не дурак и обладал острым умом, поэтому она ему ужасно не нравилась. И это было что-то, потому что Митч Лоусон был хорошим парнем, но недостаточно хорошим, неоднократно советуя своему напарнику быть менее обаятельным с Оливией, которая совсем не была обаятельной с ним, так что это говорило о многом.

Брок вздохнул.

Оливия снова посмотрела на него.

— Прекрасно, — отрезала она. — Я сама скажу им. — Она сказала это так, словно тем самым делала Броку одолжение.

Брок не ответил.

Она скрестила руки на груди и посмотрела ему в глаза.

Брок по-прежнему молчал.

Она топнула ногой.

Наконец, Брок заговорил:

— Мы закончили?

— Тебе нечего мне сказать? — спросила она, протягивая к нему руку.

— Что, например?

— Не знаю, — ответила она. — Ну.... Ради Бога, я переезжаю все же в Мэн.

— И что? — спросил он.

— И что?! — воскликнула она в ответ.

Брок вздохнул.

— Слим, мы были женаты и прожили вместе больше десяти лет, и тебе нечего сказать, когда я сообщаю тебе, что уезжаю?

— Счастливого пути, — пробормотал Брок, Митч попытался подавить очередной взрыв смеха, но не смог, поэтому быстро вскочил со стула и направился в коридор.

Оливия покраснела.

— Мило, — прошипела она, одарив Брука и удаляющегося Митча долгим взглядом, повернулась на каблуках и вышла.

Он даже не смотрел ей в след.

Брок повернулся к своему столу, мгновенно схватил телефон, открыл, нажал кнопки почти не глядя, потому что выучил номер Тесс наизусть.

Тесс ответила на втором гудке.

— Милая, — произнес он, как только Тесс поприветствовала его, — ты не поверишь, какой подарок я только что получил.

* * *

— Брок, дорогой. — Ответила Тесс в трубку, пока он заходил через заднюю дверь на кухню. После того, как они, наконец, разобрались с комнатой Рекса, он решил разобраться с единственным старым гаражом в задней части дома, у которого была сломана дверь, и Тесс не пользовалась им, а парковалась на улице. И он переделал его, во-первых, его полностью отчистили и покрасили, и на его месте построили приличный гараж на две машины. Он не был большим поклонником соскребать лед с ветрового стекла своего пикапа, поэтому и занялся гаражом. Он сделал новый гараж еще и потому, что любил Тесс, поэтому сделал это для нее, а так как ему не нравилось соскребать лед с ветрового стекла своего чертового грузовика, то тем более ему не нравилось соскребать лед с ветрового стекла ее машины. И, наконец, он построил новый гараж еще и потому, что для нее было намного безопаснее въезжать в гараж, в котором теперь имелась дверь на огороженный задний дворик с датчиками движения, освещенный задний двор, как и гараж, в который она спокойно могла попасть из дома, а также в дом, как только в него въезжала на своей машине.

Хотя теперь гараж занимал большую часть заднего двора.

Тесс не сказала ни слова. Каким-то образом она чувствовала, что для него это было важно, и не спорила. Ни разу.

Ему это нравилось. Ему также нравилось, что она не придавала большого значения такому никчемному дерму, как то, что он (или его парни) пили молоко из бутылки или пакета. Если бы это имело для нее большое значение, она могла спокойно поговорить с ним (или с его мальчиками) на эту тему. Если она могла найти решение этой проблемы, то она просто находила нужное решение, не устраивая сцен. И, она нашла решение — у каждого из них

теперь появлялась своя бутылка, на которой она писала маркером их имена, прежде чем поставить их в холодильник.

Таким образом, она отдавала ему (и его мальчикам) свою сладость все время.

Именно так.

И от этого жизнь становилась просто прекрасной.

Для него.

И для его сыновей.

— Детка, я дома, тебе не стоит мне звонить, — произнес он в трубку, улыбаясь, потому что она тоже должна была уже находиться дома. Он пришел к ней и своим парням, которые должны были быть уже дома, потому что они собирались поужинать с его семьей в «Фабрике спагетти».

— Гм... я не дома, я в больнице.

Брок остановился как вкопанный, не видя уставился на причудливую подставку для торта на углу столешницы, где еще лежали остатки его именинного торта, который был почти съеден им и его парнями сегодня утром.

— Со мной все нормально, с мальчиками тоже, я здесь из-за Ленор. С ней не так все... — она сделала паузу, — хорошо. У нее начались схватки три часа назад. Леви отвез ее в больницу, они не разрешили ему пойти с ней, сказали, что существует угроза жизни матери и ребенка.

Мать твою.

Черт!

Он быстро произвел в уме вычисления и цифра выходила не очень обнадеживающей.

Ленор стала его невесткой за три недели до Рождества, не потому, что была беременна, а потому, что Леви любил ее, ребенок просто стал еще одной хорошей новостью в дополнение к хорошим новостям, и она была на шестом месяце беременности.

— В какой больнице? — спросил он.

— Сент-Джо, — ответила она.

— Я уже еду, — произнес он, разворачиваясь к двери. — Парни с тобой?

— Нет, я позвонила Дейду. Он забрал их из школы. Они у него дома, помогают ему с Грейди, Диланом и Элли.

Несмотря на то, что многие подумали бы, что это полный отстой, Дейд МакМанус каким-то волшебным образом проскользнул в их жизнь, причем совершенно естественным путем, и в большей степени потому, что так хотела Тесс. Он был хорошей подмогой, потому что он был хорошим человеком, любил его сыновей и обожал Тесс. Броку он нравился, он даже стал его больше уважать, а Мак-Манус это заслуживал. Брок понятия не имел, как так все получилось, но оно как-то так получилось, и Брок был этому рад. По его мнению, любой, кто любил его сыновей и обожал его жену, был желанным гостем в их семье, поэтому Брок молча принял его. И от этого он еще более был счастлив, чем обычно, что поступил именно так.

— Ясно. — Он вышел и запер дверь.

— Малыш, — прошептала она ему на ухо.

— Что?

— Поторопись.

Черт.

Когда Брок вошел в приемную больницы Сент-Джо, Леви сидел, согнувшись пополам, упершись локтями в колени, сцепив пальцы на затылке. Брок отыскал глазами жену, посмотрел на сестер, мать и зятьев, направляясь к Леви.

Радости на лицах не было.

Затем он присел на корточки перед братом.

— Брат, — пробормотал он, руки Леви разжались, и он поднял голову.

— Слим, — прошептал Леви. — Черт, Слим.

Брок обхватил его сзади за шею.

— Держи себя в руках, — прошептал он.

— Я облажался, она то появлялась, то исчезала из моей жизни три года назад...

— Не думай об этом.

— У меня никогда не было официальной пары, я никогда постоянно ни с кем не встречался, она появилась на День благодарения, потому что я решил пойти с ней, потому что я все время менял девушек. На Пасху я был с одной, на четвертое июля — с другой. — Он сделал паузу, затем с трудом выговорил: — Но пора... было мне проснуться.

Брок сжал шею брата.

— Леви, выкинь это из головы.

Леви выдержал его взгляд.

— Она все время была у меня под носом, но я даже не замечал ее, не чувствовал ее любви ко мне, пока Тесс не указала мне на это, и я, мать твою, не открыл свои гребаные глаза.

— Брат, держи себя в руках.

Леви снова выдержал его взгляд.

Брок ответил ему таким же взглядом, продолжая держать руку на его шее.

— Она там, а я здесь. И ничем не могу ей помочь. Она сражается за жизнь, а я, как истукан, сижу здесь и ничего не могу поделать. — Он сглотнул и спросил: — Вот, что ты чувствовал, когда похитили Тесс?

Брок рассказал Леви, что произошло с Тесс, и как он не находил себе места, стараясь держать в руках, пока ее пытались найти, но он боялся облажаться в очередной раз и напортачить, совершив какую-нибудь глупость. В кое-то веки брат никому не рассказал об этом.

Единственными, кто знал, что ему пришлось пережить за то, что он облажался тогда с Джосайей Бёркетом, были его коллеги, Леви и Тесс, а то, что пришлось пережить Тесс для него было само по себе жестоким наказанием.

— В каком-то смысле... да, — ответил Брок.

— Брат, — прошептал Леви, и это слово высказало еще сотню невысказанных слов.

Брок не ответил.

Леви затаил дыхание.

Затем он сел, Брок убрал руку и выпрямился. Он перевел взгляд на Тесс. У нее в глазах стояли слезы. Она прикусила губу, потом отпустила, и одарила его еле заметной дрожащей улыбкой.

Он кивнул жене и сел рядом с братом.

Через полчаса вышла женщина в белом халате.

— Леви Лукас? — позвала она, Леви тут же поднялся, направившись через маленькую комнату, Брок следовал за ним, его семья двинулись следом.

— Что с ней? — Спросил Леви.

— С ней все хорошо, с ребенком тоже. Нам придется еще подержать ее в больнице какое-то время, чтобы довести лечение до конца, но сейчас они оба в безопасности и здоровы.

— Слава Богу, — прошептала Ферн, Брок услышал прерывистый выдох Джилл и сдавленный всхлип Лауры.

— Могу я ее увидеть? — Спросил Леви.

— Я отведу вас к ним.

И Леви не оглянулся на свою семью.

Брок наблюдал за братом, потом почувствовал, как Тесс прижалась к его боку, положив его руку себе на плечо.

Он заглянул ей в глаза.

Она поймала его взгляд за секунду до того, как лицом прижалось к его груди, обвив его руками, переложив вес своего тела на него.

Он обнял ее.

Затем втянул носом воздух.

Полтора часа спустя, возвращаясь домой в своем пикапе, Тесс отправилась на своей машине забирать детей от Дейда, он заказал у «Феймос пицца» пиццу, чтобы отпраздновать своей семьей свой день рождения.

* * *

Изучая кончиками пальцев его лицо, Тесс начала вдруг хихикать. Это было необычно. Она изучала его лицо после того, как он заставил ее кончить, после того, как сам кончил и все еще находился в ней. Она часто изучала его лицо кончиками пальцев, и он позволял ей это делать, ему нравилось наблюдать, как она переводила взгляд по его лицу. Ему это чертовски нравилось.

Но то, что она вдруг стала хихикать, проводя по его лицу своими пальчиками, было необычно.

Но это ему тоже сразу понравилось. С другой стороны, ему нравилось всегда, когда Тесс смеялась.

— Что смешного? — спросил он, пытаясь заглушить ее нарастающий смех.

— Ма... Ма... Марта, — между смехом, выдавила она, приподняв голову, уткнувшись головой ему в шею, заскользив руками по его плечам, синхронно обвиваясь вокруг него руками и ногами.

— Марта? — спросил он ее.

Она втянула воздух и отстранилась, встретившись своими глазами с его, потом кивнула. С Мартой было много смешного. Эта сука была одним сплошным воплем. Она осталась прежней, все также из любой проблемы, создавая целую драму, и вероятно, в ее возрасте уже не изменится. Но она любила Тесс и смирилась с тем, что Брок спокойно относился к драматическому характеру Марты в жизни Тесс, если та не будет вызывать у Тесс существенных негативных последствий. Марта также любила его мальчиков и не скрывала этого. Они тоже думали, что она один большой вопль. Так что, поскольку ее подход к проблемам был в основном смешным и не особо раздражающим, Броку она нравилась, она же не скрывала своей симпатии к нему, и он вынужден был признать, что ему это тоже нравилось.

И сейчас он решил, что внезапный приступ смеха его жены имеет какое-то отношение к Кэлхауну, появившемся в пекарне Тесс около пяти месяцев назад. Как только Кэлхаун

появился в магазине Тесс, она включила режим сватовства и познакомила его с Мартой. Кальхун заглотнул наживку и все еще был на крючке. Марта не скрывала от Калхуна своеего драматического характера, и, к удивлению Брука, Калхуну, по-видимому, это нравилось, потому что тот был от Марты в восторге.

Да, ради Бога. Каждому свое.

В любом случае, безумный танец между агентом УБН Кэлхуном и Мартой Шокли давал его жене массу поводов для смеха, когда она рассказывала ему об этих двоих. И он был счастлив.

Она перестала его обхватывать ногами за талию, опустила ноги на кровать и слегка качнула бедрами, показывая, чего хочет.

Он давал ей все, чего она хотела. Осторожно выскользнув, он увидел, как ее губы раздвинулись, глаза отяжелели, этот чертовски сексуальный взгляд, который выражал одновременно удовольствие и разочарование того, что она лишилась второй лучшей части секса (или третьей, может быть, четвертой, хотя может быть и пятой). Затем он дал ей то, что она хотела, перевернулся вместе, чтобы лечь на спину, а она была сверху.

Она уперлась локтем ему в грудь, другой рукой обхватила за шею под подбородком, внезапно ее лицо стало серьезным.

— Что? — прошептал он, ее глаза скользнули по ее руке к его подбородку, она склонила голову набок, навалившись на него всем своим мягким телом.

— Когда ты вернулся, — начала она тихо, — после того, что произошло с нами, пока ты расследовал дело Дэмиана... — она замолчала, потом начала снова, — когда ты вернулся, потом..., когда я была в душе, затем призналась Марте во всем, что произошло между нами, ну,... знаешь, малыш, она не была твоей самой большой поклонницей в тот момент.

Его руки, обнимавшие ее за бедра, скользнули вниз, обхватив за задницу.

— Понимаю.

Ее губы изогнулись в легкой усмешке.

— Ну, она сказала, что я зарываю голову в песок. Сказала, что большинство женщин, взглянув на тебя, тут же понимают, что с тобой весело проводить время, но ты не относишься к тем, с кем можно построить свою жизнь. Но я сказала, что, как только взглянула на тебя, увидела белый заборчик вокруг дома и торты на день рождения до самой смерти.

Она сглотнула, улыбка погасла, глаза засияли.

Брок затаил дыхание, машинально сильнее сжал ее задницу пальцами, выжидая.

— Она ошиблась, — прошептала Тесс. — Я оказалась права. — И громко вздохнула через нос, наклонилась ближе, пройдясь подушечками пальцев по его шее, затем произнесла: — У нас нет белого забора, малыш, но я буду печь тебе торты на день рождения до самой смерти.

Он выдохнул, задержав дыхание, жжение в легких разлилось теплом в животе, руки заскользили по ее заднице вверх по спине, одной рукой он обнял ее за талию, другая двигалась вверх по позвоночнику, к шее, он запустил пальцы в ее волосы, прошептав:

— Сладость.

— Я рада, что именно та, кто будет печь тебе торты на дни рождения.

Он тоже был рад, что она была рада, но он считал, что был чертовски счастлив, когда Тесс пекла ему торты, и не только потому, что ее торты были лучшими, бл*дь, на всем белом свете, а потому что это была Тесс.

Он закрыл глаза, уткнулся лицом ей в шею, перевернул ее на спину, простонав:

— Тесс.

— Мой Брок, — прошептала она, прижимаясь губами к его уху и обнимая, — уже не такой неуправляемый и дикий.

Он поднял голову, встретился с ее взглядом.

— Ты ошибаешься, дорогая, я ненормальный, неуправляемый и дикий. Это всегда останется при мне. Просто моя дикая природа — самое безопасное место для тебя, и так будет всегда.

Ее глаза смягчились, она скользнула рукой по его щеке, потом согласно кивнула.

Затем ее палец стал очерчивать его нижнюю губу, она спросила:

— Ты доволен своим днем рождения, малыш?

— Я начал его в постели, ты надела милую ночную рубашку, закончил его в постели, и ты надела еще более милую ночную рубашку, так что, да, помимо стресса в больнице, у меня был отличный день рождения, Тесс.

— Значит, тебе понравился подарок на день рождения?

Его рука скользнула по изумрудно-зеленому шелку ее ночной рубашки, он накрыл ее рот своим и пробормотал:

— Бл*дь, ага.

Ее пальцы заскользили по его щеке, к виску, к волосам, она пробормотала в ответ:

— Хорошо.

Брок понял, что пора заканчивать с разговорами, наклонив голову к Тесс и вопросительно поглядывая на нее, она тут же прочитала его мысли. Он опустил губы на ее губы, она разъединила их, его язык скользнул внутрь, и она была этому очень рада.

И его милая Тесс сделала отличный его день рождения еще лучше.

«Лояльный мужчина#3» Кристен Эшли